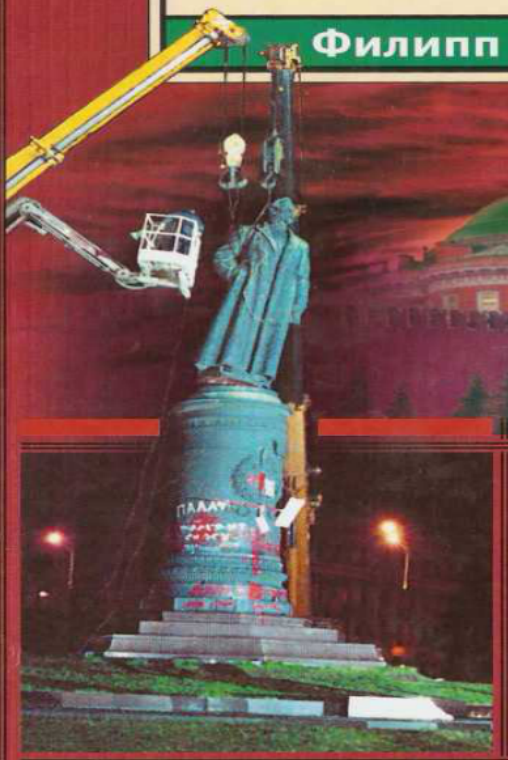
Для Служебного Пользования

КГБ и ВЛАСТЬ

Филипп БОБКОВ



2003 год. МОСКВА.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭКСМО»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Филипп Денисович Бобков — кадровый разведчик, прослуживший в органах госбезопасности 45 лет. В этой книге он описывает всю сложность взаимоотношений, существовавших между КГБ и ЦК КПСС. Читатель впервые познакомится с уникальными особенностями партийного руководства органами госбезопасности в так называемый «андроповский период». Автор не претендует на исчерпывающее изложение темы, но приведенные факты, бесспорно, соответствуют истине. Надеемся, что они позволят иначе взглянуть на деятельность множества настоящих профессионалов, честно и самоотверженно трудившихся в системе госбезопасности на благо Родины.

- КГБ и власть
  - ОТ АВТОРА
  - НАЧАЛО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ
  - ШКОЛА СМЕРШ
  - «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»
  - ДИВЕРСИОННАЯ ШКОЛА
  - ПРОВОКАЦИЯ НА ЭКСПО В БРЮССЕЛЕ
  - ИГРА В ПУСТЫЕ ВОРОТА
  - КАК ВЕРБУЮТ И ВНЕДРЯЮТ АГЕНТОВ
  - ЗАГАДОЧНЫЙ КОНТЕЙНЕР
  - ПРОВАЛ ПРОВОКАЦИЙ ЗАПАДНЫХ СПЕЦСЛУЖБ
  - ПЯТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ
  - ИСТОРИЯ СЕРГЕЯ АНТОНОВИЧА
  - НЕПОСТИЖИМАЯ ПРИРОДА ПРОВОКАТОРА
  - ДВАДЦАТЫЙ СЪЕЗД
  - КАК МЫ ТЕРЯЛИ ПАРТИЮ
  - ОКРУЖЕНИЕ ЛИДЕРА
  - НА ЗАСЕДАНИЯХ ПОЛИТБЮРО
  - А. Н. ШЕЛЕПИН
  - В. Е. СЕМИЧАСТНЫЙ
  - Ю. В. АНДРОПОВ
  - В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
  - СЕКРЕТНОСТЬ И ПЕРЕСТРАХОВКА
  - АГЕНТЫ ЦРУ НА ЛУБЯНКЕ
  - КАК УТВЕРЖДАЛАСЬ НЕПРАВДИВОСТЬ
  - ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ГЛАСНОСТЬ
  - НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
  - ПАМЯТНЫЙ ДЕКАБРЬ 1986 ГОДА
  - ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ЗВИАДА ГАМСАХУРДИЯ

- ПРОБЛЕМЫ ЭМИГРАЦИИ
- ОТНОШЕНИЕ К РЕЛИГИИ
- КАК РАЗРУШАЛИ СССР
- ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА С ПРЕЗИДЕНТОМ
- ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

КГБ и власть
Филипп БОБКОВ

ОТ АВТОРА

Россия снова на переломе.

И, как нередко бывает при смене исторических эпох, когда ниспровергаются прежние, казалось, незыблемые идеалы и торжествует пафос огульного отрицания недавнего прошлого, стране угрожает опасность возникновения духовного вакуума, духовной смуты, этой мрачной предвестницы государственного распада и всеобщих бедствий. Но, к счастью, российское общество уже начинает постепенно преодолевать эту пагубную болезнь явно политического происхождения. Появилась возможность и более взвешенного, объективного освещения исторических событий минувших лет. Речь теперь все чаще идет не об охаивании или восхвалении, но о попытках глубокого осмысления советской истории во всей ее великой и трагической противоречивости.

Едва ли не самым болезненным и острым вопросом, вызывающим горячие споры о советском периоде, является деятельность органов государственной безопасности. Постоянное напоминание о жестоких репрессиях против собственного народа в годы культа личности Сталина — это, в отличие от послереволюционных мемуаров политкаторжан, не просто свидетельства, оставляемые в назидание потомкам, но прежде всего как бы самозащита общества от повторения чего-либо подобного в близком и отдаленном будущем. Я убежден, что ожоговая память о той народной трагедии не должна ослабевать и не правы те, кто призывает больше не ворошить драматическое прошлое.

Но наряду с регистрацией фактов о зловещих, мрачных страницах истории ВЧК—ОГПУ—НКВД—КГБ сегодня встает и другая, еще более важная задача: понять, осмыслить сам механизм развязывания репрессий. Сводить дело к «монстру ВЧК—КГБ» — непростительное и, на мой взгляд, отнюдь не безобидное заблуждение, чреватое непредсказуемыми рецидивами нарушений законности. Ибо сама система государственной безопасности была лишь инструментом, исполнявшим политическую волю ЦК КПСС, который фактически руководил страной. Да, этот инструмент обладал важными полномочиями. Однако он не был ни «всевластным», ни «всесильным» — в том смысле, что на разных этапах истории СССР полностью подчинялся либо Сталину, либо высшему партийному руководству в целом. Не случайно КГБ и его предшественников издавна именовали «вооруженным отрядом

партии».

Мне довелось на практике познать всю сложность отношений, существовавших между КГБ и ЦК КПСС, и в этой книге я попытался, возможно, впервые предать гласности некоторые особенности партийного руководства органами госбезопасности в так называемый «андроповский период». Разумеется, я не претендую на исчерпывающее изложение темы, но приведенные в книге факты бесспорно и полностью соответствуют истине. Надеюсь, что они позволят иначе взглянуть на деятельность множества настоящих профессионалов, честно и самоотверженно трудившихся в системе госбезопасности на благо Родины.

Время показало, что разрушение этой системы, превращение ее в «козла отпущения» за грехи высшего партийного руководства, устранение из нее профессионалов привело к катастрофическим последствиям для стратегической безопасности России. И сегодня мы наблюдаем первые признаки того, как требования самой жизни заставляют восстанавливать профессиональный и действенный институт государственной безопасности. Но превратится ли он в систему, стоящую на страже коренных интересов Отечества, или же станет репрессивным органом — это будет зависеть от целевых установок высшего руководства страны и возможностей контроля со стороны общества. В этой связи я и ставил своей целью извлечь из прошлого КГБ те уроки, которые важны для сегодняшнего дня. Отсюда и само название книги — «КГБ и власть».

Я немало размышлял о том, стоит ли браться за эту книгу. Волновал вопрос: а пришло ли время? Ведь многие события, о подоплеке которых пойдет речь, еще слишком живы в памяти людей, а их участники здравствуют и порой даже процветают. Между тем я неукоснительно придерживаюсь гиппократовского принципа «Не навреди!» — профессиональная этика не позволяет мне разглашать сведения, которые, уже не являясь секретными, могут в то же время нанести кому-либо моральный ущерб. В этом мне виделась особая сложность работы над книгой. Но соображения государственной пользы и общественного блага, острое ощущение необходимости именно сегодня начать разговор об истинной роли КГБ — повторяю, для извлечения уроков из недавнего прошлого! — взяли верх. Хочу надеяться, мне удалось рассказать многое, но при этом не отступить от принципа «Не навреди!».

В книге есть страницы, которые, видимо, вызовут известный интерес. Но они не относятся к разряду тех разоблачительных сенсаций, которыми ныне грешит наша пресса, будоража и взвинчивая общественное мнение. Речь идет о глубинной

подоплеке некоторых реальных или вымышленных действий КГБ, которые общеизвестны и, казалось бы, уже «устоялись» в истории, в свете новых фактов, излагаемых в книге, они требуют переоценки.

В то же время я осознаю: могут прозвучать упреки в том, что я чего-то недоговариваю. Поэтому хочу разъяснить, что такого рода недоговоренности проистекают не из стремления скрыть или обойти молчанием какие-то факты. Просто есть судьбы людей, события и явления, которые не могут служить иллюстрацией общих тезисов, а представляют собой крупные самостоятельные «величины», заслуживающие отдельного обстоятельного анализа. Я надеюсь более детально продолжить начатый разговор, сконцентрировав его на теме интеллигенции, власти и КГБ.

И последнее. За долгие годы работы в системе госбезопасности — а проработал я там 45 лет — судьба пересеклась с жизнью множества людей. При мне сменились двенадцать руководителей органов ГБ: Меркулов, Абакумов, Игнатьев, Берия, Круглов, Серов, Шелепин, Семичастный, Андропов, Федорчук, Чебриков, Крючков. Это очень разные люди, как по уровню интеллекта и профессионализма, так и по личным качествам. Конечно, я не имел возможности непосредственно наблюдать работу всех шефов госбезопасности, однако могу передать атмосферу, которая складывалась на Лубянке при каждом из них — а некоторых я достаточно хорошо знал лично. И мне кажется, что сопоставление различных периодов деятельности органов госбезопасности также может помочь раскрытию главной темы этой книги, выраженной в ее заглавии.

Август, 1995

НАЧАЛО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

КАК УЖЕ БЫЛО СКАЗАНО, я не собираюсь писать автобиографию, но некоторые сведения о себе, о своей семье, думаю, сообщить нужно, чтобы стало понятно, как и когда я оказался на работе в системе государственной безопасности и что этому предшествовало.

Родился 1 декабря 1925 года в семье землемера на Украине. То были годы коренной ломки деревни, и отцу вместе с семьей приходилось кочевать по губерниям и уездам.

В 1932 году Украину потряс голод. Не обошел он и нашу семью, осевшую тогда в городе Макеевке. Помню, как вместе со сверстниками бегал на берег пруда и собирал там водоросли и ракушки, чтобы мать могла отобрать что-нибудь для стола, но главной пищей для нас были в те годы сушеные арбузные корки, которые где-то добывал отец.

Как ни удивительно, но уроком на всю жизнь остался для меня один, казалось бы, незначительный случай. Однажды к обеду отец принес из заводской столовой нечто подобное кровяной котлете. Бабушка, конечно же, положила ее мне. Но отец быстро переставил тарелку своему брату, который жил с нами и с трудом поправлялся после тяжелой болезни. Дядя, естественно, стал возражать и отказываться, но отец решительно настоял на своем.

— Не обижайся, Филипп, — сказал он мне, — дядя перенес тяжелый тиф, был при смерти. Посмотри, он и сейчас едва жив, не можем же мы дать ему умереть с голоду.

Не раз вспоминал отцовские слова в годы войны, когда бывало нелегко с питанием, и всегда считал, что последний кусок следует отдать самым слабым.

С большой теплотой вспоминаю свое детство: вечерние костры, спортивные игры, походы. Однажды на пионерском сборе мне поручили повязать красный галстук знаменитому в те годы обер-мастеру доменных печей Ивану Григорьевичу Коробову. Я очень этим гордился.

Неизгладима память об учителях, мудрых и добрых наставниках. Не могу не назвать директора школы Александра Станиславовича Кржеминского, погибшего в застенках гестапо, математика Александру Афанасьевну Самборскую, преподавателей русского языка: «бестужевку» Александру Васильевну Пасхину и Ольгу Тихоновну Буштедт, украинского — Антонину Мефодьевну Павловскую и Иду Анисимовну Бутыльскую. Дороги эти годы атмосферой доброжелательства и

дружбы, царившими в школе.

Середина тридцатых годов вообще ознаменовалась великим энтузиазмом всего народа, в центре жизни огромной страны стоял рабочий человек. В Донбассе, родине ударного труда и стахановского движения, для школяров особую гордость составляли имена земляков: шахтеров Изотова и Стаханова, машиниста Кривоноса и трактористки Паши Ангелиной. А сколько радости вызвал подвиг папанинцев, покоривших Северный полюс, перелеты Чкалова и Гризодубовой. Но мальчишки все-таки играли в Чапаева, переживали за испанских республиканцев, радовались победе у озера Хасан.

Это были годы кипучей, интересной жизни, несмотря на 1937 год, когда страну захлестнула волна репрессий, не затронувших редкую семью. Мы жили в доме инженерно-технического персонала. Отец работал на металлургическом заводе имени Кирова. Однажды после ужина, когда мать мыла посуду, он отозвал меня в другую комнату и очень спокойно, но твердо сказал:

— Тебе уже двенадцать лет, Филицп, можно сказать, мужчина. Я хочу, чтобы ты знал: меня могут арестовать. Но пойми, я ни в чем не виноват ни перед народом, ни перед товарищами, совесть моя чиста.

Я был потрясен. За что могут арестовать отца, человека уважаемого и абсолютно честного? Мелькнула мысль: в тридцатидвухквартирном доме, где мы жили, осталось всего пять или шесть мужчин, остальные были уже арестованы. А может, и они ни в чем не виноваты? Раньше такие сомнения не возникали, я, как и многие другие в те годы, был убежден: враги народа — они и есть враги. Но после слов отца многое представилось совсем в ином свете. Вскоре отца уволили с завода, и он около года был без работы, в местных газетах то и дело появлялись статьи, где его всячески поносили, хотя нельзя было даже понять, за что. По ночам мать вскакивала на каждый шорох и бежала к двери. Над семьей явно нависла угроза. Веко-ре нам совсем не на что стало жить, пришлось продавать любимые книги, вещи. К счастью, лихо пронеслось мимо. Но этот год заставил задуматься о многом, запомнился на всю жизнь, и много лет спустя, когда в руководимом мной аппарате ставился вопрос о применении мер пресечения, связанных с заключением под стражу, я искал хоть какую-нибудь возможность, чтобы не прибегать к репрессиям. И нередко находил.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. В октябре к Донбассу подошли немцы. Поспешно отходили войска, уехало и городское начальство. Макеевка оказалась в обстановке

полного безвластия, в городе появились мародеры, которые принялись грабить склады и магазины. Жители в страхе затаились в своих домах. Надолго остались в памяти жуткие картины этих грабежей и бесчинств.

Не могу не описать два эпизода.

В один из дней безвластия мы с товарищами рано утром пошли по городу в поисках хлеба. Идем по главной улице и вдруг слышим оглушительный рев и свист. Это толпа бесчинствующих, возбуждая себя, неслась в нашу сторону. Деваться некуда — прижались на крыльце дома, в котором размещалось ателье «Индпошива». Оказалось, что мародеры мчались именно сюда, и нас мигом затолкали в помещение мастерской. В одно мгновение было разграблено все: недошитые костюмы, материал, сорваны шторы, обшивка кресел и диванов. Уже в пустое помещение вбежал последний грабитель и за неимением ничего другого схватил мелки портных.

Как-то раз мы ночевали на квартире одного из товарищей, окна которой выходили на соседний двор фабрики-кухни (так называли тогда рабочие столовые). Во дворе были свинарники. Ночью нас разбудил дикий визг свиней и крики людей. Глазам предстала страшная картина. Грабили свинарники. Свиней не просто убивали, а живых рубили на части: кому ногу, кому голову, смотря что у кого оказалось в руках.

Позже я видел войну, сталкивался с массовыми беспорядками. И, конечно, не обходилось без жертв. Однако и сегодня страшная картина грабежей в Макеевке стоит перед глазами. Картина анархии, рожденной безвластием. Она невольно оживает вновь и вновь, когда думаешь о том, к каким последствиям может привести разгул преступности, ослабление властных структур, поощрение вооруженных формирований, инспирирование межнациональных и сепаратистских конфликтов. Головорезы всегда найдутся.

Отец в то время работал на строительстве оборонительных сооружений на Днепре, а когда вернулся, его завод уже эвакуировали. На семейном совете приняли решение: мы с отцом пойдем догонять своих, а мать, бабушка, младший брат и другие родственники останутся, съедутся в одну квартиру, а там будь что будет.

Покинули Донбасс буквально перед приходом немцев. Долго шли пешком, иногда удавалось подъехать в теплушке или на платформе с эвакуируемым оборудованием.

7 ноября добрались до Сталинграда. Город был полон беженцев, а нам надо было в Пермь. Из Сталинграда удалось выбраться на барже, забитой до отказа, однако все новые и новые

беженцы карабкались на борт, срывались и падали в ледяную воду. Никто их не спасал.

В семи километрах от Камышина баржа вмерзла в лед: Волга встала. В трюмах было полно больных. У нас совершенно не осталось ни продуктов, ни воды. Только через трое суток к нам пробился ледокол, всех переправили на пароход «Тимирязев» и довезли до Камышина. Дальше мы с отцом двигались вдоль железной дороги Балашов — Пенза — Рузаевка, в основном пешком.

Наконец добрались до Перми, откуда отца направили в Кузбасс прорабом на строящийся завод. На этом же заводе начал работать и я. Вскоре меня избрали комсоргом завода, а затем перевели на работу в горком комсомола — заведующим отделом. Позднее избрали вторым секретарем. Сейчас трудно представить, как мог шестнадцатилетний паренек стать секретарем горкома ВЛКСМ, но в годы войны такое случалось нередко.

Когда стали формироваться добровольческие дивизии сибиряков, в одну из них отец вступил рядовым бронебойщиком и ушел на фронт. Через несколько месяцев в ту же дивизию попал и я. Так осенью 1942 года началась моя военная жизнь.

Полвека с лишним минуло с тех пор. И хотя я прошел на войне довольно длинный путь, сейчас речь не о тех событиях, война — это большая отдельная тема. Коснусь лишь нескольких эпизодов.

Тяжелые бои шли в августе 1943 года. Нам предстояло штурмовать Гнездиловские высоты под Спас-Деменском. Немцы создали там глубоко эшелонированную оборону. По самим высотам проходил противотанковый ров шириной в двенадцать и глубиной в семь метров, за ним тянулась цепь дотов и дзотов, а чуть подальше, в глубине, находились артиллерийские и минометные позиции. Но это еще не все: у подножия высот немцы вырыли три линии траншей впереди рва, перед которыми соорудили заграждения из колючей проволоки и тщательно замаскировали минные поля. Все это входило в систему оборонительного рубежа, прорыв которого открывал советским войскам дорогу на Смоленск, Минск и давал выход к Польше.

Нашей дивизии поставили задачу овладеть высотой с отметкой 233,3, в районе станции Павлиново.

7 августа на рассвете началось наступление. Тысячи орудий и минометов разного калибра одновременно ударили по немецким позициям. Залпы батарей слились в оглушительный грохот, было такое впечатление, что каждый куст, каждая лощинка изрыгают пламя. Артподготовка продолжалась два часа. Едва она закончилась, как в небе послышалось мощное гудение моторов —

наши штурмовики пошли добивать то, что уцелело от артобстрела. Только после этого поднялась царица полей — пехота. Сражение длилось весь день, к вечеру вступил в бой наш полк, сменив тех, кто выбил немцев из первой траншеи — она была завалена трупами, главным образом, немецких солдат. Не задерживаясь, мы атаковали вторую линию обороны и довольно быстро овладели ею. с ходу влетев в глубокий, хорошо укрепленный немецкий окоп, я вдруг почувствовал страшную усталость, словно пробежал сотню километров и прожил целую вечность. Потом немного пришел в себя, огляделся и увидел нишу, заполненную немецкими ручными гранатами. Я очень обрадовался, ведь лишнего оружия в бою не бывает.

Внезапно со стороны противника донесся рев танковых моторов и затрещали автоматные очереди — немцы пошли в контратаку. Стальные чудовища медленно приближались, надвигаясь на наши позиции, сея панику: ведь у нас не было достаточно средств для борьбы с танками. Вот когда я впервые испытал настоящий страх, помноженный на бессилие!

К окопу, в котором я находился, подползало самоходное орудие «Фердинанд», позади него мелькали зеленые шинели.

Раздумывать было некогда, я связал десяток немецких гранат, прикрепил к ним нашу «лимонку», которая должна бьиа послужить детонатором, и стал ждать.

И тут произошло невероятное. Земля впереди и позади нас задрожала, вокруг заполыхала сухая трава, опушку леса заволокло дымом. Огненные стрелы разорвали вечерние сумерки.

«Фердинанд» задымил, начал пятиться назад и вскоре запылал ярким пламенем. Мы поняли, что нас накрыл огонь «катюш». Как мы уцелели, одному богу известно…

Немцы убрались восвояси, а мы принялись закрепляться в занятой траншее. Следующие четверо суток наши позиции напоминали кромешный ад. Мы отбивали одну контратаку за другой, сами атаковали, обливаясь потом и кровью, теряли товарищей.

Но вот после одной нашей неудачной атаки наступило затишье. Выглянуло солнце, мы вдруг почувствовали, что жизнь продолжается, несмотря на ужасы войны. Не хотелось думать, что до ее конца еще очень далеко…

Я и мой друг Вася Авдеенок из города Ачинска занимали соседние окопчики. Сидели молча, говорить ни о чем не хотелось. Вдруг откуда-то с опушки леса послышались одиночные выстрелы. Похоже, там притаился немецкий снайпер. И тут мы увидели, что к нам, выпрямившись в полный рост, идет командир одной из рот нашего батальона. Я закричал:

— Ложись! В лесу снайпер!

Но он, вероятно, не расслышав, неторопливо подошел к нам и, махнув рукой в сторону леса, крикнул, что там пункт сбора батальона. Он сделал еще один шаг, намереваясь спрыгнуть в окоп к Авдеенку, но тут с опушки снова раздался выстрел, и командир рухнул, сраженный пулей снайпера. Немало мне пришлось видеть смертей в бою, но эта смерть в изумительный солнечный день среди ликующей природы потрясла до глубины души… Жизнь оборвалась на полуслове.

Мы стали внимательно следить за высокими деревьями, так как выстрел прозвучал откуда-то сверху. Вскоре заметил, как зашевелились ветки огромной раскидистой ели, схватил винтовку и прицелился. Снайпера снял, но тут же три пули ударились о бруствер окопа рядом с моей головой. Оказалось, что с соседнего дерева стрелял второй снайпер. С ним разделался Вася Авдеенок. Странным показалось лишь одно: ни один из немецких снайперов не упал на землю. Выяснили мы это двумя днями позже, когда полностью овладели высотой. Оказалось, что снайперы были прикованы к деревьям цепями — так гитлеровцы наказывали своих штрафников.

Всем сибирякам 22-й и 65-й гвардейских стрелковых дивизий навсегда запомнилась эта высота, она стоила жизни 1252 солдатам и офицерам, покоящим-ся там в братской могиле. Мне же эти бои памятны еще и первой боевой наградой — медалью «За отвагу».

Вскоре во время боя за станцию Павлиново пулей ранило руку. Вторая пуля пробила каску, но череп, к счастью, не задела, прошла по касательной. Лечился в медсанбате.

Однажды в его расположение прискакали двое всадников. Первого я узнал сразу — комбат Захарченко, а когда разглядел второго, глазам не поверил: отец! Оказалось, он служит в соседней дивизии помощником начальника штаба полка. Узнал о моем ранении и, конечно же, разыскал.

Когда я подлечился, попросил направить в полк отца. Это оказалось делом несложным, и дальше мы воевали вместе, в одном полку, где я был назначен комсоргом батальона.

За бой под местечком Ленино, в Белоруссии, я был награжден второй медалью «За отвагу». Кстати, в этом бою мы воевали вместе с прибывшей на фронт польской дивизией имени Тадеуша Костюшко, которая приняла на себя готовившийся специально для нее удар немецкой авиации. Нашему батальону, находившемуся по соседству, тогда тоже досталось. Впоследствии Ленино стало святым местом для польских солдат, воевавших в составе советских войск.

А вскоре за бои под Оршей меня наградили только что учрежденным солдатским орденом Славы III степени. Но такие награды на войне стоили дорого — я получил второе, на этот раз очень тяжелое ранение: более сорока осколков изрешетили тело, пробили плевру легких.

В Москве на Белорусском вокзале санитарный поезд обходила бригада врачей знаменитого хирурга академика Брайцева, они отбирали тяжело раненных по своему профилю и отправляли в клинику. В их число, к счастью, попал и я. Восемь месяцев пролежал в ней и все-таки выздоровел.

Центральную клиническую больницу имени Семашко Наркомата путей сообщения и ее прекрасных врачей всю жизнь вспоминаю с благодарностью.

В Москве не задержался, поехал искать свою Сибирскую добровольческую, нашел ее, разыскал и свой полк. Снова встретил отца, и мы продолжали воевать вместе.

Шел апрель 1944 года. Полк дислоцировался под городом Новоржевом — то был воспетый А. С. Пушкиным Псковский край. До самого июля на фронте продолжалось затишье. Ходили за «языком», обучались новой тактике наступления: идти за огневым артиллерийским валом. Вещь малоприятная, так как при этом использовались боевые снаряды. Порой не обходилось без несчастных случаев. Зато как мало было потерь потом, в настоящем бою!

Немцы тоже не дремали, шла подготовка к возможному применению против нас химического оружия. с этой целью наши позиции регулярно обстреливали дымовыми снарядами. Мы узнавали их по тихому шелесту над головой и мягким, почти беззвучным разрывам. Над воронками от снарядов поднималось и долго стояло облако зеленоватого дыма. Так немцы старались притупить нашу бдительность перед тем, как начать обстрел настоящими отравляющими веществами. Но рисковать они все же не стали.

В нашем полку сложился тогда очень дружный коллектив. До сих пор переписываюсь с начальником штаба полка Арсентием Иштыковым, с его помощником по разведке, моим непосредственным начальником, Павлом Ширяевым, с комбатом Ефимом Долгушиным и командиром полкового взвода связи, мужественной женщиной Галиной Ждановой.

13 июля полк снялся с обороны и маршевой колонной пошел вперед во втором эшелоне наступающих. Кратковременные стычки с немцами нас мало беспокоили.

Однако на войне любой день может оказаться роковым. Настал он и для меня…

Около пяти часов утра я встретил колонну отца вблизи деревни Большие Гривны. Красивое место; деревушка расположилась на горке, от нее к речке спускался косогор, а на нем — густая зеленая дубрава. День выдался солнечный, и к шести часам золотой свет залил все вокруг. Отец, очень любивший природу, сказал:

— Вот закончить бы побыстрей войну и поселиться здесь!

Но я видел, что настроение у него совсем не радостное, он заговорил о каких-то вещих снах, о мрачных предчувствиях, я попытался обратить разговор в шутку, стараясь развеселить отца, потом пошел на свое место — в голову колонны.

Спустя часа два полк наткнулся на немецкую засаду. Завязалась перестрелка. Движение остановилось. Пользуясь передышкой для разведчиков, шедших впереди полка, я зашел к отцу. Мы позавтракали вместе, а затем я вновь направился в голову колонны.

Но едва отошел метров на двести, как из-за леса вынырнул «Мессершмитт». Оглянулся на штабную повозку, возле которой стоял отец. Он махнул мне рукой и крикнул:

— Берегись, сейчас ударит по нас!

И действительно, «Мессершмитт» развернулся и сбросил бомбу в расположение штаба. В небо взметнулся фонтан черной земли, раздался оглушительный взрыв, с воем пронеслись осколки, я бросился туда, где только что находился отец, и увидел окутанную дымом глубокую воронку, раненых лошадей, тела убитых. Отца нашел в кювете. Он лежал на боку, был в сознании.

— Посмотри, что у меня с ногой… — чуть слышно произнес отец.

Перевернув его, я увидел зияющую рану на бедре, из которой торчал огромный осколок.

— Нога цела… — с трудом пробормотал я.

— А где знамя? — спросил отец, стиснув зубы от боли.

Дело в том, что в его обязанности входила охрана полкового знамени. Я огляделся и увидел неподалеку знамя, отброшенное взрывной волной, — оно воткнулось в землю верхним концом древка.

Подбежали санитары и оказали отцу первую помощь. Мы доставили его в медсанбат, и там я с ним простился.

— Догоняй полк! — сказан отец на прощание.

А утром его не стало, он погиб от гангрены.

Мне предстояло воевать еще почти год, немало было пережито, но об этом нужно писать отдельно. Скажу только, что долгожданный день Победы я встретил в Курляндии гвардии

старшиной девятнадцати с половиной лет от роду.

Память хранит не только события военных лет, но и более поздние отголоски войны.

Москва. 1961 год. В связи со служебными делами у меня установились добрые отношения с немецким корреспондентом, человеком очень порядочным, давно интересовавшимся нашей страной и относившимся к ней с большим уважением, хотя в годы войны он был солдатом вермахта и воевал, как он сам говорил, честно.

Сидим однажды вечером, беседуем о московских новостях, о судьбах Германии и невольно затронули тему войны. А когда каждый из нас стал вспоминать, где воевал, оказалось, что в октябре 1943 года около местечка Лядцо, под Могилевом, мы были в одном бою — только по разные стороны. Можно себе представить, что мне пришло в голову! Ведь мы могли стрелять друг в друга и один из нас мог погибнуть от пули другого! Не было бы этой нашей встречи.

Беседа уже не клеилась, оба мы чувствовали неловкость и какую-то вину. Наконец пришли в себя, кисло улыбнулись и потянулись к графину.

Такова война… Я не жалею об этой встрече, ведь она еще один повод для раздумий.

К месту ли это воспоминание? Раз написал, думаю, что к месту. Хотелось бы пожелать другим не иметь таких встреч и воспоминаний, не стрелять друг в друга!

ШКОЛА СМЕРШ

ОТГРЕМЕЛИ ПОБЕДНЫЕ САЛЮТЫ, отошли в прошлое скромные застолья, и победа над фашизмом воспринималась уже не только как праздник, она стала действительностью, и всем нам — вчерашним солдатам предстояло входить в мирную жизнь, выбирать профессию. Однако выбирать не пришлось.

Меня, молодого коммуниста и к тому же «обстрелянного» солдата, направили на учебу в школу СМЕРШ для последующей работы в системе госбезопасности. Выбор все-таки предоставили: Московскую или Ленинградскую школу.

Я выбрал Ленинград. В Москве уже был, лежал там в госпитале и, правда, мельком, но все-таки видел город, а в Ленинграде никогда не был, хотя очень много знал о нем из книг и рассказов друзей-ленинградцев, с которыми познакомился в эвакуации, в Ленинске-Кузнецком.

Так 9 июня 1945 года я переступил порог Ленинградской школы контрразведки СМЕРШ. Деталь, оставшаяся в памяти. Когда вошел во двор школы, началось полное солнечное затмение. Абсолютная темнота. Позже пришла в голову мысль: «К добру ли это?»

Первый, кто встретился мне в школе, был Константин Обухов, ставший потом моим большим другом. Недавно он ушел из жизни, будучи генерал-майором в отставке, а тогда являлся начальником курса, боевым офицером в звании лейтенанта. Он выдал мне матрац, показал комнату и кровать. Когда мы познакомились поближе, я спросил:

— Костя, а можно отсюда уйти в самоволку?

— Вот там, в том парадном, есть дверь с выбитым стеклом. Посмотри налево-направо, нет ли поблизости часового, и, если мимо идет трамвай, быстро прыгай на подножку и гуляй себе вволю. Ведь на медкомиссию тебе надо явиться только через три дня. Придешь прямо туда, а пока делай, что хочешь. Оставь только талоны на питание, чтобы я не вызывал тебя на построении.

Я воспользовался этим советом и ушел в город, благо знакомых было много. Бродил по Ленинграду, о котором столько мечтал, ночевал у друзей и в положенный день предстал перед медкомиссией. Вопреки ожиданиям, меня признали годным и зачислили в школу.

Конечно, о работе в органах госбезопасности у каждого из нас были самые разные, нередко романтические представления, навеянные литературой. Но начались занятия в школе, и

постепенно стала вырисовываться совсем иная картина — мы поняли: нас ждет упорная и нелегкая повседневная работа, которая потребует мобилизации всех сил, а главное — серьезных знаний и умения.

Тогда многие из нас узнали, что означает эта странная аббревиатура — СМЕРШ. Оказывается, она расшифровывалась как «Смерть шпионам!», и придумал такое название сам Сталин. Нам казалось, что это слово проникнуто даже какой-то романтикой.

Нашу жадность к занятиям можно понять: ведь многим из курсантов пришлось из-за войны прервать образование. Поэтому читали все подряд, просто упивались чтением.

Надо сказать, книгу я полюбил с детства. Памятна история прочтения романа С. Н. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда». Отец положил в вещевой мешок двухтомник эпопеи, когда мы уходили из Донбасса. Мы с ним читали эту книгу на платформах поездов, увозивших оборудование на восток, на ночевках, и по мере прочтения отец использовал листы на самокрутки, потому что другой бумаги ведь не было. Так и дочитали, и докурили. Осенью сорок третьего, когда мы вошли в какой-то дом в одной из отбитых у немцев деревень, на чудом сохранившейся этажерке я увидел третий том «Севастопольской страды», взял с собой и читал на привалах. Последний том одолел уже в сорок четвертом на госпитальной койке, когда немного пришел в себя после второго ранения. Летом сорок третьего наша дивизия находилась на передне-локации под Гжатском, получив гвардейское звание. Каким-то образом к офицерам полка попала книга Сергеева-Ценского «Брусиловский прорыв». Она долго ходила по рукам и в конце концов осела у меня. Я читал ее вслух солдатам во время перерывов на учениях, затем на привалах по пути на фронт, а закончил в окопе перед атакой на Гнездиловские высоты. Дочитал, положил книгу на бруствер окопа и, перевалившись через него, пошел в бой.

Оказавшись в Ленинграде, в свободное от занятий время многие из нас целые дни проводили в публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, а по воскресеньям посещали открытые лекции в университете, где курс западной истории читал академик Евгений Викторович Тарле.

Но это было потом, а пока проходили мандатную комиссию, пока нас проверяли, группе абитуриентов поручили одну работу: во время войны множество книг из частных библиотек и разбитых хранилищ свезли в Петропавловскую крепость. Необходимо было разобрать их и вернуть в библиотеки. Я попал в команду, которой предстояло сортировать книги на хорах собора Петра и Павла. Каких только уникальных изданий я там не увидел! Книги с

автографами Достоевского, Герцена, Огарева, Горького, подшивки журнала «Будильник»… Да чего там только не было!

Мы забирались на хоры собора, читали и не могли оторваться. Часами сидели почти под куполом, пока не спохватывались и не принимались снова за дело. Работы было много, но задание все же выполнили, хотя и задерживались в соборе чуть ли не до самого отбоя.

В выходные дни ходили в театр, причем иной раз дважды: на утренний и на вечерний спектакли — восполняли упущенное во время войны.

Те годы в Ленинграде незабываемы. На Петроградской стороне довольно часто можно было наблюдать такую забавную сценку: курсанты в форме самых различных родов войск, бывшие летчики, танкисты, пехотинцы (все мы донашивали свои военные «мундиры») — идут одной колонной, а вездесущие Ленинградские мальчишки, пристроившись сзади, шагают в ногу с нами и вопят во все горло: «Шпионы идут! Шпионы идут!» Они-то все знали.

Ленинград был, конечно, ни с чем не сравнимый город. И никому не в обиду будь сказано, господствовала в нем особая, отличавшая только этот город культура. Видимо, здесь сыграла свою роль старая петербургская интеллигенция. Со временем эта грань между Петербургом и другими городами, к сожалению, стала стираться, возможно, повлияло то обстоятельство, что в значительной степени сменилось коренное население: после войны много людей приехало в Ленинград из других городов и районов страны, заменив нашедших вечный покой на Пискаревском и иных кладбищах.

Требования к слушателям в школе предъявлялись высокие, но мы и сами учились старательно, и не только по учебникам. И практические занятия, и теоретическую подготовку с нами проводили, широко используя документы и дела военной контрразведки. Разумеется, осваивался и опыт только что закончившейся войны.

Учиться было очень интересно. Мы знакомились с документами, связанными с разоблачением фашистской агентуры, действовавшей в нашем тылу, изучали методы заброски этой агентуры немецкими спецслужбами, подробно разбирали деятельность разведывательных и контрразведывательных органов, диверсионных и разведывательных школ, созданных немцами на оккупированной территории. Наряду с этим, конечно, штудировали операции по проникновению нашей разведки и контрразведки в немецкие спецслужбы, в диверсионные школы и штабы войск. Нужно было освоить весь этот годами накопленный

опыт, ведь работа в контрразведке потребует очень серьезной профессиональной подготовки.

Уже тогда стало заметным, что во всех курсах специальных дисциплин упорно обходили период 1937–1938 годов, и только в программе истории ВКП(б) находила отражение деятельность троцкистов и других политических группировок.

Нелепо было бы уверять, будто никто из нас, в том числе и я, ничего не знали о жестоких репрессиях того времени — моим родственникам пришлось испытать все это, так сказать, на собственной шкуре. Но в школе об этом периоде говорилось глухо, и это в Ленинграде, где в те годы все было обострено до крайности.

Много лет прошло после убийства С. М. Кирова, но в городе его имя было еще у всех на слуху. Давно сменили его герои обороны Ленинграда, признанные авторитеты: Кузнецов, Попков, Капустин, но имя Кирова по-прежнему оставалось для них свято. Недаром в блокадную зиму 1941 года прозвучали знаменитые стихи Николая Семеновича Тихонова «По городу Киров идет».

Почему в учебном процессе замалчивалась деятельность следственных органов тех лет, понимали далеко не все, однако вопросов никто не задавал и каждый находил этому свое объяснение. Должен сказать, что мысль о незаконности репрессий большинству из нас, слушателей школы СМЕРШ, даже в голову не приходила. Тем более что наши наставники постоянно внушали: в работе следует строго соблюдать законность, объективно подходить к оценке оперативных материалов, исключать провокационные методы в работе.

Разумеется, время, переживаемое после Победы, само собой сняло некоторые вопросы, казалось, самое важное — восстановить разрушенное, залечить раны. И, наверное, незабвенный Николай Черкасов, играя Ивана Грозного в пьесе В. Соловьева «Великий государь», в те годы говорил о том же: «Когда вокруг тебя кишат такие змеи, то и ужа, принявши за змею, убить не грех».

К сожалению, эта глубоко порочная мысль закрепилась на Руси издавна в народной поговорке: «Лес рубят — щепки летят».

После войны люди хотели жить, вспоминая только самое лучшее из довоенных лет. И нам было чем гордиться — ведь мы выстояли в кровавой войне, победили фашизм!

Кстати, в последние годы мы все как-то стали забывать о важнейшем факторе, несомненно повлиявшем на исход войны. У нас много говорилось и писалось о планах Гитлера по уничтожению коммунистов и евреев, но при этом забыта и такая цель гитлеровской верхушки, как уничтожение славянских

народов. А ведь именно борьба против этой угрозы объединила многие народы, и они сражались не только за свою независимость, свою государственность, но и за само существование. Не случайно возникли в те годы различные славянские комитеты, а солдаты на фронте называли себя «братья-славяне». В сознании народов, сражавшихся против немецкого фашизма, постоянно жила мысль о грозившем им геноциде.

Поколение, прошедшее войну, хорошо знает, чем угрожали нам главари фашистского рейха. Достаточно вспомнить хотя бы некоторые их публичные выступления: *«я* надеюсь, что нам удастся полностью уничтожить понятие «евреи», так, существует возможность массового переселения всех евреев в Африку или в какую-либо другую колонию. Несколько больше времени потребуется для того, чтобы на нашей территории исчезли такие народности, как украинцы, гораки и лемки. Все, что было сказано, в еще большей степени относится к полякам… Что же касается отдельных народностей, мы не стремимся к их сплочению и увеличению, тем более к постепенному привитию им национального самосознания и национальной культуры… Для ненемецкого населения восточных областей не должно быть высших школ… Самое большее — счет до 500, умение расписаться… Идеально было бы научить их понимать лишь язык знаков и сигналов… По радио населению должно преподноситься то, что для него приемлемо, музыка без всяких ограничений. Ни в коем случае нельзя допускать их к умственной работе… Если русские, украинцы, киргизы и т. д. научатся читать и писать, это нам может лишь повредить… Никакого обучения, кроме понимания дорожно-транспортных знаков… Необходимо исходить из того, что главная миссия этих народов — обслуживать нас экономически».

Тогда в школе СМЕРШ я получил первый, если так можно выразиться, политический нокдаун. Мы все зачитывались поэмой Александра Хазина, опубликованной в журнале «Ленинград»; у каждого на слуху были остроумные афоризмы Михаила Зощенко, замечательные стихи Анны Ахматовой. И вдруг в августе 1946 года выходит постановление ЦК партии с уничтожающей критикой журналов «Звезда» и «Ленинград», где публиковались произведения этих авторов. Многие из нас понимали, что совершается несправедливость, но в чем тут дело, объяснить не могли. Во всяком случае, я и мои товарищи поспешили в театр, чтобы успеть посмотреть — кто впервые, а кто и еще раз — «Парусиновый портфель» М. Зощенко.

Я оказался в довольно сложном положении. К тому времени я

еще более сблизился со своими друзьями по эвакуации, был вхож в семьи творческой интеллигенции. Очевидно, меня приняли там благодаря моей молодости, фронтовому прошлому, которое Ленинградцы особенно ценили.

Постановление ЦК обсуждалось во многих партийных организациях города. Дошла очередь и до нашей школы. Нашлись, конечно, активисты, стремившиеся продемонстрировать свое усердие перед начальством, но большинство слушателей находилось в растерянности. Встречаясь с друзьями-ленинградцами, я испытывал неловкость: а что, если они перестанут доверять мне, курсанту школы МГБ? К счастью, этого не произошло, друзья все отлично понимали.

Пожалуй, это был первый случай в жизни, когда у меня вызвала серьезные сомнения официальная партийная установка, которую объяснить себе не мог.

Вместе с тем впервые понял, как важно самостоятельно оценивать факты, стараться разобраться во всей сложности происходящих событий и выработать собственную позицию. Конечно, я не сомневался в правильности линии партии — просто осознал, что надо иметь свою точку зрения в любых ситуациях.

Занятия в школе СМЕРШ, встречи с творческой интеллигенцией, приобщение к культурно-историческим ценностям Ленинграда оставили неизгладимый след в моей жизни. Ленинград навсегда остался для меня незабываемым городом моей юности.

После окончания школы был направлен в Москву, правда, произошло это случайно. Оставаться в Ленинграде больше не мог, после ранения в легкие сырой климат «северной столицы» был для меня абсолютно противопоказан: стоило пробежать стометровку, как открывалось кровохарканье. Согласно предварительной наметке, мне предстояло работать в Западной Украине.

Осенью 1945, года началась война с Японией, и кур-сайтам дали отпуск, чтобы они могли съездить домой. Срок увольнения определялся для каждого в зависимости от расстояния до дома. Для поездки в Макеевку мне полагалось 25 дней, но из-за оплошности писаря, который вместо «Макеевка» написал в моих документах «Москва», мне дали отпуск всего на десять дней — до Макеевки уже не доберешься. Пришлось остаться в Ленинграде. А вскоре пришла заявка из Москвы, куда направляли главным образом выпускников-москвичей, и из-за ошибки писаря я тоже попал в их число. Мои заявления, что я не москвич, в расчет не приняли, заподозрили, будто кривил душой, скрывая наличие жилплощади. Тогда это был немаловажный критерий отбора для

работы в Москве. Так я оказался в столице.

В октябре 1946 года младшим лейтенантом я впервые переступил порог Лубянки, где мне суждено было провести много долгих дней, а зачастую и ночей — вплоть до отставки в 1991 году в звании генерала армии. А тогда, по окончании школы СМЕРШ, меня определили на самую низшую должность помощника оперуполномоченного. Впереди был нелегкий и сложный путь — жизнь чекиста, полная нервного напряжения, тяжких раздумий и переживаний, постоянных поисков единственно верного решения, исключающего малейшую ошибку, жизнь, главной целью которой я считал служение Родине.

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»

РАССМАТРИВАЯ ОБСТАНОВКУ, сложившуюся в нашей стране к началу моей работы в КГБ, невольно обращаюсь к далекому прошлому — к годам Октябрьской революции. Рождение Страны Советов буржуазный мир тогда воспринял враждебно.

В этой связи мне показалось интересным процитировать японскую газету «Токио кокумин симбун». И хотя это не столь видный авторитет, но она предельно ясно и цинично выразила отношение к революции в России.

Так, 10 февраля 1919 года газета писала:

«Союзники должны взять на себя контроль над Россией и, поставив своей целью сохранение порядка, временно взять власть у самоучрежденного правительства, включая военную и полицейскую… Если бы это предложение было принято и Япония получила бы контроль над Сибирью, а Америка над Россией, то Америка должна была бы выполнять и общие обязанности… Что касается японского контроля над Сибирью, то против этого, мы уверены, не возражала бы ни одна из держав, принимая во внимание нашу географическую близость к Сибири.

Конечно, контроль над Россией будет лишь временной мерой. Контроль же над неразвитыми колониями примет по необходимости длительный характер. Он продлится десятки, а может быть, и сотни лет».

Так оно и было. Антанта ринулась реализовывать свои планы. Ее участникам отводились определенные районы нашей страны — кому побольше кусок, кому поменьше; при этом старались никого в обиде не оставить, территория огромная, всем хватит.

Не получилось… И произошло это главным образом потому, что против иностранной агрессии поднялись все народы, населявшие Россию.

В итоге, кроме одной-единственной, господствующей в мире капиталистической системы, зародилась и утвердилась другая, пока еще совсем слабая — социалистическая.

Уже в первые годы существования нашего нового государства идеи социализма оказались весьма привлекательными для многих. Немало выдающихся деятелей мировой культуры горячо, а порой даже вое-торженно приветствовали новый, еще далеко не окрепший строй: Альберт Эйнштейн, Теодор Драйзер, Рабиндранат Тагор, Чарльз Чаплин, Ромен Роллан, Анри Барбюс, Бертольт Брехт, Элтон Синклер, Мартин Андерсен-Нексе, Анатоль Франс, Генрих Манн, Лион Фейхтвангер — всех не перечислить. Легко понять, какую ярость это вызывало в мире капитала. Она

усилилась, когда клич английских рабочих «Руки прочь от России!» подхватили народы других стран. Конечно, враги социалистического строя смириться с этим не могли, наша страна оказалась в политической и экономической изоляции. Нам ничего не давали в кредит и ничего не продавали за наличные: решили выждать, пока мы задохнемся сами.

А между тем новая Россия развивалась и крепла.

Вот что писал по этому поводу Бернард Шоу в 1932 году: «Исключение России из международной торговли было актом слепоты и сумасшествия со стороны капиталистических держав. Бойкотируя Россию путем неистового террора против коммунизма, они предоставили ее собственным ресурсам и заставили спасать себя при помощи развития своих физических и культурных сил. Сейчас… безнадежная Россия отвратительного царизма становится энергичной, трезвой, чистой, по-современному интеллектуальной, независимой, цветущей и бескорыстной коммунистической страной». А год спустя, выступая в зале «Метрополитен-опера» в Нью-Йорке, он сказал: «Русские вытянули страну потому, что дружно тянули все вместе… Я спрашиваю тех дурацких злонамеренных близоруких господ, которые пишут в американских газетах лживые глупости о России, обвиняют ее, утверждают, что русский коммунизм обанкротился… о чем они при этом думают? Чего они хотят — возвращения царизма?.. К счастью, провидение, которое неплохо относится к Америке, сделало Россию коммунистическим государством, и до тех пор, пока в ней сохранится этот строй — вам нечего бояться».

А вот свидетельство английского писателя Джеймса Олдриджа, относящееся уже к 1965 году: «Существование социалистического государства запечатлено где-то в глубине сознания каждого пролетария, когда он и его товарищи по труду вступают в очередной бой за свои права, и это больше, чем что-либо иное, терзает капиталистов… вынуждает многих из них идти на компромисс с рабочими. Один лишь тот факт, что СССР существует, неизмеримо укрепляет позиции рабочих всего мира».

Борьба шла не на жизнь, а на смерть, приостановилась она лишь в годы Второй мировой войны, когда фашизм занес свой меч и над западными демократия-ми, меч, который только собственными силами они остановить не могли. Тогда-то им понадобилась антигитлеровская коалиция: они хотели с нашим участием, а нередко исключительно нашими руками одолеть фашизм. Но едва на Западе увидели, что под воздействием победы над фашизмом начали рушиться прежде всего колониальные устои, силы антикоммунизма сплотились и повели

жесточайшую борьбу с целью локализовать влияние социализма в послевоенной Европе, а в конечном итоге — локализовать социалистический строй в тех странах, где он успел пустить свои ростки.

Об этом написано немало, но кое о чем все же следовало бы напомнить. Еще шла война, но, когда исход сражения был уже предрешен, западные державы начали активную деятельность, направленную против СССР.

Открытый вызов, означавший начало «холодной войны» против СССР, прозвучал в известной речи английского премьер-министра Уинстона Черчилля, которую он произнес в Фултоне (США) 5 марта 1946 года — сразу же после окончания Второй мировой войны. Черчилль призвал создать… «братскую ассоциацию народов, говорящих на английском языке», проще, создать военный блок в противовес СССР и его послевоенным союзникам. Английский премьер призвал применить силу против СССР, и притом немедленно, пока Советский Союз еще не создал свое атомное оружие. Тогда же прозвучало выражение «железный занавес», которое впервые употребил Геббельс в своей статье в феврале 1945 года: «Железный занавес» против коммунизма». «Заслуга» Черчилля состояла в том, что он этот занавес опустил.

Расчет был прост. Советский Союз истощен, обессилен войной, разрушены тысячи заводов, фабрик, городов, а главное — у него нет атомного оружия, которым располагает Америка, а потому сокрушение нашей страны не представит особых трудностей. И машина завертелась.

Резкой отповедью ответил на это выступление И. В. Сталин в своем интервью корреспонденту газеты «Правда»: «…По сути дела, г. Черчилль стоит на позициях поджигателей войны. И г. Черчилль здесь не одинок — у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки». В интервью было отмечено, что своим выступлением в Фултоне Черчилль поразительно напоминает Гитлера: «Гитлер начал дело развязывания войны с того, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Г-н Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира… По сути дела, г. Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, — в противном случае неизбежна война… Несомненно, что установка г. Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР».

Уже сам факт присутствия американского президента Трумэна во время выступления Черчилля в Фултоне свидетельствовал о том, что английское и американское руководство действуют согласованно. Вскоре по указанию Трумэна его специальный помощник Клиффорд представил ему обширный доклад «Американская политика в отношении Советского Союза», где излагались основные принципы и методы готовившейся войны. В частности, в докладе отмечалось: «Адепты силы понимают только язык силы. Соединенные Штаты и должны говорить таким языком…

Надо указать Советскому правительству, что мы располагаем достаточной мощью не только для отражения нападения, но и для быстрого сокрушения СССР в войне… США должны быть готовы вести атомную и бактериологическую войну. Нужна высокомеханизированная армия, перебрасываемая морем или по воздуху, способная захватывать и удерживать ключевые стратегические районы, которую должны поддержать мощные морские и воздушные силы. Война против СССР будет «тотальной» в куда более страшном смысле, чем любая прошедшая война».

Появление в 1949 году у нас атомной бомбы вызвало шок даже у тех, кто уже планировал, как распорядиться территорией и населением СССР. Однако наши противники оправились быстро и, будучи убеждены, что Советский Союз никак не ждет внезапного нападения США — своего вчерашнего союзника в войне, начали подготовку к всесокрушающему ядерному удару. Один за другим рождались тщательно разработанные планы разгрома нашей страны. Какие только проекты под номерами и кодовыми названиями ни создавались в высших эшелонах власти США — достаточно вспомнить директивы «Грайан», «Хотелити», «Чаризтир», «Флитвуд»!.

Поражают чудовищно циничные расчеты, содержащиеся в каждой строчке этих документов. «Первый удар по 20 городам… сбросить 133 атомные бомбы на 70 советских городов, из них 8 на Москву и 7 на Ленинград… Сбросить 200 атомных бомб и 250 тысяч тонн обычных бомб на 100 городов… Сбросить 300 атомных бомб…»

При этом указывались точные цифры: после какого удара будет разрушено 85 % нашей промышленности, было скрупулезно подсчитано, сколько миллионов людей погибнет после первого удара, после второго, третьего… Столь же тщательно подсчитывали западные политики и наши военные силы, и возможные собственные потери.

Был по пунктам расписан «порядок», который США

намеревались осуществить после своей победы: «На любой территории, освобожденной от правления Советов, перед нами встанет проблема человеческих остатков (каковы выражения! — Ф. *Б.)* советского аппарата власти. В случае упорядоченного отхода советских войск с нынешней территории местный аппарат коммунистической партии, вероятно, уйдет в подполье, как случилось в областях, занятых немцами в недавнюю войну. Затем он вновь заявит о себе в форме партизанских банд.

Проблема, как справиться с ним, решается относительно просто. Нам кажется достаточным раздать оружие и оказать военную поддержку любой некоммунистической власти, контролирующей данный район, и разрешить расправиться с коммунистическими бандами до конца традиционными методами русской гражданской войны. Куда более трудную проблему создадут рядовые члены коммунистической партии или работники (советского аппарата), которых обнаружат и арестуют или которые отдадутся на милость наших войск или любой русской власти. И в этом случае мы не должны брать на себя ответственность за расправу с этими людьми или отдавать прямые приказы местным властям, как поступить с ними… это дело любой русской власти, которая придет на смену коммунистическому режиму. Мы уверены, что такая власть сможет много лучше судить об опасности бывших коммунистов и расправиться с ними так, чтобы они в будущем не наносили вреда…»

Более пяти лет один за другим корректировались и менялись планы атомной войны против СССР, пока в США не пришли к выводу, что она невозможна. Это подтвердил и американский историк А. Браун, проанализировавший планы руководства США после их рассекречивания.

«1. Соединенные Штаты вполне могли проиграть Третью мировую войну; 2. Россия, вероятно, смогла бы занять Западную Европу за 20 дней; 3. Командование ВВС США считало, что Россия сумеет вывести из строя за 60 дней тогдашнего американского союзника Англию с ее базами, имевшими первостепенное значение для нанесения атомных ударов; 4. Русские атомные бомбардировщики и коммунистическая партизанская война в США значительно подорвали бы способность и волю Америки к продолжению войны; 5. Америка не смогла бы защитить свои собственные города…»

Итак, уже к 1950 году американским политикам стало ясно, что военными действиями разгромить СССР не удастся, и тогда родился новый план разрушения Советского Союза. Он был рассчитан на длительное время и состоял из двух основных

разделов.

Первый. Вести массированную, широкомасштабную «холодную войну», направленную на подрыв строя, с целью его развала мирным путем. Этот раздел разрабатывали ранее существовавшие и вновь созданные научные центры.

Особо были выделены три направления.

1. Компрометация компартии как руководящего органа страны с целью полного ее развала и ликвидации.

2. Разжигание национальной вражды.

3. Использование авторитета церкви.

Второй. Максимально наращивать новейшие виды вооружений, чтобы втянуть Советский Союз в непосильную гонку вооружений и истощить экономически.

Был разработан так называемый «проект демократии», он предусматривал широкомасштабную помощь тем кругам в СССР и в странах Восточной Европы, которые находились в оппозиции к правящему режиму, — в виде предоставления денежных средств, вооружения, типографского оборудования, налаживания среди населения подрывной деятельности в этих странах и осуществления тайных операций, вплоть до физического устранения неугодных лиц.

Таким образом, планировались не просто акции пропагандистского характера — идеологическая диверсия (или, в западной терминологии, психологическая война) имела две совершенно определенных позиции. Первая — это гласные формы: радиопропаганда, печать, телевидение, которые ловко и умело использовали просчеты и ошибки лидеров партии и государства, сопровождая свои комментарии потоками лжи и клеветы и призывая людей к открытой борьбе с существующим режимом.

Вторая — закрытая деятельность: поиск сообщников, объединение их в группы, оказание им материальной помощи, с тем чтобы они создавали внутри страны так называемые очаги сопротивления, которые способны были бы в нужный момент выступить, поддержать тех, кто возьмет на себя смелость начать открытую борьбу против существующего строя.

«Психологическая война, — отмечалось в директиве США СПБ 20/1, — чрезвычайно важное оружие для содействия диссидентству и предательству среди советского народа; она подорвет его мораль, будет сеять смятение и создавать дезорганизацию в стране.

Широкая психологическая война — одна из важнейших задач Соединенных Штатов. Основная ее цель — уничтожение поддержки народами СССР и его сателлитов установившейся в

этих странах системы правления и внедрение среди них сознания того, что свержение Политбюро — в пределах реальности».

Знали ли мы обо всем этом? Безусловно, знали. Практически не было ни одного плана атомного нападения на нашу страну, ни одной инструкции американской разведки и других спецслужб, направленных на свержение советского строя, о которых не были бы осведомлены органы государственной безопасности и, разумеется, руководства партии и правительства.

Следует отметить, что в гонке вооружений, их совершенствовании Советское государство нисколько не отставало, а по ряду видов военной техники даже превосходило и опережало Запад. Что касается все шире и глубже развертывавшегося против нас идеологического и психологического наступления, которое представляло не меньшую опасность, чем приготовления в военной области, то здесь руководство СССР не принимало сколько-нибудь серьезных мер.

И вовсе не потому, что нам нечем было защищаться или наши идеалы оказались несостоятельными, как ныне утверждают многие. Нет, принципы социальной справедливости издавна были привлекательны для народов разных стран, они бессмертны. Народы органически не воспринимают и никогда не воспримут «мыслителей», которые провозглашают процветание одних за счет других.

Наша трагедия заключалась в другом.

Десятилетия после смерти Сталина во главе партии — за исключением очень короткого периода, когда пост Генерального секретаря ЦК занимал Ю. В. Андропов, — стояли люди, для которых политика нередко служила только фразой. Некомпетентность не позволяла прогнозировать события, опираясь на данные серьезных ученых: социологов, философов, политологов и историков.

Многие руководители часто цитировали Ленина, реже — Маркса, но, похоже, сами они были не слишком хорошо знакомы с произведениями классиков.

Читаю воспоминания бывших лидеров партии, и странное рождается чувство. Все эти люди пишут по-разному, но, в сущности, об одном и том же: как они боролись с всесилием партии, находясь у ее руля. Будто прекрасно видели и понимали, в чем корень зла: партия подавила государственную власть, взяла на себя управление экономикой. Все это видели, но убеждали народ в том, что так и должно быть, и при этом ограничивались лишь демагогическими призывами жить по Ленину, вернуться к ленинским принципам. Тоже самое происходило и в начале

перестройки, когда был выдвинут лозунг: жить по заветам Ленина, снять наросты сталинского времени, а затем началась переоценка завоеваний Октябрьской революции. Невозможно понять, когда же эти люди были искренни! Еще не известно, какие новые откровения появятся из-под пера этих политиков. Так, например, Шеварднадзе уже заговорил о кровавой истории захвата Грузии Россией, хотя еще вчера со слезами умиления упоминал о Георгиевском трактате, по которому Грузия в XIX веке добровольно перешла под покровительство России.

После распада СССР мне приходилось не раз слышать упреки: мол, вы там, в КГБ, ничего не делали, все чего-то ожидали, не принимали никаких мер. Но ведь не КГБ должен был принимать меры и не армия.

Жизнь на самом деле подвела страну к той черте, когда нужно менять лошадей, только нельзя было допустить, чтобы это произошло на переправе. Собственно говоря, если вглядываться в обстановку после окончания Второй мировой войны, приходишь к выводу, что против нас постоянно велось массированное наступление западных держав, мы же вели оборону весьма вяло и малоэффективно, совершенно не владея политическими средствами контрнаступления. Настоящая, серьезная политическая борьба нередко подменялась «радиоглушилкой», забивкой «вражеских голосов».

Как ни парадоксально это может звучать, но я убежден: в последние годы наша партия идеологической борьбой всерьез не занималась, хотя разговоров об этом велось много, даже слишком много. Мы занимались лишь мелким декларативным обличением врага, вместо того чтобы противопоставить ему свои успехи и достижения — а они у нас, несомненно, были.

Вот пример: американская пропаганда разворачивает кампанию по поводу нарушений прав человека в СССР. И словно по команде наши средства массовой информации начинают на все лады твердить, что права человека нарушаются не в Советском Союзе, а в США, при этом приводимые западными средствами информации факты нарушения у нас прав человека никак не опровергаются и попросту замалчиваются.

Не берусь судить, где эти права нарушались больше, не в этом дело. Если были у нас такие факты, еле-довало либо принимать соответствующие меры, либо разоблачать вымыслы враждебной пропаганды и выбивать это оружие из ее рук. Но руководство партии требовало лишь «усилить идеологическую работу», которая сводилась зачастую к описанию «чудовищного образа жизни в Америке», «их нравов», рассуждениям об угнетении негров в США, безработице, преступности,

бездомности и т. п.

Согласно своим планам, американские спецслужбы, например, раздували проблему антисемитизма в СССР. И тут же у нас запускалась пропагандистская машина, чтобы доказать: подлинный антисемитизм бытует не у нас, а на Западе. Такая «защита» никак не способствовала утверждению несомненных преимуществ советского образа жизни, порождала неуверенность в правоте политики, проводимой государством.

А тем временем свои впечатления о «западном образе жизни» наши соотечественники (и среди них немалое число государственных чиновников) получали во время загранкомандировок, когда видели роскошные отели, магазины, полные товаров, и т. д. Сотни тысяч туристов, которым оставляли лишь два-три часа так называемого «свободного времени», бегали по магазинам, а потом расписывали родным и близким райскую жизнь за рубежом. Тысячи наших рабочих, строивших, к примеру, Ассуанскую плотину или металлургический комбинат в Бхилаи, привозили домой личные автомашины. Можно представить, с какой завистью смотрел на «счастливчиков» не уступавший им в квалификации монтажник с Братской или Нурекской ГЭС. Так рождался миф о всеобщем благоденствии при капитализме, и никакие «глушилки» тут не срабатывали.

Чтобы противостоять Западу в идеологической борьбе, нужны были другие средства. И совсем не требовалось их изобретать, следовало лишь перестраивать саму нашу жизнь. В основе любой политики лежит, как известно, экономика. Оправданные или искусственно созданные трудности в обеспечении материальной базы привели к застою и в политике. Зато появилось множество теоретиков, умевших приспособить высказывания классиков марксизма-ленинизма для оправдания и объяснения любого политического события, в том числе и негативно вое-принимаемого народом. А это усиливало недоверие населения к официальной пропаганде.

Знали ли об этом в органах госбезопасности? Конечно, знали. И не раз предлагали конкретные меры противодействия враждебным нашему обществу акциям, меры не репрессивные, а политические, являющиеся прямой функцией партии. Однако партийное руководство эти советы попросту отметало: не лезьте не в свое дело.

Серьезную попытку коренным образом изменить нашу внутреннюю политику предпринял, пожалуй, лишь Ю. В. Андропов.

Получая информацию о готовящихся против СССР акциях и сроках их реализации, а также о стратегических долговременных

планах США по разрушению нашего строя, руководство органов госбезопасности предложило разработать научно обоснованный план контрмероприятий. К работе над ним предполагалось привлечь ученых из самых различных областей знаний: философов, политологов, экономистов, юристов, специалистов военного дела и психологов.

План предусматривал коренное изменение методов пропаганды, совершенно иное отношение к религии и инакомыслию, решительную борьбу с коррупцией, с националистическими тенденциями. И конечно, в первую очередь предусматривалось решение назревших экономических проблем. План этот был вовсе не фолиантом в золотом переплете, это были глубоко продуманные, тщательно подготовленные 5-м Управлением тезисы доклада Ю. В. Андропова на Политбюро, их реализация могла бы наметить пути к демократизации партии, демократизации всей жизни общества.

Доклад Ю. В. Андропова состоялся. Его предложения поддержали Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, А. Н. Шелепин, В. В. Щербицкий. Поддержал и М. А. Суслов, по-прежнему остававшийся, как это было и при Сталине, главным идеологом. Мероприятия, направленные не только на пресечение нараставшего вала «холодной войны», но и на активизацию наших наступательных действий, относились к области идеологической.

Не берусь судить, насколько серьезно рассматривали члены Политбюро предложения Ю. В. Андропова, насколько искренне поддержали, но, судя по всему, никаких ощутимых результатов эти предложения не возымели. «Холодная война» не прекращалась, о ее опасности, как и до этого, продолжали без конца говорить, но дальше слов дело не пошло. Из рук в руки передавали в аппарате ЦК, казалось бы, ни у кого не вызывавшие сомнения разделы плана, которые требовали незамедлительного решения.

Прорыв в нашей обороне, а затем и полный разгром произошел на том участке «холодной войны», где наше оружие было неизмеримо мощнее и совершеннее, чем у противника, и произошло это только потому, что эффективное оружие не было пущено в ход, ибо те, у кого оно было в руках, сами изуродовали его и полностью вывели из строя.

Хочу сослаться на беседу советского и американского журналистов, опубликованную в журнале «Новый мир» двадцать лет назад.

Американец утверждал, якобы полное разоружение невозможно и никогда не будет осуществлено. «Если даже

допустить условно, — сказал он, — что будет достигнута договоренность, капиталистический мир разоружится, а СССР нет».

Наш журналист попытался возразить, что разоружение будет вестись под контролем, но американец прервал его: «Не о том речь. Конечно, можно установить надежнейший контроль, и допускаю, что вы уничтожите все до последнего пистолета. Но идеи ваши останутся. А капиталистический мир окажется перед вами безоружным».

Судя по всему, он рассматривал наш путь развития в его чистом виде — как осуществление идей социальной справедливости, которые разделяли народы всех стран, но он не учел того обстоятельства, что в нашей стране из года в год, из десятилетия в десятилетие идеи социализма методически извращались.

Так или иначе, но от идеологической борьбы, от «холодной войны» партия в силу позиции лидеров полностью абстрагировалась, предоставив эту честь КГБ, вольно или невольно перенося сугубо идеологическую работу партии в сферу деятельности специальных служб. И КГБ действовал, казалось многим его руководителям, правильно, стремясь разгадать и разрушить замыслы противника, навязавшего нам «холодную войну».

Сейчас, когда читаешь мемуары нынешних «знатоков» деятельности органов госбезопасности или слушаешь их выступления, невольно приходишь к выводу, будто органы госбезопасности в описываемое время только тем и занимались, что выискивали, кого бы арестовать. Такой цели у нас не было. А вот противостоять напору зарубежных спецслужб мы были обязаны. Идеологическая борьба против нашего государства велась в очень широких масштабах. Достаточно привести одну цитату из заключения ЦРУ: «Нужна более агрессивная война идей, которая могла бы широко поставить антисоветскую пропаганду. Решающим фактором в нашем наступлении является усиленный поиск союзников в лагере социализма, «сил разложения», способных вызвать серьезные осложнения в политической и экономической жизни СССР».

ДИВЕРСИОННАЯ ШКОЛА

ЕЩЕ В ГОДЫ МОЕЙ УЧЕБЫ в школе СМЕРШ очень много внимания уделялось акциям иностранных спецслужб на территории нашей страны. Мы изучали методы и приемы шпионажа, специальное оснащение, систему наблюдения и контроля. Позднее мне пришлось столкнуться со всем этим на практике.

Расскажу об одной конкретной операции.

Из множества диверсантов или иных агентов спецслужб Запада, засланных в СССР с подрывными целями, не было ни одного, который действовал бы по идейным соображениям.

Их можно разделить в основном на две категории: одни, чаще всего люди обездоленные, шли на эту службу за большое вознаграждение, другие были просто обмануты.

Обычно провалившиеся диверсанты ведут себя по-разному: одни упорно отрицают свою вину, другие тут же во всем признаются, третьи начинают говорить под нажимом неопровержимых фактов, предъявленных следствием.

Диверсант по кличке Боб не только на первом же допросе признал свою вину, но, казалось, даже обрадовался представившейся возможности подробно рассказать о всех своих злоключениях. Он поведал свою жизнь вплоть до интимных моментов, сообщил не только о событиях, акциях и мероприятиях, в которых участвовал, но (что было особенно ценно) раскрыл причины, побудившие его работать на американскую разведку.

Беседы с ним не походили на допросы для протокола, человек, что называется, изливал душу. Это была исповедь. Мы верили ему, ибо уже знали многое из того, что он рассказывал. Но вот психология, мотивировки его поступков представляли для нас несомненный интерес. Было важно понять, как и почему честный человек вступает иной раз на путь преступлений перед родиной, кто какими методами вербует этих людей. Кроме того, мы получили интересную информацию об американской диверсионной школе, которую окончил Боб. Мы не сомневались в искренности этого человека, он явно раскаивался и честно признался во всем, и Боб вовсе не рассчитывал на смягчение наказания. В дальнейшем он доказал это на деле.

На истории этого агента я считаю нужным остановиться поподробнее.

В 50-е годы в местечке Тагернзее в 50 километрах от Мюнхена в большом двухэтажном особняке, стоявшем вдалеке от

других зданий и когда-то принадлежавшем китайскому консулу в Германии Сун Фэю, находилась американская диверсионная школа. В доме все оставалось, как при прежнем владельце: китайские ковры, мебель, фарфоровые вазы и статуэтки — официально она считалась частной школой, в которой преподают китайский язык. Естественно, вход для посторонних был закрыт, но если кто-нибудь туда и попал бы случайно, у него не возникло бы и тени сомнения в том, что там действительно занимаются изучением китайского языка.

Руководили школой и преподавали в ней специалисты своего дела, профессиональные разведчики. Среди них были и американцы, и русские.

В середине 1955 года восемь выпускников школы с интервалами в несколько дней были попарно заброшены в разные районы СССР с целью шпионажа и организации диверсий на важных промышленных объектах. Этих разведчиков хорошо подготовили. Нужно отдать должное организаторам акции: они предусмотрели все до мелочей, чтобы агенты не провалились. Одного предусмотреть не могли: в школе находился наш контрразведчик, и отнюдь не в роли рядового курсанта, так что нам стало заведомо известно, кто, где и когда будет к нам заброшен. Мы давали агентам возможность найти надежные тайники, спрятать там свое снаряжение, а потом задерживали.

Семеро выпускников этой школы оказались советскими солдатами, попавшими во время войны в плен. В послевоенные годы всем им пришлось влачить жалкое существование в Западной Германии, но домой они вернуться боялись — были убеждены, что их немедленно, чуть ли не на границе, расстреляют. После нескольких допросов мы убедились, что четверо из них никакие не враги, а просто несчастные, измученные люди. Их выпустили на свободу, помогли устроиться на работу, получить жилье.

Четвертый — Петр Кудрин, по кличке Боб, привлек к себе особое внимание. Из родных мест он ушел еще мальчишкой, вслед за отступавшими немцами. На чужбине жизнь его была просто невыносимой: ни жилья, ни работы, лишь редкие случайные заработки. Вконец отчаявшись, Петр согласился пойти в американскую диверсионную школу.

Он дал нам исчерпывающие показания, подробно ответил на все вопросы, детально описал жизнь и быт курсантов, распорядок дня, расписание занятий, внешность преподавателей.

Итак, курсанты располагались на втором этаже по двое в комнате. На том же этаже жили русские инструкторы. Американские педагоги и начальник школы разместившись на

частных квартирах или снимали номера в гостинице.

За неделю до отправки первой пары Боба и Джека поселили вместе, для чего — они сами еще не знали.

В то утро, апреля 1955 года, курсанты поднялись по сигналу в 6.30. Через семь минут, согласно распорядку, уже стояли в строю на спортивной площадке. От 7 до 7.30 заправляли койки, брились, умывались. В 7.38, как и положено, каждый занял свое место в большом зале первого этажа, где их ждал завтрак. А в 8.00 — занятия.

Первый урок — тайнопись. Ее преподавал веселый капитан Уолдер, по кличке Володя. На этом занятии он объяснил новый способ, которым можно воспользоваться, если под руками не окажется апельсинового, лимонного или какого-нибудь другого цитрусового сока и не будет возможности применить ни один из уже известных способов тайнописи. Он показал, как можно написать между строк любого текста донесение, пользуясь простейшим способом: выдавить и развести в воде несколько капель крови, этим раствором написать донесение, а затем подержать бумажный лист над паром. Потом текст можно «проявить», пользуясь специальным составом.

— Как видите, самый простой и легкий способ тайнописи, — сказал он. — Удобен прежде всего потому, что доступен в любых условиях, кроме воды и нескольких капель крови, ничего больше не требуется. Однако пользоваться им можно только в крайних случаях, по анализу следов крови на бумаге можно разыскать автора текста. Как расшифровывать подобные письма, я объясню на следующем занятии.

Однако для Боба учеба уже закончилась: после завтрака его вызвали к начальнику школы Борису Мартино. Этого хромого и лысого мужчину Боб знал еще по Марокко, а затем по подготовительной школе в Бад-Хомбурге. Эта школа была всего лишь отборочной. В течение трех месяцев здесь изучали курсантов: их настроения, образ мыслей, проводили медицинское обследование. Из одиннадцати человек, вместе с которыми туда попал и Боб, для школы в Тагернзее отобрали только троих.

Итак, Боб явился к Мартино, в кабинете которого уже находился Джек. Начальник объявил о том, что им выпала большая честь лететь первыми, и поздравил с началом работы. Затем их направили к инструктору, который должен сообщить каждому его «легенду» и дать последние указания.

Об этой неделе, оставшейся до полета. Боб рассказывал подробно, то и дело вспоминая какую-нибудь новую деталь. Он знал, к чему их готовили здесь девять месяцев, но все-таки очень смутно представлял себе будущее, хотя давно ждал рокового дня.

Впрочем, его мало волновала собственная судьба.

Все эти девять месяцев Бобу приходилось выдерживать колоссальные нагрузки. Пять дней в неделю — беспрерывная муштра. Один только Игорь Сергеевич, инструктор, обучавший парашютному делу, стрельбе, приемам нападения и защиты, гонял кур-сайтов так, что к концу дня они валились с ног. Особенно тяжело стало, когда начались ночные прыжки. А кроме всего этого, занятия по теории и практике радиодела и еще уйма других предметов: история СССР, система путей сообщения, структура и методы работы органов МВД и КГБ, структура и уставы Советской Армии, шифры и тайнопись, обработка донесений агентов, практические занятия по изготовлению документов, листовок и клише, тренировка зрительной памяти.

Игорем Сергеевичем его называли курсанты, коллеги же по работе звали Холидэем, Биллом или Кэпом.

В действительности же это был капитан Холидэй, один из опытных американских разведчиков.

Курсанты почти ничего о нем не знали. Впрочем, однажды в доверительной беседе Холидэй как-то обмолвился: «Русский я изучал во Франции, в американской разведывательной школе». А в другой раз, ' вспоминая о каком-то событии, он бросил: «Это было еще во время войны, когда я работал офицером связи между американскими и русскими войсками».

Возможно, он вовсе не проговорился, а «выдал» это намеренно: пусть знают, что он не вчера начал учить русских своему ремеслу и прошел основательную школу разведки.

Боб безгранично верил Холидэю. Поначалу капитан не утруждал курсантов длинными беседами, больше старался обучать их на собственном примере. Готовя подопечных к прыжкам с парашютом, он решил: пусть сначала посмотрят, как прыгает сам, и приказал курсантам ни на шаг не отходить с того места, куда он их поставил. А поставил он их в круг и велел взяться за руки. Холидэй прыгал с большой высоты, вытворял в воздухе бог знает что, а потом приземлился точно в центре круга.

— Я научу вас прыгать точно так же! — пообещал он.

Во время тренировок, как бы между прочим, капитан бросал фразы, которые должны были убедить их, какая могучая страна Америка — только она и способна помочь России освободиться от советской власти.

То же самое внушалось им на уроках истории СССР. Преподаватель Лев Львович старался доказать, что к поражению Германии Советская Армия имеет лишь косвенное отношение. Он предлагал им вспомнить, как они попали в плен, как русские войска бежали от немцев. И так продолжалось до тех пор, пока

союзники русских, главным образом американцы, не поняли, что Советский Союз не имеет ни современного оружия, ни боеспособной армии. Наиболее талантливые полководцы вроде Власова поняли это и перешли к немцам.

Бобу и в самом деле памятно было отступление советских войск, и почти до самого конца войны он слышал по германскому радио, как великолепно сражается немецкая армия, как она нещадно громит русских. Но помнил он и другое: как бежали немцы, бросая оружие и технику. Однажды он задал неосторожный вопрос преподавателю:

— А как же русские дошли до Берлина, если у них не было ни армии, ни оружия?

— Благодаря решительным действиям американцев и той помощи, которую они оказывали русским, — молниеносно парировал удар Лев Львович, но вопрос курсанта ему явно не понравился.

Удивительной изобретательностью отличался инструктор Макс, который обучал их подделке документов. Он был предельно осторожен и учитывал каждую мелочь. Например, на Западе документы обычно сшиваются нержавеющей стальной проволокой, а в России нержавейку ввели совсем недавно, поэтому на помеченных старыми датами паспортах, которые им выдадут, когда они отправятся на задание, скрепки из простой железной проволоки, и через некоторое время на сгибе паспортов появится желтая полоска ржавчины. Макс показал им несколько способов, как пить спиртное, не хмелея.

Но подлинным асом американской разведки был в глазах курсантов капитан Холидэй. Боб верил каждому его слову и многому научился. А в предотъездные дни им вообще овладело состояние какой-то еле-пой подчиненности.

В десять утра в их комнату вошел Холидэй, как всегда, подтянутый и аккуратный.

— Ну все, поехали!

Они молча поднялись и двинулись следом за ним.

Капитан знал о своих курсантах все, детально изучил биографию каждого. По его указанию инструктор назвал Бобу и Джеку их новые русские фамилии, велел хорошенько запомнить, а потом выдал документы, с которыми они должны отправиться на задание. Им приказали внимательно изучить документы и поносить в карманах, чтобы не выглядели слишком новенькими.

Боб получил паспорт на имя Андрея Павловича Васильева. В трудовой книжке и в справке из мест заключения было написано, что он освобожден по амнистии. Имелось еще и другое удостоверение — сотрудника КГБ Васильева, заполненное другим

почерком. Эти документы они должны были предъявлять только в крайних случаях, если, скажем, в силу какого-нибудь недоразумения их задержит милиция, при этом нужно сказать очень доверительным тоном, что выполняется специальное секретное задание.

На следующий день Боба и Джека отвезли в Мюнхен, где обоих переодели в советскую поношенную одежду и стали готовить к полету.

На аэродром приехали ночью. Машина остановилась на взлетной полосе у трапа четырехмоторного бомбардировщика с американскими опознавательными знаками. Первым поднялся Холидэй, за ним Боб и Джек, а позади лейтенант Тонни, отвечавший за радиоаппаратуру.

Это была последняя тренировка. Самолет набрал высоту, они вше раз проверили снаряжение, надели парашюты, подвесили на грудь брезентовые тюки по пятьдесят килограммов весом. В них находилось по четыре резиновых мешка, в которых было уложено все необходимое: радиоаппаратура, советские деньги, золотые монеты, оружие, саперные лопатки и т. д.

Они уже не раз прыгали с таким снаряжением на полигоне под Мюнхеном. Парашют раскрывался автоматически, перед приземлением следовало нажать рычажок на поясе, пряжка расстегивалась, и так, привязанный к стропам капроновой веревкой, падал на землю, после чего парашют, частично освободившийся от тяжести, более плавно опускался на землю. Проверка прошла успешно.

На следующий день их посадили в самолет и перевезли, как потом выяснилось, в Грецию. Именно с этого аэродрома в Салониках и предстояло вылететь на задание.

Прошло еще трое суток, и наконец они отправились на аэродром, где их ждал американский четырехмоторный бомбардировщик без опознавательных знаков. Экипаж на этот раз был совсем другой — немецкий, все летчики в штатском.

Когда разместились в самолете, Холидэй отыскал надрез на внутренней стороне воротничка рубашки Боба и затолкал туда маленькую плоскую ампулу.

— Знаю, что не потребуется, — сказал он, — но так будет спокойнее. Если ошибешься или смалодушничаешь, сам знаешь — легкой смерти от них не жди. Извлекать ампулу не надо, просто следует надкусить, яд действует мгновенно. Ты даже ничего не почувствуешь: будто провалишься в сон, вот и все!

Боб молча слушал. Он уже знал про все это и только подумал: «Интересно, почему Холидэй решил дать мне ампулу, а Джеку приклеил возле ремешка часов коричневую «родинку»…»

Самолет шел на высоте трехсот метров в кромешной темноте под проливным дождем. Так вот почему их три дня держали в Салониках — ждали «летной погоды», когда пойдет дождь на месте приземления.

Как только бомбардировщик с двумя выпускниками диверсионной школы на борту пересек воздушную границу СССР, он попал в поле зрения пограничной службы. Пограничники были предупреждены о том, что должен появиться самолет. Несколько зенитных установок, расположенных на некотором расстоянии друг от друга, взяли бомбардировщик на прицел. Ждали команды.

Развернувшись, самолет лег на обратный курс, а команды так и не последовало. Зенитчики следили за бомбардировщиком до тех пор, пока он не ушел за пределы советской воздушной зоны. Что произошло, они не знали. Командование получило из центра указание проследить за самолетом, точно засечь место, где он развернется, чтобы лететь обратно. В этом районе, очевидно, и нужно искать диверсантов. Те же, кто послал самолет, пусть думают, что он ушел Незамеченным и успешно выполнил задание.

Отыскать парашютистов оказалось нетрудно, они даже не успели спрятать свое снаряжение в тайники. Легко взяли и остальные три пары.

Выслушав Боба, как уже было сказано, мы поверили ему и предложили помогать нам. Он сразу же согласился.

По заданию своих хозяев он должен был обосноваться недалеко от Москвы. Поэтому устроили его в Клину на завод по производству термометров, близ которого находился военный аэродром. Боб написал первое донесение и в условленный час и день вышел на связь с центром. Наш сотрудник ознакомился с текстом донесения. Агент сообщал, что благополучно прибыл, обосновался в Клину и о дальнейшем будет сообщать регулярно.

Боб передал нам двадцать шесть условных сигналов, по которым в центре могли определить, не работает ли он под контролем. Например, на вопрос: «Слушаете ли вы «Голос Америки?» — радист должен был ответить: «Слушаю голос кита». Любой другой ответ означал бы, что передачу контролируют.

Мы верили, что Петр не обманывает, однако сомневались, полностью ли доверяют ему хозяева. А вдруг догадаются, что он ведет тонкую игру. Поэтому решили кое-чем пожертвовать.

На верхушке дерева в лесу, с которого диверсант должен был вести передачи, оборудовали ему «рабочее место», откуда хорошо просматривался аэродром. Несколько дней Боб вел наблюдения, записывая все, что видел, и регулярно выходил на связь.

Благодаря этим сведениям его хозяева могли определить, что представляет собой аэродром, сколько там базируется самолетов, их типы.

Через некоторое время наш контрразведчик «продал» в Берлине американской разведке вместе с другими «секретными данными» сведения о военном аэродроме в Клину. Они почти полностью совпадали с тем, что было сообщено Бобом. Мы знали, что обе информации попадут в одни руки, значит, не останется сомнений в правдивости сообщений агента.

Полтора года радист вел игру, и она принесла нам немалую пользу. По вопросам центра точно установили, что именно интересует противника и многое другое.

Петр Кудрин и сегодня жив. Женился, у него взрослая дочь. Он живет теперь в другом городе, вышел на пенсию, но, кажется, продолжает работать. Неплохо сложилась судьба и трех других агентов этой группы, которых контрразведка не стала привлекать к ответственности.

Ну а вторая четверка? Эти вели себя не столь откровенно. Потребовалась длительная кропотливая работа, и дела на них передали следователям по особо важным делам. Решение Особого Совещания было однозначным. Так погибли трое людей с тяжелой судьбой. Только один из этой четверки, агент по фамилии Лахно, оказался исключением. На этом человеке было немало крови советских военнопленных, находившихся в гитлеровских лагерях, он верой и правдой служил фашистам. '

Недавно шла телепередача, где выступали члены Народно-трудового союза (НТО) и, в частности, дочь Лахно. Они сообщили, что всю засланную к нам восьмерку расстреляли. По их словам, это были убежденные идейные борцы, истинные патриоты и герои, героически погибшие в застенках Лубянки.

Какие же это идейные борцы? Лахно, предававший советских военнопленных, даже в Мюнхене, перед самой отправкой в СССР, потребовал, чтобы ему разрешили взять с собой автомат. Ему сказали: «Если будете настаивать на этой безумной идее, мы отстраним вас от задания».

Как уже упоминалось, в систему вражеской агентуры попадают очень разные по убеждениям и по психологическому складу люди.

Горько и больно сознавать, что в силу разных обстоятельств — и чаще всего не по своей воле — за рубежом оказались наши соотечественники, среди которых немало достойных, честных и талантливых людей. К счастью, ныне по справедливости оцениваются их поступки, воздается должное их мужеству. Однако зачастую чуть ли не наравне с ними оказывались и такие,

как Лахно. К сожалению, нередко всех стригли под одну гребенку. Уже сам факт, что человек во время войны оказался в плену или на оккупированной гитлеровцами территории, считался преступлением, за которое виновный должен понести суровое наказание. Как и почему он попал в плен, тщательно не изучалось, точно так же, как далеко не всегда учитывались те обстоятельства, которые заставили людей уже в послевоенные годы работать на иностранную разведку. А это не такой простой вопрос.

Очевидно, стоит здесь сказать о роли Народнотрудового союза.

Эта организация в послевоенные годы продолжала оставаться одной из самых активных. Опиралась она на выходцев из Советского Союза, главным образом на так называемых «перемещенных лиц», т. е. на граждан, волею злой судьбы оказавшихся после войны за пределами Родины. НТС охотно принимал в свои ряды и тех, кто оставался за рубежом во время заграничных командировок, туристических путешествий или поездок для свидания с родственниками.

НТС стал наследником основанного в 1932 году НТСНП (Национально-трудового союза нового поколения). Это было молодежное крыло белогвардейской военной организации, созданной в эмиграции офицерским корпусом Белой армии после Гражданской войны. Он именовался РОВСом (Российский общевоинский союз).

С момента образования НТСНП (а затем НТО) был непримирим к советскому строю. В отличие от многих эмигрантов, которые в годы Второй мировой войны, несмотря на непризнание советского строя, поддерживали СССР в борьбе с фашизмом, члены НТС вслед за немцами появились на оккупированной территории. На Смоленщине ими были установлены две портативные радиостанции, которые вещали — якобы из Сибири — от имени «восставшего населения». НТС создавал свои ячейки в зоне оккупации.

После войны к нам стали регулярно засылать эмиссаров НТС. В восьмерке, о которой идет речь в настоящей главе, все были членами этой организации. Подрывная работа энтээсовцев особого вреда не причиняла: о том, что делалось в организации, мы знали досконально, ибо ее члены без долгих размышлений «продавали» нам любые сведения. Ведь агентов, обманутых и завербованных в НТС, советская контрразведка выявляла достаточно быстро. Вот еще один характерный случай.

В годы революции семья Соколовых бежала за рубеж. Сам Соколов, офицер Белой армии, обосновался в Германии, а сестра

его оказалась в Колумбии. В шестидесятых годах ее сын, Броз-Соколов, учился во Франции, где был завербован в НТС. И сам он, и его дядя, которому разрешили несколько свиданий с племянником в Лефортовской тюрьме, после окончания следствия подробно рассказали на суде, как безжалостно обманули этого парня. Молодой человек просто захотел побывать на родине, которую он никогда не видел, а тут вдруг подвернулся счастливый случай — бесплатная поездка за одну небольшую услугу: он должен был надеть на голое тело широкий пояс, где якобы спрятаны письмо и фамильные драгоценности, которые невозможно переслать по почте. Ему было велено по приезде в Москву позвонить по определенному телефону, а затем поехать к агенту домой и передать пояс. Единственное условие — он не должен снимать пояс до того момента, как передаст его указанному лицу. После этого может пять дней беспрепятственно разгуливать по Москве.

Те, кто посылал парня, не сомневались в успехе. Агент в Москве надежный — скромный инженер, человек вне подозрений, он знает, как дальше поступить с поясом.

Заняв номер в одной из гостиниц, Броз-Соколов тут же позвонил по телефону.

— Слушаю, — раздался мужской голос.

— Можно инженера Х.?

— А кто его спрашивает?

— Я приезжий из Прибалтики.

Это был пароль.

— Минуточку.

Связному, конечно, и в голову не приходило, что он разговаривает с нашим сотрудником, который находился в здании МГБ.

Потом трубку взял другой сотрудник. Он предложил молодому человеку встретиться где-нибудь на улице.

— Нет, на улице нельзя. Назначьте время, я сам приеду к вам домой.

— Это невозможно, в квартире ремонт, рабочие не уйдут до поздней ночи.

— Так, может быть, вы приедете ко мне в гостиницу?

Он назвал гостиницу и номер комнаты.

— Извините, я сегодня не могу. Давайте встретимся завтра.

Установив наблюдение за связным, мы три дня под различными предлогами откладывали встречу. Необходимо было убедиться, что он ни с кем не встречается и никуда не звонит. Наконец ему назначили свидание у входа в парк Сокольники. Поначалу он не соглашался.

— Мне надо кое-что передать вам.

— Это не проблема. Там достаточно укромных мест.

Несчастному парню стало совсем невмоготу, он измучился с этим проклятым поясом, который не снимал ни днем, ни ночью. В конце концов он согласился встретиться.

Оперативный работник и связной сообщили друг другу свои приметы, после чего двое наших работников отправились в парк. Их сопровождал оператор, который должен был скрытой камерой снять и саму встречу, и весь путь до «укромного уголка», а главное, не упустить момент передачи пояса.

В поясе оказались микропленки с текстами листовок, инструкций по созданию групп НТС, а также значительная сумма денег в рублях и долларах.

Откровенно говоря, не очень хотелось доводить дело Соколова до суда. Но суд ограничился минимальным наказанием. Вскоре Соколов был выслан из страны.

Перед отъездом он сказал:

— Привезу маме горсть родной земли, она очень рада будет!

Без особого труда нами был взят с поличным и агент НТС — англичанин Брук.

Когда-то НТС состоял на содержании английских и частично американских спецслужб, которые дали этой организации кодовое название «Шрапнель» (Shrapnel). Однако потом англичане одумались.

Как-то органы безопасности перехватили письмо.

Глава английской резидентуры в ФРГ писал своему коллеге во Франкфурт-на-Майне, где находилась штаб-квартира НТС: «Мы не поддерживаем, повторяю, не поддерживаем «Шрапнель» в качестве политической организации. Наш интерес к ней чисто профессиональный: использовать разведывательные и контрразведывательные возможности этой организации, чтобы заполучить побольше «невозвращенцев». За последние 6 месяцев мы, помимо американцев, вкладывали в «Шрапнель» ежемесячно в среднем до 13 тысяч немецких марок и за эти деньги не получили практически никаких разведывательных данных.

«Шрапнель» требует, чтобы мы не обращались с членами этой организации, как с обыкновенными шпионами. Но нет никаких оснований платить им только потому, что они о себе так много мнят. Они могут получить от нас деньги лишь за разведывательные сведения — и только».

ЦРУ не разделяло этой позиции, оно считало, что агентам надо платить за любую антисоветскую акцию, какой бы она ни была: пропагандистской, провокационной, шпионской или любой другой, лишь бы она была направлена против СССР.

Об этой организации писалось немало. Но наиболее убедительные свидетельства опубликовали бывшие активные деятели НТС Дивнич, Брунст, Черезов, Дорда и др.

Там приводятся секретные протоколы совместных заседаний английской и американской разведок, из которых видно, что с определенного момента англичане прекратили финансирование НТС и его содержание полностью взяли на себя США. Так эту организацию, точно какой-то инвентарь, одна разведка передала другой, руководству НТС было лишь объявлено о смене хозяина.

В настоящее время члены НТС, появившиеся у нас в стране, объявили себя идейными борцами не только против советской власти, но и против фашизма.

ПРОВОКАЦИЯ НА ЭКСПО В БРЮССЕЛЕ

В СВЯЗИ С УПОМЯНУТЫМ ПИСЬМОМ английского разведчика, свидетельствующим о том, насколько заинтересованы были западные спецслужбы в наших «невозвращенцах», мне вспоминается один эпизод, относящийся к 1958 году.

В то время западные спецслужбы вели постоянную охоту за советскими людьми, выезжавшими за границу. Был даже специальный план ЦРУ, где давались рекомендации, как склонять наших граждан остаться за рубежом. Этим акциям придавался большой смысл: спецслужбы и центры психологической войны знали, как болезненно воспринимаются у нас случаи, когда граждане СССР не возвращаются на Родину. Удар был рассчитан точно: после таких эпизодов страдали сотрудники КГБ и их руководители, их обвиняли в том, что они плохо надзирали за людьми, выезжавшими за границу. За любого заблудшего матроса или буфетчицу, оставшихся в иностранном порту, спрос был строгий. Отдел, отвечавший за зарубежные поездки, безжалостно «трясли», после чего, естественно, начиналась перестраховка: необоснованные запреты на выезд, недоверие к собственным гражданам. Страдали и работники ЦК КПСС из комиссии по выездам.

Убежден, подобная реакция служила катализатором и только усугубляла ситуации, в результате которых соотечественники оставались за границей. А западные спецслужбы тут же превращали их в некие политические фигуры.

Позднее, чтобы обезопасить себя, комиссия, выдававшая разрешения на поездки за границу по частным делам (существовала такая в системе КГБ), обходя инструкции, оговаривала: если данное лицо останется за границей, наши сотрудники, разрешившие выезд, ответственности за это не несут.

Я всегда считал, что руководитель любого ранга должен непосредственно участвовать в конкретной оперативной работе. Это нужно и для него самого — чтобы знать, в какой обстановке работают подчиненные, — и для тех, кем он руководит. Сотрудники будут уважать тебя и считаться с твоим мнением только тогда, когда оценят профессиональную компетентность. Поэтому я никогда не избегал так называемой «черновой» работы, напротив, постоянно старался выкроить для нее время. Чем ждать доклада с мест, лучше самому непосредственно быть в курсе событий. Кстати, ждать донесений, сидя в кабинете, ничуть не

легче, чем участвовать в операции. Впрочем, желающих получить информацию, чтобы поскорее доложить «наверх», хватало с избытком.

Мне хотелось на себе испытать те методы, с помощью которых обрабатывают советских граждан, убеждая остаться за рубежом.

В качестве заместителя директора круиза я был направлен на теплоходе «Грузия» на Всемирную выставку в Брюсселе. Задача состояла не только в том, чтобы препятствовать попыткам склонить наших граждан к невозвращению на родину, но и в проведении конкретных оперативных мероприятий контрразведывательного характера.

Теплоход прибыл в Антверпен, и у пассажиров, соответственно программе, началась туристическая жизнь. У меня же и моих коллег была своя программа. Уже в первый день представитель резидентуры в Бельгии предупредил, что НТС готовится к обработке туристов. Обсуждается даже возможность вывоза одного из них за переделы Бельгии. Можно себе вообразить, сколько тревоги доставило это сообщение. Вскоре все подтвердилось: в первый же день кое-кому из советских туристов предложили остаться в Бельгии, хотя они были предупреждены и старались держаться группами.

Мы взвесили все и решили, что на следующий день несколько человек отправятся бродить по выставке поодиночке, я тоже решил походить по павильонам. Хотелось проверить все на себе, если, конечно, меня надумают вербовать. Однако за весь день никто не подошел. Вечером везло больше — их начали «обрабатывать». Эти двое решили подать вербовщикам надежду: договорились о встрече на следующий день.

Однако на свидание отправился только один — пусть думают, будто второй струсил. Еще несколько человек стали разгуливать повсюду в одиночестве.

Пошел дождь, я переждал его под навесом какого-то павильона, как вдруг услышал русскую речь. Хорошо одетый господин средних лет обратился ко мне:

— Вы советский? Вот хорошо! А я журналист из Парижа, приехал с коллегой на выставку. — Он кивнул на стоящего рядом молодого человека.

Завязалась беседа. Поначалу разговор шел совершенно невинный: как нравится выставка, что произвело наибольшее впечатление. Постепенно и, надо сказать, умело «журналист» перевел беседу в другое русло. «Советский павильон, конечно, очень интересен, но мы ведь с вами знаем, и СССР, и другие страны обычно привозят на выставку экспонаты и товары,

изготовленные специально для такого случая, в самой стране их нет». Я промолчал. Потом мой собеседник заговорил о трудностях жизни, и особенно — в Советском Союзе.

Дождь кончился, и мы ушли из-под навеса. Гуляли по выставке часа два, «журналист», незаметно приближаясь к своей цели, заговорил о режиме в нашей стране. Мои возражения не стал оспаривать, видимо, боялся перегнуть палку и спугнуть «добычу».

Наконец я сказал, что мне пора возвращаться, и стал прощаться, заметив как бы между прочим, что, если нас увидят вместе, ничего хорошего это мне не сулит. «Журналист» понимающе закивал головой, сказал, что ему было очень интересно со мной побеседовать, и предложил встретиться на следующий день в 17 часов у фонтана. Он покажет мне «веселую» Бельгию. Я согласился. Именно в 17 часов уходил последний автобус, доставлявший наших туристов с выставки на причал. Таким образом, я на него не попаду. План собеседника не вызывал сомнений.

Утром директор круиза предложил мне поездку по стране на автомобиле туристической фирмы «Дженерал кар», принимавшей советских туристов. Поехали втроем: директор Касисинов, его заместитель и я. Шофер — бельгиец.

Поездка была чудесная, Брюгге, Гент, Остенде, древние города, и каждый со своим шармом и атмосферой — старая добрая Бельгия, изумительная средневековая архитектура. Смотрю по сторонам, а в голове неотступно: «В 17 часов у фонтана».

Мы уже возвращались, и до Брюсселя оставалось не более 40 километров, когда из-за каких-то неполадок машина встала. 15 часов. Мимо нас и навстречу мчатся автомобили, но ни один не остановился. Наконец к нам подъехала полицейская машина. Страж порядка расспросил обо всем шофера и пообещал прислать техпомощь. Но время шло, а ее все не было. Мои спутники забеспокоились: успеем ли явиться на судно без опоздания.

Я успокоил:

— Не волнуйтесь, все будет в полном порядке, к пяти часам вечера мне надо быть на выставке, и я прибуду туда вовремя. Езды осталось не более двадцати минут. Думаю, не позднее, чем без двадцати пять, мы двинемся в путь.

Я был убежден: вчерашний разговор дал вербовщикам надежду на то, что я захочу остаться в Бельгии, и уж они такую «добычу» не упустят.

Расчет был точный: без двадцати пять возле нас притормозила машина, водитель подошел к нам и объяснил, что

его послали забрать нас и подвезти на выставку. Техпомощь прибудет позже.

Действовал ли НТС заодно с фирмой, принимавшей нас, — не знаю, но в условленное время мы и в самом деле были на выставке. Я попросил спутников подождать несколько минут и направился к фонтану. Мои знакомцы радостно встретили меня.

— Господин Невский, — сказал я (а это был он, один из активных деятелей НТС, как нам удалось накануне установить по имевшейся в резидентуре фотографии), — мне уже совсем не хочется в «веселую» Бельгию, но я хотел бы поблагодарить вас за любезность.

Невский застыл на месте от изумления — он ведь не называл своей фамилии! В полной растерянности стоял и его молодой спутник.

Конечно, склонение советских граждан к невозвращению на Родину было лишь одной из целей НТС. Основным содержанием их деятельности являлось проникновение на территорию страны, поиск сообщников непосредственно в советской среде. Это обстоятельство в первую очередь требовало внимания к НТС со стороны контрразведки, в том числе 5-го Управления. Проводя оперативные мероприятия совместно с внешней разведкой, мы стремились выявить лиц, сотрудничающих с НТС, их участие в подрывных акциях.

И надо сказать, делали это небезуспешно. Например, в 70-е годы мы знали почти всех адресатов, к которым шли зашифрованные радиопередачи, были готовы к приему засылавшихся эмиссаров.

Сейчас, когда НТС получило право иметь свои организации на территории России, убеждаюсь в безошибочности наших наблюдений и выводов. Практически все, кто признал ныне свою давнюю связь с НТС, были известны нам и находились под наблюдением. Немногие из них привлекались к уголовной ответственности, так как их принадлежность к НТС не выражалась в действиях, а лишь ограничивалась признанием программы «солидаризма».

ИГРА В ПУСТЫЕ ВОРОТА

НА ЗАПАДЕ СУЩЕСТВОВАЛО немало центров, организаций, фондов различных направлений, которые вели подрывную работу против Советского Союза, рассчитанную на дестабилизацию обстановки, на компрометацию партии и советского руководства. Их деятельность координировали и направляли специальные службы. Они именовались подразделениями «психологической войны».

При штабе НАТО, например, действовало специальное подразделение, осуществлявшее «психологические операции». Важная роль в проведении подрывной пропаганды принадлежала Информационному агентству США (ЮСИА).

Антисоветские организации националистического характера, группирования, возникшие в эмигрантской среде, такие, как «Союз борьбы с коммунизмом», названный уже НТС, сплачивались вокруг «Комитета радио «Свобода» и «Свободная Европа», в системе которых действовали редакции, созданные по территориально-национальному принципу (украинская, узбекская, белорусская и т. д.). Все они финансировались и работали под контролем американских спецслужб, сотрудники которых имели официальные должности в их структурах.

Специалисты «психологической войны» использовали любые возможности для создания конфликтных ситуаций на территории СССР, поддерживали любые силы, способные так или иначе обострить обстановку. Они пользовались дезинформацией, основанной на вымыслах, беззастенчивом искажении фактов, лишь бы вызвать недоверие к советской действительности.

Организаторами подобных акций нередко выступали сотрудники посольства США в Москве. Их не раз разоблачали, когда они пытались из-за кулис дирижировать выступлениями различного рода борцов против советской власти или стремились создать так называемые «очаги сопротивления». Речь идет не о разведчиках, которые занимались сбором информации, я говорю о тех, кто готовил идеологические диверсии, кто старательно раздувал огонь «холодной войны».

Вот на первый взгляд не столь уж значительный пример, но он типичен, ибо наглядно показывает, как наши противники использовали малейшие возможности, чтобы спровоцировать конфликты.

В 1960 году в Москве открылся Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. С первых дней он стал объектом пристального внимания политического отдела посольства США.

Сотруднику посольства Гарнету было специально поручено заниматься студентами университета, он получил конкретное задание: сеять междоусобицу между отдельными национальными группами студентов, вызывать недоверие к преподавателям, скомпрометировать саму идею обучения иностранных студентов в Советском Союзе.

Особое внимание Гарнет уделял студентам из Африки. В результате его подстрекательства возникло несколько конфликтов африканских студентов с администрацией университета, поводом к которым служили явно инспирированные основания. Многим студентам предлагали уехать на учебу в западные страны, чаще всего в ФРГ. Более того, Гарнет пытался организовать массовый отъезд африканцев из СССР. Когда деятельность этого дипломата приобрела откровенно противоправный характер и мы получили неопровержимые тому доказательства, было решено провести встречу сотрудников КГБ со студентами университета, на которой придать гласности намерения американца. Как и ожидали, действия Гарнета вызвали крайнее возмущение. После встречи в университете обстановка стала намного спокойнее, а Гарнету пришлось покинуть страну.

Сошлюсь еще на один пример.

В 1987 году в Москву приехала большая группа крымских татар, требовавших вернуть их на постоянное жительство в Крым. Проблема была непростая, и решить ее в несколько дней невозможно — любое стремление найти компромисс наталкивалось на упорное сопротивление татарских лидеров. Вскоре мы убедились, что за спиной у них стоят сотрудники политического отдела посольства США, которые неизменно поддерживали экстремистски настроенных татарских активистов, не желавших слушать никаких доводов, всячески поощряли их действия и, по существу, инспирировали конфликты с властями. Когда мы получили веские доказательства, эти факты были преданы гласности. Это оздоровило обстановку среди прибывших в Москву крымских татар. Они не хотели постороннего вмешательства в решение их судьбы.

В 70-е и особенно в 80-е годы центры «психологической войны» сделали ставку на так называемое «правозащитное движение». Это отчетливо проявилось после совещания по вопросам разоружения и безопасности в Европе, которое состоялось в Хельсинки в 1976 году.

Инициатива проведения совещания принадлежала Советскому Союзу и его союзникам по Варшавскому пакту. Вначале ее поддержали далеко не все страны Европы. Отрицательно отнеслась к идее даже Великобритания. Тем не

менее благородные цели не могли не воздействовать на умы политиков, на их авторитет, и совещание состоялось.

Достижение договоренностей о сокращении ядерных и обычных вооружений, и прежде всего военных потенциалов США и СССР, стало событием огромного значения, так же как и договоренность о нерушимости границ в Европе. Однако свое участие в совещании западные государства компенсировали условиями, заложенными в так называемой «третьей корзине». Это раздел соглашений по правам человека (свобода слова, свобода печати, свобода передвижений и т. д.).

Советская сторона весьма неохотно пошла на принятие этого раздела. И не потому, что хотела скрыть имевшиеся в этой области нарушения, а так как была очевидна основная его направленность — создать на территории СССР условия для проведения так называемых «психологических операций». Немотивированный отказ от явно провокационной «третьей корзины» грозил срывом всех договоренностей, в поисках выхода из создавшегося тупика советское руководство вынуждено было пойти на уступки.

Сегодня можно сказать, что тем самым было положено начало сдачи позиций великой державой. Для Запада стала очевидной возможность диктовать свои условия Советскому Союзу.

Воспользовавшись сложившейся ситуацией по «третьей корзине» и получив некую свободу действий на территории СССР, центры «психологических операций» не преминули воспользоваться этим.

По их инициативе в Москве, Киеве, Тбилиси и других городах страны возникли неофициальные группы по контролю за соблюдением хельсинкских договоренностей.

Они ставили целью выявление фактов нарушения прав человека в СССР и передачу этих данных в посольства иностранных государств — участников совещания в Хельсинки. Для этого их снабдили специальными бланками.

Дело, казалось бы, благородное, если бы за этим не скрывался замысел легального сплочения сил, проявлявших себя противниками государственного строя.

Не случайно среди них были те, кто в последующие годы оказался во главе разрушительных процессов.

Фактически это были структуры, призванные вести идеологическую борьбу против режима, подстрекать советских граждан к противоправным действиям.

Сейчас очень сложно об этом писать. В наши дни «правозащитное движение» окружено ореолом героизма, стало

символом борьбы за демократию. Бывшие правозащитники открыто признают, что активно боролись против существовавшего строя, тогда как в прежние годы они именовали себя всего-навсего «инакомыслящими».

А между тем истина такова: политический отдел посольства США, и в частности его сотрудник Ричард Колмс, имели постоянную связь с представителями группы «Хельсинки» в Москве. Через него шла тайная, но весьма последовательная поддержка этих групп.

Организаторы психологических операций не без оснований видели в них силу, направленную на подрыв доверия к власти. Наиболее активные участники названных групп поощрялись Западом, и не только морально.

Следует отметить, что правозащитное движение было очень неоднородным. Подавляющее число людей, включившихся в него, искренне желали демократических перемен. Они выступали против отживших методов руководства страной, против привилегий высшей номенклатуры и бюрократов, попиравших права граждан. В необходимость перемен искренне верили многие творческие работники, видные ученые, да и простые люди. Это были действительно «инакомыслящие», не посягавшие на конституционный строй. Однако они невольно прикрывали тех, кто вынашивал совсем иные планы и преследовал совсем иные цели, кто, выполняя волю зарубежных спецслужб, вел борьбу против самого строя. Когда же некоторых участников подрывных акций привлекали к уголовной ответственности, многие из искренне заблуждавшихся людей, не разобравшись, становились на их защиту. Так расширялось поле недовольных.

Хорошо помню слова одного члена украинской группы «Хельсинки». Заранее прошу прощения, если ошибаюсь, но, по-моему, это был Лукьяненко, лидер республиканской партии Украины, ныне посол Украины в Канаде. «Нам эти московские диссиденты, — заявил он, — не так уж и важны. Но они помогут решить наши национальные проблемы, избавиться наконец от москалей».

Немалую роль в поощрении «правозащитного движения» играли и высшие эшелоны власти США, о чем — сам того не желая — убедительно свидетельствует бывший участник «хельсинкской группы» Орлов в своей книге «Опасные мысли».

Рассказывая о встрече с государственным секретарем США Джорджем Шульцем перед поездкой президента Рональда Рейгана в Москву, он пишет: «…я попросил его (Шульца), а позднее президента встретиться в Москве не только с отказниками, желавшими выехать из страны, но также — и

притом отдельно — с диссидентами, целью которых было изменение самого советского режима, что было Рейганом и Шульцем сделано».

Приведу еще одну цитату из инструкции американских спецслужб:

«…используйте в своих интересах отдельные политические моменты, которые несут в себе происходящие перемены: расширение гласности, критики и самокритики, более жесткий контроль за соблюдением социалистической законности, обеспечением прав граждан и т. п. Генеральное направление борьбы есть наступательные действия, в которые необходимо включать широкие круги различных слоев народа.

Прибегая от простейших к более сложным формам борьбы. Каждому социальному бунту или недовольству необходимо немедленно придавать национальный характер. Национально-политические цели должны быть доминирующими мотивами, даже если перво причина была не в этом».

Документ этот извлечен не из сейфов ЦРУ и не из досье КГБ, он был опубликован в печати. К сожалению, опасность подобного рода установок и действий не вызывала реакции у высшего руководства партии и государства.

Ситуация напоминала «игру в пустые ворота». Вратарь не то что ушел из ворот, но своим бездействием шокировал и защитников, и нападающих. Наступил паралич власти.

КАК ВЕРБУЮТ И ВНЕДРЯЮТ АГЕНТОВ

ПРОНИКНОВЕНИЕ В СЕКРЕТНЫЕ центры и вербовка агентов являются одной из важнейших задач спецслужб любой страны. И задача это далеко не простая. Человек, призванный выполнять такую работу, должен отличаться не только огромной выдержкой, силой воли и мужеством (помимо специального образования и профессиональной подготовки), но должен обладать еще интуицией и достаточным интеллектом.

Действуя во враждебной среде, разведчику необходимо уметь быстро ориентироваться в любой самой сложной ситуации, предугадывать возможные действия противника, «просчитывать» варианты, продумывать свои ответные шаги.

Разведчик обязан досконально изучить историю, быт, нравы и обычаи страны, где он работает, изучить во всех деталях.

Известно, что во многих государствах мира ведется постоянная слежка за большинством людей, впервые появившихся в стране. Проверяют, с кем человек встречается, чем интересуется, знакомятся с его привычками, наклонностями, телефонными переговорами и перепиской, не падок ли он на деньги — короче говоря, внимательно изучается каждый поступок, каждый шаг.

Сотрудник, выполняющий специальное задание, должен обладать хорошей памятью, без труда запоминать лица, тексты, номера телефонов. Он может выполнять порученное ему дело, если способен отказаться от своих привязанностей, привычек и увлечений. Часто разведчикам приходится надолго терять связь с семьей и близкими, скрывая от них причину долгого отсутствия, приходится вести жизнь, полную тревог, не дающую возможности расслабиться ни на час.

Но даже владеть всеми этими качествами недостаточно. Остается главное: во имя чего соглашается человек на такую жизнь. Это обычно либо глубокая убежденность в правоте дела, которому ты служишь, либо желание заработать большие деньги.

Доверия к алчному человеку у нас никогда не было, ведь достаточно заплатить такому побольше, как он тут же переметнется на другую сторону.

Если бы я даже имел право рассказать, каким образом подбираются и внедряются агенты, как вербуются информаторы, я все равно не смог бы этого сделать, ибо тут нет готовых рецептов. Из множества подобных дел за долгие годы не найти двух

совершенно одинаковых.

И тем не менее я напомню одну историю, о которой уже сообщалось в печати. Это пример, если так можно выразиться, технологического процесса вербовки и внедрения агентов в годы «холодной войны».

Запад долго отказывался продать нам даже столь важную «стратегическую» продукцию, как зерно. Но вот начались успешные переговоры с Канадой, сулившие значительные экономические выгоды. Тут же в действие вступили канадские спецслужбы, которые поддержали их американские коллеги.

Средства массовой информации Канады начали бешеную антисоветскую кампанию. Естественно, переговоры, уже шедшие к благополучному завершению, затормозились. План закупки зерна, на который возлагались большие надежды, оказался под угрозой.

Надо было принимать срочные меры, чтобы остановить провокационную кампанию. Над этим лихорадочно работали и в высших эшелонах власти, и в органах госбезопасности.

Алексей Богданович Мартынов, сотрудник объединения «Союззагранпоставки», работал на выставке «Экспо-67» в Монреале. Он часто встречался с представителем канадской фирмы «Барнет Дж. Дансон Ассошиейтс лимитед», обаятельнейшим канадским коммерсантом Джеффри Вильямсом, и у них сложились теплые отношения. Вильямс, опытный бизнесмен, отлично знавший местную конъюнктуру, не раз давал Мартынову полезные советы и вообще оказывал всяческое внимание. Мартынов старался отвечать тем же.

Алексей Богданович хорошо рисовал. У него была привычка во время совещаний набрасывать в блокноте различные эскизики, женские головки, фигурки. Однажды нарисовал целый пейзаж. Вильямс, сидевший рядом, пришел в восторг. Сказал, что на этом они оба могут сделать приличный бизнес. Он предложил Мартынову нарисовать рождественскую открытку, за которую обещал 25 тысяч долларов.

— За этакую малость такие деньги? — удивился Мартынов. — Любой профессиональный художник сделает это куда лучше меня всего за несколько десятков долларов… И зачем вам эта открытка?

Вильямс поразился:

— Как зачем? Я напечатаю ее огромным тиражом, напишу, что автором является русский коммерсант. Кто же откажется купить такой уникальный экземпляр?

— У нас не принято заниматься частным бизнесом, — ответил Мартынов, — да и такая реклама может мне повредить.

Вильямс понял: заработать Мартынов не прочь, но хотел бы избежать огласки. Спустя некоторое время предложил ему приличную сумму за довольно мелкую коммерческую услугу. Мартынов согласился, но это был последний день его пребывания в Канаде, и он просто не успел ничего сделать. Однако считал, что еще не все потеряно: в Москву он вернется, но потом его вместе с семьей собираются отправить в Канаду на три года.

По приезде в Монреаль он возобновил свои встречи с Вильямсом. Последовало еще одно предложение. Мартынов принял его и получил крупную сумму в долларах.

С этого все и началось. Следующее свидание Мартынова состоялось с руководителем подразделения РСМП (орган разведки и контрразведки Канады) Дантремоном в полупустом вагоне поезда Монреаль — Оттава. Дантремон, занимавшийся наблюдением за советской колонией в Монреале, после кратких, ничего не значащих фраз объявил:

— Итак, у вас товар, у меня — деньги.

— Какой товар вы имеете в виду?

— Разве не ясно? Информацию. Не волнуйтесь, не военную и даже не экономическую. Просто расскажите о своих товарищах по работе в Канаде и Москве, их привычках и склонностях, о сильных и слабых сторонах, материальной обеспеченности, ну и прочие мелочи.

Наступила тяжелая пауза. Затем Мартынов сказал:

— Мне надо подумать. И еще я хотел бы знать, какую сумму получу. Кроме того, если соглашусь, мне нужны гарантии безопасности.

— Это не проблема. Я обеспечу вам письменные гарантии одного из четырех высокопоставленных лиц Канады: министра иностранных дел Шарпа, премьер-министра провинции Квебек Бурасса, министров Пелетье или Шарбоно.

Деньги были обещаны немалые, и тем не менее Мартынов колебался. Поезд уже подходил к Оттаве, где его встречали советские коллеги, и их разговор так ничем не закончился.

Однако Мартынова не оставили в покое. Следующая встреча состоялась с шефом Дантремона, руководителем отдела той же разведки Биллом Клиффом в плавучем ресторане «Харбор Боут». Клифф, добродушный, обаятельный, остроумный человек лет сорока, встретил Мартынова словно старого приятеля. Справился о здоровье, спросил, как понравилась Канада, и наконец перешел к делу.

— Мне известно, — сказал он, — что вы проявляете особое беспокойство о своей безопасности. Наши службы работают так, что утечка какой-либо информации абсолютно исключена, но мы

с пониманием относимся к вашим опасениям. — Он положил на стол визитную карточку на имя Михаила Дзюбы, сотрудника фирмы «Данггаррвин компани лимитед». — Это ваша карточка и паспорт на ваше имя. А вот это, — он положил на стол бумагу, — прочтите сами.

На гербовом государственном бланке министра юстиции Канады Уоррена Олмменда с его подписью было написано:

«Настоящее письмо гарантирует в соответствии с канадским законом об эмиграции 8/1/, что Михаил Дзюба является гражданином Канады со всеми вытекающими последствиями.

Одновременно канадское правительство гарантирует предоставление убежища Михаилу Дзюбе в любое удобное для него время».

— А вот это ваш счет в банке, — закончил Клифф.

Я опущу описание почти десятилетней деятельности Мартынова в качестве агента РСМП. По роду своей работы во Внешторге он часто выезжал в различные страны, встречался там с представителями не только канадской, но и американской разведки, получал все новые и новые, щедро оплачиваемые задания.

Во время одной такой встречи Клифф предупредил, что в следующий раз с Мартыновым встретится некий господин Норман, с которым нужно говорить предельно откровенно. Норман позвонил через четыре дня и назначил свидание в ресторане.

Вот как описал его Мартынов:

— Я пришел туда раньше и сел за уединенный столик. Вскоре появился человек высокого роста и, поздоровавшись, плюхнулся на стул рядом со мной.

— Я вас слушаю, — сказал он.

Я возмутился и спросил, кто он, что ему угодно. Быстрым движением собеседник извлек визитную карточку и положил передо мной. Я прочитал: «Стад-ник. Торговый представитель фирмы «Хаски инджекшиен холдинг система лимитед» в Оттаве».

— Это ничего мне не говорит, господин Стадник, — сказал я.

— Стадник — это вы! — отрезал он. — Это ваша визитная карточка. Михаил Дзюба умер. Нет больше Дзюбы. И Билла Клиффа нет, ушел на пенсию. Я четвертый человек в руководстве РСМП. Теперь будете работать со мной. Звонить вам нужно по телефону, указанному в визитной карточке Стадника.

Я удивился: зачем мне надо менять фамилию? Ведь на имя Дзюбы уже открыт счет в банке и выписано множество различных документов.

— Менять надо обязательно, — властно сказал он. — Дзюбу

знает ЦРУ, как меня проинформировал Билл. Что же касается ваших документов и счетов в банках, это не проблема.

Тут он достал из кармана пачку бумаг, извлек оттуда канадский паспорт с моей фотографией на имя Ярослава Стадника.

Мартынову меняли фамилии, должности, каждый раз снабжая соответствующими документами и требуя новой секретной информации. Агент РСМП Квилли вручил ему даже специальный вопросник:

«1. Схема и описание «Союззагранпоставки» и ваше место в этой организации.

2. Направление деятельности и интересы «Союззагранпоставки» в Канаде.

3. Конкретные лица, работающие по линии «Союззагранпоставки» в Канаде, и их интересы.

4. Какие советские предприятия оборонного характера являются клиентами «Союззагранпоставки». Их местонахождение и почтовые адреса.

5. Имена руководителей этих предприятий и их характеристики.

6. Потребности конкретных советских министерств в оборудовании, закупаемом «Союззагранпоставкой» для выполнения советской космической программы.

7. Характер заявок, поступающих в «Союззагран-поставку» от министерств, занятых производством военной продукции. Виды этой продукции».

Были и другие вопросники такого же характера. Одновременно Мартынов получил конверт с долларами. Квилли предупредил:

— К следующей встрече вам дадут еще один вопросник, который для нас представляет особый интерес. Поэтому против каждого вопроса будет проставлена цена. От ста долларов до нескольких тысяч.

Ответы на эти вопросы, как и на все предыдущие, готовил не Мартынов, и линию его поведения «выстраивал» не он один. Все это делалось разведчиками КГБ. Они получили фотографии, узнали характеры и повадки многих работников РСМП и ЦРУ. Выяснили, что именно интересует западные спецслужбы.

Сотрудники госбезопасности, занимавшиеся этим делом, своими ответами старались дезориентировать противника. Надо было, чтобы Мартынову верили, и для этого изыскивались самые различные способы. Например, нашим сотрудникам было известно, какие помещения Внешторга прослушиваются канадской разведкой, и именно там велись разговоры,

содержавшие малозначащие «секреты», о которых впоследствии сообщал «хозяевам» Мартынов.

Использовались и другие, более убедительные средства, чтобы отвести возможные подозрения от Мартынова. Имена всех участников операции я и сейчас еще раскрыть не могу.

Когда же в Канаде через несколько лет после начала этой операции разразилась антисоветская кампания, сулившая нам серьезные экономические трудности, МГБ решило «пожертвовать» Мартыновым — не посылать его больше за пределы страны. «Литературная газета» опубликовала эту детективную историю, точнее — рассказ самого Мартынова — и напечатала клише с подлинных документов. Были названы фамилии не только нескольких сотрудников канадских спецслужб, но и имена крупных государственных деятелей, совершавших подлоги документов, в том числе двух членов парламента, являвшихся вдох-новителями антисоветской кампании: Тома Коссита и Отто Еленика.

В конце статьи газета обратилась к президенту канадского банка «Бэнк оф Монреаль»:

«Закройте счета № 5003—49 в Оттаве на имя Михайла Дзюбы и № 1065—795 на имя Ярослава Стадника, ибо таких людей не существует, а заодно объясните, почему банк выдал мифическому Стаднику кредитную карточку под номером 51918 190 466 827?

И пусть президент швейцарского банка «Свис бэнк корпорейшн» в Цюрихе по тем же причинам закроет счет № РО-326—863».

Затем газета обратились и к канадским журналистам: «Проверьте все, о чем рассказал Алексей Мартынов. Конечно, в банках едва ли удастся получить какие-либо справки. Пойдите в страховое общество, проверьте, на каком основании, по чьим заявлениям и кому выданы карточки социального страхования № 612006692 и 472146067 на имя несуществующих Михаила Дзюбы и Ярослава Стадника.

Совсем нетрудно проверить, как, кем, на основании чего 1 апреля 1975 года был выдан паспорт № АГ-287302 и свидетельство о рождении 10 октября 1930 года в канадской провинции Саскачеван за № Г-63641 на имя Михаила Дзюбы, а 3 мая 1977 года в Оттаве — паспорт № ДН-406638 (реферативный номер Г-396067) на имя Ярослава Стадника, родившегося 26 апреля 1930 года в Оттаве, хотя на фотографиях обоих паспортов одно и то же лицо.

Посетите фирму «Хаски». Пусть вам покажут торгового представителя фирмы в Оттаве — несуществующего Стадника. Попробуйте позвонить по «его» телефону номер (613) 234—8602

по визитной карточке Михаила Дзюбы — представителя фирмы «Дангарвин».

Вам ответят не из контор фирм. Вам ответят из штаб-квартиры РСМП — канадской разведывательной службы.

Если вы это сделаете, станет ясно, к каким подлогам прибегают РСМП вместе с ЦРУ для организации шпионажа против СССР».

В примечаниях к статье газета сообщала, что располагает столь же достоверными фактами о других более коварных акциях РСМП и, возможно, опубликует их.

Однако второй публикации не потребовалось. По-еле выступления Мартынова кампания эта прекратилась и переговоры с Канадой, из-за которых нам пришлось пойти на подобную акцию, завершились успешно.

Легко представить себе, каким интеллектом, каким мужеством, выдержкой, силой воли и находчивостью обладал Мартынов, чтобы на протяжении долгих лет ходить по острию ножа.

Мне не пришлось работать в разведке, хотя, не скрою, желание такое возникало и даже стояло на грани осуществления. История Мартынова изложена мною сознательно. «Холодная война» велась против СССР и за его пределами. Естественно, что в противодействии ей участвовали не только контрразведчики, но и разведчики. Именно последние проводили рискованные операции за рубежом, добывая документы о планах западных спецслужб, их конкретных операциях на территории СССР, именно они вооружали контрразведку важнейшей информацией, помогали блокировать и срывать акции центров «психологической войны», направленные на проникновение в СССР.

Мне дороги отношения с сотрудниками советской разведки, памятны совместные дела, многие из них и сегодня остаются моими добрыми друзьями.

ЗАГАДОЧНЫЙ КОНТЕЙНЕР

СОТРУДНИКАМ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ приходилось подчас решать поистине головоломные задачи, и надо сказать, что при сегодняшнем высочайшем уровне развития науки и техники без помощи ученых и специалистов из различных областей знаний расшифровка некоторых хитросплетений была бы просто невозможна.

Например, органы безопасности обнаружили на дне Охотского моря аппаратуру, которая снимала с кабеля связи и записывала телефонные переговоры. Безусловно, люди, обнаружившие это устройство, не подвергались такому риску, как, скажем, наш агент в диверсионной школе, однако совсем не просто было отыскать «иголку в стоге сена» — обнаружить секретную аппаратуру. Эта крупная акция западных спецслужб была раскрыта в результате совместных действий органов безопасности с учеными-специалистами высокой квалификации.

Ученые-эксперты оказали нам неоценимую помощь и в истории с контейнером.

Стало известно, что среди сотен тысяч контейнеров, погруженных на железнодорожные платформы, днем и ночью колесившие по необъятным просторам России, находится один, представляющий серьезную опасность для нашей страны. Как отыскать его?

Контрразведчиками была проделана огромная работа, и наконец контейнер удалось обнаружить. Он демаскировал себя наличием непредусмотренных для обычных контейнеров неких форточек, подобных дверцам, закрывающим иллюминаторы на кораблях. И надо было обнаружить такое отличие. Одно слово — терпение, настойчивость в поиске. Из сопроводительных документов контейнера явствовало, что в нем находятся фаянсовые изделия японского производства, следующие из Японии по Транссибирской магистрали транзитом через Москву в Ленинград, а оттуда — водным путем в Гамбург. Японцы доставили контейнер в порт Находку, где его погрузили на железнодорожную платформу. Документы на груз были в порядке и не вызывали никаких подозрений.

Обнаружили контейнер в районе Иркутска. Посовещавшись, решили вскрыть пломбы, хотя понимали всю меру ответственности, которую берем на себя. На карту поставлен престиж страны — случай беспрецедентный: по пути следования досматривается в отсутствие отправителя и получателя мирный груз иностранного государства. А вдруг в контейнере окажется

именно то, что указано в документах?

Срезали пломбы, распахнули двери. По всей длине контейнера от пола до потолка сложены аккуратно упакованные ящики. Вскрыли первый… второй… В мягкой упаковке оказались красивые фаянсовые вазы. Неужели ошибка? Не может быть! Хорошо знали, из каких надежных источников была получена информация. Так грубо ошибиться не могли! Продолжили осмотр и вскоре обнаружили позади ящиков фанерную перегородку, а за ней — достаточно просторное помещение с нагромождением загадочной аппаратуры.

Пригласили экспертов. Они во всем разобрались. Это была сложная система, оснащенная блоком регистрации гамма-излучений и блоком питания к нему, блоком накопления, обработки информации и управления всем комплексом. Обеспечена она была автономным питанием, а также снабжена термолюминесцентными дозиметрами и фоторегистрирующей аппаратурой.

Внимательно изучив это устройство, ученые-эксперты пришли к заключению, что в контейнере находилась специальная лаборатория, способная собирать и накапливать информацию на всем протяжении пути от Находки до Ленинграда. Уникальная разведывательная система фиксировала наличие сырья для атомного производства, сами производственные объекты и многое другое, с ее помощью можно было определить места разработки атомного сырья даже после того, как работы там уже прекратились, «засечь» транспорт, на котором перевозились компоненты атомного производства, и определить направление их движения. В местах наиболее интенсивного излучения автоматически открывались вентиляционные заслонки контейнера и производилась фотосъемка окружающей местности глубиной до нескольких километров по обе стороны железнодорожного полотна. Показатели излучений и фоторегистрации, счетчики километража давали возможность точно определять, где именно находится данный объект, и получать ряд других, не менее важных данных. Таким же образом можно было «прощупать» едва ли не всю территорию страны.

Нелегко пришлось японской фирме, сотрудничавшей с нашей страной и осуществлявшей транзит контейнеров по Транссибирской железнодорожной магистрали. В самом деле, как признать, что они помогают американским спецслужбам в разведывательной деятельности против СССР. Однако у нас в руках были неопровержимые доказательства.

По всем данным, лаборатория была изготовлена в США. Следовательно, ее переправили затем в Японию, скорее всего

морским путем, как только работа была бы завершена, ее доставили бы обратно в Штаты, по какому-то иному маршруту.

Отпираться японские бизнесмены не могли, а вместе с тем им вовсе не хотелось рвать связи с Советским Союзом и компрометировать себя перед всем миром. Фирма готова были уплатить полмиллиона долларов, только бы сохранить свой престиж перед неминуемым международным скандалом.

Однако рекламировать свой успех мы и сами не собирались; на дворе уже стоял 1989 год, наступило потепление в международной обстановке, и контрразведка вынуждена была снижать активность в противоборстве с американскими спецслужбами. А. А. Громыко к тому времени на посту министра иностранных дел сменил другой член Политбюро, который подобного рода разоблачений в силу нового мышления явно избегал.

Американская лаборатория на колесах представляла собой последнее слово техники и оценивалась в десятизначную сумму в долларах. Впрочем, дело было не в деньгах — провал грандиозной шпионской операции парализовал систему, которая должна была предоставить американским спецслужбам важные данные об атомном производстве и оружии.

Ученым США удалось воплотить в жизнь замечательную и оригинальную техническую идею, результат мог оказаться просто фантастическим, однако применить лабораторию на деле нашим противникам не удалось.

Однако следует признать, что далеко не всегда наша борьба с западными спецслужбами велась столь успешно. Терпели мы и поражения — иной раз весьма чувствительные.

Расскажу об одном.

В конце 80-х годов не случайно было найдено американское подслушивающее устройство в пункте сосредоточения кабелей связи секретных и сверхсекретных телефонных переговоров. Американским разведчикам удалось установить его не в каком-нибудь из московских здании, а на значительном расстоянии от столицы, под землей — в распределительном колодце, куда сходились линии правительственной связи и оперативной связи центрального аппарата КГБ СССР со службами внешней разведки. Там же проходил канал связи с лазерным центром в городе Троицке.

Вот в этом-то колодце американским агентам удалось установить аппаратуру, способную записывать телефонные переговоры на магнитофонную пленку. Несмотря на то что было довольно сложно извлекать из колодца готовые кассеты с записью, сотрудники резидентуры ЦРУ с этим справились. Это

был несомненный успех американских спецслужб, свидетельствовавший о профессионализме сотрудников разведки, работавших в Москве.

Каким образом удалось установить аппаратуру, мы так и не узнали. Скорее всего в бригаду строителей линии связи был внедрен агент, а может, даже несколько агентов, причем то были не простые землекопы или каменщики, а квалифицированные технические специалисты.

Это обстоятельство и то, что американский агент имел затем возможность извлекать из колодца записанную информацию, было, безусловно, непростительным промахом нашей контрразведки. Открыть такой колодец одному человеку совсем непросто. Так как же это все-таки удалось?

В определенные дни одетого «под туриста» сотрудника резидентуры вывозили за город. Служба, наблюдавшая за посольством, его не видела из-за принимавшихся мер, маскировавших выезд. За Москвой на некотором расстоянии от колодца он выходил из машины и под видом туриста, с рюкзаком за плечами, стараясь запутать следы, добирался до заветного колодца. С помощью специальных инструментов, дававших возможность справиться с люком без посторонней помощи, он поднимал крышку, опускался в колодец — что было тоже совсем нелегко, — забирал кассеты с записью и, заложив новые, возвращался в Москву.

В конечном итоге, с помощью агентуры, мы раскрыли некоторые детали операции американских спецслужб и разработали план захвата агента на месте. Заготовили несколько вариантов поимки шпиона, один надежнее другого. Казалось, предусмотрели все, были предельно осторожны, даже не прекратили переговоры по секретной связи, но и здесь нас постигла неудача: агент у колодца больше не появился. Нам ничего другого не оставалось, как подсчитать урон, который нанесла стране эта операция американской разведки, и срочно внести коррективы в дальнейшие планы и мероприятия.

ПРОВАЛ ПРОВОКАЦИЙ ЗАПАДНЫХ СПЕЦСЛУЖБ

БОЛЬШИМ ИСПЫТАНИЕМ для советских органов госбезопасности стали проходившие в период разгара «холодной войны» Олимпийские игры 1980 года в Москве. Тревога усиливалась в связи с тем, что в то время в памяти еще не изгладились события, произошедшие на Олимпиаде в Мюнхене, когда арабские экстремисты расстреляли израильских спортсменов. Тогдашний министр внутренних дел ФРГ Г. Геншер, отвечая репортерам на пресс-конференции, состоявшейся после трагической ночи, отметил: «Вы пожинаете плоды вашей кампании. Вы этого хотели?» Он имел в виду публикации печатных органов ФРГ, в которых журналисты осуждали «чрезмерные» усилия по охране Олимпиады. С горечью вспоминал об этом трагическом событии и полицай-президент Мюнхена М. Шрайбер, который под давлением прессы значительно ослабил меры безопасности в Олимпийской деревне.

Обстановка в год Олимпийских игр в Москве была не из легких. Как известно, по инициативе Соединенных Штатов эту Олимпиаду бойкотировал ряд западных стран.

Тем не менее в Москве нашлось немало любителей критиковать органы правопорядка за излишнюю бдительность, а некоторые прямо выступали с требованием ослабить режим охраны. Легко проявлять «демократизм», если ты не отвечаешь за человеческие жизни, за честь страны!

А между тем со страниц зарубежной печати звучали открытые призывы к террору и провокациям. Задолго до Олимпиады-80 почти одновременно появились две книги: бывшего кадрового разведчика Роберта Вача — в Англии и Джеймса Паттерсона — в США. В обоих произведениях очень красочно опись! — вались те страхи и ужасы, которые довелось испытать героям этих книг во время вымышленной Олимпиады в Москве. Обывателя запугивали жуткими картинами убийств и взрывами. Фактически это был своеобразный инструктаж для террористов. В книге Паттерсона прямо указывалось, какое оружие, каким образом можно завезти в Москву и где его хранить до определенного момента. Подробно описывались места, где лучше произвести взрывы, откуда удобнее стрелять. Зачем? На всякий случай — а вдруг найдутся желающие взрывать и стрелять. Мюнхен оставался неотомщенным, кое-кому очень хотелось, чтобы кровавые события повторились в Москве.

Те, кто ставил целью вызвать эксцессы на Олимпиаде, не

только писали книги, они искали потенциальных исполнителей террористических и провокационных акций, усиленно занимались подстрекательством к подобным действиям.

Весной 1980 года Ленинград и Москву посетили двое английских туристов, один из которых представился членом парламента Аткинсоном. В Ленинграде эти двое сразу обратили на себя внимание после встречи с человеком, который находился под наблюдением местной службы контрразведки. Была зафиксирована проведенная «туристами» агентурная акция — они вышли на конспиративную встречу с завербованным ранее гражданином.

Естественно, мы готовились встретить их в Москве. Аткинсон и его напарник остановились в гостинице «Националь». Однажды вечером они вышли в город. Вид у «зарубежных туристов» был весьма непрезентабельный; старые потрепанные джинсы, грязные свитера, тяжелые сумки через плечо (позднее мы выяснили, что там находились книги, листовки и деньги). Аткинсон с приятелем некоторое время бродили по городу, пытаясь проверить, не ведется ли за ними наблюдение, и наконец добрались до Перова на окраине Москвы, где в одном из темных переулков их поджидал «московский друг». Наблюдавшие сотрудники были немало удивлены, обнаружив, что этим «другом» оказался священник. Не стану называть его имя, как и другого участника встречи, который сейчас стал известным политическим деятелем. «Друг» провел новых знакомых в свою квартиру, и через два часа, избавившись от тяжелых сумок, «туристы» отправились в обратный путь. Стало известно, что они обсуждали со своими «московскими друзьями» возможность осуществления провокации на стадионе в день открытия Олимпиады-80. Рассматривалось несколько вариантов вызова паники на трибунах, переполненных зрителями. Предполагалось пустить в ход хлопушки, имитирующие взрывы, спровоцировать скандал с милицией. Короче, они были готовы организовать любые эксцессы, чтобы сорвать или омрачить открытие Олимпийских игр.

Пытались подстрекать к противоправным акциям и участников Олимпиады. Например, готовилась обструкция при награждении олимпийских чемпионов, причем зачинщиком должен был выступить один из французских спортсменов. Мне пришлось провести официальную встречу с руководителем французской делегации. От имени службы госбезопасности я просил не допустить нежелательных эксцессов, и наша беседа дала нужный результат.

Желая во что бы то ни стало подорвать престиж Игр, не остались в стороне и представители спецслужб западных стран,

работавшие в посольствах. Помню, как в спортивном комплексе нам с трудом удалось буквально вырвать из рук американцев афганского борца. Они имели намерение отвезти его в посольство США и разыграть там спектакль: якобы афганец попросил политическое убежище.

Запомнился один вечер в Олимпийской деревне. На дискотеке произошел спровоцированный скандал, в который вовлекли эмоциональных спортсменов из Африки.

Поводом послужило объявление, что дискотека закрывается на ночь. Такой режим ее работы не вызывал возражений. На сей раз мгновенно вспыхнувшая перебранка переросла в дебош: посетители дискотеки били осветительные прожекторы, ломали мебель, кидали друг в друга чем попало. Скандал в дискотеке послужил сигналом для других обитателей Олимпийской деревни — из окон домов, где жили участники соревнований, полетели мешки для мусора, наполненные водой, они с грохотом рвались, ударяясь о землю.

Службе правопорядка удалось прекратить скандал; хорошо, что, несмотря на нажим, мы не ослабили охрану Олимпиады. В целом Игры в Москве прошли в спокойной обстановке.

Задолго до открытия Всемирного фестиваля молодежи и студентов, который проходил в Москве с 27 июля по 3 августа 1985 года, западные спецслужбы начали активную подготовку, намереваясь сорвать его и скомпрометировать Советский Союз перед всем миром.

Подобрали группу афганских боевиков, готовых (надо полагать, за солидное вознаграждение) пойти на любые провокации. План этот, казалось, абсолютно исключал провал, боевики прошли в Пакистане под руководством специалистов из ЦРУ серьезную подготовку, и за год до фестиваля их доставили в Москву, где они расселились в частных квартирах. Деньгами их снабдили в достаточном количестве.

Надо сказать, что в те годы в стране к афганским гражданам относились благожелательно, и это позволило им вести себя довольно свободно. Им многое прощалось. Власти сквозь пальцы смотрели на нарушение паспортного режима или просрочку визы, охотно трудоустраивали афганцев. В общем, законспирировались эти люди надежно, двое даже женились на русских девушках.

Перед самым фестивалем в квартиры, где поселились афганцы, должны были завезти взрывчатку, пластиковые бомбы и оружие. Намечалось осуществить взрывы в местах массового скопления людей — в Лужниках, на Манежной площади и в других местах. Афганцы не давали никакого повода в чем-либо их заподозрить — обыкновенные любители побродить по странам,

увидеть мир. Да они и в самом деле не были главными героями в этой истории, не на них делали ставку западные спецслужбы. Задача засланных людей сводилась только к одному; поселиться в изолированных квартирах и обеспечить надежное убежище, куда перед самым фестивалем прибудут главные исполнители планируемых акций — шесть настоящих «маете-ров своего дела».

Они были снабжены транзитными визами и правом выхода в город. У двоих имелись билеты из Кабула до Будапешта через Москву. Остальные четверо имели конечным пунктом другие города и страны. В день открытия фестиваля эта группа, используя заранее завезенные средства, должна была совершить террористические акты и немедленно отправиться дальше.

За три месяца до открытия фестиваля стали известны все их планы — хорошо поработала зарубежная агентура военной контрразведки.

А нам, в Москве, предстояло решить нелегкую задачу: прежде всего отыскать квартиры, где поселились афганцы. Нашли. Однако оставалась вероятность того, что где-то существуют резервные места, куда диверсанты могли завезти смертоносный груз. А это обязывало перехватить их на вокзале или аэродроме.

Была создана оперативная группа, которая немедленно приступила к работе. Нам активно помогали афганские и польские коллеги, они осуществляли тщательный контроль на границе. Вскоре удалось получить дополнительные данные о том, что взрывчатка будет поступать с американских военных баз в ФРГ. В работу оперативной группы включились опытные сотрудники контрразведки ГДР.

За несколько дней до открытия фестиваля нам сообщили приметы всех шестерых диверсантов, но операция по задержанию все равно оставалась сложной — предстояло отыскать этих агентов в немыслимом скоплении людей на аэродромах и вокзалах.

Тревожил и такой вопрос: а что, если мы выявили не всех участников акции и смертоносный груз они уже успели завезти?

Накануне открытия фестиваля оперативная группа работала с большим напряжением. Наконец поступило сообщение, что шестеро «гостей» вылетели из Кабула. Мы тут же отправились на аэродром. «Торжественная» встреча состоялась, и террористов, естественно, задержали. Однако ни оружия, ни взрывчатки у них не оказалось. Как выяснилось, наши зарубежные коллеги тоже хорошо поработали, они своевременно предупредили пограничный и таможенный контроль и тем самым предотвратили доставку «груза». Правда, один из диверсантов, узнав о принятых нами мерах, сумел удрать в Будапешт, где и

был задержан афганскими коллегами.

Таким образом, работа нашей опергруппы и товарищей из МВД СССР завершилась успехом. Однако не все и не всегда шло у нас гладко. Должен признаться, что и американским спецслужбам в психологической борьбе не раз удавалось одерживать над нами верх.

В свое время контрразведкой был разработан довольно интересный с оперативной точки зрения план разоблачения пропагандистских акций Запада. Замысел заключался в том, чтобы не только разоблачить подстрекательскую деятельность западных спецслужб, но и внести раскол в их ряды, заставить действовать не по своему, а по нашему сценарию. К сожалению, осуществить это не удалось. Западные спецслужбы опередили нас, подготовив программу под названием «Демократическое движение», целью которой было под благородным лозунгом развития демократии дать импульс антиконституционным действиям, вооружить теоретически участников «очагов сопротивления».

Надо признать, что эта платформа сыграла свою роль в сплочении сил, выступавших против политики, проводимой государством. Появившиеся затем «Тактические основы демократического движения» подсказывали формы и методы действий. Стихийность заменялась организованностью. Эту сторону дела не раз подчеркивали сотрудники американских спецслужб, и в частности полковник Раллис, чаще других встречавшийся с нашей агентурой.

К сожалению, удача сопутствовала не нам.

Расскажу еще об одной уникальной операции.

На Западе действовала организация украинских националистов — ОУН, главной целью которой было оторвать Украину от Советского Союза. Сейчас они празднуют победу: осуществилась их давняя мечта — Украина стала «незалежной», независимой от России.

Один из разведчиков, внедренных в зарубежный центр ОУН, в течение нескольких лет снабжал нас важной информацией. В частности, чекисты Украины узнавали обо всех директивах и инструкциях ОУН, намечаемых подрывных акциях. Заблаговременно становились известны адреса, куда ОУН направляла материальные средства, и многое другое. Короче, мы получали исчерпывающие сведения обо всех планах оуновцев.

Непревзойденно тонкая игра внедренного агента давала возможность вовремя парализовать действия ОУН, которые, я убежден, могли привести к роковым, кровавым последствиям. Наш сотрудник действовал настолько тонко, умно и осторожно,

настолько смело ступал иной раз по тонкому льду, что его «хозяева» просто терялись в догадках, не понимая, почему они терпят один провал за другим. Этот человек сумел войти у оуновцев в такое доверие, что его даже наградили высшим Золотым орденом Бандеровского центра.

О том, какое место занимал ОУН в борьбе против советского строя, о роли нашей агентуры в ее центрах и вообще о некоторых аспектах деятельности органов госбезопасности рассказывает в личном письме ко мне генерал А. П. Судоплатов:

«В связи с предстоящей встречей М. С. Горбачева с Р. Рейганом разрешите напомнить Вам о нескольких малоизвестных событиях, происходивших в периоды важнейших переговоров с США. Они не теряют своего значения и ныне.

1. 1933 год. Организация Украинских националистов (ОУН) подготовила покушение на тов. М. Литвинова, выехавшего в США для переговоров с Ф. Рузвельтом об установлении дипломатических отношений между нашими странами. Немецкая разведка была в курсе этой акции. Пятерку террористов ОУН во главе с Мишугой инструктировал создатель и главарь ОУН Е. Коновалец (уничтожен в Роттердаме в мае 1938 года). Сведения о предстоящем акте ОГПУ получило от введенного нами в руководящие круги ОУН источника «82» (умер в Киеве 25 октября 1985 г.). Наш нелегальный резидент в Западной Европе Мороз (погиб в 1942 году в бою с карателями на Украине) переслал это сообщение в центр. Резидент ОГПУ в США (в то время работник «Амторга») сделал представление американской стороне. По распоряжению Рузвельта вооруженная группа Мишуги была взята под стражу на весь период пребывания тов. Литвинова в США.

2. 1945 год. Ялта. Крымская конференция на высшем уровне. Проведенной мною проверкой было установлено, что переводчиком президента Рузвельта на переговорах с тов. И. Сталиным состоит член контрреволюционной эмигрантской организации «Лига Обера», организовавшей в свое время ряд террористических актов на территории СССР и в Западной Европе, в том числе убийство в Лозанне тов. В. Воровского. По нашему устному представлению, сделанному начальнику охраны американского президента, этот переводчик Обер (младший) в тот же день в самый канун встречи Ф. Рузвельта и И. Сталина был выдворен самолетом за пределы СССР.

3. Убийство Индиры Ганди, Улофа Пальме, недавнее покушение на Раджива Ганди, да и другие случаи показывают, что реакция, ЦРУ США широко используют фашиствующие националистические элементы для дестабилизации международной обстановки в борьбе против СССР, сил мира и

прогресса. Не случайно в окружении Р. Рейгана, среди его помощников фигурирует доверенное лицо Ярослава Стецко, нынешнего главаря ОУН, — Лев Добрянский, публицист, видный украинский националист. Р. Рейган и вице-президент Д. Буш лично принимали и «обласкали» нынешнее руководство ОУН во главе со Стецко.

Внимание Рейгана и Буша к ОУН логично. Из всех активных антисоветских группировок именно ОУН имеет наибольший опыт в проведении индивидуальных террористических актов, направленных против СССР. Характерен эпизод, рассказанный мне Е. Коновальцем во время встречи с ним в Вене в 1936 году. (Я с ним встречался в Берлине, Вене, Париже, Роттердаме.) Мы дискутировали вопрос о терроре. Я выступал против, а он — за. Коновалец рассказал, что Банд ера (руководил тогда ОУН в Галиции) без согласования с Центральным Проводом ОУН, и даже вопреки его воле, организовал убийство министра внутренних дел буржуазной Польши Б. Перацкого. Террористу Мацейко, осуществившему эту акцию, удалось тогда бежать из Варшавы в Аргентину. Помогли ему активистки ОУН Анна Чемеринская (Коновалец познакомил меня с ней в Вене, в 1936 году) и Екатерина Зарицкая (живет сейчас в Галиции). Чемеринская лично провела Мацейко через Карпаты в Чехословакию, минуя явки и конспиративные квартиры ОУН в Польше.

Из рассказа Коновальца следует, что экстремисты иногда выходят из-под контроля «вождей» и могут действовать под влиянием своих местных руководителей. Именно так поступил и Бандера. Надо добавить к этому, что после смерти Коновальца Бандера, пробиваясь к власти в ОУН, уничтожил всех наиболее близких к Коновальцу членов Центрального Провода: Е. Грибивского, Р. Сушко, Я. Барановского, Н. Сциборского и других».

Увы, не у всех чекистов судьба складывалась так удачно, как у нашего разведчика, награжденного организацией ОУН. Сколько их, чуть ли не всю жизнь находившихся на тонкой грани между жизнью и смертью, погибло, о чем вспоминаешь с острой болью — особенно если смерть наступила не от руки врага.

Долгое время за рубежом работал опытный наш разведчик Антонов. Преданный провокатором, он был пойман с поличным и приговорен к расстрелу. Иного, конечно, он и сам не ожидал. Но слишком дорог был стране этот человек редкого мужества. И мы «за ценой не постояли», отдали за него двух разоблаченных органами госбезопасности западных агентов.

К чему я все это рассказываю? Зачем привожу примеры успешных действий органов госбезопасности в годы «холодной

войны»? Чего они стоят, если мы потерпели в этой войне, как я уже говорил, поражение? к чему тревожить память героически погибших людей?

Вижу в этом определенный смысл. Деятельность госбезопасности всегда держалась в глубокой тайне. В значительной степени это обусловливалось спецификой работы. Кого из наших разведчиков знают в народе? Зорге, Лонсдейла, Абеля, Филби, ну и еще двух-трех. А сколько еще было таких героев! Что знали люди в нашей стране о работе органов госбезопасности? Знали, что были репрессии. Жестокие репрессии! Правду об этом скрыть невозможно, да государство и не стремилось к этому, в результате в сознании многих людей сложилось мнение, будто чекисты только тем и занимались, что арестовывали да расстреливали. Отсюда и неприязнь к работникам органов госбезопасности. А эти люди десятилетиями жили в тех же условиях, что и весь народ. В те страшные годы было арестовано и расстреляно свыше двадцати шести тысяч сотрудников госбезопасности.

Кто они? Те, кто пытал, кто творил расправу, составляют ничтожную долю. Кстати, их тоже уничтожили, чтобы скрыть следы преступлений. Основная же, подавлявшая масса чекистов — это честные, мужественные люди, свято выполнявшие долг перед Родиной, независимо от того, какой пост они занимали и где работали: в нашей стране или за рубежом. Стоило кому. — нибудь из них недостаточно тонко и осторожно воспротивиться репрессиям, и человек оказывался обречен.

Сорок пять лет работы в органах госбезопасности дают мне право утверждать, что вина за беззакония лежит на тех, кто возглавлял эти органы в период, когда творились злодеяния, да еще на горстке непосредственных исполнителей.

В последние годы поношение органов КГБ, осуждение чохом всех его работников приняло чудовищно гипертрофированные формы. Сколько незаслуженных обвинений, сколько оскорблений, а то и беспардонной клеветы сыплется на их головы! Средства мае-совой информации, вытаскивая на свет божий наиболее громкие «сенсации», немало способствуют тому, что служба в органах безопасности стала считаться чуть ли не позорной.

Как же обидно и больно видеть и слышать это тем, кто, возможно, ошибался в своих суждениях, но работал честно и добросовестно, кто сегодня и днем, и ночью продолжает эту работу, полную опасностей, порой смертельных, работу мучительно напряженную, до предела изматывающую. Даже В. В. Бакатин, недолго возглавлявший Комитет госбезопасности, в интервью газете «Известия» с издевкой говорит о чекистах, а это

звание для подавляющей массы сотрудников госбезопасности было раньше и остается поныне почетным.

Пусть не заподозрит читатель, будто я ищу оправданий для своих коллег, сотрудников КГБ, где я проработал долгие годы. Да, много злодеяний совершено, о чем я уже говорил. Однако нельзя все валить в кучу. Нельзя за преступления подлецов шельмовать всю армию бойцов невидимого фронта.

В одной из своих последних речей перед уходом из Белого дома Д. Буш сказал, что, «несмотря на окончание «холодной войны» и начавшийся процесс разоружения, разведывательные органы надо не только не сокращать, но, наоборот, увеличивать». Не знаю, стоит ли их увеличивать, но в принципе бывший президент США абсолютно прав: ни одно государство не может существовать без органов госбезопасности. Если огульное их охаивание у нас не прекратится, едва ли в этом ведомстве захотят работать достойные люди.

ПЯТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

ПРИМЕРНО ЧЕРЕЗ ГОД после моего прихода на работу в органы госбезопасности министром был назначен В. С. Абакумов, сменивший на этом посту В. Н. Меркулова, которого я ни разу не видел и ничего о нем не знал. Оказавшись в коллективе контрразведчиков, я со временем сумел создать о нем некоторое впечатление.

Когда Берия возглавлял Наркомат внутренних дел, Меркулов был его заместителем. Позднее НКВД разделили на МГБ и МВД, и Меркулов возглавил госбезопасность.

Однако Берия оставался членом Политбюро, заместителем Председателя Совета Министров и не оставлял без внимания «свой» департамент, где проработал восемь лет. Хотя он не имел прямого отношения к МГБ, его влияние не вызывало сомнений. К тому же Меркулов не являлся тем сильным руководителем, который мог определять политику и стратегию органов госбезопасности. Многих удивляло увлечение Меркулова литературным творчеством: он писал пьесы и публиковал их под псевдонимом «Всеволод Росс», одна из них «Инженер Сергеев» даже ставилась на сцене Малого театра.

В министерстве же Меркулов был покорным исполнителем воли Берии, его тенью. Очевидно, не случайно он проходил потом по процессу Берии как его сообщник.

Навсегда остался у меня в памяти весенний день 1953 года. В то время я уже был хоть и маленьким, но начальником — возглавлял отделение. С моим заместителем В. М. Жигаловым, опытным чекистом, человеком честным и порядочным, у меня сразу сложились деловые и доверительные отношения.

10 марта мы с ним слушали по радио последние известия. Объявили о новом, после смерти и. в. Сталина, составе правительства. Первым заместителем Председателя Совета Министров СССР был назначен Берия, который по совместительству стал также главой Министерства внутренних дел, принявшего на себя и функции ликвидируемого МГБ.

Услышав это, Жигалов тяжело вздохнул.

— Худая пора пришла. Боюсь беды, — сказал он и вышел из кабинета.

Я задумался. Обстановка была сложная, и первое, что пришло в голову: для чего Жигалов мне все это сказал? Вырвались ли эти слова непроизвольно или он хотел проверить меня? История знала такие примеры.

Вскоре я, как и некоторые другие работники, был освобожден

от должности и зачислен в резерв. Месяца два занимался в основном тем, что сдавал экзамены в Высшей партийной школе, где учился заочно. Однажды, зайдя на работу, узнал об аресте Берии. Веко-ре мне встретился мой бывший заместитель.

— Хорошо, что ты не выдал меня, — сказал он. — Если бы ты сообщил тогда о нашем разговоре, представляешь, что бы со мной сделали?

— А я в свою очередь тебе благодарен, — ответил я. — Тоже опасался твоего доноса.

Такая атмосфера возродилась в органах, когда туда вновь пришел Берия. Всего три месяца пробыл он на посту, однако за это время вернул в аппарат многих сотрудников, работавших в системе НКВД в тридцатые годы и хорошо усвоивших репрессивные методы тех лет. Даже структуру они попытались восстановить прежнюю…

За тот же короткий срок Берия провел акцию, направленную на разжигание национальной вражды. Берия убирал русские кадры из союзных республик, заменяя национальными. Если бы подобные перестановки проводились спокойно, без надрыва, они, возможно, даже могли получить поддержку у населения республик. Однако это перетряхивание кадров осуществлялось шумно, демонстративно и имело явно антирусскую направленность. Тех, кого освобождали от должности, грубо оскорбляли, не считаясь с тем, хорошо или плохо работал человек. Объективно это был поход против «чужаков», кампания по изгнанию русских из республик, что неизбежно вызывало всплески национальной вражды.

Освобождение врачей, пострадавших в результате очередной сфальсифицированной кампании, казалось бы, акт сам по себе гуманный, стало для Берии лишь ловким маневром. На этом фоне готовился новый крупный политический процесс, судя по всему, направленный против предшественника Берии на этом посту С. В. Игнатьева и тех, кто его поддерживал. Многие попали бы в эту мясорубку.

Чтобы утвердиться в глазах общественности и предстать в роли борца за соблюдение законности, Берия старался, как только мог, скомпрометировать Игнатьева — метод, характерный для него. Он разработал эту очень хитрую тактику еще в 1939 году, когда сменил Ежова на посту наркома внутренних дел. Тогда тоже прекратили многие уголовные дела, десятки действительно ни в чем не повинных людей были освобождены из-под стражи, и наоборот — некоторых руководителей органов госбезопасности арестовали и предали суду за нарушение законов и массовые репрессии. Однако это вовсе не означало, что сам Берия

полностью отказался от политических репрессий, повторяю: в начале пятидесятых годов готовился новый политический процесс.

Не знаю, насколько широко простирались такого рода замыслы, но о том, что соответствующая работа шла внутри МВД, многие из нас если не знали, то, во всяком случае, догадывались. Было очевидно: не миновать нам в ближайшее время очередной жестокой расправы. В воздухе висел 1937 год.

Арест Берии в июле 1953 года спас страну от новых страшных бедствий.

Однако восстановим последовательность событий.

Сменивший Меркулова В. С. Абакумов пришел в органы госбезопасности еще в тридцатые годы рядовым сотрудником. Боюсь сказать, было ли это до или после 1937 года. В те времена практиковалось: отберут в центральном аппарате несколько молодых сотрудников и посылают на руководящую работу на периферию. В числе таких выдвиженцев оказался и Абакумов. В 1939 году его направили в Ростов на должность начальника управления. Тогда-то и началось его стремительное восхождение по служебной лестнице, в годы войны Абакумов возглавлял Главное управление военной контрразведки СМЕРШ и одновременно был заместителем министра обороны, то есть самого Сталина. Затем он перешел в МГБ, куда его назначили министром. В этом просматривалось желание Сталина влиять на органы госбезопасности не только с помощью Берии.

Сотрудники, насколько я мог судить в то время, встретили нового министра хорошо. Профессионал, человек, начавший с рядовой работы, и к тому же некоторое время был заместителем Сталина! И в силу этого новый министр изначально пользовался авторитетом у сотрудников. Говорили, будто он настолько близок к Сталину, что даже гимнастерки шьет себе из одного с ним отреза. Это, конечно, досужие вымыслы, но основания для подобных разговоров, бесспорно, были.

Первые шаги Абакумова на посту министра еще больше укрепили его авторитет. Он решительно изменил кадровую политику. В 1946 году большинство сотрудников министерства составляли люди, пришедшие на работу в органы в 1939–1940 годах, заменив тех, кто отправился по пути своих жертв.

Абакумов привлек в территориальные органы военных контрразведчиков, бывших фронтовиков, и направил их не только на руководящие посты, но и на рядовую работу. Тем самым он в известной мере обновил центральный аппарат, куда влились свежие молодые силы — люди, прошедшие воину; и это несколько изменило климат в министерстве.

Новый министр постоянно держал аппарат в напряженном трудовом ритме. Вне зависимости оттого, где он сам в данный момент находился, люди ощущали его присутствие, знали: министр где-то рядом и зорко следит за работой всей системы госбезопасности. Абакумов мог совершенно неожиданно заглянуть к рядовому сотруднику, посмотреть, как тот ведет дело, расспросить о подробностях, все проверить, вплоть до того, насколько аккуратно подшиваются бумаги. Это тоже воспитывало уважение к руководителю министерства, хотя в таком демократизме чувствовалась определенная игра.

Абакумов часто выступал перед различными аудиториями, говорил воодушевленно, порой с пафосом, и притом всегда старался производить впечатление человека очень доступного, демократичного и подчеркнуто скромного, хотя оснований для этого было немного, я дважды слушал его выступления на партийных конференциях и должен признать, что выступал он удачно. Министр требовал объективности и беспристрастности при рассмотрении дел, во всех его приказах неизменно подчеркивалось, что сотрудникам госбезопасности необходимо строго соблюдать законность.

Таким казался мне тогда Абакумов на посту министра. В действительности он беспрекословно и слепо выполнял волю Сталина, следовал любым указаниям партийного руководства, которое поощряло курс репрессий. То ли желая выслужиться, то ли в силу определенных личных качеств, он и сам проявлял инициативу к ужесточению репрессий.

Мы, молодые чекисты, не подозревали о незаконных арестах военачальников, которые проводились по указаниям Абакумова на основании мелких доносов. А между тем подобные аресты происходили даже в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы.

Аресты в армии служили показателем добросовестной работы контрразведки. Сегодня известны тяжкие судьбы адмирала флота Л. М. Геллера, маршала артиллерии Н. Д. Яковлева, главного маршала авиации А. А. Новикова. Абакумов занес карающий меч даже над Г. К. Жуковым.

Первое, что поразило меня в самом начале работы в центральном аппарате, это полная изоляция следователей по особо важным делам от остальных подразделений МГБ. Зато следователи оперативных служб работали в тесном контакте с оперсотрудниками. Если оперативные подразделения, занимавшиеся делами о шпионаже или подпольной борьбе против советского строя, тщательно документировали и подвергали глубокой проработке собранный материал, то работа

следователей по особо важным делам чаще, строилась на показаниях отдельных лиц и на этом же основании выносились приговоры — точно так же, как это было в кошмарные тридцатые годы. Один давал показания на другого, тот на третьего, а четвертый подтверждал все это. Голословные обвинения оформлялись как убедительные доказательства вины, и волна арестов вновь захлестывала страну. Тогда мне в голову не могло прийти, что у нас имели место фальсификации: у людей просто выбивали показания, и следственные дела строились отнюдь не на оперативных данных. Однако узнал я об этом много позже.

Были, правда, и такого рода случаи.

В 1947 году состоялись выборы в Верховный Совет РСФСР. Комиссия по выборам Сталинского района города Москвы поспешила объявить, что Иосиф Виссарионович избран единогласно. И вдруг поступает письмо рабочего автозавода, который пишет: «Нет, не единогласно. Я лично голосовал против».

И машина завертелась. Как же? Выступление против Сталина. Хорошо хоть хватило ума не арестовать этого честного и искреннего человека. Он же свой поступок объяснил просто: «я знал, что карточки на хлеб в 1946 году не отменят, и Сталин знал это. Зачем же он сказал в феврале 1946 года, что отменят? А их не отменили. Не надо обещать невыполнимого. Вот я и вычеркнул».

В связи с одним расследованием мне пришлось обратиться к показаниям лица, осужденного в 1937 году. Узнав об этом, мой старший коллега, опытный оперативный работник предупредил:

— Филипп, ты лучше не лезь в материалы тридцать седьмого года, там много наговоров, зафиксированных как установленные факты.

Сказал это очень спокойно, как о вполне обыденном явлении. А каково было слышать такое мне, двадцатилетнему парню, верившему в кристальную чистоту чекистов, свято выполнявших свой долг! Этот случай заставил о многом задуматься. Несколько успокаивало лишь то, что во всех правительственных, партийных и ведомственных документах МГБ постоянно напоминалось о строжайшем соблюдении законов.

Большие надежды вселяли и слова Сталина, сказанные на одном из торжественных вечеров после войны. Он произнес тост за русский народ, заявив: «У нашего правительства было немало ошибок… Народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь…» Многие восприняли эти слова как признание незаконности репрессий, поверили, что после такого заявления трагедия тридцатых годов никогда не

повторится.

Опасения, как бы не вернулась практика репрессий, казалось, окончательно рассеялись после выступления секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецова на партийном активе работников МГБ. Бывший секретарь Ленинградского обкома партии в годы войны, Кузнецов уже тогда завоевал большой авторитет. Теперь же ему было поручено курировать административные органы, в том числе МГБ.

Очень хорошо помню его яркий доклад. Кузнецов с жаром призывал соблюдать правовые нормы, помнить о том, что в своей работе органы государственной безопасности должны быть кристально чистыми по отношению к людям, к их правам. Думаю, что и сегодня эта речь, возможно лишь с небольшими поправками, прозвучала бы не менее актуально и убедительно. Кто знает, может быть, именно выступление Кузнецова на том активе послужило поводом для того, чтобы бросить этого умного, талантливого и честного человека в репрессивную мясорубку, откуда ему не суждено было выйти живым.

Все мои дни заполняла напряженная работа, которая еще хранила отпечатки военного времени: в основном приходилось вести дела бывших карателей, действовавших по указке фашистов на оккупированной территории, или предателей, проводивших подрывную работу в тылу.

Нередко возникали и дела в отношении граждан, допускавших антисоветские высказывания, позволявших критику вождя или политики правительства. Оглядываясь на то время, многое оцениваешь с совсем иных позиций, и не только потому, что явления эти были осуждены обществом, а потому, что с течением времени пришло понимание, сколько зла они принесли людям. Но тогда было другое время. Мы честно служили Отечеству и не сомневались в правильности избранного пути.

«Холодная война», начавшаяся после речи Черчилля в Фултоне, вызвала закономерные требования повысить бдительность, но вместе с тем породила и немало грубейших перекосов, начались поиски врагов там, где их не было. Ни тогда, ни в последующие годы, сколько ни думал, ни анализировал обстановку в стране, я не находил причин возврата к репрессиям против троцкистов. И тем не менее совершенно неожиданно всплыл этот вопрос: в 1947 году ЦК партии принял решение о новой депортации в отдаленные районы лиц, уже отбывших наказания по процессам тридцатых годов. Указание пришло из ЦК партии, а выполнять его обязали органы госбезопасности!

Как же так — депортировать всех подряд, без разбора? Но раз решение приняла партия во главе со Сталиным, стало быть, есть

для этого серьезные основания. Впрочем, особые сомнения мало кто тогда испытывал, отношение народа к троцкизму и представителям других партий было однозначным и утвердилось еще в предвоенные тридцатые годы. Граждане нашей страны (и не только представители органов госбезопасности) твердо усвоили: троцкизм враждебен советскому строю. Подвергать сомнению можно было лишь отдельные факты, само же требование борьбы с троцкизмом в основном приветствовалось.

Безусловно, троцкизм был движением оппозиционным, главным образом по отношению к большевикам и лично к Сталину. Основным его содержанием была борьба Троцкого и Сталина за власть. В основе широких антитроцкистских процессов лежали десятки и сотни частично или полностью сфальсифицированных дел, о чем даже не подозревало большинство рядовых чекистов, в этом заключалась главная опасность.

Итак, сороковые годы породили новую волну репрессий. в 1948 году был нанесен удар по Еврейскому антифашистскому комитету. Его объявили центром антисоветской пропаганды и подрывной деятельности, направленной против государства. Вслед за «делом» антифашистского комитета возникла фальшивка о врачах-убийцах (почти все они были евреями), положившая начало кампании по борьбе с космополитизмом, которая ознаменовала рост антисемитизма по всей стране.

Тогда же буквально ошеломило так называемое «Ленинградское дело». Я уже говорил, что секретарь Ленинградского обкома партии А. А. Кузнецов, так же как и П. С. Попков, Е. Н. Капустин, пользовались заслуженным авторитетом у ленинградцев, и не только у них.

Делами шпионов и агентов западных спецслужб, как правило, занималась контрразведка, в тех же случаях, когда в подобных делах оказывались замешанными крупные фигуры, о них докладывали в ЦК и действовали согласно его указаниям. А тут и сотрудники центрального аппарата, и ленинградские контрразведчики ничего не знали. Более того, на некоторых из них, едва оправившихся после блокады, тоже была брошена тень. Так в связи с «Ленинградским делом» арестовали начальника Ленинградского управления МГБ Кубаткина.

Как такое могло случиться, понимали лишь те, кто знал: «Ленинградское дело» возникло на уровне высших партийных органов и сразу пошло в следственную часть по особо важным делам, изолированную от других подразделений КГБ.

Не очень ловко мне здесь говорить, сколь часто приходилось противостоять несправедливым «указаниям свыше». Но в данном

случае нельзя не сказать об этом. Репрессии, обрушившиеся на Ленинград, не только не встретили понимания в низовых звеньях МГБ, но, насколько возможно, сотрудники сопротивлялись и тормозили мероприятия, направленные на расширение противозаконных акций. Если быть до конца откровенным — мы нередко задерживали подготовку документов, направляли их на доработку и согласование с руководством, попросту не давали им хода. Это, несомненно, сыграло положительную роль. Так, например, было по существу сорвано массовое выселение людей из Ленинграда, как это произошло в тридцатые годы после убийства С. М. Кирова. И здесь немалая заслуга фронтовика и мужественного чело-. века полковника Н. М. Зверева, который возглавлял тогда один из отделов МГБ.

Через много лет я ощутил аналогию в возникновении таких дел, как «Ленинградское», рассматривая в 1989 году материалы дела Трудовой Крестьянской партии (ТКП).

После Октябрьской революции эта партия существовала лишь в эмиграции, объединив в основном бывших членов партии социалистов-революционеров (эсеров) и некоторых других, распавшихся в годы Гражданской войны. Эмигранты, члены ТКП, занимали позиции, враждебные стране социализма, и вели против нее целенаправленную подрывную работу.

Своих ячеек на территории Советского Союза партия не имела, но оставались люди, хорошо знавшие друг друга в прежние годы и в известной мере считавшие себя единомышленниками. Они именовались «аграрниками». Основной костяк составляли видные ученые, экономисты и философы, специалисты в области сельского хозяйства, такие, как Чаянов, Кондратьев, Даяренко и другие.

Многие из них были не согласны с политикой партии по вопросам развития деревни (в частности, являлись противниками коллективизации) и составляли в связи с этим некую оппозицию. Свои взгляды один из них (кажется, Кондратьев) изложил по просьбе М. И. Калинина в аналитической записке. Что потом с ней произошло — неясно, но через короткое время в журнале «Большевик» появилась статья известного партийного теоретика Зиновьева (расстрелян в 1938 году как один из лидеров троцкистско-зиновьевского блока). Статья беспощадно громила основные положения, изложенные в записке Кондратьева, и впервые причислила «аграрников» к сторонникам Трудовой Крестьянской партии.

Все это послужило поводом для создания «дела ТКП» — по линии ОГПУ. Надо заметить, определенные действия Кондратьева и его соратников давали повод связывать их с деятельностью ТКП

в эмиграции. Разумеется, творцы фальсификаций немедленно использовали это, и для тех, кто был причастен к нашумевшему процессу, аргументация следствия выглядела убедительно. Сути дела не знали даже некоторые участники процесса, которые признали вину и на следствии, и во время суда. Выбраться из этой лжи оказалось тяжело, значительно легче было в нее поверить. Трудно сказать, как относился ко всему этому даже сам Зиновьев, подавший соратникам «боевой клич».

Я касаюсь общей атмосферы тех лет, только чтобы показать, как она влияла на формирование взглядов, позиций, на отношение к профессии и вообще к нашей действительности. Годами воспитывалась вера в безусловную правоту партии, в то, что нашу страну со всех сторон окружают враги, ставящие целью уничтожение социалистического строя. Средства массовой информации неустанно вдалбливали в сознание людей мысль о необходимости жесточайших репрессий, без конца клеймили «подлых предателей», «врагов» и «убийц». Бесчисленные митинги возбуждали страсти, призывали беспощадно карать изменников Родины, продавшихся иностранному капиталу. И это происходило не только в тридцатые годы, уже в начале пятидесятых одна из редакционных статей в «Правде» в связи с «делом врачей» прямо обвинила чекистов в ротозействе. Вся эта обстановка не могла не влиять на работу органов госбезопасности.

ИСТОРИЯ СЕРГЕЯ АНТОНОВИЧА

ДЕЛА, КОТОРЫЕ ПРИХОДИЛОСЬ нам вести, были бесконечно разнообразными, ни одно из них не повторяло другое ни по масштабам и целям, ни по методам действий противников. Порой очень непросто различить ту тонкую черту, которая отделяет добро от зла, когда человек, уверенный в том, что действует из чувства долга, на самом деле переступает границы дозволенного и фактически совершает безнравственный поступок. Наша работа требовала безукоризненного владения таким тонким инструментом, как психологический анализ. Конечно, с годами накапливался опыт, однако ключ, который тебе удалось подобрать, ведя одно дело, оказывался совершенно непригодным для другого. Приходилось каждый раз искать новый, что, безусловно, требовало упорной, кропотливой работы.

В связи с этим расскажу о человеке (назовем его Сергеем Антоновичем) с весьма сложной и запутанной биографией. В разное время он работал на заводе, в одном из министерств, а затем по заданию органов госбезопасности — за рубежом.

Приведу стенограмму его рассказа, а кое-что перескажу так, как это запомнил сам. Чтобы повествование было органичным, приведу рассказ моего героя от первого лица.

«Я работал слесарем на Конотопском вагоноремонтном заводе, был комсомольским активистом, и тем не менее вызов в Москву, в ЦК комсомола очень удивил меня. Никто ничего толком не объяснил, и я в полном неведении отправился в столицу.

В здании ЦК комсомола на Старой площади встретился с чубатым пареньком с ленинградского Кировского завода — Борей Рубчиком. Оказалось, что его, так же как и меня, вызвали сюда.

Обоим вручили анкеты по десять-двенадцать страниц, где были вопросы, касавшиеся не только нас самих, но и всех родственников чуть ли не до пятого колена.

Нас с Борисом поселили в общежитии и велели на следующий день явиться с заполненными анкетами на собеседование. О чем только не спрашивали! Интересовались даже, как проводим свободное время, что читаем, что думаем о прочитанном, дружим ли с девочками, ну и так далее. Было непонятно, чего хотят, а то, что мы услышали в конце беседы, просто поразило.

Надо заметить, что в те годы в Московский институт внешней торговли принимали только членов партии и пять процентов — комсомольцев, по путевкам ЦК ВЛКСМ. Мы с Борей как раз

попали в эти пять процентов. Как стало известно позже, абитуриентов из числа комсомольцев было шесть, но отобрали лишь нас двоих. Направили на подготовительные курсы, после чего без экзаменов зачислили в институт.

Забавная фамилия Бори доставляла ему немало неприятностей, вызывая насмешки однокурсников, и после того, как мы закончили институт, он поменял ее, взяв фамилию любимого школьного учителя Пивоварова.

С первых дней учебы Борис выделялся уникальными способностями, особенно к языкам. Достаточно сказать, что по окончании института он свободно владел тремя языками. Человек аналитического склада ума, Борис обладал феноменальной памятью и очень хорошо разбирался в сложнейших проблемах международного валютного рынка.

Однажды, вернувшись в общежитие, я нашел его записку, где Боря сообщал, что вынужден по семейным обстоятельствам срочно уехать в Ленинград дня на три.

Это было очень давно, и время сейчас другое, думаю, что теперь можно рассказать обо всем, что с ним произошло.

Курс лекций «Валютная система капиталистических стран» читал у нас профессор Фрей, непревзойденный специалист. Время от времени он выезжал на Запад, где в качестве частного лица принимал участие в торгах на бирже. Опытный профессионал, он внимательно следил за колебаниями валют, просчитывал их повышение или падение, скупал то доллары, то франки, то фунты стерлингов, а затем реализовывал их, принося немалый доход Внешторгу.

Как-то в одну из поездок Фрей взял Бориса, так что уезжал Боря, как я узнал позднее, вовсе не в Ленинград. Как ни крепка была наша дружба, он не имел права рассказывать о своей поездке никому.

Мыс Борисом очень обрадовались, когда узнали, что не расстанемся по окончании института; оба получили назначение во Внешторг, в одно и то же валютно-финансовое управление. Меня направили на рядовую работу, а Борю назначили заведующим сектором. А через год он стал заместителем начальника управления, и его место занял я, несомненно, по рекомендации.

Дружба крепла, в конце концов мы даже «породнились» — женились на близких подругах. Теперь и праздники, и выходные дни часто проводили вместе. Вот так, вместе, встретили и новый, 1938 год.

Нерадостный это был вечер: все время возвращались к одной и той же теме: слишком много у нас оказалось врагов народа…

В нашем коллективе то и дело созывались незапланированные партийные собрания по поводу исключения из партии очередного «предателя Родины». Все шептались по углам, каждый день ждали новых арестов. Какую же широкую сеть сумели раскинуть враги, если такое великое множество людей стало на путь предательства!

Как я уже сказал, мы с Борей были очень дружны, но в тот новогодний вечер между нами пробежала черная кошка.

Собрались у меня дома: Боря с женой Любочкой, я, моя жена Оля и работавший вместе с нами референт начальника управления, так сказать, правая рука Бориса — Щупкин. У нас в управлении его недолюбливали. Умный человек и крупный специалист, он часто мелкими придирками унижал и обижал людей. Но Борис, казалось, ничего этого не замечал, и у них со Щупкиным установились отличные деловые отношения. Откровенно говоря, если бы не Борис, я бы не стал звать Щупкина.

Новогодний вечер начался хорошо, но потом, когда уже были произнесены все традиционные тосты, речь зашла о Карцеве, которого Борис сменил на посту начальника управления, после того как Карцева арестовали. Я удивлялся, в чем мог провиниться этот человек, старый коммунист и прекрасный специалист своего дела, которого все ценили за честность, порядочность и бережное отношение к людям. Борис стал спорить, доказывая, что враг жесток и коварен, часто, ловко маскируясь, он надевает на себя личину честного гражданина и патриота родины. Я возражал, оба начали горячиться, и так бы и спорили без конца, если бы не вмешалась Любочка, которая постаралась нас успокоить.

Однако праздничный вечер был безнадежно испорчен, разошлись довольно рано, так и не примирившись. Я видел во время этого спора, что Щупкин на моей стороне, хотя за все время он не проронил ни слова.

У меня с Борисом и раньше было несколько стычек, после того как он на собраниях яростно клеймил врагов народа. Когда его назначили начальником управления вместо Карцева, никто не удивился, но никто и не бросился к нему с поздравлениями.

Через несколько дней у меня среди ночи раздался телефонный звонок. Мы с Ольгой вскочили почти одновременно.

— Не подходи! — Она схватила меня за руку. — Это за тобой!

Телефон надрывался. Я отстранил жену, поднял трубку и услышал истерические рыдания. Я узнал голос Любочки, мгновенно все понял, пробормотал какие-то слова утешения и сказал, что сейчас приду к ней.

— Это очень опасно, Сережа, — сказала Ольга. — Входная

дверь заперта, и тебе придется разбудить обоих лифтеров — и в нашем, и в соседнем подъезде. Они же донесут!

— я пройду через верх.

Мыс Борисом жили в одном ведомственном доме, только в разных подъездах. На девятом этаже по всей длине дома шел пожарный коридор, пересекавший лестничные площадки, так что по нему можно было перейти из одного подъезда в другой, не выходя на улицу.

Я тихонько вышел, неслышно поднялся на девятый этаж и наконец добрался до Бориной квартиры па седьмом. Там все было перевернуто: по столу разбросаны книги, одежда, настежь распахнуты шкафы, выдвинуты и опустошены ящики письменного стола. Любочка, которая почему-то сидела на чемодане, бросилась ко мне, заливаясь слезами.

В нашем наркомате никто никогда не спрашивал, за что арестовали того или другого сотрудника и что с ним стало. На очередном партийном собрании секретарь парткома объявлял: такой-то изобличен и арестован как враг народа — вот и все. Это воспринималось как бесспорная истина, никто не смел даже выразить свое сомнение. Правда, когда исключали из партии Карцева, кто-то в зале еле слышно произнес: «Просто не верится…» Однако в президиуме этот негромкий возглас услышали. Что тут началось! На человека обрушились обвинения — якобы он пытается оправдать изменника Родины.

Я никак не мог примириться с мыслью, что Борис враг народа, я же знал буквально каждый час, каждый день его жизни с институтских времен и хорошо помнил его пламенные речи на собраниях, когда он клеймил предателей Родины. Неужели все это была лишь искусная игра? Невозможно! Да и к деньгам Борис был равнодушен, так что трудно было заподозрить его в том, что он пошел на преступление из корыстных побуждений. Одним словом, накануне собрания, где Бориса должны были исключать из партии, в голове у меня был полнейший сумбур. Надо было выступить в его защиту, но какие я могу привести доказательства…

На собрании один за другим поднимались на трибуну коммунисты, они каялись, что не сумели вовремя разоблачить предателя Родины, и призывали усилить бдительность.

И вот на трибуне появился Щупкин.

— Меня ничуть не удивляет, товарищи, — сказал он, — что разоблачен наконец этот негодяй с весьма симптоматичной фамилией Пивоваров, которую он, по всей видимости, унаследовал от своих предков.

— У его предков была другая фамилия! — выкрикнул я из

зала.

— Так он еще и изменил свою фамилию! — вое-кликнул Щупкин. — Тем хуже. Значит, были у него основания скрываться под чужой фамилией. Хотелось бы знать, почему вы молчите, Сергей Антонович! Ведь вы дружите с Пивоваровым с давних пор, очевидно, вы решили отмолчаться и тем самым уйти от ответственности? я думаю, что мы должны здесь поставить вопрос о потере бдительности. Что же касается Пивоварова, то я предлагаю исключить его из партии.

В гнетущей тишине Щупкин спустился в зал. Чувствуя на себе десятки взглядов, я поднялся и направился к трибуне.

— Мне нечего сказать в свое оправдание, товарищи, — сказал я. — Я действительно был близким другом Пивоварова и за все годы, начиная от студенческих лет, не заметил за ним ничего предосудительного. Я вовсе не пытаюсь оправдать Пивоварова, приходится признать, что я не смог увидеть и разоблачить врага…

Как же нелегко мне было произнести эти слова! В ту минуту я был омерзителен самому себе! Я не искал оправданий, просто понимал, что защищать Борю бесполезно. Но, по сути, это было предательство. Я предавал друга, в измену которого абсолютно не верил.

— Да, я не смог распознать предательство, — продолжал я, — а вот товарищ Щупкин, оказывается, за версту почуял его антисоветское нутро и, однако, смолчал. Почему? Выходит, он покрывал врага!

Под одобрительные крики собравшихся я предложил привлечь Щупкина к ответственности. Решение об исключении из партии Пивоварова приняли единогласно. Я, скрепя сердце, тоже поднял руку. А в конце собрания создали комиссию для рассмотрения моего персонального дела, в которую вошел и Щупкин.

Ольга обычно была в курсе моих дел. Едва заслышав шум лифта, она выбежала навстречу. Пришлось рассказать ей все. Ни она, ни я не верили в предательство друга. Неожиданно у меня мелькнула мысль: а не связано ли все это с поездками за границу с профессором Фреем, которого арестовали два года назад?

В эти же дни произошло еще одно событие: я получил письмо от отца из Конотопа. Он писал, что арестован брат матери Бодюля — ударник нашего паровозного депо.

Ольга работала синхронным переводчиком, страшно уставала за день. Да и я тоже. Вечером мы добирались до дома, и начиналась мука: вздрагивали от каждого телефонного звонка, от каждого шороха. А уж если кто-нибудь звонил в дверь, прямо

каменели от страха. К счастью, звонки теперь раздавались редко, люди перестали ходить друг к другу, избегали лишних разговоров.

Однажды новый начальник управления послал меня в Наркоминдел проконсультировать проект какого-то договора. За мной заехал обаятельный молодой человек в прекрасно сшитом костюме, и, когда мы уже сидели в машине, он с улыбкой повернулся ко мне.

— Не удивляйтесь, с вами хочет познакомиться наше руководство. — Он показал удостоверение сотрудника НКВД.

— Надо бы жену предупредить, может, какие-то вещи взять…

Мой спутник рассмеялся.

— Какие вещи? Я же сказал: всего лишь короткая получасовая беседа.

Мы подъехали. Молодой человек вышел первым, я за ним. Знаменитая Лубянка. Огромный корпус высится над всеми окружающими домами; с одной стороны он смотрит на площадь Дзержинского, три другие выходят в соседние улицы и переулок.

Мы направились к массивной двери с витыми латунными ручками и сверкающей золотом надписью: «4-й подъезд». Поднялись в лифте, прошагали по широкому коридору и вошли в приемную, где за столом сидел старший лейтенант.

— Проходите.

Через боковую дверь вошли в кабинет. Навстречу нам из-за стола поднялся приветливо улыбающийся подполковник.

— Мы тезки с вашим отцом, меня зовут Антон Андреевич.

Он крепко пожал мою руку, усадил за журнальный столик, а сам сел напротив. Справился о самочувствии, о том, как работается, потом задал еще какие-то ничего не значащие вопросы и наконец спросил, как я отношусь к разоблачению врагов народа. Я, конечно, ответил, что уверен: чекисты честно выполняют свой долг, стойко охраняя интересы Родины, они наш надежный щит.

Конечно, кривил душой, к этому моменту я уже понимал, что массовые аресты вряд ли вызваны необходимостью защищать Родину от врагов. Что-то неладное у нас творится.

Видимо, вполне удовлетворенный моим ответом, Антон Андреевич не стал продолжать эту тему и сказал:

— Хотелось бы поближе познакомиться с вами. Расскажите о себе.

Чего еще он от меня хочет? Я не сомневался, что этому человеку хорошо известна вся моя жизнь.

— Нас, собственно, интересует только один вопрос…

Антон Андреевич достал из стола папку, извлек оттуда

несколько сколотых скрепкой листков бумаги и, вынув один из них, положил передо мной.

Нервы у меня были и без того напряжены, а когда пробежал глазами листок, голова просто пошла кругом: передо мной лежали показания Бориса о том, как он завербовал меня в шпионскую организацию английских спецслужб, возглавляемую профессором Фреем. А в конце строчка хорошо знакомым мне почерком: «С моих слов записано правильно» — и подпись.

— Это правда? — спросил у меня Антон Андреевич.

Я молча покачал головой.

— Успокойтесь, мы знаем, что это клевета, я спросил просто для порядка, чтобы закрыть ваше дело… Невиновных мы не наказываем.

Несколько минут мы сидели молча, потом он сказал:

— Я вижу, вы устали, давайте встретимся завтра в три часа.

Значит, сегодня меня еще не забирают. Впрочем, могут взять и по дороге домой. Мой собеседник с улыбкой протянул руку.

— До завтра.

Дома я решил пока ничего не рассказывать жене — квартира наверняка прослушивается. Я предложил Ольге пойти прогуляться и только тут сообщил ей, что в ближайшие дни меня могут арестовать.

— Ты должен исчезнуть! — твердо сказала она.

— Как исчезнуть?

— Очень просто. Сегодня же уедешь в какую-нибудь Тьмутаракань, завербуешься на стройку, лесоповал или еще куда-нибудь. Бухгалтеры везде нужны, а ты еще в институте получал пятерки по бухгалтерскому учету. Тебе надо какое-то время отсидеться, не вечно же так будет… Я слышала, многие так скрываются.

Бедняжка, она не понимала, насколько абсурдно ее предложение! Всю ночь мы не сомкнули глаз, даже разговаривать не решились, а утром, совершенно разбитые, отправились на работу.

— Если ты не позвонишь до шести, — сказала Ольга, — значит… — И она поспешила к автобусной остановке.

Без десяти три я был у четвертого подъезда. Меня встретил вчерашний спутник и проводил до дверей знакомого кабинета. Едва ответив на приветствие, Антон Андреевич быстро взглянул на часы:

— Пойдемте со мной.

Мы прошли по тому же широкому коридору, потом несколько раз повернули и наконец оказались в просторном светлом кабинете. За огромным письменным столом, где не лежало ни

одной бумажки, сидел человек в штатском.

Трудно передать мое состояние, когда я услышал, что мне предлагают перейти на штатную работу в НКВД!

— Это так неожиданно… Я же ничего не умею, у меня совсем другая профессия…

— Не беспокойтесь. Вы продолжите работу по специальности. И вообще все останется по-прежнему: вы будете работать в штате Внешторга, как и раньше. А нашей специфике вас обучат.

— Все-таки это очень неожиданно… Разрешите несколько дней подумать.

— Несколько дней? — в его голосе возник металл. — О чем же подумать? Принять или не принять такую честь — встать в ряды чекистов?

— Нет, конечно… Это великое доверие, почет… понимаю, — забормотал я.

Если я сейчас откажусь, меня отсюда не выпустят! Но коли меня, друга Бориса, берут на работу, значит, убедились, что Боря не враг и никуда меня не вербовал. Но это же означает, что они обо всем уже знали, когда вызывали меня? Зачем же тогда спрашивали, правда это или нет? Очевидно, мой ответ их не интересовал, важно было показать мне ту бумагу и дать понять, что я в их руках, их заложник на всю жизнь, и теперь они могут делать со мной все, что захотят.

И я дал согласие.

Оберегая Ольгу, решил ей пока ничего не говорить.

— Итак, во Внешторге будут знать, что вы отозваны в Совнарком для серии экспертиз. Жене и знакомым в случае необходимости так все и объясните.

Меня на два года зачислили в школу, по окончании которой я получил высокое офицерское звание — с учетом высшего образования и квалификации. А веко-ре меня, заведующего сектором валютно-финансового управления, командировали в США для работы в Амторге.

В Нью-Йорк я уехал один, без Ольги. Надо было обосноваться и осмотреться, прежде чем вызывать жену.

Перед отъездом я не получил никаких заданий, никаких инструкций.

— Все узнаете на месте. И обращаться ни к кому не надо. Согласно приказу наркомата вы назначены на должность консультанта по валютным делам. Вас найдет наш сотрудник, указания которого будете выполнять неукоснительно. Только ему будете подчиняться, даже председатель Амторга не властен над вами.

С тем я и уехал. Началась новая глава в моей жизни, которую

должен был скрывать ото всех, даже от самых близких людей.

Так, в 1924 году, за девять лет до установления дипломатических отношений между Россией и США, было создано Американо-советское акционерное общество — Амторг.

Бывший помощник Сталина, а затем секретарь Политбюро Бажанов, бежавший из страны в 1928 году, писал в мемуарах, что Амторг в те годы фактически выполнял функции и посольства, и торгпредства, но главным образом служил базой для подпольной работы Коминтерна и ГПУ.

Председатель Амторга принял меня в своем нью-Йоркском офисе на Медисон-авеню. После нескольких дежурных фраз вручил мне две папки.

— Здесь отчет о нашей деятельности за год. Пока вас загружать не будем, займитесь изучением этих документов. Не торопитесь, постарайтесь осмыслить их, так вам легче будет войти в курс дел.

Мне показали мой стол в огромной комнате, где, на американский манер, работало еще человек двадцать. Стучат пишущие машинки, щелкают арифмометры, в комнате никогда не смолкает гул голосов, и все это вроде бы никому не мешает. Из соседней комнаты, через большое, как витрина, окно за нами мог наблюдать заведующий отделом Костылев.

Целый день я добросовестно изучал папки, а утром следующего дня меня вызвал один из руководителей Амторга Алексей Ильич.

— Будем работать вместе, — тепло ответил он на мое приветствие. Я понял: это и есть наш главный резидент, мой непосредственный начальник. Первое впечатление самое отрадное. Вьющиеся с серебринкой волосы, добродушное открытое лицо, богатый чистый язык. Поначалу беседа носила общий характер, но вскоре мы перешли к главному. Тридцать процентов времени предстоит заниматься чисто торговыми и валютно-финансовыми вопросами, чтобы клиентура видела во мне специалиста. Остальное время я должен посвятить заданиям, которые даст резидент. Меня будут приглашать на переговоры, на разного рода приемы и коктейли. Моя задача: установить как можно больше связей, знакомиться. В дальнейшем, следуя его указаниям, я кое с кем должен пойти на контакты неделового характера. При этом нужно помнить, что работники ЦРУ тоже будут ко мне присматриваться, они внимательно изучают каждого нового человека.

— Раскрыть вас им будет не так-то просто, — объяснял мой новый руководитель. — Они без труда проверят вашу биографию, и тут мы им поможем. Надо, чтобы у них сложилось впечатление,

что вы человек довольно инертный, увлеченный только своими дебетами-кредитами. Такой тип для работы чекиста мало подходит. Кроме того, их должно смутить «темное пятно» в биографии: у вас были репрессированы лучший друг и дядя, в ЦРУ знают: даже очень опытного и преданного чекиста у нас выставляют из органов госбезопасности, как только узнают, что кто-то из его близких арестован. И все же, учитывая все эти обстоятельства, вы не должны терять бдительность.

В течение полугода я добросовестно выполнял поручения своего руководителя, познакомился со многими иностранцами, кое с кем, следуя указаниям резидента, сошелся поближе. Я старательно пересказывал ему содержание всех бесед, и он инструктировал, как поступать в том или ином случае. Мне казалось, что ничего особенно ценного моя информация не содержит, у него же она вызывала живой интерес, несколько раз шеф даже похвалил.

Я очень тосковал по Ольге, она тоже в каждом письме умоляла поскорее вызвать ее. Но пока у меня еще не было квартиры, я занимал маленькую комнатушку в здании Амторга. После очередного письма я направился к шефу, чтобы поговорить о квартире. Он был мрачнее тучи и молча вышагивал по кабинету. Буркнул что-то в ответ на приветствие и продолжал ходить, будто не замечая меня. И вдруг выпалил:

— Гитлер напал на Советский Союз.

Итак, началась война с Германией… А в нашей жизни почти ничего не изменилось, может быть, только круг моих обязанностей немного расширился. Теперь мне велено изучать характеры служащих коммерческих фирм: их привычки, склонности, недостатки, слабости. Короче говоря, я должен был подбирать кандидатуры для вербовки, обдумывать различные подходы.

Мне предоставлялись довольно широкие возможности, я мог пригласить знакомых в ресторан, в день рождения преподнести кому-нибудь из них дорогой подарок или пригласить на рыбалку, которая неизменно заканчивалась пикником. Я мог при случае дать хорошо заработать кому-нибудь из моих новых знакомых.

Нет нужды рассказывать подробно, как велась вербовка, скажу лишь, что в этом деле я достиг определенных успехов. Однажды мой руководитель вызвал меня и сухим, не свойственным ему тоном спросил:

— Почему ничего не докладываете?

Я молчал, пытаясь сообразить, о чем речь.

— Разве вам не кажется странным поведение Федорова?

Федоров, прекрасный специалист, кандидат экономических

наук, работал рядом со мной. В последние дни я заметил, что он ведет себя как-то странно: то часами сидит, обхватив голову ладонями и уставившись в одну точку, то с рассеянным видом бродит между столами, время от времени заглядывая в бумаги отлучившихся куда-то сотрудников, а то вдруг остановится посреди комнаты и стоит задумавшись. Мне и в голову не приходило, что я должен сообщать об этом. Так я и сказал шефу:

— Я не думал, что должен следить за коллегами.

— А надо думать! — оборвал он и, усевшись за стол, углубился в бумаги.

Я молча вышел. Никогда еще он не говорил со мной таким тоном! После разговора я стал наблюдать за Федоровым. Он вел себя все так же странно. Примерно через месяц, выйдя на улицу после работы, я увидел Федорова в обществе двух коммерсантов, которые несколько раз появлялись у нас. Я не усмотрел в их встрече ничего необычного, Федоров квалифицированный экономист, с ним все считались, и он довольно часто вел переговоры. Все трое направлялись куда-то, возможно, Федоров просто решил проводить гостей. Превозмогая отвращение, я пошел за ними.

Вскоре увидел, как они спустились в погребок — низкопробный кабак, принадлежащий русскому эмигранту, ярому антисоветчику, к которому наведывались в основном его единомышленники. Туда нашим сотрудникам категорически запрещалось ходить.

Я спустился в кабачок и еще издали заметил эту троицу: они оживленно беседовали, пили, потом вдруг ударили по рукам. Федоров извлек из папки лист бумаги, что-то написал на нем и вручил своим компаньонам, после чего рассчитался и ушел. Я тоже поспешил к выходу. Что мне делать? Донести, что сослуживец нарушил запрет и зашел в этот кабак? Не такое уж тяжкое преступление. Но что это за бумага, которую они подписали? И почему в кабачке, а не в конторе? Впрочем, возможно, чистая случайность.

Мне показалось, шеф никак не прореагировал на мою информацию, однако вскоре я убедился, что это чисто внешнее впечатление. Дней через десять он вызвал меня.

— В ближайшие дни зафрахтованное английское судно уйдет в Лондон с важным грузом для английской фирмы, после чего направится в Советский Союз. Два небольших тюка доставят в Архангельск, а остальной груз — в один из черноморских портов. Груз будет сопровождать наш сотрудник, а то, что предназначено для Архангельска, — вы. В одной каюте с вами поедет Федоров, который должен получить новое назначение в Москве. Вы

отвечаете за него головой, ни на минуту не оставляйте его одного! В Архангельске вас встретят, и вы передадите его с рук на руки. Обратно доберетесь быстро, вас уже ожидают и тут же посадят на самолет… Вопросы есть?

Я еще не успел прийти в себя от такого задания и ответил не сразу. Потом спросил:

— Кому я должен сдать груз в Архангельске?

— Никому. Весь груз направлен в один адрес, это просто прикрытие для вас, чтобы Федоров ничего не заподозрил.

Первый день путешествия был невыносимо тяжелым, я просто не знал, что делать: Федоров нервничал, буквально места себе не находил. Мне никак не удавалось отвлечь его от каких-то мучительных и тревожных мыслей, видимо, он понял, что разоблачен.

— Хорошо вам, вы домой едете, — сказал я однажды, — представляю, как вас встретит жена.

— Представляете? Интересно… Вы бы поделились со мной, я, например, даже отдаленно себе этого не представляю. — И тут его словно прорвало: — Мы женаты всего два года, а добивался я ее больше трех лет. Вначале были невероятно счастливы, хотя теснились в крошечной однокомнатной квартирке. Мне очень не хотелось ехать без нее, но, как всякий эгоист, я радовался, видя, что она просто убивается из-за моей командировки. В Амторге мне долго не давали квартиру, и я не мог вызвать жену, а когда наконец получил квартиру, выяснилось, что она в Москве сдала «угол» какому-то тыловому офицеру. Верите, я был на грани отчаяния, совершенно не мог работать, за короткий срок получил два выговора, провалил выгодный контракт.

Так вот, оказывается, в чем дело! А я-то доносы на него писал… Впрочем, первое донесение я написал помимо своей воли, зато второе — вполне осознанно. Очевидно, Федоров, находясь в таком взбудораженном состоянии, натворил каких-то дел.

Дальнейший его рассказ привел меня в неописуемый ужас.

— С самого начала войны, — рассказывал он, — наша страна ощущает недостаток в стратегическом сырье, особенно в никеле. Амторгу дано указание срочно закупить крупную партию. Заниматься этим поручили Костылеву, однако он ни с одной фирмой не сумел договориться. Никеля у них было в избытке, но под разными предлогами никто не желал продавать его нам. А из Москвы неслись шифровки: покупайте по любой цене, лишь бы обеспечить поставки, под угрозой работа трех авиазаводов. Я начал заниматься этим, и Костылев в помощь мне подключил еще троих сотрудников. Все было безрезультатно.

У нас не оставалось никаких сомнений: американское правительство запретило продавать нам это важное стратегическое сырье. Видимо, руководителям США было выгодно превосходство немцев в воздухе, а на земле — они отлично это знали — Германии нас не так-то легко победить.

Когда я убедился, что никель никто нам не продаст, возник новый план, вполне приемлемый в условиях военного времени, да еще с учетом действий таких союзничков, как американцы. Мы купим никель с помощью подставных лиц, и такие у меня уже были на примете. К нам часто ходили два коммерсанта, которые предлагали весьма сомнительные сделки. Костылев не только запретил мне иметь с ними какие-либо дела, но даже принимать. Я решил встретиться с ними, но не в офисе — чтобы не привлечь чьего-либо внимания, — а в погребке. Одним словом, мы посидели там однажды вечерком, и я посвятил их в свой план. У них есть друг, сказали они, который является представителем одной английской фирмы, он охотно пойдет на такую сделку и оформит все в лучшем виде.

Короче говоря, сделка состоялась. Когда я сообщил об этом Костылеву, тот очень обрадовался: ведь от этого проклятого никеля зависела его судьба. Само собой разумеется, он все заслуги присвоил себе, а мне поспешил выхлопотать новое назначение и отправить домой.

Федоров еще что-то говорил, но я его почти не слышал. Так вот на кого я писал доносы, а теперь везу в тюрьму… В Москве ни одному его слову не поверят и церемониться не станут: заставят признаться в «преступлений», в «заговоре против Родины». Я лихорадочно обдумывал план спасения Федорова, один нелепее другого, и наконец решил: он не должен доехать до Архангельска, пусть останется в Лондоне, куда зайдет судно. Конечно, это далеко не лучший выход. Как только узнают, что он сбежал, тут же объявят его предателем родины. А раз я не уберег Федорова, несмотря на приказание не спускать с него глаз, значит, у нас был сговор и оба мы враги. Меня они даже слушать не станут, расстреляют, и точка. И вдруг пришла спасительная мысль: мы останемся в Лондоне оба.

Судно приближалось к английским берегам, а я все еще не принял окончательного решения. Собирался рассказать обо всем Федорову, но тут случилось непредвиденное: две торпеды с немецкой подводной лодки ударили в борт, и наш корабль мгновенно затонул. Не стану описывать, как удалось уцепиться за какие-то доски, что-то вроде небольшого плота, и в конце концов достичь берега. Там с крупозным вое-палением легких попал в госпиталь.

После выздоровления советским представительством был отправлен в Москву. Федорова я считал погибшим, о чем незамедлительно написал рапорт, будучи убежден, что это закрывает мои доносы.

Позже узнал, что Федоров тоже спасся и на попутном сухогрузе добрался до Мурманска. Там попросился в действующую армию и воевал до самого дня Победы. Демобилизовался в офицерском звании с двумя орденами Красной Звезды и медалью «За отвагу», вернулся в Москву. Он был уверен: дома ничего хорошего его не ждет, а не пойти туда не мог. Ожидания его не обманули: Федорова встретила жена со своим новым мужем. Она растерялась, стала искать полученную на него похоронку. Ничего не сказав ей, он повернулся и вышел.

Федоров понимал, что рано или поздно его обнаружат, и решил покинуть Москву. Однако уехать не успел, его с обширнейшим инфарктом подобрала на улице «Скорая помощь». В больнице его лечил опытный врач — женщина, потерявшая в войну всю семью. Она выходила его. Два одиноких фронтовика: он, обязанный ей жизнью, она, счастливая тем, что спасла его, — поженились. Федоров без труда нашел работу в одном солидном учреждении.

Жили они дружно и пользовались уважением сотрудников. Однако в 1948 году сработали мои доносы, Федорова разыскали, началась проверка».

Это было одно из моих первых самостоятельных дел.

Когда занимались биографией Федорова, нашли рапорт Сергея Антоновича.

Его вызвали в Москву, начались тяжелые допросы. Трудно было поверить в подлинную причину, побудившую Сергея Антоновича написать рапорт, будто Федоров погиб. Проверили, действительно ли было потоплено это судно, обстоятельства их возвращения на родную землю. Установили детали сделки по закупке никеля и многое другое, в конце концов в органах госбезопасности пришли к выводу, что оба они действовали не в корыстных целях и ни один из них не изменил Родине. Однако на проверку ушло немало времени, и можно представить себе пережитое ими.

К чему рассказываю об этом? Просто полезно на конкретном примере показать, в какие обстоятельства попадали иной раз честно служившие своей Родине люди, сколько им пришлось испытать в те годы.

НЕПОСТИЖИМАЯ ПРИРОДА ПРОВОКАТОРА

КАК-ТО РАЗ СОЛНЕЧНЫМ УТРОМ июля 1951 года я пришел на работу значительно позже обычного. Едва переступив порог, сразу обратил внимание на то, что в коридорах толпятся сотрудники и лица у всех встревоженные и хмурые.

Как только вошел в комнату, где мы работали вчетвером, сидевший за столом коллега встретил меня вопросом:

— Ну, что ты теперь скажешь?

Утром я очень удачно провел встречу, был в отличном настроении и вместо ответа произнес что-то бравурное.

Он удивленно посмотрел на меня и укоризненно покачал головой.

— Ты слышал? Абакумов арестован!

— Не может быть! — вырвалось у меня.

— Потому, что этого не может быть никогда…

— Перестань паясничать! Что случилось?

— Никто точно не знает. Ходят разные слухи… Вроде вскрылись серьезные нарушения закона в «Ленинградском деле», в деле врачей и руководителей Еврейского антифашистского комитета…

Не дослушав его, я зашел к своему начальнику — узнать, насколько достоверны слухи.

— Слухи… слухи… — вздохнул тот. — Вечно мы питаемся слухами. Вечером нам зачитают решение ЦК партии, тогда все и узнаем.

Я почти не сомневался, в этом решении скорее всего прозвучит осуждение репрессий. Что же оказалось на самом деле? В директивном документе ЦК говорилось, будто чекисты работают плохо, не замечают террористических гнезд, что они утратили бдительность, работают «в белых перчатках» и тому подобное.

Оказывается, Абакумов, который был не только усердным исполнителем указаний ЦК, но и инициатором ужесточения репрессий, работал «в белых перчатках»…

Узнали мы и то, как родилось это решение ЦК. Старший следователь по особо важным делам Рюмин доложил Сталину, что один из арестованных врачей, Этингер, дал показания, будто группа крупнейших наших медиков сознательно физически уничтожает руководителей партии и правительства, а Абакумов якобы запретил расследовать это дело.

Мы сидели молча, совершенно подавленные. Рюмина хорошо знавшие его сотрудники характеризовали как весьма посредственного работника, явного карьериста, способного на любую подлость. Как верить такому человеку! И уж совсем непостижимо выглядело назначение Рюмина заместителем министра.

Можно без преувеличения сказать, что с этого дня против честных и добросовестных чекистов начался открытый террор. Мы шли на работу, не зная, что нас ждет. Чуть ли не каждый день становилось известно: арестован либо один из начальников управления, либо его заместитель, либо какой-нибудь начальник отдела. Руководителей разных рангов одного за другим отправляли за тюремную решетку.

В свое время Н. И. Ежов на одном из совещаний актива ГУГБ НКВД прямо заявил, что производились аресты троцкистов и зиновьевцев, несмотря на то что следствие не располагало достаточно убедительными фактами, свидетельствующими об их преступной деятельности: следствие вынуждено было основываться на показаниях самих подследственных. Именно так сфабриковали процесс в тридцатые годы, таким же методом воспользовался и Рюмин двадцать лет спустя.

Нетрудно представить себе состояние сотрудников госбезопасности. Многие находились под дамокловым мечом, оказавшимся в руках карьеристов и беспринципных деляг из команды Рюмина. В те дни, уходя с работы, сотрудники шутили: «Если не вернусь — считайте меня коммунистом». Это черный юмор, но он очень точно характеризовал обстановку. Положение осложнялось и тем, что пресса вовсю раздувала эту кампанию, что в свою очередь провоцировало наушничество, доносы и клевету.

Страшно было подумать, куда мы идем…

Новым министром назначили С. Д. Игнатьева, который до этого работал заведующим отделом партийных органов ЦК партии. Человек достойный, но в начале своей деятельности не избежал ошибок. С первого же дня Игнатьев выразил явное недоверие сотрудникам госбезопасности, не исключая и тех, кто работал добросовестно. Игнатьев не скрывал своего отношения к сотрудникам, говорил об этом открыто, и подобные высказывания, конечно, не способствовали укреплению его авторитета в коллективе. И тем не менее я до сих пор сохранил уважение к этому человеку. Он, насколько это было в его силах, противостоял политике репрессий.

Разумеется, Игнатьев сознавал, что решение ЦК о борьбе с терроризмом нельзя не выполнять. Следуя указаниям свыше,

вынужден был нести свой крест. Нового министра очень угнетало то, что он оказался в силу обстоятельств на острие репрессий. Он мучительно переживал все, что происходило в стране, но выхода не находил. Трагедия Игнатьева, да и других сотрудников госбезопасности заключалась в том, что от нас требовали немедленного разоблачения мифических террористов, а заместителем министра, который курировал работу, связанную с поисками террористов, был Рюмин. Пользуясь покровительством и поддержкой Сталина, следственная часть по особо важным делам творила под руководством Рюмина беззаконие, и ни сам Игнатьев, ни рядовые сотрудники не могли этому помешать.

Впрочем, и в самом аппарате у новоиспеченного заместителя министра появилась мощная «подпорка». После ареста Абакумова заместителем министра по кадрам назначили А. А. Епишева. Хорошо помню партийную конференцию, на которой избирался партком. Уже утвердили список кандидатов в члены парткома, уже пора было начать голосование, как вдруг со своего места в президиуме поднялся Епишев и заявил, что делегаты допустили серьезную ошибку, не выдвинув в партком такого заслуженного человека, как заместитель министра Рюмин. Конечно, «ошибку» тут же исправили, Рюмина выдвинули и избрали в партком. Такая сложилась у нас обстановка: беззастенчивый и наглый карьерист держал в напряжении все министерство.

Игнатьев задумал коренную перестройку структуры органов госбезопасности, которая исключила бы возможность нарушения законов. Однако после смерти Сталина он был избран секретарем ЦК партии, к нам снова пришел Берия, и все идеи реорганизации полетели в корзину.

Чтобы лучше обрисовать обстановку в тот тяжелый период, приведу пример из собственной практики.

В МГБ поступило сообщение агента госбезопасности о том, что группа лиц замышляет покушение на Сталина. В записке агент доложил мотивы заговора и раскрыл план действий преступной группировки. Проверить заявление поручили мне. Я обратил внимание докладывавшего мне сотрудника на то, что листки бумаги, на которых написано заявление, выглядели потертыми. Разговор с автором заявления я и начал с замечания о недопустимости медлить, когда речь идет о таких серьезных вещах, как террор.

Агент неуклюже оправдывался. Заявление его было уже оформлено протоколом, я предложил ему заново изложить всю историю, в новом документе обнаружил противоречия со старым. Стало очевидным, путаница не случайна. Мои уточнения насторожили агента. Он стал просить вернуть ему документ, но

при этом обронил фразу: «Сожалею, что вас не интересуют материалы о терроре». Дело приобретало крутой оборот. Мое убеждение в том, что агент врет, окончательно окрепло. Но как избежать его дальнейших провокаций? Он явно угрожал, зная создавшуюся в обществе атмосферу. Попасть в число не желавших бороться с террором никак не хотелось. Решил идти до конца. Затянувшаяся беседа была мучительна и для меня, и для моего собеседника. Вдруг он попросил красный и синий карандаши и захотел еще раз взглянуть на свое старое заявление. Долго что-то в нем подчеркивал. Когда же возвратил мне листок, я прочел: «Все, подчеркнутое синим, — неправда, а красным, — правда». Правдой оказались всего четыре строчки, где он сообщал о встрече с тремя приятелями и как они провели вечер в кафе «Балашиха». Оказалось, заговор против Сталина — сплошной вымысел.

— Теперь вы, вероятно, напишете заявление о том, будто я вынудил вас отказаться от прежних слов! — сказал я, а сам подумал: «А заявление это попадет к Рюмину!»

— Нет, клянусь вам, я этого не сделаю! — взмолился он.

— В таком случае вас могут обвинить в том, что вы дали ложные показания, — честно предупредил я его.

На этом наш разговор закончился, и я отправился к начальству, чтобы посоветоваться, что делать: привлечь человека за дачу ложных показаний или отпустить. Ни один из моих начальников не желал взять на себя ответственность, и под разными предлогами все постарались уклониться от решения вопроса. Только начальник управления А. П. Вызов, старый коммунист и опытный чекист, много повидавший на своем веку, сказал мне прямо:

— С этим заявлением ты попал в сложную ситуацию. Возбуждать дело о ложных показаниях нельзя, этот человек снова начнет нас обвинять в попустительстве террору. Если же ты его отпустишь, он может написать и во второй раз точно такое же заявление, и тогда тебе придется туго. Выбора нет, бери на себя все дело и жди, чем оно закончится.

Я сам прекрасно понимал, в какую историю попал. Решил отпустить агента, надеясь, что во второй раз он не решится на такую же ложь, хотя твердой уверенности не было.

Нетрудно представить, сколько я пережил, каждый день ожидая самого худшего. Очень тяжело было носить все это в себе, ведь такими вещами не поделишься ни на работе, ни дома. К счастью, больше никаких заявлений от агента не поступало, а первые два канули в Лету…

И однако на душе легче не стало. Трудно было осмыслить,

как сотрудник госбезопасности, пусть даже нештатный, мог пойти на такую провокацию! Безусловно, он учел общую обстановку и решил ею вое-пользоваться, наверняка знал он и о решении Политбюро, определившем основное направление: беспощадно бороться с терроризмом. А если террористов не нашлось, можно без всякого риска выдумать их — беспроигрышная лотерея.

Когда я допрашивал агента, казалось бы, являлся хозяином положения, мог даже поставить вопрос о его аресте, и все же в своих руках держал меня он. Не преступник боялся меня, а я опасался очередной его подлости.

Рюмин наверняка поддержал бы такого человека, принял его версию, ибо чем больше врагов разоблачено, тем выше показатели собственной работы. Тем более в данном случае источник информации не вызывает подозрений — давний агент органов безопасности и вопрос стоит очень остро: враги замахнулись на самого Сталина!

Что толкнуло информатора на обман? Совершенно очевидно, он действовал не ради карьеры. Задумываясь над природой такого явления, как провокаторство, прихожу к выводу, подобного рода «добровольцев» порождала атмосфера, царившая в обществе.

Не стал бы упоминать об этом эпизоде, будь он единственным в моей практике. По такой схеме часто привлекали к ответственности невинных людей. В подобных обстоятельствах самый честный следователь иногда был бессилен, не говоря о тех, кто холуйски старался угодить начальству, строил карьеру или действовал из чувства мести.

Этот случай показал мне, как низко может пасть человек, и подумалось, что не лишены основания утверждения, будто такие провокации — не редкость в практике КГБ, а явление и в самом деле опасное. На всю жизнь твердо усвоил правило: чекист не должен принимать на веру никаких обвинений и никаких оправданий.

Вспоминается еще один случай. Из алтайского управления МГБ сообщили, что местный агент подготовил важное сообщение для Москвы. Мне было поручено встретиться с ним.

Алтайский Шерлок Холмс произвел странное впечатление: небрежно одетый, грязный человек с рыженькой бороденкой и бегающими глазками скорее вызывал неприязнь, нежели располагал к себе. Он сообщил, что один знакомый поведал ему о готовящемся преступлении. Стали проверять. Незаметно подложили агенту записывающий аппарат перед тем, как он отправился на встречу с «террористом». На еле-дующий день рыжебородый принес сообщение страшнее прежнего, а звукозапись показала: ничего подобного и в помине не было —

просто шла какая-то пьяная болтовня. Провокатор уклонился от объяснений. Дали ему магнитофон, чтобы он в открытую записал следующую беседу. Результат оказался тот же.

Вот и пойми природу провокатора: ни чести, ни славы, ни корысти. Растоптать честного человека способен ни за понюшку табаку.

Надо сказать, что провокациями, как методом оперативной работы, не брезгуют спецслужбы многих государств. Что касается КГБ СССР, то использование провокационных методов рассматривалось как явление, недостойное звания чекиста.

Тем печальнее было столкнуться с этим в 80-е годы, когда считалось, все идут в ногу со временем.

Однажды возникло такое дело. Некий агент иностранной разведки завязал знакомство с одним из солдат, проходивших срочную службу в Закавказском военном округе, и начал его «обрабатывать».

Действовал неторопливо и очень осторожно, в конце концов склонил солдата к сотрудничеству, и тот согласился добыть секретные данные, которые интересовали иностранца. Раздобыл их без особого труда, но был пойман с поличным. Отпираться стало бесполезно, и солдат во всем признался.

Особый отдел Закавказского военного округа возбудил уголовное дело. Следствие подтвердило факт преступления. Суд вынес приговор.

В то время я уже входил в руководство КГБ. Не стану рассказывать, почему мы заинтересовались этим делом и начали расследование, замечу лишь, что все оказалось очень непросто. Оно привело нас к такому результату, который ошеломил всех.

Итак, был установлен факт шпионажа, преступник, пойманный с поличным, признал вину. Каково же было изумление следователей, когда они обнаружили, что в роли «агента иностранной разведки» выступал сотрудник местного отдела органов государственной безопасности. Он решил спровоцировать солдата на преступление, пообещал ему вознаграждение и подбросил «секретные» данные. Затем подстроил все так, чтобы «шпиона» разоблачили.

Зачем это ему понадобилось, во имя чего придумал такую иезуитскую комбинацию и толкнул на преступление несчастного простака? Удивительно, как военный трибунал принял за истину столь чудовищную фальсификацию.

После данного эпизода решили проверить дела всех военнослужащих, осужденных за шпионаж, и установили еще три подобных случая: еще три невинные жертвы томились в лагерях. Три искалеченные судьбы.

Как тут не вспомнить чеховского полицейского, который молил бога послать ему кошмарное преступление, чтобы он мог раскрыть его и сделать карьеру! Я, конечно, убежден: такие провокации были возможны только в обстановке полной бесконтрольности. Руководители, которых интересовали только формальные показатели в работе, не вникали в то, какими способами они достигались. Их не беспокоили людские судьбы.

ДВАДЦАТЫЙ СЪЕЗД

ОБЩЕИЗВЕСТНА ИСТОРИЧЕСКАЯ роль XX съезда КПСС. Разоблачение Н. С. Хрущевым культа личности Сталина открыло путь к широким преобразованиям, к демократическим реформам в стране. Была ли подготовлена для этого почва? Скорее нет, что и вызвало колебания в проведении политики реформ, а к тому же, вероятно, явилось первопричиной волюнтаризма. Но можно ли было предусмотреть все заранее?

Можно вообразить, какую внутреннюю борьбу выдержал Хрущев, прежде чем решился на этот шаг, чего ему стоило выйти на трибуну XX съезда! Помню, я в числе немногих сотрудников госбезопасности оказался в Колонном зале, когда там устанавливали гроб с телом Сталина. Не скажу сейчас, были ли там все члены комиссии по организации похорон, но я очень хорошо запомнил плачущего Хрущева, плакали все, но он просто безутешно рыдал.

Я могу поверить в искренность этих слез, так же как верю и в его желание открыть народу всю правду о злодеяниях Сталина, снять с партии тяжелый груз прошлого и начать новую жизнь.

Не все тогда шло гладко. Идеи XX съезда с трудом пробивали дорогу. В одних кругах они находили широкую поддержку, в других встречали сопротивление, чаще всего скрытое, подспудное. Немало было руководителей во всех областях хозяйственной и политической жизни, не исключая ЦК партии и КГБ, которые не могли принять и не принимали критику Сталина. Это объяснимо. Сталин являлся символом величия государства для подавляющего большинства населения нашей страны и далеко за ее пределами.

Понимая шаг Хрущева и одобряя его, думаю, что последующие действия необходимо было тщательно продумать, чтобы не вносить сумятицу в умы людей и не раскалывать общественное мнение.

Прежде всего из доклада не следовало делать тайну для советских людей. Он ведь так и не был обнародован в Советском Союзе, хотя неоднократно публиковался на Западе. Причины порождения культа, по сути, не подвергались серьезному анализу, развенчивание его ограничивалось констатацией самого явления, что, безусловно, не способствовало извлечению уроков и выработке мер, которые препятствовали бы созданию новых культов. Еще до XX съезда началась реорганизация органов. В марте 1954 года был создан Комитет госбезопасности при СМ СССР. Его председателем назначили И. А. Серова, до того

работавшего заместителем министра внутренних дел. Держался Серов очень уверенно, раскованно, по-хозяйски. И это не случайно: когда Хрущев был первым секретарем ЦК партии Украины, Серов возглавлял Наркомат внутренних дел, там и началась их дружба.

Кстати, ни Хрущев, ни Серов в те годы не только не препятствовали репрессиям на Украине, а способствовали их усилению. С прибытием Хрущева в Киев сместили с должности наркома внутренних дел, старого чекиста, делегата XVII съезда ВКП(б) Балицкого, сдерживавшего репрессии. Возглавив НКВД, Серов взялся круто «поправлять» медлительность Балицкого. Репрессии на Украине приобрели массовый характер.

Вскоре после создания КГБ СССР летом 1954 года Н. С. Хрущев пришел на совещание руководящего состава органов и войск КГБ и выступил с программной речью.

Совещание проходило в зале Центрального клуба имени Дзержинского — в здании, являющемся уникальным памятником советской архитектуры тридцатых годов. Оно было построено по проекту архитектора Фомина и по сей день сохранило облик величественный и вполне современный — автору проекта удалось искусно сочетать элементы конструктивизма со стилем древнерусской архитектуры.

Выступление Хрущева продолжалось около двух часов, он излагал, как ему видится работа органов госбезопасности. Говорил очень эмоционально, образно. Главной задачей, подчеркивал он, является укрепление социалистической законности и искоренение порочных методов руководства. Хрущев свободно оперировал фактами, называл имена руководителей, многие из которых находились в зале, одних хвалил, других безжалостно критиковал — по всему было видно, что он хорошо знает обстановку не только на Украине, но и вообще в стране. Никита Сергеевич подробно рассказывал о том, как готовился его доклад на XX съезде КПСС, об атмосфере в Политбюро, члены которого — Молотов, Каганович, Маленков и другие — всячески препятствовали критике культа личности Сталина и разоблачению преступлений сталинского режима.

Собравшиеся одобрительно реагировали на выступление, всем хотелось навсегда покончить с прошлым, с тяжким наследием Берии и его сподвижников, поскорее очистить систему госбезопасности от скверны.

Начался пересмотр расстановки кадров: система госбезопасности освобождалась от людей, участвовавших в беззаконии, занимавшихся фальсификациями и применявших противоправные методы в процессе следствий. Непростая это

была задача разобраться в людях. Не все творили беззакония, и нельзя было допустить удара по честным работникам, по тем, кто помимо собственной воли оказался втянутым в круговорот репрессий, в отличие от карьеристов, глумившихся над людьми и фальсифицировавших дела.

После войны политическим репрессиям старались придать видимость законных акций, решения об арестах принимались широким кругом людей. Отныне коммуниста никто не мог подвергнуть аресту без ведома и согласия секретаря обкома или горкома партии, сотрудника министерства — без ведома министра. Арест человека с высшим образованием требовалось согласовать с председателем Комитета по делам высшей школы, правда, это чаще всего носило формальный характер, но министр угольной промышленности Оника, например, санкций на арест своих сотрудников, как правило, не давал.

Трудность искоренения страшных последствий прошлого обусловливалась тем, что и сами чекисты (это касалось и рядовых, и руководящих работников) вышли из прошлого. Одни были хорошо знакомы с этим прошлым по собственному опыту, другие, пораженные открывшимися фактами, тяжко переживали крушение идеалов, в которые прежде верили. Меня, например, потрясло разбирательство одного партийного дела: я впервые столкнулся с генералом госбезопасности, занимавшимся фальсификацией документов.

В 1954 году меня избрали секретарем парткома одного из управлений КГБ. Вскоре пришлось рассматривать персональное дело генерал-лейтенанта Жукова. В период недолгого пребывания Берии на посту министра внутренних дел он был вызван в Москву из Сибири и назначен помощником начальника управления.

В тридцатые годы, как начальник дорожно-транспортного отдела НКВД на Западной железной дороге, Жуков входил в состав «тройки» (в данном случае в нее входили начальник политотдела, прокурор и начальник ДТО НКВД дороги!), выносившей приговоры, и при этом в процессе подготовки дел не останавливался перед фальсификаций материалов. Одно из таких дел предстояло рассмотреть в парткоме. Суть его состояла в том, что в 1937 или 1938 году на угольном складе станции Орша была «раскрыта шпионская группа, работавшая на Польшу». По делу арестовали около ста человек (сто «шпионов» на одном складе угля!), многим из которых были изменены фамилии с добавлением шипящих, что делало их похожими на польские — такая деталь придала еще большую достоверность доказательствам шпионажа в пользу Польши.

Казалось бы, всем все ясно, и вдруг на заседании парткома

выступает начальник управления и сообщает, что Председатель КГБ СССР Серов просил при рассмотрении дела иметь в виду принятое решение о назначении Жукова заместителем председателя КГБ в одну из союзных республик. В связи с этим начальник управления внес предложение: Жукова из партии не исключать, а ограничиться строгим выговором.

Выступление начальства ошеломило членов парткома. Все молчали. Я испытывал сложное чувство, ибо понимал тяжесть ситуации. Начались выступления. Одни твердо настаивали на исключении Жукова из партии, в их числе и А. В. Прокопенко, ставший затем Председателем КГБ Молдавской ССР, а позднее возвратившийся на руководящую работу в центре. В годы войны Прокопенко партизанил на Украине, не раз переходил линию фронта, и до конца своих дней этот отважный человек оставался на принципиальных позициях. Твердо стоял на таких же позициях и И. В. Синюшин, и еще один член нашего парткома, фамилию его я, к сожалению, не могу припомнить.

Однако трое членов парткома поддержали руководителя управления, в последнюю минуту к ним присоединился четвертый, причем хороший мой товарищ. Итак, вместе с начальником управления их оказалось пять против трех, я выступал последним. Понимая, что мой голос уже ничего не решит, все же настаивал на исключении Жукова. Однако пятью голосами против четырех ему объявили строгий выговор.

Можно ли было мириться с подобным решением? Нет, конечно. Дело передали в ЦК КПСС. Жуков был исключен из партии и лишен генеральского звания.

Это заседание стало важной вехой в моей жизни. Я окончательно убедился — только принципиальные позиции, а отнюдь не конъюнктурные соображения должны лежать в основе любого решения.

Совсем иной характер имел другой случай, всплывший из того же трагического тридцать седьмого.

Наверное, году в 1989-м обратился ко мне неблизкий, но хорошо знакомый деятель музыкальной культуры. Человек, глубоко уважаемый мною, пользовавшийся большой известностью в Советском Союзе. Его песни пела, как принято говорить, вся страна. Да, пела, была способна петь. Как ни трудно жилось, а пелось.

Суть просьбы состояла в том, что он хотел посмотреть следственное дело дяди, погибшего в те страшные годы, я пообещал по возможности удовлетворить его желание. В то время еще не стало правилом давать даже родственникам знакомиться со следственными делами. Это потом открылись читальные залы

и люди могли узнать и правду, и ложь о своих близких.

Тогда же я взял дело из архива, прочитал. Дядя был незаурядным человеком. В тридцать шесть лет стал заместителем наркома одного из ведущих наркоматов, а за несколько недель до ареста удостоен ордена Трудового Красного Знамени, что в те годы являлось делом далеко не ординарным.

И вдруг я вижу письмо на имя И. В. Сталина. Заместитель наркома (дядя) пишет Сталину о существовании в наркомате вредительской организации, называет людей, своих коллег, как участников организации, их коварные действия и планы. Не менее десяти страниц машинописного текста.

Реакция на письмо естественна. Оно направляется в НКВД, и там начинается стремительно развивающееся следствие. Названные арестовываются. Разве письмо замнаркома — не доказательство? Допросы подтверждают наличие организации (а допрошено человек двадцать). Безвинные, они «признают» все, старательно вспоминают сообщников и, конечно, дядю, заместителя наркома. Охочие до громких дел следователи не «забыли» и об авторе письма Сталину, о том, кто решился на такой донос. Такова была атмосфера тридцатых годов. Дядю арестовывают. Он участник той же организации и вместе с другими по решению Воен-ной коллегии приговаривается к расстрелу.

Прочел и задумался. Надо ли знать моему знакомому такую правду? Не лучше ли оставить в памяти образ дяди, который у него сохранился.

Шли месяцы. Я медлил с ответом, оттягивал встречу, но племянник был настойчив и даже стал высказывать подозрение, якобы хочу скрыть что-то недоброе.

В один из дней встретились у меня в кабинете на Лубянке, уже в новом здании КГБ. Сели друг против друга, держимся достаточно настороженно. Он в естественном напряжении (видит дело своего дяди), а я в не меньшем, понимая, какой удар в нем таится. Осторожно начал говорить о том, что, может быть, изложу суть дела, верну сохранившиеся документы и фотографии, познакомлю с материалами суда. Это его устраивало, но не удовлетворяло.

Ничего не оставалось, как показать все. Молча прочел он дело, долго сидел, затем встал и нетвердой походкой вышел из кабинета. Мои помощники, провожавшие его, рассказали, что из кабинета вышел до неузнаваемости изменившийся человек.

Прошло недели две. Звонок. Хорошо воспитанный человек, мой знакомый, перенесший тяжелую травму от общения с прошлым, просит извинить его за то, что ушел не попрощавшись,

не поблагодарив за отклик на просьбу. Помолчав, добавил: «Вы были правы. Мне не следовало этого читать». Кроме слов утешения, сочувствия, призыва стойко пережить потрясение, я ничего не мог ему сказать.

Позже мы не однажды встречались, но больше не затрагивали эту тему, хотя каждый по-своему переживал случившееся.

С прошлым надо обращаться аккуратно, так же, как, творя дела сегодняшние, понимать, что они не могут не иметь прошлого.

Много воды утекло с тех пор. Не все принятые мной или с моим участием решения были безупречны. Во многих случаях я совсем не так поступил бы сегодня. Но это будут уже оценки с позиции нынешнего времени, хотя и в прежние годы я никогда не изменял ни требованиям совести, ни законам государства.

Итак, после XX съезда КПСС обстановка в КГБ была сложной, однако в его организме был немалый запас здоровых сил. Благодаря ему перестраивалась вся деятельность системы по обеспечению государственной безопасности страны, восстанавливалась законность.

Но реализовать все это было нелегко. Серов продолжал стоять на привычных для него позициях — карательный орган должен только карать. Профилактическая работа, предупреждение преступлений провозглашались лишь в парадных речах.

Хрущев в то время не раз публично заявлял, якобы в стране больше нет политических заключенных, от истины это было далеко.

Не могу сказать, чтобы к Серову относились с большим уважением. Отсутствие гибкости, штампованное мышление вызывали настороженность. Его речи на активах разительно отличались от выступлений предшественников.

Никого не удивило, например, его поведение во время волнений в Тбилиси, начавшихся после XX съезда КПСС — в марте 1956 года.

Я выезжал туда в составе группы сотрудников, возглавляемой заместителем председателя КГБ С. С. Бельченко. Серов, остававшийся в Москве, требовал, чтобы мы немедленно выявили организаторов контрреволюционного заговора. А таковых не оказалось, ибо не было никакого заговора.

Население Грузии чрезвычайно болезненно реагировало на доклад Хрущева на XX съезде. Отношение к Сталину в республике сложилось особое: для большинства грузин он являлся национальным героем, и дата смерти ежегодно отмечалась возложением венков к монументам, массовыми шествиями и

митингами, во время которых исполнялись его любимые песни, произносились пламенные речи.

Так продолжалось до 1956 года. Неизвестный для населения доклад Хрущева, искаженные слухи о его содержании вызвали самые разные интерпретации и всевозможные кривотолки. Многие передавали суть доклада, используя факты из обвинительного заключения по делу Берии, которое незадолго до событий читалось повсеместно в различных коллективах. Все это подлило масла в огонь. Но никто в ЦК партии и не додумался дать людям достоверную информацию, не счел нужным послать в республику опытных пропагандистов, которые могли бы донести до населения Грузии содержание столь важного документа. Даже нас, посланников Москвы, по существу не ознакомили с решениями XX съезда.

К тому же нашелся догадливый чиновник или провокатор и дал указание, запрещающее цветочным магазинам продавать венки с соответствующими лентами для возложения к памятникам Сталину. Волнения усилились, особенно в студенческой среде. Заказывали в цветочных магазинах ленты на вымышленные имена, которые затем смывали, заменяя именем Сталина. Студенты первыми вышли на улицы с лозунгами в защиту Сталина. К утру у его памятника собрались десятки тысяч человек.

Набережная Куры, где стоял огромный монумент кумира, не могла вместить пришедших почтить его память и выразить протест решениям XX съезда.

Несколько дней в Тбилиси, Гори, Сухуми, Батуми, Кутаиси и других городах шли непрерывные митинги. Местные власти находились в полной растерянности: с одной стороны, им надлежало выполнять решение съезда, с другой, как-то утихомирить народ, не понимающий толком, что происходит. Вместо разъяснительной работы местные власти не нашли ничего лучшего, как кривя душой солидаризироваться с митингующими и попытаться таким образом навести порядок. А люди требовали одного — достоверной информации о том, что случилось на XX съезде, на каком основании низвергают Сталина.

Вспоминаю слова редактора местной газеты Мак-валы Окропиридзе, принявшей участие в организации митинга в Гори:

— Вы требуете, чтобы я отказалась от Сталина, но поймите, я родилась в Гори, выросла напротив дома, где жил Сталин, окончила школу имени Сталина, затем университет его же имени, была сталинской стипендиаткой, диплом писала о Сталине. Наконец, сейчас я редактор газеты «Сталинское племя». Я не могу понять, что происходит!

Многие обращались за информацией к китайской делегации во главе с Чжу Дэ, находившейся в то время в Тбилиси после участия в работе XX съезда. Члены китайской делегации побывали на митингах и собрали массу письменных обращений в защиту Сталина.

9 марта несколько десятков тысяч митингующих от набережной реки Куры у монумента Сталину хлынули по Александровскому спуску к Дому связи на проспекте Руставели. Призвал их к захвату дома некий Кипиани, выступивший перед толпой с провокационной речью. Кто-то из толпы сделал несколько выстрелов, что еще больше накалило собравшихся.

Дом связи охраняла небольшая группа солдат, их без труда смяли и оттеснили в глубь здания. Солдаты подверглись избиению. Одному из них приставили к горлу вилку. Кто-то из солдат, защищаясь, открыл стрельбу вверх, в потолок, и пули рикошетом отскочили от бетона. В создавшейся неразберихе кто-то из солдат стрелял и в толпу. В те дни в Тбилиси погибли люди — двадцать один человек.

Поведение тех, кто оказался в операционном зале Дома связи, свидетельствовало, что массовые выступления возникли стихийно, не было никакой организации заговора, как хотелось изобразить дело кое-кому в Москве.

Ворвавшиеся в Дом связи метались по залу, не зная, что им делать. Одни искали радиостудию, чтобы объявить миру о происходящем в Тбилиси. Другие сочиняли телеграмму в Москву с требованием не трогать Сталина. Нашлись и такие, кто поздравлял Молотова с днем рождения. События у Дома связи привели к тому, что в город ввели войска и объявили осадное положение, которое, правда, продолжалось всего одну ночь.

На улицах Тбилиси в те дни задержали несколько сот человек. А что же КГБ? Спокойно наблюдало за событиями? Вовсе нет. КГБ Грузии с помощью работников центрального аппарата довольно быстро разобрался в обстановке, задержали нескольких истинных зачинщиков беспорядков, освободив остальных задержанных. Их документ с выводами о причинах, приведших к тяжелым последствиям, был серьезно аргументирован и не оставлял сомнений о виновниках трагедии. Хода, к сожалению, он не получил.

Должен сказать, что это, пожалуй, единственный случай, когда решения принимались оперативно, без каких-либо согласований с центром: главной задачей было освободить тех, кто невольно стал жертвой ложной пропаганды, а это оказалось совсем непросто. Многим деятелям в центре очень хотелось услышать от нас, будто в Тбилиси существовал штаб,

руководивший выступлениями против решений XX съезда. Кто-то угрожал отобрать у нас партбилеты за то, что мы освободили участников волнений — якобы всех, без разбора. Но чекисты Грузии и Москвы, находившиеся в Тбилиси, устояли и на массовые репрессии не пошли.

Неужели в Москве никто не подумал о том, как могут быть восприняты в Грузии факты, разоблачающие преступления обожествленного Сталина? Разве не ясно, что туда надо было незамедлительно послать опытных пропагандистов, которые доходчиво и убедительно разъяснили бы людям произошедшее. Убежден, многие тбилисцы поняли бы справедливость решений XX съезда и мы избежали бы волнений, потрясших республику, и ненужных жертв. Руководство партии обязано было об этом позаботиться.

Неоднозначно восприняли решения XX съезда и за рубежом. «Правда» перепечатала из китайской газеты «Женьминьжибао» редакционную статью, резко осуждавшую разоблачение Сталина и встретившую поддержку некоторых коммунистов в нашей стране. В ЦК КПСС статья эта, естественно, вызвала неодобрение и встревоженность. Осложнять отношения с Китаем советское руководство не хотело, но нельзя было и оставить без внимания столь острую статью в центральном органе китайской компартии. И тогда Хрущев выступил на приеме в китайском посольстве, где положительно отозвался о Сталине. Он заявил, что в обиду его давать не собираются. Никто ничего не мог понять: с одной стороны, Сталин — злодей, а с другой — «в обиду его не дадим». И говорит это один и тот же человек, руководитель партии. Подобная двойственность рождала сомнения и недоверие к руководству.

Развенчание культа личности Сталина в нашей стране было в основном встречено с одобрением, но смущали явные недомолвки, искажение общеизвестных фактов, а главное — на обломках, казалось бы, уничтоженного культа создавался новый. Разоблачения злодеяний Сталина продолжались, но в то же время наносились удары по тем, кто выступал за решительные меры, кто требовал отмежеваться от прошлого.

События, происшедшие в Тбилиси, стали серьезным уроком и для сотрудников органов госбезопасности.

В 1956 году произошли известные события в Венгрии. Тогда многие еще не знали, что именно там происходит, и выражали протест против вмешательства нашей армии. У нас в стране началось брожение в студенческой среде.

Я несколько раз встречался в те дни и беседовал со студентами МГУ. Многие из них, настроенные против Хрущева,

призывали выступить в поддержку венгров и протестовать против действий Советского правительства. На этих митингах было немало антисоветских лозунгов и плакатов. О студенческих волнениях знал не я один. Требовалось срочно принимать какие-то меры. Какие именно? Арестовать наиболее активно выступавших студентов? Однако после нескольких встреч с ними я понял, что в большинстве случаев это просто искренне заблуждающиеся и недостаточно информированные люди, и решил, что арестов допустить нельзя. Серов в те дни находился в Венгрии. Группу руководящих работников управления вызвал к себе первый заместитель председателя КГБ П. И. Ивашутин.

— Почему не принимаете меры?! — строго спросил он.

Я изложил свою точку зрения, сказал, что лично убедился; активисты из числа студентов — вовсе не враги и никаких законов не нарушают, арестовать их было бы ошибкой. В конце концов Ивашутин согласился с приводимыми доводами. Однако все еще оставалась угроза репрессий, их требовали некоторые руководители ЦК партии, обвинявшие КГБ в бездействии. Особенно резко высказывал негодование секретарь ЦК по идеологии П. Н. Поспелов, которого поддерживали и некоторые работники госбезопасности. И все же мы сумели настоять на своем: репрессий удалось избежать.

КАК МЫ ТЕРЯЛИ ПАРТИЮ

ТРУДНО ПЕРЕОЦЕНИТЬ РОЛЬ Н. с. Хрущева в развенчании культа личности Сталина, можно назвать и немало других его благих дел. Например, я не разделяю точку зрения многих, иронически отзывающихся о «хрущобах», как хлестко население окрестило сборные пятиэтажные дома. Конечно, это далеко не комфортабельные дома-скороспелки, но строительство их вызвалось острой необходимостью; сотни тысяч людей жили с детьми в разваливающихся старых зданиях, в сырых подвалах и коммуналках. Требовалось принимать срочные меры, а на массовое строительство добротных жилых домов не было ни средств, ни достаточного количества строительных материалов, ни квалифицированных рабочих. И Хрущев решил в качестве временной меры строить пятиэтажки. Они росли по всей стране, как грибы после дождя. Верно, строительство далеко не совершенное, но сколько людей переехали в отдельные квартиры!

Вместе с тем эксперименты Хрущева в области сельского хозяйства до сих пор сказываются на положении в экономике. Невозможно понять, для чего понадобилось в только что возрожденном после войны селе уничтожать собственный скот крестьян или ликвидировать приусадебные участки в колхозах и совхозах. А перемещение полутора миллионов жителей Центральной России для освоения целинных земель в Казахстане? Полагаю, что уцелевшее после войны население центра России смогло бы своими трудовыми руками поднять исконную Русь, и тогда их дети и внуки не трудились бы над изучением казахской грамоты, а спокойно кормили бы Россию.

Во времена Хрущева начались перегибы в национальном вопросе. Долгое время проработавший на Украине и пользовавшийся поддержкой украинских коллег, Хрущев явно продолжал заигрывать с ними. Он всячески подчеркивал свою любовь к Украине, начиная с вышитых украинских сорочек, попыток продвинуть кукурузу на север и кончая украинскими пословицами и поговорками, которыми он любил щегольнуть.

Абсурдные решения принимались и по кадровым вопросам. В отличие от других республик Украина с точки зрения обмена кадрами оставалась закрытой для Москвы, тогда как из Киева, Днепропетровска и других украинских городов на работу в Москву и Российскую Федерацию прибывали руководители различных рангов. Украина же россиян к себе почти не принимала. Даже те немногие сотрудники КГБ, которых посылали на работу в эту республику, чаще всего возвращались обратно.

По инициативе Хрущева был изменен порядок изучения национальных языков в школе. До 1957 года в средних школах союзных республик изучали два языка: русский и местный, и это было оправданно. Но Хрущев поставил вопрос о новом порядке изучения русского языка: его стали преподавать факультативно, да и то далеко не везде. Это привело к тяжелым последствиям: возникло совершенно ненужное противопоставление национальных культур, и как следствие — настороженность между людьми. И дело тут вовсе не в «русском шовинизме» или навязывании русского языка другим народам; в любой стране существует язык межнационального общения, а в нашей стране так исторически сложилось, что этим языком, на котором говорят военнослужащие разных национальностей в армии, государственные чиновники и деятели культуры, стал русский. Ничего нового или исключительного здесь нет. Так, английский является языком межнационального общения в Соединенных Штатах, немецкий — в Германии и т. д., хотя и в этих странах живут люди разных национальностей, говорящие на других языках. У нас же хрущевская политика в области изучения русского языка в республиках, входящих в Советский Союз, привела к тяжелым последствиям.

Как-то Хрущев принимал участие в работе пленума ЦК Компартии Украины. Пленум проводился помпезно, в зале собралось несколько тысяч человек. Никита Сергеевич любил такие массовые заседания, где вместо дела занимались часто пустыми словопрениями. Но дело было не только в этом. На пленуме, не помню кто, начал свою речь по-русски. Никита Сергеевич перебил его:

— Разве вы не знаете украинского языка? Работаете-то на Украине!

Нетрудно понять, какой отклик нашла эта реплика в сердцах националистически настроенных участников пленума и особенно у тех, кто исподволь вел пропаганду за «незалежную Украину».

Дорого пришлось платить за склонность Хрущева к популизму…

К таким же акциям можно отнести явно инспирированный митинг в Сормове, где единогласно приняли решение о замораживании выплаты денег по государственным облигациям. В результате в течение двадцати лет люди были лишены возможности вернуть свои скудные средства, данные взаймы государству. А через двадцать лет, когда деньги решили все же возвратить, эта выплата тяжелым бременем легла на госбюджет.

В большой аудитории Хрущев любил бросать в зал иронические реплики, оскорбляющие известных деятелей, — под

одобрительный гул присутствующих, которым нравилось, как глава государства публично разносит руководителя министерства или обкома партии. Хрущеву это казалось проявлением демократизма.

Говоря о «холодной войне», нельзя не признать наши проигрыши. По мнению некоторых политиков и ученых, восторжествовала справедливость, был восстановлен и продолжен исторический процесс развития России, прерванный Октябрем, и таким образом похоронен большевистский эксперимент.

В связи с этим возникает вопрос: что все-таки привело к разрушению системы социализма? Безусловно, очень тяжелые последствия имел террор тридцатых годов, поколебавший у многих веру в политику государства. Казалось бы, февральско-мартовский пленум ЦК партии 1938 года, проходивший под руководством Сталина, сурово осудил террор. Если бы Сталин остался верен этому решению, не сомневаюсь, события в стране пошли бы по другому пути, но, как мы знаем, решение пленума осталось пустой декларацией. Пренебрег Сталин и еще одной возможностью смягчить свою вину перед народом, а она появилась у него после победы над фащизмом. Если бы он решился объявить политическую амнистию, то тем самым мог хотя бы частично снять с себя вину за все, что происходило в тридцатые годы. Но он не сделал этого. Почему? Сегодня не так-то просто ответить на этот вопрос. Легче всего сослаться на какие-то личные качества Сталина, но трудно даже вообразить, будто человек ставил своей целью остаться в истории с клеймом палача.

Незадолго до смерти Л. М. Кагановича один из наших журналистов беседовал с ним. Мне хочется привести отрывок из этой беседы.

«Отвечая на вопрос, Каганович сказал:

— Сами посудите, на транспорте масса крушений, засилье шпионов и диверсантов. Они пускают под откос поезда. Разве мы могли с этим мириться? Отсюда и много репрессий. Конечно, кто-то, возможно, пострадал и невинно, но тут уж ничего не поделаешь: лес рубят — щепки летят.

— Ну, допустим, уничтожали диверсантов на транспорте. А, скажем, Тухачевский? Талантливый полководец, человек высокой культуры, волевой, авторитетный, образованный…

— Вот-вот, Тухачевский мнрш себя Наполеоном. Во время военного переворота войска пошли бы за ним.

— А он готовил переворот?

— Дорогой мой, чтобы руководить государством, надо уметь предвидеть. Вообразив себя Наполеоном, он вполне мог

совершить переворот».

Таков был главный принцип Сталина. Во всяком случае, так его толкует Каганович: уничтожить каждого, на кого пало подозрение, даже если подозрение это не подтверждено конкретными фактами. Достаточно, чтобы человек был сильной, яркой личностью, пользовался авторитетом, оказался способным вести за собой людей. Конечно, это в какой-то мере объясняет действия Сталина, однако не до конца.

Нет, дело вовсе не в том, что Сталин верил чьим-то наветам и только потому проводил политику жестоких репрессий. Он не пресекал репрессий против деятелей науки, культуры, военачальников, партийных и хозяйственных руководителей, прекрасно сознавая, что это честные, талантливые, порой даже выдающиеся люди, преданные родине и лично ему. Сталину. Недаром, когда в годы войны над страной нависла смертельная опасность, многие из них были освобождены из тюрем и назначены на высокие посты. Следовательно, люди эти пользовались доверием Сталина. Трудно ответить, как совмещались у вождя доверие к людям и репрессии против них. Но это тема отдельного разговора.

Глядя на все, что происходило в стране, через призму той деятельности, которой мне самому приходилось заниматься, задумываешься: какие же политические процессы привели, по существу, к краху нашей государственности. Не касаюсь сейчас проблем социалистического строя и не пытаюсь анализировать, удался сей эксперимент или не удался — это тема особого исследования, — я хочу сказать о другом: если бы политическое руководство страны обращало достаточно серьезное внимание на некоторые весьма важные существенные рекомендации специалистов, мы могли бы избежать ряда потрясений. И здесь в первую очередь надо сказать о партии. Не зря же в американских планах «холодной войны» разрушению коммунистической партии в СССР предавалось первостепенное значение.

Никаким президентским указом «закрыть» компартию невозможно. Партия начала утрачивать свое истинное значение намного раньше, когда ее вынудили заниматься хозяйственными вопросами, превратив в инструмент экономической, а не политической деятельности. Произошло не только сращивание партии с государством и создание так называемого партийно-государственного аппарата, фактически партия отошла от своей истинной роли — она взяла на себя руководство и контроль над государством, и это привело к тяжелейшим последствиям.

До войны в партийном аппарате не существовало хозяйственных структур. Хотя аппарат этот и влиял на

государственную деятельность, но все-таки в значительной степени он занимался партийно-политической работой, не случайно же в структуре партийных органов основным считался тогда отдел агитации и пропаганды. В годы войны ЦК партии превратился в аппарат Государственного Комитета Обороны, которому была подчинена вся хозяйственная жизнь страны: комитет руководил промышленностью, сельским хозяйством, культурой. Все советские и государственные органы, начиная с Совнаркома, были подчинены ЦК партии, который фактически взял на себя всю исполнительную власть. В условиях военного времени это было необходимо. Но вот кончилась война, и XIX съезд партии открывал перед страной совсем иные перспективы. Решения съезда по кадровым вопросам предполагали коренным образом изменить функциональную роль партии в государстве. Сейчас, когда размышляешь надо всем этим, представляется, что партия постепенно начинала отходить от хозяйственных дел. Недаром съезд предлагал новую структуру руководства партии: вместо Политбюро был создан Президиум ЦК, в составе которого появилось много новых имен, главным образом, людей молодых, энергичных, как нам тогда представлялось — лучшая часть интеллектуальных сил. Съезд избрал в Президиум ЦК 25 членов и 11 кандидатов.

Все, казалось, шло к тому, что партия вернется к своей основной идеологической работе, хозяйственными проблемами снова займется правительство. К сожалению, этого не произошло. С приходом к власти Хрущева все вернулось на круги своя.

5 марта 1953 года умер Сталин, и уже на следующий день был создан новый Президиум ЦК, куда вошли всего девять человек — только те, кто входил в состав Политбюро до XIX съезда. В кандидатах, как и прежде, остались четыре человека. Значительно позже Президиуму вернули старое название — Политбюро, но надежды на уход партии из сферы хозяйственной деятельности не сбылись, напротив, основное место в аппарате ЦК заняли отраслевые отделы: промышленный, транспортный, сельскохозяйственный. Руководство хозяйством полностью захлестнуло партийных работников всех рангов от сельских райкомовцев до аппаратчиков ЦК. А коль скоро партию окончательно превратили в инструмент хозяйствования, то партийные работники все чаще и чаще дискредитировали себя в глазах общества, тем более что многие из них в экономике были абсолютно некомпетентны, но считали, что им дано право поучать специалистов, требовать выполнения заведомо нереальных планов и сурово взыскивать за просчеты и ошибки вплоть до исключения из партии и возбуждения уголовного дела.

И,здесь тон задавал Хрущев.

Партийный руководитель утратил свою роль как организатор масс и политический деятель, он целиком и полностью превратился в хозяйственника. Все в один миг становились знатоками и пропагандистами квадратно-гнездового метода посева кукурузы, который вызывал лишь ироническую улыбку у опытных кукурузоводов. Партийные работники выходили на поля с торфоперегнойными горшочками, пытаясь личным примером внедрить «прогрессивный» метод. А наряду с этим военно-промышленный комплекс заставлял работать на себя почти весь интеллектуальный потенциал страны, выкачивая деньги из народного хозяйства.

Поэтому не удивительно, что в разгар «холодной войны» проблемами идеологии занимался весьма ограниченный круг партийных пропагандистов, а чаще всего эта работа перекладывалась на органы госбезопасности.

Решения XIX съезда партии открывали перед страной широкие перспективы, но путь, по которому ее повел Н. с. Хрущев, оказался губительным. Сталин дважды упустил возможность возродить авторитет партии, хотя после XIX съезда такая перспектива наметилась. Хрущев тоже не воспользовался ею, и в этом состояла его роковая ошибка. Не сумели исправить положения и его преемники, что послужило в конечном счете одной из главных причин развала партии и государства.

Не сомневаюсь, найдется немало людей, которые обвинят меня в сталинизме. Нет, я считаю, что в истории Сталин навсегда оставил кровавый след — такова моя позиция. Но коли уж говорить правду, так всю до конца. Нельзя перечеркнуть его заслуги в укреплении государства. Историю не переделаешь.

ОКРУЖЕНИЕ ЛИДЕРА

СОЗДАЛОСЬ УСТОЙЧИВОЕ МНЕНИЕ о том, что окружение лидера страны оказывает на него сильное влияние и зачастую трудно понять, кто правит государством. Не берусь комментировать это утверждение, но, бесспорно, окружение любого лидера играет немаловажную роль в жизни государства.

Даже на Сталина влияло его окружение. Как же так? Ведь рядом со Сталиным всегда была команда, ревностно выполнявшая его волю. Она немало способствовала созданию культа, сыгравшего пагубную роль в жизни нашего народа. Как это могло случиться и что надо сделать, чтобы подобное никогда не повторилось?

Тяжкий вопрос, и бог знает, когда будет дан ответ на него. Хотя попытки сделать это были.

Одна из них — в 1968 году КГБ предложил создать авторитетную комиссию для изучения причин, породивших культ и все его последствия. При этом предполагалось учесть различные подходы и точки зрения, в частности публициста Р. Медведева, книга которого на эту тему уже ходила в рукописи по Москве.

Этот коллектив должен был работать под руководством ЦК КПСС.

Основной задачей ученых виделось не расследование фактов злодеяний Сталина, об этом уже было сказано более чем достаточно, а именно анализ природы культа и, как следствие этого, — террора.

Конечно, причин имелось много, но я хочу остановиться хотя бы на одной.

Известно, какой скромностью и щепетильностью отличался старый революционер-подпольщик, а впоследствии крупный государственный и партийный деятель А. Д. Цюрупа. Сейчас широко известна история о том, что в бытность комиссаром продовольствия, когда Цюрупа фактически сосредоточил в своих руках все продовольственное снабжение страны, он порой падал в голодные обмороки. Однако мало кто знает об одном любопытном документе, копию которого мне в свое время показал сын Цюрупы Всеволод, работавший тогда в «Известиях». Фактически это быд ультиматум, который Цюрупа, занимавший одновременно несколько крупных постов, в том числе и пост наркома внутренней и внешней торговли, предъявил Политбюро.

«Я введу монополию внешней торговли по Марксу и Энгельсу, то есть единственно правильную (в данном сдучае не

имеет значения, был ли он прав по существу. — Ф. *Б.),* но Генсек Сталин постоянно вмешивается в мои дела, навязывая какую-то свою линию. Поэтому требую оградить меня от его вмешательства, ибо в противном случае слагаю с себя все посты».

Документ датирован 1925 годом, когда Сталин уже набрал достаточную силу. Как известно, Цюрупа умер в 1928 году, не сложив с себя ни один из своих постов, из чего можно сделать вывод, что требования его были удовлетворены. Возможно, эта акция Цюрупы помогла Сталину провести в жизнь идею монополии внешней торговли. Об этом он с присущей ему категория-ностью заявил на пленуме ЦК уже после того, как получил письмо Цюрупы.

Невольно возникает вопрос: а если бы окружение. Сталина занимало такую же твердую и принципиальную позицию, как Цюрупа?

С не меньшей решительностью выступил первый секретарь ЦК КП Украины П. П. Постышев, который протестовал против арестов старых большевиков и массовых репрессий. Однако сталинское окружение его не поддержало, оно безмолвствовало. Нашлись и ретивые подхалимы, которые подтолкнули его к расправе с Постышевым.

Чрезвычайно важно, какие люди составляют окружение лидера. Этот фактор всегда был определяющим и в прежние времена, и в наши дни.

Сейчас ни у кого не осталось сомнений, что инициатором массовых репрессии, повторных ссылок уже отбывших наказание людей, изгнания целых народов из родных мест и тому подобных злодеяний был Сталин, хотя осуществлял задуманное он, конечно, не своими руками.

Сталин рассылал верных людей во все регионы, чтобы они на пленумах крайкомов, обкомов и республиканских партийных конференциях. «помогли» людям разобраться в сложных проблемах и подробно проинформировали их о событиях в центре.

Наряду с этим посланцам давались еще и особые задания. Вот, например, как осуществлялись эти планы в Ивановской области. Почему именно в Ива-нове кой? Разумеется, я мог бы в качестве примера взять какую-нибудь другую область или край, ведь такие кампании всюду проходили по единому сценарию, но эта крупная промышленная область в центре России была мне ближе других, ибо, как депутат Верховного Совета республики от ивановцев, я часто бывал там в конце восьмидесятых годов и хорошо знал ее многочисленную и традиционно сильную партийную организацию. Возможно, именно по этой причине

Сталин послал туда не одного, а сразу двух своих сподвижников: Л. М. Кагановича и М. Ф. Шки-рятова. В Иванове я познакомился с материалами местного партархива, и вот что вычитал.

Августовский пленум Ивановского обкома партии 1937 года открылся докладом Кагановича, текст которого тут же был изъят из стенограммы. Однако из записи прений, длившихся три дня, можно составить довольно полное представление и о самом докладе. В нескольких словах его можно передать так: «Всюду проникли враги народа, которые задумали обезглавить руководство партии и правительства. Вы же, проявляя преступную политическую слепоту, не 60-ретесь против них, не разоблачаете их, хотя, по всем признакам, они скрываются и здесь; среди вас».

Еще до начала пленума Каганович и Шкирятов готовили выступления в прениях. В частности, Шкирятов «работал» с секретарем парткома фабрики имени Балашова Т. Тихомировой, которой предоставили первое слово. Она поблагодарила товарища Кагановича за доверие и выразила удовлетворение тем, что разоблачен злейший враг народа — секретарь обкома товарищ Епанечников.

Выступающую прервал голос из президиума:

— Теперь уже не товарищ!

…Тихомирова испуганно извинилась и поправилась, горячо поддержав Кагановича.

— Вот мы сейчас слышим, — говорила она, — как изощрялись люди… бывшие люди, можно сказать, сейчас их даже людьми неприятно считать… Если вредители мечтают уничтожить наших вождей, то мы должны сказать обратное. Мы не простим им, Лазарь Моисеевич, то, что они портят нашу жизнь. Я за всю жизнь не обидела курицы, но, если бы мне сказали: застрели, Тихомирова, этих негодяев, я бы их пять раз застрелила. Мы не позволим посягнуть на жизнь наших вождей!

Затем слово дали секретарю Юрьевского райкома партии Данилову. Он заявил, что городская парторганизация препятствует проведению линии партии, призывающей к разоблачению врагов народа.

— Секретари райкомов, — признался он, — тоже плохо работали, мало разоблачая врагов.

В конце выступления Данилов твердо обещал серьезно взяться за дело и беспощадно бороться с врагами.

Следом выступил начальник областной милиции М. Шрейдер.

— Товарищ Каганович прислан сюда нашим вождем товарищем Сталиным! — торжественно провозгласил он.

А затем, высоко оценив доклад посланца Москвы, Шрейдер

обрушился на секретаря горкома партии Васильева. Он выразил возмущение по поводу того, что Васильев, имевший связь с врагом народа, занимает место в президиуме рядом с секретарем ЦК партии.

— У меня нет никаких данных о том, что Васильев враг, — сказал он, — но я позволю себе выразить ему недоверие.

Затем Шрейдер обвинил бывшего начальника управления НКВД Стырне в том, что тот противодействовал репрессиям и якобы имел связь с бывшим сотрудником НКВД Корниловым, который в 1936 году обвинялся в сотрудничестве с троцкистами. Стырне, старый чекист, активный участник Гражданской войны, тут же был снят с работы, а впоследствии арестован и расстрелян.

Под одобрительные реплики Кагановича и Шки-рятова Шрейдер выразил недоверие еще нескольким ответственным работникам, ничем это не мотивируя.

Первый секретарь Маленковского райкома партии Суворов заявил, что заместитель председателя облисполкома Семагин работал в ВЦСПС в 1928–1929 годах (вспомнил через десятилетие! — Ф. *Б.),* то есть в то время, когда его председателем был Томский, который «вел решительную борьбу против ЦК, против товарища Сталина. Причем товарищ Семагин не просто работал в эти годы, а состоял в партбюро ВЦСПС, был даже замсекретаря, но что-то не было слышно, чтобы он вел борьбу против этого Томского». Суворов предложил освободить Семагина от работы и вывести его из состава бюро обкома. Предложение было принято.

В таком же духе выступали и остальные. Не выступить на пленуме ответственному работнику было нельзя, ибо сам факт молчания воспринимался как нежелание поддержать политику партии, призывавшей разоблачать врагов. Стоило кому-либо отвлечься от этой темы, как следовал грубый окрик Кагановича или Шкирятова, требовавших не «пустых слов», а разоблачений, причем с указанием конкретных лиц и фамилий. Оба они — и Каганович, и Шкирятов — то и дело перебивали ораторов, обрывали их на полуслове. Стоило, например, второму секретарю обкома Александрову робко возразить против того, что несправедливо обвинили одного товарища в плохой работе с кадрами на селе, как взорвались оба. «Вы говорите лучше о себе!» — потребовал Каганович, а Шкирятов язвительно бросил: «А что вы сами делали?» И оба засыпали оратора вопросами, окончательно сбив его с толку. Сразу же после пленума Александрова сняли с работы «как не оправдавшего доверие партии и не сумевшего разоблачить врагов народа».

Каганович и Шкирятов строго следили за тем, чтобы

выступления шли по разработанному ими сценарию, они поощряли одобрительными замечаниями тех, кто называл фамилии «сомнительных» людей, и окриками обрывали каждого, кто пытался переключить собрание на обсуждение других тем. В такой гнетущей атмосфере выступил заместитель секретаря Ивановского горкома партии Васильев, которому начальник областной милиции выразил свое недоверие.

— Трудно сказать, товарищи, — начал он, — что я пережил во время доклада товарища Кагановича, труд-, но поверить, что рядом с нами, и в частности в аппарате обкома партии, работали такие люди, как Епанечников, который оказался врагом народа. Я должен сказать со всей откровенностью и сказать сущую правду: какой-нибудь политической связи, какого-нибудь разговора контрреволюционного порядка или какого-нибудь действия, которое было бы направлено против линии партии, я ни с Епанечниковым, ни со Ступиным, с которым я находился как завотделом в близких отношениях, не имел и не думаю, не только не думаю, а совершенно уверен, что таких фактов не может быть.

Продолжать ему не дали. Вмешался Каганович:

— Вы политический работник, работаете на работе, в связи с которой каждый день, каждую минуту приходится говорить о вождях, друзьях и врагах мировой революции, о колхозах, о советской экономике, о советском праве, о законах, о Сталинской Конституции, одним словом, сплошь о политике. Странно, что вы, человек культурный, грамотный, с высшим образованием, делаете пленуму столь голословное заявление, я, говорите вы, с ними политических разговоров не вел! Как будто вы член артели по ремонту сапог, и этот член артели… заявляет; я, товарищи, прихожу в свою мастерскую, беру свою оправку, молоток и гвозди и работаю, отрабатываю и ухожу. Неужели вы думаете удовлетворить пленум таким голословным, абсолютно пустым заявлением? Причем очень странно, что вы даже не обогащаете свое заявление политическими материалами. Вы говорите: «Я волновался по поводу доклада товарища Кагановича, что такие люди могли оказаться врагами». Как это вы бросаете здесь такие слова на пленуме — «трудно верить», как вы могли сказать, что «ощарашили нас»… А вы, после того, что я здесь говорил, бросаете крылатую фразу «трудно верить»…

Каганович умолк, видимо, ожидая покаяния Васильева, но едва тот начал говорить, как снова прервал его:

— Вы перешли на другую тему. Вот первый вопрос. Я воспроизвожу точно то, что вы сказали с самого начала… Вы говорите, что «я с большим волнением слушал доклад товарища Кагановича, потому что трудно верить, чтобы эти люди оказались

врагами». Вы выслушали доклад товарища Кагановича, прослушали. Вы уже выступили после прений и после этого заявляете в настоящем времени: «Трудно верить». Я могу ваши слова расшифровать таким образом, что хотя Каганович говорил очень много, но все-таки верить этому трудно. Так я могу понять эти слова».

Васильев, совершенно подавленный, замолчал, но и тут его не оставили в покое. Из президиума посыпались вопросы. Сначала спрашивал Шкирятов, а потом четырежды к нему обращался Каганович. Человека буквально добивали на глазах у всех — в назидание остальным.

На этом заседание пленума 3 августа прервали.

Чтобы продолжить на следующий день: Кагановичу и Шкирятову нужно было время для подготовки новых ораторов. Как только пленум возобновился, слово получил Лебедев (в стенограмме не указаны ни его должность, ни инициалы. — Ф. *Б.).* Он полностью посвятил свое выступление Васильеву:

— Вчера мы слышали выступление заместителя секретаря горкома партии Васильева. Васильев, по существу, выразил в нем недоверие изложенному в докладе товарища Кагановича. Он сомневается, он не верит в виновность секретаря обкома Епанечникова… Я считаю, что это выступление Васильева антипартийное, и ставлю вопрос о его пребывании в партии.

Его предложение тут же поддержали два очередных оратора, а там и еще несколько человек осудили выступление Васильева.

Судя по стенограмме, это не удовлетворило Кагановича и Шкирятова. Васильева заставили вновь подняться на трибуну. Его выступление звучало, как последнее слово подсудимого. Васильева здесь же вывели из бюро горкома и исключили из партии, а по окончании пленума арестовали. Реабилитировали его лишь через двадцать четыре года — в 1961 году.

Разделавшись с Васильевым, вновь взялись за Семагина, и последнюю точку в его судьбе поставил Каганович.

— Было у меня представление о тебе, — сказал он, — когда ты работал в ВЦСПС, как о человеке, которого надо бить. Такое у меня представление было.

Этих слов оказалось достаточно, чтобы Семагина тут же вывели из бюро обкома. Всего пленум освободил от работы 18 человек, и дальнейшая их судьба была предрешена. Например, заместителя председателя облисполкома В. Ф. Ковалева исключили из партии, сняли с работы и после пленума арестовали.

Так же расправились и с другими. Еще продолжалось обсуждение речи Васильева, а нескольких человек уже

заклеймили за связь с ним.

Когда же посланцам Москвы показалось, что пленум ведется недостаточно четко, председательствовать взялся Шкирятов. Он определял, когда и кому дать слово, а под конец и сам выступил с речью.

Начал Шкирятов с того, что согласился с оценкой положения в Ивановской партийной организации, данной Кагановичем, и призвал коммунистов бороться с внутренними врагами. Затем сказал, что решение о снятии с работы ряда руководителей, и в частности первого секретаря Ивановского обкома партии И. П. Носова, очень своевременно.

— Товарищ Носов, — заявил он, — как член ЦК партии присутствовал на последнем пленуме, где товарищ Каганович делал доклад о вредительстве на железнодорожном транспорте. Затем вместо товарища Орджоникидзе, по случаю его смерти, сделал доклад товарищ Молотов — о вредительстве в тяжелой промышленности. Выступал товарищ Сталин, были сделаны указания ЦК по этому вопросу… Товарищ Носов все слышал, все доклады — с начала и до конца. А там было указано на отдельных примерах, как враг тихо подходит, незаметно сидит рядом, около тебя… В речи товарища Сталина и в заключительном слове говорили о том, как нужно искать врага… какие враги, где нужно их искать. Носов на этом пленуме был, но после него что-нибудь сделала парторганизация с точки зрения разоблачения этих врагов? А их можно было найти… Кругом были враги.

Посланцы Сталина яростно громили партийное руководство области, да и областную парторганизацию в целом. Они призывали по-настоящему взяться за поиски еще не разоблаченных врагов. Затем Каганович зачитал постановление ЦК ВКП(б), рекомендовавшего В. Я. Симочкина на должность первого секретаря Ивановского обкома партии. Шкирятов внес предложение избрать Симочкина первым секретарем, и в нарушение Устава, требовавшего в таких случаях тайного голосования, присутствующие просто подняли руки, после чего Симочкин зачитал приветствие товарищу Сталину:

— Дорогой вождь, любимый друг и учитель, товарищ Сталин! Ты ведешь нашу страну и партию к новым победам! Твой зоркий глаз…

Затем слово снова взял Каганович:

— У нас сейчас бюро (обкома партии) оказалось вроде как ликвидированным. Остается у нас два члена бюро на всех — Ковалев и Кирьянова. Есть предложение такое: еще доизбрать бюро. Я так думаю: ваше дело обсудить, но, по-моему, большое

бюро избирать вряд ли стоит, надо к людям присмотреться. Целый ряд новых людей будут выдвинуты. Поэтому есть предложение: сейчас два человека есть, доизбрать еще три человека, и будет пять всего. Это будет немного чрезвычайное бюро, но и положение чрезвычайное, вроде осадного. Тут придется немного нарушить обычную норму, которая установлена, придется кооптировать людей в обком. Хотя и нарушается Устав, но тут Устав никак не предусмотрел, что большинство членов бюро будут арестованы как враги, так что исключение вполне основательное, и хотя грех небольшой есть, но я, как представитель ЦК, его отпускаю.

Я думаю, излишне комментировать это безграмотное выступление (что ясно видно из приведенной стенограммы), свидетельствующее о беспримерном произволе жестокого хозяйчика, который, издеваясь над перепуганными людьми, вершил их судьбы.

Так, грубо нарушая Устав, попирая все партийные нормы, Каганович и Шкирятов добились того, что после их отъезда главной задачей ивановских коммунистов стало разоблачение скрытых врагов. Новому руководству парторганизации дали понять, что по числу выявленных предателей ЦК будет судить об их работе.

И это были не только угрозы. Пленуму представили нового начальника областного управления НКВД А. П. Радзивиловского. Однако уже в 1939 году он был арестован, а в 1940-м расстрелян за фальсификацию дел.

Судя по стенограммам, точно так же проходили пленумы и в других крайкомах, обкомах и горкомах партии.

Действия окружения вождя — это одна из предпосылок создания культа. Если и дальше анализировать причины появления культа, станет еще более очевидна пагубная роль окружения, порой подменявшего собой партийных и государственных руководителей.

Так случилось и после смерти Сталина. Хрущев разоблачил культ Сталина, и тут же возникает культ самого Хрущева. Кто же создает его? Снова окружение. Именно при Хрущеве появились должности, образовавшие новую «структуру власти», — помощники Генерального секретаря. В Москву стягиваются верные люди с Украины. В результате создается лично преданное Генсеку окружение. Триумфом стало «славное десятилетие». Вспомните фильм «Наш Никита Сергеевич»!

А тем временем из страны утекает золото, которое отдают за хлеб, повышаются цены на мясо, закладывается фундамент «застоя».

Тогда же стала внедряться практика неприкосновенности кадров на местах. Может быть, в республике, крае, области в самом деле надо было сохранять свои кадры, и сама эта идея не так плоха, если бы был механизм, не допускавший круговой поруки. Секретари крайкомов, обкомов и ЦК республик десятилетиями оставались на своих местах, всячески укрепляя собственные позиции и превращаясь в удельных князьков. Они и руководителей местных органов КГБ старались подбирать из «своих». Мы, как могли, боролись с этим, но мало кому из сотрудников госбезопасности на местах удавалось противостоять местному начальству или хотя бы сохранить свою независимость.

«Карманный» начальник из органов госбезопасности не спешил информировать центр, даже тогда, когда земля, что называется, горела под ногами.

Понятие «окружение», к сожалению, почти заслонило собой емкое слово «соратники». Это не случайно. Соратник — равноправный член рати, имеющий право голоса и не приспосабливающий свой голос к обстоятельствам. Он может не совпадать с мнением лидера. В этом его значение. Соратник, близкий к лидеру, — человек, помогающий ему принять нужное решение, уберечь от заблуждений. Их отношения строятся на добром товариществе при сохранении независимости взглядов.

Наша история знает такие примеры. Их немало. Беда состоит в том, что в большинстве случаев соратнические отношения в таком моем понимании заканчивались, если не гибли, после прихода лидера к власти. Как только он обретал первый пост, соратничество сменялось окружением. Не уверен, что это имеет отношение лишь к советскому периоду нашей истории.

Я убежден, что в перерождении Л. и. Брежнева окружение имело едва ли не решающее значение. Те, кто знал его в молодости, утверждали, что Брежнев отличался и принципиальностью, и деловитостью, и справедливостью, хотя, как говорят, честолюбив был всегда.

Рассказывают о таком факте. Еще в его бытность секретарем обкома партии к нему пришли согласовывать вопрос об аресте какого-то человека за распространение антисоветских анекдотов. Брежнев потребовал выяснить, что это были за анекдоты и каким образом «антисоветчик» распространял их. Оказалось, один анекдот он рассказал в очереди за молоком, а второй во время скандала в булочной, где продавали несвежий хлеб.

— Арестовывать его не за что, — объявил Брежнев. — Бороться надо не с теми, кто рассказывает анекдоты, а с теми, кто поставляет несвежий хлеб и создает очереди за молоком.

Когда Брежнев возглавил политотдел армии, он однажды

сказал сотрудникам аппарата:

— Конечно, мы — политработники, и наше основное оружие — слово. Но сейчас идет война, и каждый обязан хорошо владеть боевым оружием. Даю вам месяц на подготовку, и учтите: переэкзаменовок не будет.

Ровно через месяц Брежнев устроил проверку, и первым проходил ее начальник политотдела, то есть Брежнев. Он все пять зарядов всадил в десятку и девятку, а потом еще поразил цель из противотанкового ружья. Тем самым доказал каждому работнику своего политотдела, что имеет не только административное, но и моральное право строго спрашивать с подчиненных.

Он не утратил привлекательных качеств руководителя и в первые годы пребывания во главе партии. Что же произошло с этим человеком в последующем? Первопричиной, конечно, явилось честолюбие, оно-то и погубило Брежнева. Но это честолюбие постоянно подпитывало и подогревало в своих корыстных целях окружение Генерального секретаря.

Вот, например, такой эпизод. В кабинете Генсека находилось несколько сотрудников аппарата, когда туда вошли Н. В. Подгорный, К. У. Черненко и А. П. Кириленко и сообщили, что они на Политбюро собираются поставить вопрос о присвоении Брежневу звания Героя Советского Союза в связи с днем рождения. Один из присутствующих в кабинете возразил:

— Я бы не стал этого делать. Дата не круглая, и это не годовщина войны или какого-то крупного сражения. Случай беспрецедентный.

Ему не дали договорить.

— А разве имела когда-нибудь прецедент такая борьба за мир, которую ведет Леонид Ильич? И потом, его роль в развитии наших Вооруженных Сил…

Брежнев молча сидел, нахмурив брови и глядя в стол. Когда трое подхалимов выдохлись, он поднял голову и с нажимом произнес:

— Всю жизнь я подчинялся решениям Центрального Комитета партии и на сей раз поступлю точно так же. Как Политбюро решит, так и будет.

Соревнуясь в укреплении культа Брежнева, люди его окружения старались обойти друг друга, протаскивая подчас весьма сомнительные идейки.

Ю. В. Андропов рассказывал, как после очередных встреч со своими «близкими» Брежнев, получив от них «достоверную» информацию, ставил вопрос о рещительном пресечении действий всех, кто выступает с иных, некоммунистических позиций. Причем следует отметить, что сам Брежнев по натуре вовсе не

был жестоким. Это окружение настраивало его определенным образом, возможно, оно влияло и на его отношение к Ю. В. Андропову.

Однажды в ответ на настойчивые требования Брежнева принять суровые меры в отношении некоторых лиц Юрий Владимирович сказал:

— Леонид Ильич, на репрессии пойти легко, но они лягут пятном на ваше имя. Ведь существует же альтернатива — глубокий анализ обстановки и устранение причин, порождающих негативные явления в обществе.

Мог ли переродиться Брежнев, если бы развенчание культа личности Сталина не свелось к бесконечному пережевыванию его преступлений, если бы в свое время были выработаны меры, исключающие беспрекословное принятие решений одной личностью и гарантирующие истинно коллективное руководство.

Я коснулся только одной из сторон, способствовавших рождению культа личности. Возникает вопрос: почему же новые лидеры не стали на путь изучения причин, порождающих такое ненормальное явление, дали увязнуть в рутине тем, кто стремился к этому?

И поневоле возникает крамольная мысль: а может быть, дело вовсе не в рутине, а в сознании того, что настали новые времена и грядут большие перемены, когда лидерам потребуется свое новое окружение?

Итак, партия по-прежнему оставалась организатором хозяйственной жизни и все больше специализировалась на узких направлениях экономики, зачастую при отсутствии компетентных кадров. Хотя еле-дует признать, что имелись случаи, когда партийный руководитель успешно сочетал и политическую, и хозяйственную работу. Таким, например, был первый секретарь ЦК партии Белоруссии П. М. Машеров. Он хорошо знал дело и, заслуженно получив в годы войны (а не после ее окончания!) звание Героя Советского Союза, в мирные годы так же заслуженно стал Героем Социалистического Труда. Я с большой теплотой вспоминаю о нем, хотя общаться с П. М. Машеровым мне не пришлось.

И это, по-видимому, не случайно: никаких волнений, потрясений и тем более кровопролитий при нем в республике не было. П. М. Машерова знала и уважала вся страна — от Балтики до Дальнего Востока, хотя я не помню, чтобы средства массовой информации уделяли ему достаточно внимания и отдавали должное этому незаурядному, бесспорно талантливому человеку, являвшемуся для многих образцом нравственности.

НА ЗАСЕДАНИЯХ ПОЛИТБЮРО

МНЕ ПРИШЛОСЬ ПРИСУТСТВОВАТЬ на заседаниях Политбюро не так часто, а выступал я там раза три. Меня приглашали, когда Председатель КГБ (вначале В. М. Чебриков, а позднее В. А. Крючков) был в отъезде. Да и то такое случалось не всегда — ведь у Председателя было два первых заместителя.

Особенно запомнилось мне первое заседание, на которое я попал. Это был январь или февраль 1985 года.

Впервые вступаю в зал, где вершится судьба страны. Нам хорошо теперь знаком этот зал заседаний по кинофильмам и телепередачам. Строгая обстановка. За столом члены Политбюро, кандидаты и секретари ЦК КПСС. Все это люди известные — одних я знал лично, других не раз встречал на заседаниях, конференциях и в президиумах.

Руководители государства… Они произносят обычные слова, но сказанное здесь судьбоносно и определяет всю нашу жизнь.

Помню, на том заседании я поддержал первого секретаря компартии Армении К. Демирчяна, который добивался решения, чтобы на мероприятия по случаю шестидесятилетия геноцида армянского народа были приглашены делегации из Азербайджана, Грузии и РСФСР. Демирчян также настаивал на объявлении 24 апреля (день турецкой резни) днем траура в республике. Вопрос этот уже был решен накануне Секретариатом ЦК, который вел М. С. Горбачев.

Мне казалось, что такое постановление необходимо, дабы ослабить уже проявившиеся к тому времени антиисламские настроения в Армении.

Из-за болезни К. У. Черненко заседание Политбюро вел М. С. Горбачев. Против предложения Демирчяна выступили Н. А. Тихонов, А. А. Громыко и еще кто-то. Оно не прошло.

Меня поразили два обстоятельства: дело не в том, что предложение не приняли, такое бывало и раньше, но на заседании не прозвучало никакой аргументации, никаких серьезных доводов, не приняли — и все.

Удивило и то, что М. С. Горбачев, который уже одобрил это предложение на заседании Секретариата ЦК, на этот раз промолчал, и секретари ЦК — тоже, хотя еще вчера они приняли это решение и вынесли на заседание Политбюро.

Я впервые почувствовал, какая строгая иерархия в высших эшелонах власти. Каждый должен знать свое место. Если говорит член Политбюро, остальные должны слушать, не возражая. В этом я убеждался еще не раз. Хотя должен сказать, что некоторые

кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК отстаивали свою принципиальную позицию. Так, например, вел себя кандидат в члены Политбюро, первый секретарь ЦК партии Белоруссии П. М. Машеров. Так же держались на многих заседаниях Политбюро В. И. Долгих, М. В. Зимянин, А. И. Лукьянов.

Я слышал от очевидцев, как проходили заседания Политбюро до прихода к власти М. С. Горбачева, знаю, и не понаслышке, как вел заседания Секретариата ЦК М. А. Суслов. Любой вопрос тогда обсуждался не более пяти-десяти, максимум двадцати минут.

Рассказывали, что Ю. В. Андропов проводил заседания Политбюро в течение двух-трех часов. Охотно верю, ибо именно так он вел заседания коллегии КГБ СССР.

Совсем по-иному проходили заседания Политбюро при Горбачеве: обычно они длились с 11 утра до 8 часов вечера, а то и позже. На них приглашалось множество людей, и каждый норовил выступить. Конечно, нередко решались проблемы, которые требовали серьезного и всестороннего обсуждения, но, когда в течение трех часов шла дискуссия о создании Детского фонда, это, откровенно говоря, вызывало недоумение.

А чего стоили бесконечные ожидания в приемной! Вызывают на заседание Политбюро и отрывают от дел министра, маршала, академика, они ждут три-четыре часа, пока их не пригласят в зал, где вопрос подчас занимал не более трех-пяти минут.

Постепенно Политбюро утрачивало свой авторитет, и главным образом потому, что его решения переставали интересовать людей. Этих решений было много, они лились потоком, но чаще всего абсолютно не касались глобальных, жизненных проблем.

Заседания Политбюро больше походили на собрания низовой парторганизации, куда старались собрать побольше людей и организовать побольше выступлений, а что говорят выступающие, никого не интересовало, на окончательное решение эти речи не оказывали ни малейшего влияния. Было очевидно, важен не результат, а сам факт обсуждения. К сожалению, этот стиль утвердился в Политбюро при Горбачеве.

Помню, выйдешь вечером после заседания, пройдешься в ожидании машины по Ивановской площади, посмотришь на древний Кремль и невольно чувствуешь на душе какую-то тяжесть… Почему? Ответ однозначен: с каждым днем становилось яснее, что наступает паралич власти. Партия, ее руководящие органы, все больше утрачивали властные функции, а Советам их не отдавали.

Постепенно терялось уважение к высшему органу власти, деятельность Политбюро ЦК стала вызывать у многих удивление.

Всякие мысли приходили мне тогда в голову и чаще всего — горькие.

Успокаивало одно: я ни одного шага не сделал ради карьеры. Значит, так угодно было судьбе, чтобы я оказался здесь. Я всегда сознавал, что были у меня и ошибки, и определенные просчеты, иные проблемы сегодня решал бы по-другому, но могу честно сказать, никогда я не поступался своей совестью.

А работать все эти годы было очень нелегко, и люди встречались разные: попадались и карьеристы, и завистники, были и такие, кто видел лишь фасад, не представляя всей тяжести того напряжения, того груза ответственности, который давил нам на плечи.

А. Н. ШЕЛЕПИН

В 1958 ГОДУ СЕРОВА совершенно неожиданно освободили от должности и назначили сперва начальником Главного разведывательного управления Советской Армии, а затем перебросили на новое место — помощником командующего Приволжским военным округом. Он был понижен в звании до генерал-майора, хотя всего за два года до этого стал генералом армии.

Многие поняли это так: Серов исчерпал свои возможности и Хрущеву стал не нужен. Но ведь в таких случаях человека просто переводят на другую работу или, если позволяет возраст, отправляют в отставку. Почему же в данном случае пошли на такое понижение? Что-то здесь не так…

И верно, как потом выяснилось, в основе всего этого скрывалась интрига, мелкая и корыстная, которую искусно вел генерал-майор Миронов. Во время войны он служил в армии, затем работал в Днепропетровске при Брежневе.

После ареста Абакумова, когда КГБ возглавил Игнатьев, в органы государственной безопасности пришла большая группа партийных работников, в том числе и секретарь обкома из Херсона Миронов. Он получил звание полковника и был назначен заместителем начальника военной контрразведки. Миронов очень скоро обратил на себя внимание: он очень еле-дил за своей внешностью, мечтал о генеральском звании и, видимо, уже тогда с дальним прицелом стал подбирать материалы, компрометирующие Серова, — в расчете убрать его с высокого поста. Проработав некоторое время в Москве, Миронов был переведен на должность начальника управления в Ленинград — и пост достаточно высокий, и работа вполне самостоятельная. Вскоре его назначили заведующим административным отделом ЦК КПСС. Теперь уже весь КГБ был, так сказать, ему подведомствен. Миронов считал себя отцом профилактики в органах безопасности. Линия, на мой взгляд, в общем-то правильная, но Миронов рассчитывал сделать на этом карьеру.

Я много сталкивался с ним по работе в центральном аппарате, в годы, когда он работал в Ленинграде, и позднее, когда Миронов перешел в ЦК. Не раз доводилось нам обсуждать проблемы профилактики и некоторые другие деловые вопросы. Однако по всему было видно: стремление к власти никогда не покидало его, что вызывало определенное недоверие к нему. Миронов осуждал Серова за репрессии прошлых лет, что было, безусловно, справедливо, но постоянно ощущалось: он преследует

при этом своекорыстные цели.

Вспоминается такой эпизод. В бытность Миронова заведующим отделом ЦК я со своим товарищем А. Н. Зубовым был во МХАТе на каком-то торжественном вечере. И вдруг к нам подбежал сияющий Миронов.

— Хочу вас поздравить, — сказал он. — Серов снят с должности начальника Главного разведывательного управления и отправлен в Куйбышев.

Радость настолько переполняла его, что ему хотелось немедленно хоть с кем-нибудь поделиться. Нам с Зубовым стало не по себе. Чудесный мхатовский вечер был безнадежно испорчен радостью карьериста: на нас снова пахнуло мерзким чиновничьим интриганством.

Если бы не ранняя смерть (Миронов трагически погиб в октябре 1964 года в авиационной катастрофе в Югославии), думаю, он достиг бы высоких постов не только в системе КГБ, но и в партии — Миронов был человеком из команды Брежнева, в которую входили главным образом партработники, знавшие своего лидера по Днепропетровску.

После смещения Серова на поет Председателя КГБ пришел А. Н. Шелепин. Я знал его еще по комсомолу; общался с ним во время Московского фестиваля молодежи и студентов, штаб которого он возглавлял.

Шелепин неплохо проявил себя как комсомольский руководитель. Единственное, что смущало меня лично: почему человек, который ведал военно-физкультурной работой в Московском горкоме комсомола и всю войну проработал в ЦК ВЛКСМ, так и не пошел на фронт. Мне казалось, комсомольский вожак в такое время непременно должен быть на фронте. Но это мои личные соображения, а в остальном кандидатура Шелепина ни у кого особых сомнений не вызывала: умный, способный, образованный (в свое время окончил знаменитый ИФЛИ — Институт истории, философии и литературы). А. Н. Шелепин представлялся всем человеком с ясной позицией и твердой рукой, в достаточной мере требовательный и настойчивый. На мой взгляд, он по праву занял должность Председателя Комитета госбезопасности. Именно такому человеку было под силу перестраивать работу Комитета в соответствии с решениями XX съезда партии.

Однако серьезной ошибкой Шелепина, на мой взгляд, явилось то, что он с самого начала не скрывал своего недоверия к кадровым сотрудникам органов госбезопасности, и не только к тем, кто был в чем-то повинен, а ко всем без исключения. Это сразу насторожило коллектив. Шелепин поспешил убрать многих

проверенных и опытных чекистов, а на их место привел молодых ребят из комсомола, у которых не было ни житейского опыта, ни серьезной профессиональной подготовки, а кое-кто оказался просто карьеристом. я могу назвать немногих, впоследствии ставших настоящими профессионалами. Среди них начальник Ленинградского управления Б. Т. Шумилов, Б. С. Шульженко — заместитель Председателя КГБ Украины, начальник Киевского управления Ю. М. Шрамко.

К сожалению, большую часть «лично известных» новому главе КГБ людей он отбирал вовсе не по деловым качествам.

Второй просчет Шелепина состоял в том, что он чуть ли не с первого дня пребывания на этом посту начал перекраивать органы госбезопасности, при этом действовал так решительно, точно уже полностью вошел в курс дела. Он не считался ни с научными авторитетами, ни с опытными профессионалами и был убежден, что будто сам все знает. Шелепин энергично принялся перетасовывать кадры, менять структуру КГБ.

Не хочу сказать, что структура была идеальной. Однако перестройка, которую затеял Шелепин, требовала вдумчивого и взвешенного подхода.

Допустим, он подхватил идеи Игнатьева, проводившего реорганизацию еще в конце 1952 года (ее прервала смерть Сталина). Игнатьев сумел тогда создать Главное разведывательное управление МГБ СССР с двумя основными управлениями: Первое — контрразведка и Второе — разведка.

Любопытный факт: тогда, в 1952 году, во главе разведки был поставлен генерал Е. П. Питовранов, за неделю до этого освобожденный из-под ареста, который был спровоцирован в октябре 1951 года Рюминым. Странный парадокс? Но ведь и Рокоссовского, и некоторых других военачальников, бывших «врагов народа», после освобождения назначали на высокие должности в армии. Типичная сталинская практика, основанная на том, что люди, вышедшие из тюрем, не утратили преданности своим идеалам и будут верой и правдой служить Родине.

Итак, Шелепин, пришедший в КГБ в конце пятидесятых годов, решил создать новую структуру КГБ. В соответствии с этим были ликвидированы все оперативные подразделения, занимавшиеся конкретными направлениями: экономикой, идеологией, транспортом и т. д., и образовалось единое Главное управление контрразведки. Сама идея такой реорганизации, как мне кажется, была разумной, но проводилась без достаточной подготовки и отрицательно сказалась на оперативной работе.

К недостаткам Шелепина можно отнести и то, что, заняв пост Председателя КГБ, он готов был исполнить все приказания

«сверху», — по крайней мере, в начале деятельности. Иначе говоря, в работе с подчиненными он был требователен и принципиален, когда же дело касалось «власть предержащих», все было наоборот.

Вот характерный случай. Как-то раз Шелепин вызвал меня и сказал:

— Есть тут один физик, который решил поделить лавры с сыном Хрущева Сергеем. Они что-то там разрабатывали. Надо, чтобы он не претендовал на эту работу, ибо она сделана Сергеем Хрущевым.

И Шелепин попросил меня встретиться с этим ученым. «Не очень-то все это прилично!» — подумал я и прямо сказал об этом.

— Ваше мнение меня не интересует! — оборвал он меня.

Я вышел. Решил, что надо все продумать не горячась. Не было сомнений, не наше это дело — вмешиваться в подобные ситуации. Однако я не имел права отказаться выполнить приказ. Ну что ж, придется подчиниться, надо только хорошенько во всем разобраться.

Оказалось, ученый был болен, и я не стал его беспокоить. Дня через два Шелепин позвонил и спросил, почему я не докладываю о выполнении приказа. Мои объяснения его явно не удовлетворили.

Я выяснил, что физик болен несерьезно, и, получив приглашение, поехал к нему. За столом мы заговорили об их совместной с Сергеем Хрущевым работе, ученый подробно рассказал обо всем, и мне стало ясно: его вклад в разработку значительно больше, чем Хрущева. Судя по всему, хозяин дома уже догадался о цели моего визита и заявил, что данная работа не имеет для него существенного значения, так как он занят другими, более интересными проблемами, а для Сергея Хрущева она очень важна. Словом, он готов отказаться от авторства в пользу Сергея. Расстались мы дружелюбно, но на душе у меня было скверно. Утром я позвонил Шелепину и доложил о выполнении поручения.

— Зайдите!

Захожу. Чувствую: он весь в напряжении, ждет моих разъяснений.

— Ну что?

— Ваше распоряжение выполнил.

— Но ведь он был болен!

— пришлось воспользоваться его приглашением. Вы же приказали.

— Вы представились?

— Конечно. Показал ему удостоверение и все объяснил.

— Что именно?

— Сказал, что интересуюсь степенью участия Сергея Хрущева в их совместной работе. Расстались по-доброму, он обещал больше не претендовать на авторство и предоставить эту честь Сергею Хрущеву. Хотя, если откровенно вам сказать, Александр Николаевич, Хрущев, безусловно, замахнулся не на свое.

Шелепин улыбнулся, и мне показалось, у него отлегло от сердца. Видимо, он и сам боялся за исход моих переговоров. Уверен, все это не он придумал, просьба скорее всего исходила от Сергея, а возможно, от самого Никиты Сергеевича.

Передо мной сидел человек, который готов был выполнить любое распоряжение руководства, но желал при этом выглядеть принципиальным. Должен признаться, было больно разочаровываться в нем.

Интересно, от чего зависит авзоритет руководителя, как он складывается?.

Как известно, людей без недостатков не бывает. Очевидно, каждый раз мы, сами того не сознавая, взвешиваем и соотносим положительные и отрицательные качества человека. Вот и Шелепин на поверку оказался личностью довольно сложной и противоречивой.

В свое время очень громкий общественный резонанс вызвал очерк, опубликованный в «Комсомольской правде». Речь шла о произволе генерального капитан-директора Одесской китобойной флотилии Соляника. Выступление газеты вызвало недовольство некоторых членов Политбюро: Подгорного, Шелеста, секретаря Одесского обкома партии Синицы и министра рыбной промышленности Ишкова. Готовилась расправа над газетой. Шелепин был единственным из членов Политбюро, кто встал на защиту этой объективной публикации. Несколько месяцев шла борьба, окончательное решение должен был вынести Секретариат ЦК партии, заседание которого вел Брежнев, занимавший в данном вопросе половинчатую позицию. И все же, несмотря на яростное сопротивление защитников Соляника, капитан-директор был освобожден от работы. Опровергнуть совершенно очевидные факты оказалось невозможно.

Надо было обладать высокой принципиальностью и мужеством, чтобы пойти против большинства членов Политбюро, и здесь следует отдать должное Шелепину.

Было и еще немало случаев, когда Шелепин занимал твердую позицию. Оказалось, он не такой уж послушный исполнитель приказов «сверху», как это было в самом начале, когда он только-только пришел на работу в КГБ. Однако ни Шелепин, ни другие участники того заседания Секретариата ЦК не сумели защитить

главного редактора «Комсомольской правды» Юрия Воронова, человека скромного и глубоко порядочного. «Сильные мира сего» не могли ему простить своего поражения. Воронова послали собственным корреспондентом газеты «Правда» в ГДР, пообещав сменить его через год-полтора, а продержали на этой работе четырнадцать лет.

В бытность Шелепина Председателем КГБ несколько раз возникали массовые беспорядки. К такого рода проявлениям недовольства населения органы госбезопасности готовы не были, что вызвало растерянность среди руководителей. Первая такая вспышка произошла в Муроме и Александрове Владимирской области. Не помню, что явилось конкретным поводом, но участники беспорядков выступили против милиции и местных партийных органов, обвиняя их во взяточничестве, бездушном отношении к нуждам населения, жалобам и просьбам людей. Разъяренная толпа врывалась в помещения районных комитетов партии и отделений милиции и учиняла погром. При этом не было претензий ни к органам прокуратуры и КГБ, ни к другим властным структурам. Наоборот, люди, доведенные до отчаяния, взывали к ним о помощи.

Вспоминается и дело, возникшее в начале шестидесятых годов в Грузии — в городе Зугдиди, где группа молодых людей создала нелегальную организацию, ставившую своей целью борьбу с беззаконием, бездушием и своеволием руководителей одного местного предприятия, в КГБ поступило сообщение о том, что в Зугдиди создана подпольная антисоветская организация. Конечно, повод для беспокойства был: если эти молодые люди преследовали благородную цель, для чего понадобилась тайная организация и призывы к борьбе с властью?

Встал вопрос об ответственности за «преступление». Тогда я и мои коллеги серьезно задумались, в чем причина подобных явлений, и, может быть, впервые пришли к выводу, что на создание нелегальной группы молодых людей вынудили жизненные обстоятельства. Нас поддержал Председатель КГБ Грузии А. Н. Инаури и особенно его заместитель Б. Кацитадзе. Никто из молодежной группы не бьш наказан, более того, всех ее участников подключили к работе комсомольского контроля, действовавшего на законных основаниях. А руководителей предприятия привлекли к ответственности за бездушное отношение к людям. Такое решение стало возможным только благодаря обстановке, складывавшейся в стране и в органах госбезопасности после XX съезда партии.

После проведенной Шелепиным реорганизации органов КГБ я стал начальником одного из отделов Главного управления

контрразведки. Мне нравилась эта работа, она заставляла постоянно находиться в гуще событий, следить за политической жизнью, реально ощущать биение пульса не только своей страны, но и других государств.

Мы часто встречались с зарубежными журналистами, помогали им разбираться в том, что происходит у нас, и в свою очередь получали от них политическую информацию.

Вскоре я почувствовал, что очень важные, на мой взгляд, материалы никого в верхних эшелонах власти не интересуют. Однако если выступал Н. С. Хрущев, мы буквально сбивались с ног, стараясь получить от дипломатов и иностранных корреспондентов отзывы на его речи. Это был заказ номер один. Притом нам ясно давали понять, что далеко не всякие отклики нужны, а лишь те, которые импонируют главе государства.

* * *

В конце шестидесятых годов в западной печати развернулась кампания по дискредитации Потсдамских соглашений, снова заговорили о пересмотре границ по Одеру — Нейсе. Дипломатические службы, отчетливо представлявшие, к каким непредсказуемым последствиям может это привести, предпринимали ответные шаги, осуществлявшиеся с использованием возможностей разведки и контрразведки.

Весьма заметную роль в разжигании страстей вокруг послевоенных границ играли западные средства массовой информации. Тогда и родилась идея воздействовать на зарубежную прессу.

В решение этой задачи активно включился наш отдел… Выполняя свои функции, мы участили встречи с иностранными журналистами, аккредитованными в СССР. Необходимо было убедить их, насколько пагубной может оказаться для всего мира идея пересмотра послевоенных границ. Журналисты охотно шли на контакты, рассчитывая получить нужные им сведения, а нам это было на руку: мы сообщали им данные, которые они нигде больше получить не могли. Делали это осторожно, исподволь давая понять, что доверяем нашим зарубежным друзьям и рассчитываем на ответную любезность… Тема недопустимости пересмотра границ была центральной: где бы мы ни ветре-чались с корреспондентами, всегда так или иначе возникала эта тема.

И результаты не замедлили сказаться: в западной печати послышались голоса, убедительно возражавшие против пересмотра послевоенных договоренное-тей. Причем среди

журналистов было немало таких, кто не просто согласился с нашей точкой зрения, но сам разобрался в существе вопроса и захотел честно поведать об этом читателю. Так готовилась почва для исторического договора 1970 года, подтвердившего незыблемость границ по Одеру — Нейсе.

Когда я однажды во Вроцлаве стоял возле памятника папе римскому Пию XXII, который был сооружен в знак благодарности за одобрение главой католической церкви договора о западных границах Польши, в голову пришла мысль: а может, это мраморное изваяние — знак памяти и о заслугах моих товарищей, которые немало потрудились в шестидесятые годы, чтобы еще раз был подтвержден Потсдамский договор о границе по Одеру — Нейсе… Ведь иной раз не грех и пофантазировать.

Хочется рассказать еще об одном эпизоде тех лет. Правда, к делу он прямо не относится, просто по времени совпадает с описанными событиями, но, на мой взгляд, интересен.

12 апреля 1961 года. Полет Юрия Алексеевича Гагарина. Весь мир клокочет, бурлит. В Москве стихийные демонстрации молодежи. И пожилым не сидится дома. Шутка ли — человек в космосе, вокруг земного шара облетел.

Естественно желание знать, кто он. Советские учреждения осаждают иностранные корреспонденты. Отдел печати МИДа ничем помочь не может, ибо у него, как и у всех, сухая биографическая справка, переданная по каналам ТАСС. Пропагандистская сторона события оказалась явно неподготовленной.

На свой страх и риск иду к начальнику военной контрразведки генералу Гуськову. Объясняю ситуацию. Он понимает меня с полуслова и дает маленькую (три на четыре) фотографию Ю. Гагарина в погонах старшего лейтенанта.

— Можешь ее использовать, но, если возникнет вопрос у начальства, я тебе ее не давал. Гагарину присвоили звание майора, и поступила команда дать снимок только в новой форме.

Через несколько часов мир облетела фотография старшего лейтенанта Гагарина, а вопрос, как она попала к иностранным корреспондентам, остался без ответа. Так никто и не узнал, что иностранным журналистам фотокарточку дал я.

Позже имел место случай рассказать об этом Юрию Алексеевичу. Я не был близко знаком с ним, хотя до сих пор горжусь его подарком — ножом с каких-то островов Индийского океана. Он подарил мне его в память о фестивале молодежи и студентов в Хельсинки.

На этом фестивале мне довелось провести с ним целый день. Гагарин выступал в Хельсинки шестнадцать раз перед самыми

разными аудиториями, от маститых ученых до бала, где избиралась Мисс фестиваля. И он находил слова, точно адресованные именно данной аудитории. Это — не только талант. Это дар божий, как и весь Гагарин, разгаданный Сергеем Павловичем Королевым.

Помнится, едем с одной встречи на пресс-конференцию. Впереди — в машине охраны — руководитель советской делегации Сергей Павлов и я, за нами — машина Гагарина. Сергею приходит мысль заехать в информационный центр. Время еще есть. Гагарина приглашают в зал. Людей набилось битком. Но Юрий не успел узнать, что перед ним не иностранные корреспонденты, а случайно собравшиеся жители города. Он начинал свою речь так, словно выступал на пресс-конференции.

Пишу ему записку с разъяснением, какая тут аудитория. Он читает и незаметно для слушателей переводит разговор в другое русло, точно специально предназначенное для этой аудитории. Нельзя было этому не поразиться. После, правда, он попросил не ставить больше его в такое трудное положение.

Из тех же лет вспоминается и другое событие. Встреча в Ташкенте президентов Индии и Пакистана — Бахадура Шастри с Ауюб Ханом. Посредником выступил А. Н. Косыгин. В то время отношения между этими государствами угрожали перейти в войну.

Группа сотрудников, имевших контакты с журналистами, выехала к месту встречи вместе с работниками МИДа. Руководил освещением встречи умудренный дипломат Л. М. Замятин.

Первый день проходит с большим напряжением. Оно усиливается. Без сомнения, его нагнетают непримиримые пакистанские и индийские журналисты. Пришла в голову идея свести их за дружеским ужином, поговорить по душам. Помогло нам радушие узбеков. Друзья сделали плов. Да какой! Выставили щедрые и вкусные яства.

Лед растаял. Фон изменился. Смягчились выступления в прессе. Это благотворно сказалось на итогах встречи. Обычно сдержанный на похвалы Косыгин не удержался от выражения благодарности нашим сотрудникам за поддержку.

* * *

В 1961 году Шелепин предложил мне пост заместителя начальника Главного управления контрразведки. Руководил им тогда О. М. Грибанов — крепкий профессионал, человек очень трудолюбивый и не жалующий лентяев.

Пребывание в должности одного из руководителей контрразведки очень много дало мне. Как раз в это время были задержаны несколько зарубежных агентов, засылавшихся в нашу страну под видом туристов, а также работавших «под крышей» иностранных посольств. Тогда же возникло и громкое дело, связанное с разоблачением Пеньковского. Это было первое разоблачение агента английской и американской разведок столь высокого ранга. Полковник Пеньковский, сотрудник Главного разведывательного управления Советской Армии, выполнял свою работу, находясь на ответственном посту в Государственном комитете по науке и технике. Он имел хорошие связи в кругах высокопоставленных военных, среди сотрудников государственного аппарата. Завербовали его англичане, используя присущие ему карьеризм и корыстолюбие. Пеньковский не скрывал своего недовольства службой, считал себя неоцененным. Обычное явление для посредственности, мнящей себя гением. Работая против своей страны, Пеньковский зло мстил за неудовлетворенные амбиции. Не стану сейчас восстанавливать конкретные эпизоды, одно только могу сказать: работа в контрразведке значительно расширила мой кругозор, а контакты и встречи с представителями зарубежных государств позволили лучше понять политику этих стран и работать точнее и результативнее.

В октябре 1961 года Шелепин стал секретарем ЦК КПСС, а вскоре по совместительству назначен заместителем Председателя Совета Министров СССР. Таким образом, он сосредоточил в своих руках огромную власть.

Это сразу вызвало настороженность в окружении Брежнева. Пошли разговоры, что кто-то поддерживает его, Брежнева, а кто-то выступает на стороне Шелепина. Думаю, при всех отрицательных качествах Шелепина его энергия и эрудиция могли бы принести немалую пользу стране, но, к сожалению, этого не произошло.

В. Е. СЕМИЧАСТНЫЙ

ВМЕСТО ШЕЛЕПИНА Председателем КГБ был назначен В. Е. Семичастный. Я знал его со времен войны, когда мы оба были эвакуированы из Донбасса в Сибирь. Я жил в Ленинске-Кузнецком и до ухода в армию был вторым секретарем городского комитета комсомола, а Семичастный в находившемся неподалеку Анжеро-Судженске работал первым секретарем горкома ВЛКСМ. Затем я ушел на фронт, а Семичастный после освобождения Донбасса вернулся туда и стал секретарем Сталинского обкома комсомола. Потом его перевели первым секретарем во Львов, после чего избрали секретарем ЦК комсомола Украины, а позднее — и первым секретарем ЦК ВЛКСМ.

Как правило, комсомольские руководители со временем переходили на партийную работу. Так было и с Семичастным. Его избрали вторым секретарем ЦК компартии Азербайджана, и уже с этого поста он попал в КГБ.

О том, что знакомы еще по Сибири, мы оба никогда не вспоминали. Я в то время был заместителем начальника контрразведки. Когда представился новому Председателю КГБ, он лишь спросил, где я работал до того, как пришел в органы безопасности, и мы тут же заговорили о делах. Как я понял. Семичастный либо не читал моего личного дела, либо не хотел возвращаться к тем далеким годам в Сибири. Мне же напоминать о нашем прошлом показалось неудобным: это могло быть неправильно истолковано. Объяснились мы по этому поводу лишь через несколько лет, и притом совершенно случайно.

Владимир Ефимович обладал большим опытом политического руководства. Говорили, будто он малообразован, но я бы этого не сказал. Он быстро схватывал любую идею, поддерживал толковые предложения, легко находил контакт с людьми, был прост в обращении и доступен. И надо сказать, очень внимательно относился к профессионалам, намного разумней и вдумчивей, чем Шелепин, расставлял людей, не рубил с плеча, ломая структуру органов госбезопасности, хотя кое-что тоже менял. Семичастный прислушивался к мнению сослуживцев и, если считал их рекомендации полезными, не держался за собственное решение. Правда, находились и такие, кто злоупотреблял его доверием, чтобы протащить свою, не всегда достойную идею. Пожалуй, я мог бы сказать, что Семичастный был слишком доверчив, хотя в принципиальности ему отказать нельзя.

Помню, когда министром внутренних дел назначили Н. А.

Щелокова, в разговоре с членом Политбюро А. П. Кириленко он не скрывал резко отрицательного отношения к этому назначению и охарактеризовал Щелокова как человека недостойного, известного своей коррумпированностью и продвигающегося по службе только благодаря покровительству Брежнева.

В бытность Председателем КГБ Семичастный не раз ставил перед ЦК партии масштабные вопросы, касающиеся жизни страны. В отличие от Шелепина, намного острее чувствовал угрозу со стороны спецслужб Запада и настаивал на более серьезном отношении к информации по поводу их замыслов и планов. К сожалению, он далеко не вс, егда находил в ЦК нужную поддержку.

Надо сказать, судьба вообще его не баловала. По-видимому, мешала Семичастному и его сравнительная молодость, ведь при Брежневе большинство руководителей было почтенного возраста, а тут вдруг комсомолец. Вокруг Семичастного плелись интриги. Сторонники Брежнева были уверены, что Шелепин претендует на место Генерального секретаря, и старались внушить эту мысль руководителям партии. А Семичастный считался человеком Шелепина, следовательно, он тоже из лагеря «противника», и потому — фигура явно нежелательная. Недоверие к председателю КГБ подогревалось претендовавшими на большее руководителями подразделений КГБ, пришедшими из партийных организаций Украины. Пользуясь связями с Брежневым, они успешно против него интриговали.

Пострадал он, можно сказать, ни за что. В 1967 году в Индию уехала дочь Сталина — Светлана Аллилуева. В том, что ей нужно было ехать туда, ни у кого сомнений не возникало: она везла на родину прах мужа. Так думали все мы, так считал и Семичастный. Однако поездка требовала согласования, и Семичастный получил санкции у А. И. Микояна — Председателя Президиума Верховного Совета СССР и у Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина.

Как известно, на свою родину Аллилуева не вернулась. По этому поводу ходило и до сих пор ходит много слухов, но мне не хотелось бы ссылаться на кулуарные разговоры, я пишу лишь о том, что знаю сам.

Причины своего поступка Светлана Аллилуева изложила в опубликованных воспоминаниях. Мне думается все же, что решение она приняла под влиянием эмоций, скорее из-за нанесенного ей оскорбления. 5 марта 1967 года она приехала в советское посольство в Индии, имея билет до Москвы на 6 марта. Светлана встретилась с послом Венедиктовым и даже обедала с ним. 5 марта — день смерти ее отца, но никто даже не выразил ей

чисто человеческого сочувствия. Каким бы ни был Сталин, это ее отец. Светлану Аллилуеву оставили одну, наедине со своими невеселыми мыслями, а ночью она ушла в посольство США.

Недоброжелатели Семичастного поспешили воспользоваться этой ситуацией и обвинили его в потере бдительности — якобы он не должен был выпускать Аллилуеву из страны. Семичастного сняли с работы.

Мог ли Семичастный не выпустить Светлану Аллилуеву на похороны мужа? Поступи он так, это вызвало бы законное возмущение не только в нашей стране, но и за рубежом. Представляю, сколько обвинений в бесчеловечности и варварском равнодушии к чужому горю посыпалось бы на наши головы! Да и к тому же Семичастный согласовал ее отъезд с руководителями законодательной и исполнительной власти. За что же он понес суровое наказание?

Я не стал бы писать об этом, если бы данный случай был исключением. Но сколько умных, талантливых людей таким же образом вывели из строя, сколько понесло наказание за чужую вину?

В 1967 году Семичастного перевели на Украину заместителем Председателя Совета Министров. К его чести, надо сказать, он не опустил руки и, продолжая работать так же энергично, завоевал авторитет и на новом месте.

Когда Семичастный возвратился в Москву, мы встречались несколько раз на собраниях (он работал заместителем председателя общества «Знание»), приходилось нам бывать и на общих конференциях.

Мы иногда звонили друг другу по телефону и в последние годы. Честно говоря, мне не понравились его «Воспоминания» о работе в органах госбезопасности. Они, на мой взгляд, недостаточно объективны. Думаю, здесь сказалась давняя обида, и все же от некоторых высказываний ему следовало бы воздержаться. В частности, он пишет, будто бы Брежнев говорил с ним чуть ли не о физическом уничтожении Хрущева. Конечно, это вымысел.

Я придерживаюсь мнения, что, если человек занимал высокий пост, вовсе не обязательно рассказывать все, что ему стало известно благодаря его положению. Мало ли какие велись разговоры… Думаю, высокое положение обязывает о многом умолчать. Будоражить общество сенсациями — занятие несложное.

Очень не хотелось, чтобы недостоверные свидетельства становились достоянием истории как подлинные факты.

Если же оценивать весь период работы Семичастного в КГБ,

нельзя не признать, что он внес немалую лепту в работу органов государственной безопасности, хотя я ни в коей мере не хочу как-то смягчить или затушевать отрицательные моменты.

Пусть читатель не ищет противоречий в моих суждениях о людях. Характеры большинства из нас сложны и противоречивы, с течением времени меняются взгляды на одно и то же явление, и многое подвергается переоценке. А случается, человек вынужден выполнять указания руководства даже тогда, когда в глубине души не согласен с ними, но понимает — сопротивление бесполезно. Это вовсе не значит, что он поступает как приспособленец. Однако, когда решается важный и принципиальный вопрос, тот же человек оказывается способен не только на решительные поступки, но даже и на большой риск.

Ю. В. АНДРОПОВ

ВАЖНЫЙ ЭТАП МОЕЙ ЖИЗНИ начался в мае 1967 года, когда в органы госбезопасности на должность Председателя пришел Юрий Владимирович Андропов.

Эту новость я узнал по пути на работу. Развернул газету и увидел на первой странице сообщение о его назначении, а на последней — об освобождении В. Е. Семичастного.

Не могу сказать, что это меня обрадовало, так как знал об Андропове мало — общаться с ним не приходилось.

Положение в то время в Комитете госбезопасности было весьма сложное и напряженное. Оно определялось не проблемами работы и не обстановкой в стране, а, к сожалению, распрями между отдельными группами руководящих работников. Пожалуй, впервые тогда я зримо ощутил, сколь опасен карьеризм и низменное стремление к власти. Основную группу составляли бывшие партийные работники, пришедшие в органы госбезопасности в 1951 году после ареста Абакумова и занимавшие многие ключевые посты. Они считали себя по прошествии полутора десятков лет профессиональными чекистами и претендовали на ведущее положение. Им не по душе был приход новых людей, в основном из комсомола, дорогу которым на руководящие посты в разведку и контрразведку открыли Шелепин и Семичастный. «Старики» из числа партработников не хотели сдавать позиций. В какой-то мере именно это и решило судьбу Семичастного.

Трудно приходилось профессиональным работникам. Недоверие к ним рождалось с обеих сторон, хотя они несли в основном всю тяжесть оперативной работы. Как поведет дело новый председатель? С приходом Ю. В. Андропова на первый план вышли бывшие партработники. Они старались войти в доверие к новому председателю, зарекомендовать себя его сторонниками. На деле же большинство преследовали сугубо личные цели.

В системе КГБ тогда существовало три основных оперативных структурных подразделения: разведка, контрразведка и военная контрразведка. Руководство контрразведки только что пережило тяжелый удар — сотрудник контрразведки Носенко поехал в загранкомандировку в Швейцарию и остался там. Однако коллектив к приходу Андропова дружно работал под руководством опытного и уважаемого начальника С. Г. Банникова. Работа главка, который играл в Комитете ведущую роль, приобрела целеустремленность, полным ходом шло

организационное укрепление контрразведки, отрабатывались основы ее стратегии и тактики. Кстати, и в руководстве главка в то время все, за исключением, пожалуй, одного, были подготовленными профессионалами, работали честно и добросовестно. Требовалось в первую очередь покончить с архаическими, изжитыми методами оперативной работы и усилить роль аналитической службы, выработать новые принципы организации системы контрразведки. Не все сразу стали приверженцами новых установок, однако отдельные энтузиасты все же нашлись.

Объединенными усилиями удалось организовать совершенно новое управление, которое возглавил опытный С. М. Федосеев. В этом управлении ело-жился сильный коллектив, ибо людей туда отбирали, можно сказать, «поштучно». Я немало сил потратил на организацию аналитического управления и уже вынашивал идею учреждения специальной кафедры в Высшей школе КГБ — для подготовки аналитиков, хотя не могу сказать, что наши начинания везде и всюду встречали поддержку. Большинство оперативных, да и руководящих сотрудников относились к анализу как делу второстепенному, полагаясь в работе больше на интуицию и опыт, хотя у каждого он был разный.

Во многих государственных учреждениях, в том числе и КГБ, сложилась дурная практика: первым доложить о происшествиях, так сказать, информировать начальство. Анализ же требовал тщательной проверки и уточнения данных, что, естественно, мешало таким скоропалительным докладам и решениям.

Однако вскоре состоялся мой переход в 5-е Управление, и я с болью расстался со своим «детищем». Правда, приступив к работе в новом подразделении, сразу начал с организации аналитической службы и на сей раз не встретил никаких возражений со стороны сослуживцев, также отлично понимавших, что начавшиеся в стране политические процессы, на развитие которых делали ставку западные спецслужбы, требуют глубокого изучения. Необходимо было постоянно сопоставлять данные контрразведки относительно замыслов противника и его действий в нашей стране с данными о реальных процессах, которые у нас происходили. Такого сопоставления до сих пор никто не делал: никому не хотелось брать на себя неблагодарную задачу — информировать руководство об опасностях, таящихся не только в строго засекреченных, но и в открытых пропагандистских акциях противника.

С приходом Ю. В. Андропова давление на контрразведку резко усилилось, встал вопрос об освобождении Банникова, поговаривали об увольнении и других сотрудников. Я

почувствовал, что надо мной тоже сгустились тучи. Очевидно, кое-кто считал меня человеком Семичастного или кого-то там еще из прежних руководителей КГБ, и соответствующая информация поступила к Андропову. Я понимал: в любую минуту меня могут уволить, и приготовился к этому, и вот однажды раздался телефонный звонок — меня вызывал Председатель Комитета.

Я взглянул на часы: двадцать два ноль-ноль. Позади был очень тяжелый день — решалась проблема крымских татар. Мелькнула мысль: «Отложил бы мой визит хоть на завтра!»

Андропов встретил меня спокойно. Предложил сесть и стал расспрашивать о жизни, работе, о том, что происходит в органах, какой мне видится перспектива развития системы госбезопасности и как я оцениваю вообще обстановку в стране.

Разговор был долгий и обстоятельный. Я выразил тревогу по поводу растущих нападок Запада, на которое мы не всегда достойно и недостаточно твердо отвечаем.

И тут неожиданно Ю. В. Андропов предложил мне пост первого заместителя начальника вновь создаваемого Управления по борьбе с идеологическими диверсиями.

— По всей видимости. Главное управление контрразведки я не устраиваю, — сказал я. — Выходит, мне следует либо согласиться с вашим предложением, либо уходить…

Юрий Владимирович попросил меня все же высказать свое отношение к идее создания нового подразделения. Я усомнился: не будет ли оно повторять то, что уже было, не окажется ли новое управление аналогом Секретно-политического отдела (СПО), который занимался политической оппозицией и деятельность которого подверглась беспощадной критике в последнее десятилетие.

— Нет, новое управление не будет повторением СПО, — возразил Андропов, — оно должно отвечать задачам сегодняшнего дня. Ты не можешь не согласиться с тем, что сейчас идет мошная психологическая атака на нас, это же не что иное, как самая настоящая идеологическая война, решается вопрос: кто кого. Мы, коммунисты, стоим на твердых позициях и полны решимости укреплять Советское государство, а наши идеологические противники прилагают все силы, чтобы разрушить его. Мы обязаны знать их планы и методы работы, видеть процессы, происходящие в стране, знать настроения людей. Это очень важно. Нам необходимо использовать самые разные источники: как легальные учреждения, социологические институты или информацию в печати, так и данные наших спецслужб. Помимо явлений, которые лежат на поверхности,

существуют еще и тайные пружины, и немаловажную роль здесь играет работа наших органов. Вот, к примеру, сегодня мы занимались проблемой крымских татар. Ты видишь одно, а тот, кто не изучил этот вопрос основательно и не знает всех тайных рычагов, видит совсем другое. Очень важно научиться распознавать и хорошо понимать внутренние, глубинные процессы. Мне представляется, что главной задачей создаваемого управления является глубокий политический анализ ситуации и по возможности наиболее точный прогноз. Новое управление должно противостоять идеологической экспансии, направляемой из-за рубежа, стать надежным щитом против нее. И здесь очень важна роль чекистских методов работы.

«Чекистские методы»? Что он имеет в виду?» — подумал я. Видимо, речь идет о создании своего рода Управления политической контрразведки. Андропов не скрывал, что ощущение необходимости такого подразделения вынес из венгерских событий 1956 года, очевидцем и участником которых был, находясь в Будапеште на посту посла СССР. Чекистские методы у многих отождествляются с тем, что именуется «политическим сыском», «охранкой». Об этом шла речь в тот памятный для меня вечер.

В итоге мы пришли к выводу, что нельзя занимать страусову позицию. Либо вы защищаете власть, государство, либо создаете видимость деятельности, прикрываясь громкой фразеологией.

Основной функцией органов госбезопасности является зашита конституционного строя — не людей, стоящих у власти, а именно устоев государства. Естественно, возникает вопрос: как эта защита осуществляется в других странах? Не знаю, сколько фамилий значится в картотеке США, Великобритании, Франции и прочих стран, не знаю, сколько агентов работает у них в контрразведке, одно знаю точно: в любом государстве спецслужбы глубоко и основательно изучают внутреннюю обстановку и предупреждают процессы, угрожающие строю.

Во многих странах Запада под постоянным контролем находятся отдельные группы населения, такие, как, скажем, иммигранты. Во Франции, например, во время визитов высокопоставленных лиц «неблагонадежные элементы» в целях безопасности высылаются на Корсику.

Трудно представить, как могло бы ФБР узнать, что происходит в коммунистической партии США, не имея там агентов. Как могли бы бороться американские спецслужбы с экстремистскими негритянскими организациями, если бы не знали обстановку «изнутри». Оценить же эту обстановку можно только с помощью сложившихся и проверенных методов,

применяемых спецслужбами во всем мире.

Кто же должен этим заниматься? Конечно, контрразведка. Это известный, легально существующий во всех государствах политический орган. Именно политический, ибо основной смысл работы контрразведки в политическом контроле над ситуацией. Поэтому словосочетание «политический сыск» искажает смысл необходимой для государства работы, ставя знак равенства между законными действиями и беззаконием.

Я лишь схематично изложил соображения Ю. В. Андропова о задачах создаваемого управления, но самому мне в тот момент было ясно: он тщательно и глубоко продумал перестройку системы органов КГБ. Поняв основной смысл его плана, я решил, что дело это важное и нужное, и, подумав, дал согласие.

Андропов сообщил мне, кого он предполагает назначить руководителем управления. Через некоторое время к нам прибыл бывший секретарь Ставропольского краевого комитета партии по пропаганде В. Ф. Кадышев, он стал начальником управления, а я — его первым заместителем. Встал вопрос и о других заместителях. Я предложил две кандидатуры, Андропов назвал еще одну. Я промолчал. Он еще раз повторил фамилию этого человека, я опять никак не прореагировал.

— Как понимаю, — сказал он, — ты не согласен с моей кандидатурой или, во всяком случае, не хочешь ее обсуждать?

— Просто воздерживаюсь.

— А как ты вообще относишься к людям, с которыми тебе предстоит работать, что ты вообще можешь о них сказать?

— Юрий Владимирович, если вы меня вызовете через полгода, я изложу свою точку зрения, сегодня же никаких характеристик давать не буду. К вам сейчас идет много людей и с добром, и со злом, есть и такие, кто хочет себя показать, а товарища утопить. Поэтому мне пока не хотелось бы давать характеристики. Через пол года вы сами многое увидите, у вас сложится обо всем собственное мнение и будет больше информации. Вот тогда я и скажу, как отношусь к некоторым нашим сотрудникам.

Андропов улыбнулся не то одобрительно, не то иронически, но условие мое принял, и действительно, ровно через полгода он позвонил:

— Ты знаешь, что за день сегодня?

— Догадываюсь.

— Ну, приходи, потолкуем.

А тогда, в ту первую нашу встречу, он долго рассказывал мне о своих замыслах, касавшихся нового управления, подчеркнул, что работа предстоит интересная, и предложил подготовить

«Положение» о новом подразделении, которое получило название 5-го Управления.

— Будем считать, что договорились, — сказал он на прощание.

С большим желанием я принялся за работу. Чтобы лучше понять главные принципы и жизненную позицию Андропова, которые легли в основу нашей работы, должен сделать некое отступление.

Сейчас распространено мнение, будто в нашем государстве ошибочным был сам выбор социалистического пути развития, будто ленинские идеи были изначально порочны. В действительности же ошибкой и большим пороком явилось совсем другое: мы сошли с ленинского пути. Партийные лидеры, начиная со Сталина и кончая Горбачевым, прикрываясь знаменем Ленина и клянясь в верности его идеям, все круче и круче сворачивали с ленинского пути.

Здесь не место для длинной дискуссии по этому вопросу, но хочется привести лишь один документ — Резолюцию IX партийной конференции, написанную Лениным в 1921 году. В частности в ней говорится:

«9. Необходимо во внутренней жизни партии осуществить более широкую критику как местных, так и центральных учреждений партии. Поручить ЦК циркуляром указать способы расширения внутрипартийной критики на общих собраниях. Создать литературные органы, способные осуществить более систематично и широко критику ошибок партии и вообще критику внутри партии (дискуссионные листки и т. п.), для каковой цели в центре при «Известиях ЦК» создать специально дискуссионный листок. Желательно создание таких же дискуссионных листков при издающихся «Известиях» губкомов.

…Какие бы то ни было репрессии против товарищей за то, что они являются инакомыслящими по тем или иным вопросам, решенным партией, недопустимы».

Ленин особо подчеркивал необходимость самой широкой критики партии, выявление ее ошибок в печати и на собраниях.

Что же произошло после Ленина? Ленинское учение превратили в догму, о каких-либо ошибках не могло быть и речи. «Любые решения партии — это знаменательные вехи на пути, предначертанном великим Лениным!» К несчастью нашему, эту подмену никто не решался разоблачить. Даже большинство так называемых инакомысляших, выступавших против отдельных искривлений в политике партии, не отвергали ленинского пути, они доказывали ошибочность и порочность его искажения.

Вот еще несколько цитат из Резолюции IX партконференции:

«16. Необходимо обязать всех без исключения ответственных коммунистов регулярно вести партийную работу (партийную, не хозяйственную. — Ф. *Б.)* прежде всего в низах пролетариата, крестьянства и Красной армии, для чего все ответственные работники, независимо от занимаемой должности, должны быть прикреплены к фабричным, заводским, красноармейским или сельским ячейкам. Они обязаны посещать все общие собрания и давать на них отчеты о своей деятельности… Время, потраченное на субботники, надо рассматривать не только с точки зрения непосредственных хозяйственных результатов, но, главным образом, с точки зрения укрепления единства внутри партии на основе выполнения каждым коммунистом без изъятия всех партийных обязанностей. Освобождение ответственных работников от тех или иных партийных обязанностей по уважительным причинам производится лишь по постановлению райкома».

Итак, обозначена главная задача — партийная, следовательно, идеологическая, пропагандистская и разъяснительная работа. Эта мысль неоднократно подчеркивалась во многих ленинских документах и поначалу реализовалась на деле. Однако вскоре ленинские принципы были бесцеремонно попраны, партия с головой ушла в хозяйственную деятельность, предав забвению главную и единственную свою функцию. Совсем другим, вовсе не ленинским путем мы пошли…

«17. Ответственные работники — коммунисты не имеют права получать персональные ставки, а равно премии и сверхурочную оплату».

Как лихо перечеркнули эти ленинские заветы лукавые «последователи» его учения, как беззастенчиво надругались над ними!

Сначала возникли недоброй памяти «конверты», которые ввел Сталин. Это были первые привилегии для руководящих работников.

А что после Сталина? Шикарные приемы при посещении Хрущевым различных предприятий и регионов, роскошные подношения и «памятные подарки»! По всей стране начали строить сауны, «рыболовные и охотничьи домики», лесные и приморские особняки — так называемые «госдачи»!

Чего только не придумывали усердные чиновники, чтобы ублажить высокое начальство! Достаточно вспомнить только «царскую охоту» в надежно охраняемых заповедниках, куда имел доступ лишь ограни-ценный круг лиц.

А потом эти люди поднимались на трибуны и объясняли, как твердо и уверенно ведут страну по ленинскому пути. Подобные

ложь и фальшь продолжались до начала перестройки, и, к сожалению, кончилось все это, чтобы начаться вновь. При Горбачеве воздвигались уже не домики, а целые дворцы.

Едва ли не все руководители страны придерживались этих принципов, исключение составляли лишь А. Н. Косыгин и Ю. В. Андропов. На мой взгляд, это были одни из немногих, пытавшихся вернуть страну на ленинский путь.

Поверьте, вовсе не сгоряча и не в пылу полемики пишу все это. Анализируя нашу жизнь, располагая достоверной информацией, убедился: по всем коренным вопросам, определяющим нашу жизнь, руководство партии, лишь на словах опиравшееся на ленинское учение, вело страну в противоположную сторону.

Нет, не социалистические принципы организации жизни общества были ошибкой, виной всему — наросты коррупции и карьеризма, которые десятилетиями наслаивались на государственный корабль. Они преграждали нам путь к прогрессу. Убрать эти наросты, очистить от них социалистическую идею мечтал Ю. В. Андропов. Он не случайно в своей статье в журнале «Коммунист» заявил о необходимости ответа на вопрос: «В каком обществе мы живем?» Не об отказе от социализма шла речь.

Коррупция, фальшь, неприкрытый подхалимаж зародились в высших эшелонах власти и, как огонь, пошли гулять по всем этажам… Началось настоящее соревнование: кто сумеет лучше угодить вьющему руководству. в Грузии подарили Л. И. Брежневу дорогой сувенир (по рассказам, это был золотой самовар).

и тут же руководитель другой республики преподнес еще более дорогой подарок.

Чиновники рангом пониже соответственно и дары получали поскромнее. Первый секретарь ЦК партии Узбекистана Р. Р. Рашидов, принимавший «у себя» члена Политбюро А. П. Кириленко, преподнес ему шубы для жены и дочери из уникального каракуля специальной выделки. Находились также любители антиквариата и старины.

Не могу сказать, что так поступало большинство партийных работников. Среди них было немало настоящих коммунистов, людей честных и бескорыстных, для которых моральные принципы были превыше всего. Но, к сожалению, номенклатурные нравы снискали партийным бонзам дурную славу, и потому особенно больно было за партию, за истинных коммунистов, которые не предали своих идеалов и честно служили Отечеству.

По всем признакам было видно, в стране зреет, а кое-где уже

и процветает такое общественное зло, как коррупция. Не будем сейчас говорить о том, что происходило на окраинах, но тон задавал, конечно, центр. Все чаще и чаще, расследуя подобные дела, мы убеждались, что не последнюю роль в них играет кое-кто из нашей «верхушки», в частности, министр внутренних дел СССР Щелоков.

Однажды нам удалось раскрыть преступление, связанное с продажей икон за границу: крупный делец, ворочавший огромными деньгами, сумел переправить за рубеж немало ценностей. Заняться одним из этапов его «деятельности» в Челябинске было поручено следователю по особо важным делам МВД СССР. Он тщательно изучал иконы, производил опись, отбирал наиболее редкие и дорогие.

Некоторые его действия показались подозрительными, похоже было, сам он каким-то образом заинтересован в этом деле. Решили пойти на риск и произвести у него обыск. Получив санкцию прокурора и заместителя министра внутренних дел СССР Шумилина, обыскали служебный кабинет следователя, затем его квартиру и обнаружили там украденные иконы. Оказалось, часть их он предназначал Щелокову, убежденный, что тот защитит его в случае провала.

Ну, а что Щелоков? Он просто промолчал, словно это его не касалось, и даже никак не отреагировал на обыск, произведенный в здании МВД СССР, на улице Огарева, 6.

О происшедшем Андропов доложил Брежневу, и на том все кончилось.

О взяточничестве в государственном, советском и партийном аппарате говорили всюду. В некоторых республиках существовала даже определенная такса на получение партбилета. Мне вспоминается раз говор в Баку с Гейдаром Алиевым через три года после его избрания на пост первого секретаря ЦК компартии Азербайджана. Надо сказать, он пытался бороться с коррупцией, и тем не менее на мой вопрос, многое ли удалось сделать, Апиев ответил:

— Гарантировать могу только одно — в ЦК партии Азербайджана взяток не берут.

О необходимости борьбы с преступностью в сфере экономики все настойчивее напоминали руководители органов безопасности республик, об этом новее-местно говорили с трибун всесоюзных совещаний. Коррупция, взяточничество, приписки наблюдались в Узбекистане, Грузии и других республиках. Да и в самой Москве этого было предостаточно. Бацилла коррупции разъедала власть, партия теряла авторитет в народе.

Естественно, тема эта не раз обсуждалась в КГБ и в нашем 5-

м Управлении, конечно, тоже. Коррупция становилась серьезной политической проблемой.

Под знаменем борьбы с этим злом сплачивались те, кто тайно лелеял надежду покончить с советской властью, подорвать ее устои. Голоса общественности, все чаще требовавшие поручить борьбу с коррупцией КГБ, к сожалению, не были услышаны. А борьба эта наталкивалась на огромные трудности, и, несмотря на то что органы безопасности пытались использовать все возможности, должен признаться, — ощутимых результатов добиться не смогли.

Творческая интеллигенция Москвы задумала создать общественный комитет по борьбе с коррупцией. Независимая организация, никоим образом не связанная с властными структурами и пользующаяся авторитетом у населения, могла бы многое сделать для пресечения коррупции и в центре, и на местах. Однако сама идея такого комитета сразу же насторожила кое-кого в верхах: с интеллигенцией лучше не связываться, кто знает, как далеко она пойдет.

Посоветовавшись с Андроповым, срочно подготовили записку в ЦК с конкретными предложениями по этой проблеме. Одолеть такой тяжелый недуг можно лишь общими силами. Мы считали необходимым, чтобы ЦК обратился с открытым письмом ко всем коммунистам, где была бы выражена не только обеспокоенность, но и оговорены условия для привлечения широких масс к борьбе с казнокрадами и взяточниками. Предлагалось также разработать систему контроля над доходами. Ю. В. Андропов подписал записку.

И началась обычная волокита. В отделах ЦК письмо готовилось почти год, в результате был создан мертвый, никакого эффекта не имевший документ. Увы, так случалось каждый раз, как только какие-то благие начинания доходили до среднего звена аппарата ЦК КПСС, — оно было способно утопить самое лучшее решение, выхолостить самый замечательный план.

А кроме того, усердные «слуги» опасались, как бы разоблачения не задели самые верхи.

Рассказы о поборах высоких должностных лиц гуляли по стране. Всюду обсуждали амурные похождения дочери Брежнева — Галины Леонидовны, ее увлечения драгоценностями и любовь к дорогим подаркам. А в глубинке тоже были свои «герои» и «героини».

Многое удивляет меня сегодня, в победе нынешней власти не последнюю роль сыграла кампания по разоблачению коррупции в среде партийных, советских и государственных чиновников. Но именно при «демократах» получили право на жизнь неведомо

откуда появившиеся миллионеры. Не все они заработали капитал законным путем в связи с открывшимися возможностями в условиях перехода к рыночной экономике. у немалого числа состояния — это, безусловно, результат подпольного бизнеса, процветавшего в доперестроечное время.

Мафиозность преступного мира стала реальностью конца XX века, она получила широкое распространение, расползлась по всем странам и континентам. До определенного времени Советский Союз еще сохранялся как оазис, который обходила эта беда, ибо система как-то сдерживала зарождение мафиозных структур. Но окончательно подавить этот процесс она не смогла.

Нередко «теневики» крепко держали в своих руках представителей власти. Как-то Председатель КГБ Грузинской ССР А. Н. Инаури рассказал такой случай:

— Мне, как члену комиссии, дававшей разрешение на выезд за границу, подали список желающих в круиз вокруг Европы. Я увидел среди других фамилию секретаря райкома партии. Откуда у него такие деньги? Посмотрел список повнимательнее и увидел фамилию председателя райпотребсоюза, отпетого жулика. Я вычеркнул его из списка и думал, что на меня посыплются жалобы, однако ничего подобного не произошло. Но вот интересно: секретарь райкома тут же отказался от поездки. Сразу стало ясно, кто должен был оплатить его путешествие.

Ю. В. Андропов был совершенно нетерпим ко взяточничеству во всех его проявлениях. На память приходит случай.

Андропов пришел к нам в мае, а в декабре отмечалось пятидесятилетие органов госбезопасности. Его заместитель С. К. Цвигун, хорошо знавший, как лучше «подружиться» с начальством, послал домой новому председателю ящик коньяку. До прихода к нам Цвигун возглавлял Комитет госбезопасности Азербайджана и получить оттуда марочный коньяк ему ничего не стоило.

Посланца встретила супруга Андропова — Татьяна Филипповна.

— Передайте Семену Кузьмичу, — сказала она, — что у Юрия Владимировича не будет возможности воспользоваться этим коньяком. Так что везите ящик обратно.

Этот факт получил огласку, и с той поры любителей посылать подарки Андропову больше не находилось. Все знали, что в Центральном клубе КГБ есть две комнаты, куда складывали подарки, которые Председатель получал по случаю каких-то памятных дат или как должностное лицо — от иностранцев, ибо у, государственных деятелей было принято обмениваться подарками. Все дары остались в стенах КГБ и стали экспонатами

нашего музея. Кое-что, по указанию Андропова, направлялось в детские дома или еще на какие-то иные благотворительные цели. Во всяком случае ни один из подарков Ю. В. Андропов не взял для личного пользования.

Конечно, я не хочу сказать, что он был уникумом и вообще не признавал никаких подарков, скажем, в день рождения. Только смотря какие это были подарки. Я как-то преподнес ему пластинку с записью концерта Свиридова, и он с благодарностью принял мой подарок. Потом я узнал, что он часто слушал эту музыку.

* * *

В конце пятидесятых годов в разных городах вспыхивали волнения по всевозможным поводам. Чаще всего они были направлены против действий милиции, но иногда толпа громила и помещения райкомов и горкомов партии.

Потом массовые беспорядки стали возникать чуть ли не каждый год, и в них втягивались тысячи людей. Нередко в наведении порядка участвовали подразделения Советской Армии, но іґри этом спрос всегда был с органов госбезопасности: это они во всем виноваты — не доглядели.

В 1967 году, когда Андропов пришел в КГБ, начались волнения в Чимкенте. Причин было много, и серьезных. в КГБ знали о положении в регионе, не раз докладывали ЦК КПСС, и Андропов лично предупреждал: все это может плохо кончиться, если не будут приняты серьезные меры и не проведены необходимые разъяснения. Однако всегда следовал один и тот же ответ: «Не драматизируйте обстановку. У ЦК есть дела поважнее».

В 1969 году в Рубцовске произошел очередной инцидент. В милицейском изоляторе умер задержанный водитель местного автопарка. Возможно, смерть была случайной, человек ведь может умереть и на улице, но по городку мгновенно разнесся слух: убили в милиции. На улицы высыпал почти весь город. Сотрудник 5-го Управления полковник И. Т. Цупак был немедленно направлен в Рубцовск. На центральной площади собралось более десяти тысяч горожан, которых подогревали и ретивые ораторы-активисты. Цупак ринулся в самую гущу толпы, прокричал в мегафон, что он приехал из Москвы, и в подтверждение бросил в толпу свое служебное удостоверение.

Кое-кто попытался прислушаться, другие закричали, что он лжет. Страсти накалялись. Вдруг на помост вскочил какой-то человек и, подняв над головой удостоверение Цупака, крикнул:

— Он не обманывает, это действительно его документ! Его послал Андропов!

И торжественно вручил удостоверение Цупаку.

После этого было решено выбрать представителей, чтобы они изложили в письме общие просьбы и претензии, а Цупак довел бы их до сведения Москвы. Собравшиеся на площади успокоились и начали расходиться.

Естественно, хочется спросить: «А дело ли КГБ — разрешать подобные конфликты?» Наверное, нет, но ведь люди поверили нашему сотруднику, который не побоялся взять на себя ответственность и остановил разбушевавшуюся толпу. К слову сказать, во время таких беспорядков люди нередко искали защиты у представителей КГБ. Я вовсе не хочу сказать, что органы безопасности безгрешны, но в последние десятилетия народ стал относиться к нам с большим доверием.

Если мне не изменяет память, во время беспорядков при Андропове к помощи армии прибегали только один раз, и при этом не было ни единого случая гибели людей, о взвешенности и последовательности подходов КГБ к подобным ситуациям можно судить по такому эпизоду: в начале семидесятых годов в Москве прошло несколько демонстраций различного характера, основными лозунгами участников были: «Свободу религии!» (требования баптистов), «Свободу выездов евреев за границу!», «Никакого возврата к сталинизму!».

Каждый раз в ответ на эти акции принимались меры: пересматривали условия регистрации баптистских общин с целью их смягчения, стремились расширить возможности выезда евреев в Израиль и, конечно, старались убедить людей, что возврата к сталинским временам никто не допустит.

Андропов рекомендовал в таких случаях проводить очень осторожную и гибкую политику. А между тем находилось и немало сторонников жестких репрессивных мер. Например, предлагалось выслать из Москвы подстрекателей массовых выступлений и организаторов митингов.

По этому поводу состоялось совещание у Андронова, на котором присутствовали Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко, министр внутренних дел Н. А. Щелоков, начальник УКГБ Москвы С. П. Лялин, два заместителя Председателя КГБ — Г. К. Цинев и С. К. Цвигун и я.

От московских властей выступил Лялин. По поручению первого секретаря МГК КПСС В. В. Гришина он поставил вопрос о выселении подстрекателей демонстраций из столицы. Ему возражали, подобные административные меры противоречат закону. Лялина решительно поддержал Щелоков, он предложил

«очистить столицу», создав для этого штаб из представителей КГБ, МВД и прокуратуры.

— Это снова тройки? — осторожно спросил я. Руденко поддержал меня и стал спорить со Щелоковым. Тот настаивал на своем. Цинев и Цвигун молча ерзали на стульях.

Тогда я вновь попросил слова и попытался доказать, что это прямое нарушение законодательства.

— Что же ты предлагаешь? — спросил Андропов.

— Если у Лялина есть доказательства, что эти люди совершили преступление, пусть их судят по закону. Только суд может определить меру ответственности, — ответил я.

Но Лялин и Щелоков не сдавали позиций. Спор продолжался часа два, но мы так и не пришли к какому-то решению. Андропов закрыл совещание, предложив еще раз хорошенько все обдумать.

Нагнав меня в коридоре. Щелоков покровительственно, хотя и не без иронии бросил:

— А ты молодец, вот так и надо отстаивать свою точку зрения!

Цвигун, вытирая потный лоб, тоже с улыбкой похлопал меня по плечу, как бы в знак одобрения.

Я понимал значение их иронических усмешек. Гришин готов был любой ценой заплатить за спокойствие и порядок в столице, а этому «руководителю московских большевиков» лучше не становиться поперек дороги.

Зато я получил полное удовлетворение, когда мне позвонил Андропов.

— Правильно поставил вопрос, — сказал он. — Выселять никого не будем!

Я хорошо понимал, что в споре по поводу репрессивных мер, как в зеркале, отражается характер взаимоотношений между руководителями государства и очень четко высвечиваются карьеристские устремления тех, кто из огня этой борьбы хочет выхватить каштаны для себя.

Со стороны наши разногласия выглядят так: Гришин, как человек принципиальный, остро ставит вопрос — очистить Москву от скверны, а «либерал» Андропов проявляет нерешительность. Министр внутренних дел Щелоков выступает, разумеется, на стороне Гришина. Можно себе представить, какой доклад представили Брежневу его «верные соратники»!

Еще один эпизод, в 1971 году я выступал на одном из совещаний в ЦК КПСС. Меня прервал начальник Политического управления войск ПВО Грушевой, заявив, что КГБ не пресекает тех, кто критикует политику партии и обвиняет ее в возврате к сталинизму. Он явно имел в виду применение репрессивных мер,

а не разъяснительную и пропагандистскую работу. Я возразил: если встанем на такой путь, как раз и докажем, что повернули назад к сталинизму. Едва ли Грушевому понравился мой ответ, но он промолчал.

Как хотелось некоторым ортодоксам взвалить репрессии на органы госбезопасности! При этом они же при каждом возможном случае старательно сеяли недоверие к чекистам, непрестанно «разоблачая» злодеяния НКВД в прошлые годы.

Однако Андропов не боялся вызвать огонь на себя, он каждый раз настойчиво искал и находил пути предотвращения конфликтных ситуаций, стремясь уберечь своих людей от рискованных шагов и удержать от применения крайних мер.

Я полностью разделял эту тактическую линию и всегда стремился придерживаться ее в своей работе.

Когда говорят о преследовании инакомыслящих после смерти Сталина, то нередко рассказывают об арестах за анекдоты, за стишки, за безответственную болтовню. Могу заверить: в практике 5-го Управления такого не было, если и применялись репрессивные меры, то лишь в случаях серьезных противоправных действий. Однако несовершенное законодательство связывало нас по рукам и ногам, и особенно — формулировки статьи 58–10 и 70-й УК РСФСР, в которых упоминалась лишь одна форма подрыва власти — антисоветская агитация и пропаганда.

Эта жесткая формула трактовалась однозначно: под нее подпадает и создание подпольных антигосударственных группировок в целях подрыва конституционного строя, и изготовление, а также распространение антисоветских листовок и иных печатных материалов, и организация нелегальных типографий — одним словом, самые разнообразные правонарушения. Странно, что никто не задумывался над тем отрицательным политическим резонансом, который таили в себе эти законы. Уже в перестроечное время на обсуждение Съезда народных депутатов СССР была вынесена новая редакция статьи 7 УК РСФСР, где была сделана попытка конкретизировать состав преступления. И что же? Съезд просто-напросто ограничил действие этой статьи, дополнив предложенную редакцию: «подлежат наказанию лишь те лица, которые публично призывают к свержению конституционного строя». Депутаты, доживавшие свой депутатский век, считали, что в наши дни таких призывов больше не будет. Своим решением съезд практически лишил конституционный строй юридической защиты.

Очень симптоматично, что возникшие после СССР новые государства, принимая поправки к своему законодательству, ввели в уголовные кодексы статью, близкую по редакции к той,

которую отверг общесоюзный съезд, и любопытно, что инициаторами таких поправок выступили бывшие народные депутаты СССР от союзных республик, которые раньше дружно возражали против указанного проекта на Всесоюзном съезде. Очевидно, своя рубашка оказалась ближе к телу.

В годы работы с Андроповым мне пришлось заняться делом, которое, казалось бы, не входило в функции КГБ, но жизнь доказала, что наша работа была очень полезной для общества.

В середине семидесятых годов в Москве вокруг правительственных учреждений постоянно собиралась толпа одних и тех же граждан, чьи жалобы и просьбы долгое время оставались без ответа. Их не желали слушать ни в приемных ЦК, ни Совета Министров, ни ВЦСПС, все от них попросту отмахивались, даже не пытаясь вникнуть в существо дела.

Помню женщину с четырьмя детьми (еще двоих она оставила дома), которая несколько раз приезжала в Москву из Запорожья. В конце концов она пригрозила, что подожжет себя на Красной площади. Оказалось, эта работница запорожского завода живет с семьей в одиннадцатиметровой комнате, а квартиры ей даже не обещают. Местные власти ссылаются на большую очередь.

Звоню начальнику УКГБ в Запорожье, прошу разобраться. Через некоторое время он отвечает, что действительно на заводе есть такая работница. И она, и ее муж добросовестно трудятся, местная администрация давно знает об их нужде, но помочь ничем не может, так как в городе трудно с жильем. Спрашиваю;

— А много ли у вас в городе семей, где шестеро детей?

— Возможно, только эта одна…

Я попросил о моем звонке доложить первому секретарю обкома. Через некоторое время из Запорожья пришло сообщение: «Все в порядке, семья получила квартиру из четырех комнат».

Зачем же было доводить человека до такого отчаяния? Как оказалось, большинство «закоренелых жалобщиков» находились в таком же положении. Бездушие чиновников нередко приводило к тому, что люди становились добычей опытных провокаторов, которых активно поддерживали западные журналисты.

Корреспонденты агентства Рейтер опубликовали заявление группы лиц, подобранных из числа жалобщиков, об образовании «независимых профсоюзов». Ничего общего с профсоюзной работой деятельность этих людей не имела, но в западной печати их представили как организацию, защищающую права граждан и выступающую против советской власти. Как тут быть? А тем временем руководящие инстанции одолевали нас звонками, требуя доложить, что происходит.

Наконец решение было найдено: в приемную КГБ (она

находилась на Кузнецком мосту) пригласили всех «жалобщиков». Собралось человек сто измученных, доведенных до отчаяния людей. Некоторые пришли с детишками. Разговор налаживался с трудом, многие перестали кому-либо верить, но в конце концов все-таки нашли контакт. Сотрудники «пресловутого» 5-го Управления, которое больше других удостаивается внимания прессы, уже имели немалый опыт и выработали определенные подходы.

Мы выслушали всех и свои предложения по каждой жалобе доложили в ЦК КПСС, чтобы оттуда дали указания местным органам власти решить проблемы этих людей. На сей раз к нам прислушались, и через неделю мы подвели итоги: из ста жалоб остались неудовлетворенными лишь пять или шесть.

Такой результат нас настолько воодушевил, что мы составили второй список. Однако это уже вызвало неудовольствие в ЦК: видимо, КГБ решил предстать перед народом добреньким! Из общего отдела, которым руководили К. У. Черненко и К. М. Боголюбов, пошли звонки более высокому начальству — мол, КГБ занимается не своим делом, и соответствующая записка легла на стол к Генеральному секретарю ЦК КПСС.

После этого своих записок мы больше не писали. Пытались находить решения сами. Кстати, уже в более позднее время в одной из газет появилась статья о работе приемной КГБ. «Почему люди идут в КГБ? — вопрошал Горбачев на заседании секретариата ЦК КПСС. — Есть же приемная ЦК». Да, есть, а люди почему-то шли в КГБ, и нам не раз приходилось слышать от них, что только здесь и можно найти понимание и решить как-то наболевшие вопросы.

Ф. Д. Бобков. 1945 год. Курсант школы «Смерш».

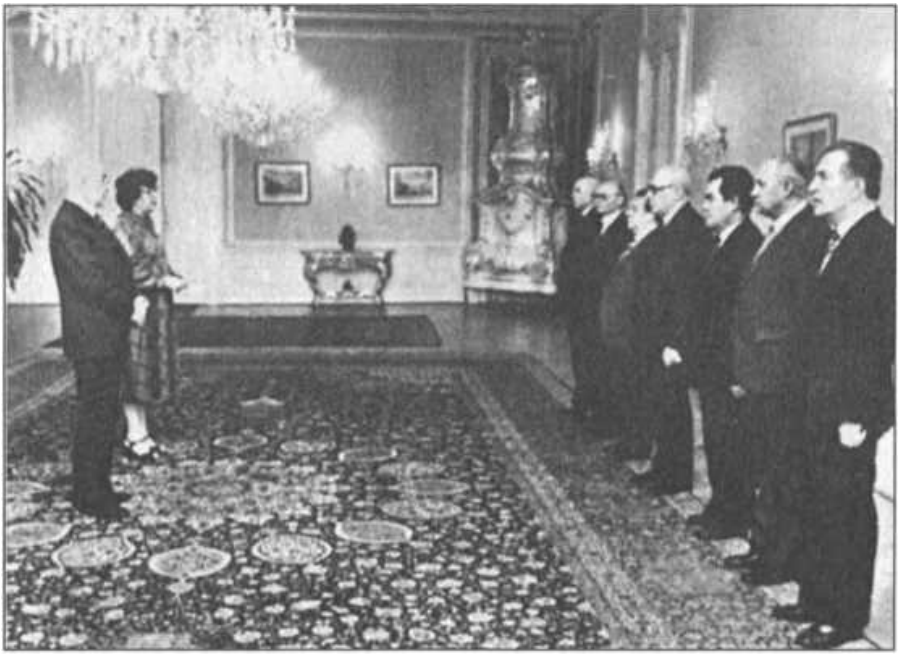
Однополчане. Ф. Д. Бобков и М. Г. Колобашкин. Встреча через много лет.

1990 год. Фронтовые друзья. В. Телушкин, А. Иштыков.

Автор с академиком Г. А. Илизаровым. Их сблизила борьба за признание открытий Илизарова в ортопедии.

Последняя встреча с художником Юрием Васильевым.

1987 год. Ф. Д. Бобков — свидетель теплого рукопожатия членов Политбюро Э. А. Шеварднадзе и В. М. Чебрикова.



1983 год. На приеме у Президента ЧССР Гусака.

Прощание Ю. В. Андропова с КГБ. 1982 год.

Чекисты — делегаты XIX Всесоюзной партийной конференции, которая могла предотвратить развал страны.

70-летие Органов ВЧК — КГБ. Слева направо: В. Терешкова, В. Крючков, Г. Агеев, А. Лукьянов, Н. Емохонов, В. Чебриков, М. Горбачев, Ф. Бобков, Г. Ментаташвили, А. Воронин, А. Лизичев.

1990 год. Следопыты из Ленинск-Кузнецкого в Центральном клубе КГБ СССР.

Я пишу об этом с гордостью, хотя и знаю, что вызову иронические усмешки. Понимаю, подобные решения судеб рядовых граждан не совсем уравновесят то, что связано с арестами, с ограничением прав, с нанесением незаслуженных обид. Что было, то было. И тем не менее наберусь смелости заявить: не эти перекосы определяли работу КГБ последних десятилетий.

Однако вернемся в так называемые «застойные годы».

В народе росли недовольство окружением Брежнева, критика наших порядков, ирония по поводу бесконечных награждений Генсека, возмущение взяточничеством звучало даже из уст руководителей областных и республиканских органов. О том же судачили и в ЦК КПСС, и в других центральных учреждениях. А сколько сарказма изливалось при обсуждении книг Брежнева! Кстати, у меня лично эти книги неприязни не вызывали, но зачем же делать из них Катехизис? Между прочим, Ю. В. Андропов не пошел на общекомитетскую конференцию по обязательному обсуждению этих произведений — не захотел принимать участия в явном лицедействе.

Но суть была не в книгах, все значительно серьезнее. Дело в том, что многие понимали наши трудное-ти, но не находилось людей, которые видели бы выход из тупика и возглавили движение вперед. Судьба экономических проектов А. Н. Косыгина, которые окружение Брежнева «заживо похоронило», очень многих отучила от инициативы.

Как непросто в те годы пробивалось новое, с каким трудом преодолевалась рутина! Вот весьма типичный для того времени

пример.

В стране было создано подпольное производство, занимавшееся копированием и продажей зарубежных ввдеозаписей, оно получило наименование видеобизнеса.

Стремясь противостоять такого рода преступлениям, Комитет госбезопасности поставил вопрос о создании отечественного производства видеомагнитофонов и видеозаписей. Становилось уже ясно, что развитие видеотехники не обойдет нас стороной. Конечно, производство сложное, дорогое, но оно необходимо.

ЦК КПСС создал комиссию под руководством секретаря ЦК М. В. Зимянина. Несколько раз она собиралась, и все высказались решительно против. «Нам этого не надо. Пусть таможня и пограничники делают свое дело — изымают видеокассеты на границе» — таково было общее мнение, в том числе и министра связи СССР В. А. Шамшина, человека умного и уважаемого, а также мнение первого заместителя министра культуры СССР В. И. Попова. Их решительно поддержал и председатель Гостелерадио СССР С. К. Лапин. Наше предложение встретило понимание лишь у первого заместителя министра иностранных дел СССР Г. М. Корниенко и — с некоторыми оговорками — у председателя Госкино СССР Ф. Т. Ермаша. Зимянин свою точку зрения не высказал, но и на реализации предложения не настаивал.

Прошло два года. На следующий день после того, как Ю. В. Андропов был избран секретарем ЦК КПСС, Зимянин снова собирает комиссию, и на этот раз с большим трудом проходит решение: передать вопрос о видеотехнике в Совет Министров СССР.

Однако и там вопрос этот проходил не легче. Не хочу и дальше описывать нашу чиновничью рутину. Это ведь только один пример, а им нет числа. Никому не хотелось браться за дело, пусть все плывет по течению. Одним словом — застой!

Думаю, необходимость разобраться в событиях.

происходящих в стране, исследовать их причины сыграла немалую роль в решении Ю. В. Андропова создать 5-е Управление.

Юрий Владимирович заботливо опекал новое управление, он считал его своим детищем. Ему хотелось — и во многом он этого добился — сформировать такой аппарат, который мог бы прогнозировать события и своевременно реагировать на них. Однако далеко не все наши предложения находили поддержку у руководства ЦК КПСС.

Андропов постоянно требовал, чтобы мы в своей работе не отрывались от народа и — напротив — опирались на общественность.

Надо сказать, он очень терпимо относился к людям с различным мировоззрением и не избегал встреч со своими политическими противниками или людьми, не согласными с его точкой зрения. Он спокойно смотрел на существование инакомыслия и считал это явление закономерным, если оно, конечно, не ведет к подрывной деятельности.

За весь период пребывания на посту Председателя Комитета Ю. В. Андропов не имел — и я могу это засвидетельствовать — ни одного выходного дня. Он приезжал в Комитет и в воскресенье, работал всегда с полной нагрузкой, не считаясь с состоянием своего здоровья.

А работать ему было очень нелегко! Его заместителями стали люди, можно сказать, приставленные к нему Брежневым: С. К. Цвигун, вместе с которым работал Брежнев в Молдавии, и Г. К. Цинев, работавший с Генсеком в Днепропетровске. За спиной Андропова они давали Брежневу информацию (чаще всего тенденциозную!), которая настораживала Генсека. Он принимал ее за истину и нередко поддерживал предложения Цвигуна и Цинева, которые не совпадали с точкой зрения Андропова. Юрий Владимирович прекрасно понимал это, но слишком много было у него серьезных дел государственного масштаба.

Андропов пришел в органы, когда ему было 50 лет. На мой взгляд, он унаследовал лучшие качества революционеров старой закалки. Ему было невыносимо больно видеть, как те, кто должен был защищать коммунистические идеалы, на самом деле попирали их. Он был настоящим строителем нового общества. Когда в сегодняшней прессе мелькнет ехидное замечание по поводу его недостаточного образования, у меня это не вызывает ничего, кроме возмущения: Ю. В. Андропов был высокообразованным человеком, он постоянно расширял свои знания, много читал и следил за литературой, любил музыку, писал стихи. Человек очень многогранный, Андропов участвовал во всех наших делах и, несмотря на то, что не был по своему образованию профессионалом, очень любил нашу работу и многое предлагал сам. Он серьезно думал над тем, как надежнее обеспечить охрану прав граждан, разрабатывал план создания специального управления.,

Юрий Владимирович не критиковал своих предшественников. Я ни разу не слышал от него каких-либо замечаний в адрес Семичастного или Шелепина, хотя, безусловно, видел их просчеты и ошибки. Главными для него были проблемы сегодняшнего дня. Он много раз доказывал Брежневу необходимость сохранить и использовать все достижения, которые, несомненно, были у Хрущева. «Есть отметка

сегодняшнего дня, есть уровень нашего времени, — говорил он, — и давайте идти от этой отметки. Легче всего судить прошлое, надо видеть настоящее и будущее».

Ю. В. Андропов пользовался авторитетом не только у сотрудников органов госбезопасности. Когда он был избран Генеральным секретарем ЦК, большинство людей восприняло это с одобрением, несмотря на то что он являлся Председателем КГБ — организации, прямо скажем, не очень популярной. Но люди почувствовали, что именно такой человек был нужен, и, надо сказать, доброе отношение к нему не утрачено в народе и по сей день.

В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В ПРОЦЕССЕ РАБОТЫ мне приходилось постоянно сотрудничать с органами госбезопасности социалистических стран, и, должен отметить, сотрудничество наше строилось на основе равного партнерства. Благодаря такому взаимодействию мы смогли провести ряд сложнейших операций. Кроме того, совместная работа и обмен информацией позволяли по-новому взглянуть на многие события, происходившие в этих странах, да, пожалуй, и во всем мире.

Особенно запомнилось мне дело, связанное с разоблачением болгарскими коллегами агента западных спецслужб Асена Георгиева. Он занимал высокие должности, одно время был, если память не изменяет, заместителем постоянного представителя Болгарии в ООН.

Мы помогли болгарским коллегам получить неопровержимые доказательства, которые дали возможность уличить Георгиева в измене, — в частности, нам удалось обнаружить тайные средства связи и шифровальные блокноты, которыми пользовался агент, стал известен также характер данных, которые Георгиев передавал своим хозяевам.

Дело Георгиева заставило лишний раз убедиться в том, что борьба со шпионажем должна стать более организованной и целеустремленной, требовала лучшей координации спецслужб.

После создания 5-го Управления была установлена связь с соответствующими службами дружественных государств, ибо они особенно остро ощущали, что контрразведывательная работа необходима и для борьбы со шпионажем, и для защиты конституционного строя. Разведки стран Запада занимались не одним лишь шпионажем, они планомерно работали над разрушением строя в социалистических странах, прекрасно зная его слабые места.

Сотрудники 5-го Управления почувствовали это, возможно, даже раньше других в КГБ, так как мы реально видели и знали не только эти слабые места, но и те потенциальные силы, которые способны пойти на сотрудничество с противником.

Мне еще не раз придется возвращаться к данной теме, но сейчас продолжу разговор о совместной работе с органами безопасности социалистических стран. Мы поддерживали с ними устойчивые связи, Проводили двусторонние и многосторонние встречи, обменивались информацией, но при этом никогда не оказывали на коллег давления.

Остались в прошлом события в Венгрии 1956 года и ввод

советских войск в Чехословакию в 1968-м, пока еще существовала берлинская стена, и до польского кризиса семидесятых годов оставалось еще два года. Но уже становилось заметно, как в социалистическом лагере назревает раскол. У Советского Союза продолжались напряженные отношения с Китайской Народной Республикой, у нас не было по существу отношений с КНДР, ушла в полную изоляцию Албания, отчетливо конфронтационную позицию занял Чаушеску в Румынии, и все эти годы не проходил горький осадок от разрыва с Югославией.

Каждый из нас по-своему переживал ситуацию, и, хотя говорилось об этом лишь в узком кругу, все понимали, раскол усиливается, и то, что произошло в Венгрии, ГДР, Польше и Чехословакии, не прошло бесследно для их народов.

Было совершенно очевидно: методы строительства социалистического общества, в которые мы свято и искренне верили, требуют новых подходов и глубокой теоретической проработки. Этими проблемами уже занимались специальные научные учреждения, но вся беда была в том, что руководство партии и государства на подобные научные изыскания практически не опиралось. Наука оставалась невостребованной, так же как и информация КГБ о ситуации в странах Восточной Европы.

Мне не раз довелось бывать в Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Польше и ГДР, бывал на Кубе и в Албании. У меня там много друзей, и не только среди работников госбезопасности, я встречался с руководителями различных спецслужб и Центральных Комитетов партий, но никогда — с нашими послами (за исключением посла СССР в Чехословакии В. П. Ломакина). Так сложилось не потому, что я уходил от встреч, просто нашим дипломатам не нужна была объективная оценка событий.

В социалистических странах Восточной Европы уже понимали, что экономическая помощь Советского Союза будет длиться не вечно, и они, каждая по-своему, начали наводить мосты с Западом, нередко скрывая свои шаги от руководства ЦК КПСС. Это, естественно, вызывало настороженность, хотя звучали, как и прежде, нескончаемые клятвы в дружбе.

И все же, несмотря на эти обстоятельства, сотрудничество с коллегами из органов госбезопасности стран Восточной Европы продолжалось. Даже тогда, когда у нас не проводилось совместных оперативных мероприятий, шел постоянный обмен информацией, и, надо признать, мы были честны друг перед другом и не скрывали правды. Причинами напряженности, возникшей в отношениях СССР с социалистическими государствами Восточной Европы, являлись вовсе не какие-то

закулисные действия и происки КГБ, дело было совсем в другом — в политике лидеров наших стран.

Как-то начальник контрразведки МВД Чехословакии, ныне покойный Волимир Мольнар, сказал: «Вот вы говорите о происках своих граждан, которые сотрудничали с ЦРУ с целью подрыва строя. А как быть, если строй разрушают лидеры партии, если они говорят одно, а линию ведут совсем другую? Я не говорю о Дубчеке, это все уже в прошлом, я же ищу ответа на будущее».

Он сказал это в Гаване в 1974 году, сказал открыто, на довольно представительном совещании в присутствии членов Политбюро компартии Кубы (Фиделя Кастро не было) и послов социалистических стран.

А что можно было ему ответить? Мы тогда еще переживали свой «звездный час». Однако заявление Мольнара заставило о многом задуматься. Прежде всего о том, почему слова о ходе социалистического строительства все чаще и чаще не совпадают с делами. Несмотря на шумные декларации об успехах и достижениях в строительстве социализма, несмотря на постоянные заверения наших лидеров, якобы все идет хорошо, жизненный уровень населения в Советском Союзе падал. Чтобы убедиться в этом, достаточно было увидеть подмосковные электрички, битком набитые людьми, ехавшими в столицу за продуктами. С трудом верилось, будто завтра наша жизнь изменится к лучшему.

Население социалистических стран стало все чаще предъявлять требования властям, становилось ясно, что назревает социальный взрыв. Сотрудники органов госбезопасности понимали сложности, которые переживали их страны, и не скрывали от нас причин происходящего. Хотя в каждой стране кризисные явления носили специфический характер, у всех было одно общее: социализм проигрывал в соревновании с Западом, реальное воплощение в жизнь социалистических идеалов теряло свою привлекательность.

Тем не менее вера в «светлое будущее» была еще не окончательно утрачена в народе. Кто мог тогда подумать, что в верхних эшелонах власти уже зрели планы возврата к капиталистическому образу жизни и строились не продуманные до конца планы, приведшие к распаду страны? Мне не раз приходилось слышать, как М. С. Горбачев, подводя итоги обсуждения очередных проблем, произносил слова известной песни: «Жила бы страна родная, и нету других забот…»

Тревожные признаки надвигающегося кризиса в соцстранах давали о себе знать. Опасения за собственную державу мы начали ощущать позднее.

Впервые утрату доверия к Советскому Союзу я почувствовал в Албании в 1957 году. У албанцев сложились весьма непростые отношения с Югославией, и мы в этом конфликте были на стороне Албании. И вдруг Хрущев, посетивший Югославию, простил ей все обиды, а Албания при этом осталась как бы в стороне, по существу, мы предали эту маленькую героическую страну. Конечно, надо было укреплять наши отношения с Югославией, но в переговорах по этому вопросу непременно должна была участвовать Албания, а возможно, и Болгария, которая так и не пошла на сближение с Югославией, хотя являлась нашим верным союзником.

Это добавило причин к тому, чтобы в странах Вое-точной Европы возникала настороженность, росло недоверие к Советскому Союзу, и, конечно же, этим не замедлили воспользоваться оппозиционные силы и группировки, ориентировавшиеся на Запад, а нередко и сотрудничавшие с подрывными центрами. Бывая в соцстранах, слушая рассказы друзей и знакомясь с информацией разного рода, я уже в начале шестидесятых годов начал ощущать, что они подошли к тяжелым реальностям. Сущность их сводилась в основном к двум серьезным факторам: с одной стороны, в каждой из стран зрели силы, готовившие свержение социалистического строя, с другой — руководители, имевшие обо всем этом довольно полную информацию, делали вид, будто ничего экстраординарного не происходит и социалистические устои прочны и крепки, а дружба с Советским Союзом нерушима.

Трудно сейчас объяснить, как эта ложь владела умами людей, которые, отлично понимая всю сложность положения и приближение катастрофы, убеждали себя в обратном. Думать о полном крахе не хотелось, но в таком случае надо было искать выход из кризиса, приветствовать и поощрять реалистический взгляд на вещи и новаторские идеи, а не заниматься показухой, очковтирательством и обманом народа, искренне верившего словам своих лидеров.

В один из моих приездов в Будапешт в свободный вечер друзья пригласили меня на ужин в небольшой типично венгерский ресторанчик. Вскоре там появился министр внутренних дел Бенки в сопровождении своего помощника. Я очень уважал этого человека за его искренность, открытость и порядочность, между нами сложились добрые отношения, поэтому его появление меня очень обрадовало.

Спустя некоторое время министр пригласил всю компанию в другой ресторан, расположенный на горе Геллерт. Мы просидели там не более получаса и стали прощаться. И вдруг Бенки спросил

меня: «Какое сегодня число?» Я смутился: как же это я забыл, что 23 октября — годовщина венгерских событий 1956 года! «Вот видишь, а у нас в такой день министр внутренних дел ездит по ресторанам без охраны — явное свидетельство благополучия в стране». С ним трудно было не согласиться, хотя Бенки прекрасно сознавал: благополучие это видимое, и далеко не все ладно в стране, даже на самом верху. Венгрия усиленно дрейфовала в сторону Запада и втайне готовилась к переговорам с Международным валютным фондом. А тем временем росло недовольство высокими ценами, народ не мог не видеть явного загнивания государственного аппарата.

В 1981 году довелось побывать в ГДР. Сложное впечатление произвел разговор с заместителем министра госбезопасности Миттигом о неблагополучии в молодежной среде. Он говорил, что в республике образовался определенный слой молодых людей (насчитывавший около восьмидесяти тысяч), которые ничего не делают, живут случайными заработками, не имеют постоянного жилья и кочуют по стране: осенью на юг, а весной на север. Подобные вещи я не раз слышал и от других немецких коллег. Их, естественно, не мог не беспокоить этот глухой протест молодежи против власти, но сделать они ничего не могли. По приезде в Москву рассказал обо всем Андропову (тогда Председателю КГБ), не скрывая, что вижу в этом потенциальную силу для взрыва. Он согласился и дал поручение соответствующей службе заняться изучением данного вопроса. Надо сказать, проблема бродяжничества и у нас вызывала тревогу, но в нашей стране оно носило несколько иной характер, то была не столь откровенная форма гражданского протеста.

Официальной же прессой молодежь ГДР представлялась как единый монолитный отрад, верный идеям социализма. На всех молодежных форумах немцы из ГДР поражали своей организованностью и строгой дисциплиной. Очевидно, болезнь долгое время загонялась внутрь…

Я вовсе не претендую на глубокий научный анализ процессов, происходивших в социалистических странах, хочу лишь сказать, что всякое негативное явление требовало ответной реакции, поиска решений и адекватных действий. Однако люди, стоявшие у власти, не только не находили решений, но и не пытались их искать.

В декабре 1980 года я приехал в Варшаву по приглашению министра внутренних дел Милевского для консультаций по поводу деятельности «Солидарности», эмиссары которой искали союзников в Советском Союзе. После нескольких бесед в МВД меня вместе с нашим представителем в Польше Виталием

Павловым принял только что избранный Первый секретарь ПОРП Станислав Каня. Разговор состоялся долгий, очень живой и откровенный. Каня держался уверенно, хотя «Солидарность» уже стучалась в двери власти, а возглавляемая Каней ПОРП шла к своему краху. Отдельные детали разговора не столь важны, но вот финал меня ошеломил и озадачил.

«Когда вы уезжаете в Москву?» — спросил Каня. «Завтра». — «А зачем вы торопитесь? Останьтесь на пару дней, съездите на охоту». Я, конечно, поблагодарил и отказался.

Когда вышли из кабинета Кани, я высказал удивление такому предложению Первого секретаря ПОРП своим спутникам — Милевскому и Павлову. «Это он пошутил», — сказал Милевский. О том, что при таком «шутливом» настроении «Солидарность» неизбежно придет к власти, я уже почти не сомневался.

Мои опасения подтвердились, когда в 1984 году отправился в Польшу на торжества по случаю сорокалетия польских органов госбезопасности. Юбилей отмечался торжественно и пышно, нас, руководителей делегаций социалистических стран Европы (СССР, ГДР и Чехословакии), принимал глава государства Войцех Ярузельский.

Он подробно рассказывал о событиях в республике, о деятельности «Солидарности», говорил о твердых позициях руководства, исключающих утрату социалистических завоеваний. Однако мои короткие встречи с друзьями рождали иную картину.

Финалом торжеств было заседание в зале Большого театра в Варшаве. Мне довелось сидеть в партере рядом с Ярузельским, а затем общаться с ним на импровизированном банкете за кулисами. Говорили, в этот вечер он впервые за многие годы выпил пол стопки коньяку, я обратил внимание на то, что в театре Ярузельский был весьма сдержан, на банкете же, напротив, — очень раскован. И все это время я ощущал в нем какую-то внутреннюю напряженность. Он прекрасно понимал происходящее в стране, но делал вид, будто уверен, что кризис власти удастся преодолеть. Да и многие мои польские коллеги заявляли, будто «Солидарность» уже не представляет никакой опасности и найдены пути ее локализации; авторитет Ярузельского, уверяли они, служит гарантией твердости власти.

А между тем власть в Польше находилась под угрозой: «Солидарность», активизировавшаяся при поддержке католической церкви и спецслужб Запада, становилась реальной и грозной силой.

Однако отрезвление пришло значительно позднее. Если же проследить историю наших отношений со странами народной демократии, как их вначале называли, то следует отметить — в

восьмидесятые годы наступило некоторое потепление и сверкнул луч надежды: в 1982 году в Советском Союзе во главе государства встал новый, весьма авторитетный лидер — Юрий Владимирович Андропов.

В 1983 году состоялась многосторонняя встреча представителей госбезопасности соцстран в Софии, где главным образом обсуждалась система совместных действий против акций спецслужб Запада. Мы именовали это борьбой с идеологической диверсией противника, да, именно с диверсией — иначе говоря, с тайными операциями, направленными на подрыв власти в социалистических странах, на поддержание и активизацию сил, выступающих против политического строя в наших государствах.

Не скрывая сложностей развития событий в своих странах, мы откровенно говорили о всех негативных явлениях. Болгары осуждали искусственно создаваемый в стране культ Тодора Живкова, говорили о вреде, который наносит авторитету партии поведение Людмилы Живковой, и о насильственном «оболгаривании» турецкого населения. Поляки бодрились изо всех сил. И все мы переживали за Кубу, ибо кубинцы уезжали с этого совещания в полной уверенности, что агрессия против их маленькой страны со стороны могущественного соседа, США, — неизбежна. Наше расставание с ними было очень грустным.

И вместе с тем появление на политической арене такой неординарной личности, как Андропов, обнадеживало всех.

Помню, как-то, оказавшись наедине со мной, министр внутренних дел Болгарии Димитр Стоянов спросил: «Товарищ Бобков, что с Андроповым? Говорят, он серьезно болен?» Я не нашелся что ответить, ибо и сам толком не знал, что с Юрием Владимировичем. Так и сказал. Стоянов задумался. Вообще-то он верил мне, но тут, по-видимому, решил, будто я попросту постарался уйти от ответа. «Мы очень рады, — продолжал министр, — что есть Андропов. Хорошо бы он поскорее встал в строй».

В ту минуту я впервые остро ощутил, что может значить для нас всех такая утрата.

Совсем другое настроение царило на совещании в Варне, на котором я присутствовал в 1986 году. Димитр Стоянов попросил меня выступить перед руководством МВД Болгарии.

Человек тридцать собралось на эту встречу в шикарном санатории ЦК Б КП. Запланированная беседа по существу превратилась в вечер вопросов и ответов, всех интересовала, главным образом, сущность и конечные цели нашей перестройки. Я старался отвечать на все вопросы. Тогда не сомневался, что в ближайшее время нас ожидают коренные перемены, и, как мне

кажется, убедил собеседников в том, что перестройка не угрожает социализму.

Правда, наиболее близкие друзья говорили мне: «Мы верим тебе, Филипп, ты говоришь то, что думаешь. Но понять вас нам очень трудно. Не было бы беды».

Я успокаивал их, как мог, и при этом нисколько не кривил душой. Что они думают сегодня о том разговоре? Понимают ли, что все мы стали жертвами откровенного политиканства лидеров?

Последний раз я был в Чехословакии в 1988 году и, признаться, уезжал из Праги с тяжелым чувством: в те дни по городу ходили толпы демонстрантов, и по всему было видно: никто уже не остановит развала прежней власти.

Моя встреча с руководителями МВД Чехословакии — с вновь назначенным министром внутренних дел Кинцлом и его заместителем Лоренцом — подтверждала худшие опасения, хотя держались они уверенно и обстоятельно обсуждали пути выхода из кризиса. Они очень рассчитывали на Адамека, нового Председателя Совета Министров, но вместе с тем тревоги своей не скрывали: они видели двойственность отношения к руководству ЦК компартии Чехословакии со стороны советских руководителей.

Итак, в социалистических странах Восточной Европы сформировалось два параллельных движения: одно стояло перед неизбежностью краха, второе набирало силу, сплачивалось и готовилось к штурму властных структур.

Такова была реальность. Власти скомпрометировали себя и явно утрачивали связь с народом. В этих условиях было странно слышать из уст Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева призывы бить по штабам. «Вы жмите снизу (на обкомы партии), а мы возьмемся за них сверху», — говорил он шахтерам Донбасса.

А что же делал в этих условиях Комитет госбезопасности? Следил за обстановкой, противостоял столкновениям, обобщал факты и докладывал свои выводы ЦК, на которые тот не обращал внимания. Иначе как, например, можно объяснить то безмятежное равнодушие, с каким ЦК КПСС относился к положению в Прибалтике? Анализируя обстановку в этих республиках, нельзя было не заметить, какую истерию (иначе не назовешь!) поднимали там определенные круги по поводу протокола Молотова — Риббентропа, подписанного в 1939 году.

Сейчас становится многое понятно в этой проблеме, однако невозможно осознать логику сокрытия протоколов. Для чего? в самом деле, был такой протокол — очень тяжелое соглашение, которое пришлось подписать в условиях надвигавшейся войны. Протокол этот сыграл определенную положительную роль:

отодвинул границы с Германией. И не только это. Он должен был оттянуть начало войны в условиях полной изоляции СССР перед натиском фашистской Германии. Договор позволил вернуть Литве Виленский край с исконными литовскими городами Вильнюсом и Клайпедой. Это был вовсе не захват чужих территорий, а возвращение своего, незаконно отобранного. Протокол защитил Латвию и Эстонию от немецкого засилья, спас жизнь сотням тысяч польских евреев, обеспечив их эвакуацию в глубь нашей страны в самом начале гитлеровского нашествия на Советский Союз. И это далеко не все.

Возможно, жизнь народов Прибалтийских республик складывалась бы совсем по-иному, если бы в послевоенные годы их не использовали в своих целях Англия и Соединенные Штаты — наши «верные» союзники по антигитлеровской коалиции. Они намеревались превратить Прибалтику в плацдарм для раскола Советского Союза.

Наша извечная секретность привела в данном случае к тяжелым последствиям. Протоколы 1939 года необходимо было опубликовать и обсудить в печати хотя бы в шестидесятых годах. Я часто задавал себе вопрос: знал ли о наличии у нас протоколов Андропов и о том, что их прячут в архивах ЦК? Беру на себя смелость утверждать: он ничего о них не ведал. Мне просто не верится, что, очень хорошо зная Прибалтику, Андропов не понимал истинного значения своевременного обнародования протоколов.

Впрочем, суть не только в протоколах. Дело в том, что, начиная перестройку, мы не нашли способа сохранить Союз. Развал СССР начался с Прибалтики. Наше руководство только делало вид, будто оно всерьез озабочено ростом сепаратизма в Латвии, Эстонии и Литве. Выход республик из состава СССР Горбачевым и его командой был предрешен. Мы фактически бросили на произвол судьбы те здоровые силы, которые отчетливо видели опасность отделения Прибалтики, хотя официально постоянно заявляли об их поддержке, формально слушая выступления представителей этих республик на пленумах и съездах партии. Наши лидеры играли в ту же игру, что и руководители компартий соцстран, только вина советского руководства неизмеримо больше — ведь СССР служил примером для народов тех стран Восточной Европы, которые двинулись вслед за нами по пути строительства социализма.

СЕКРЕТНОСТЬ И ПЕРЕСТРАХОВКА

ПОЗНАЛ Я И ГОРЕЧЬ ПРЕДАТЕЛЬСТВА. В 1964 году из Женевы не вернулся на Родину заместитель начальника отдела Главного управления контрразведки Юрий Носенко.

Это был типичный представитель «золотой молодежи». Сын министра судостроения СССР, чей прах покоится в Кремлевской стене, Носенко позволял себе то, чего не мог допустить обычный офицер, не надеющийся на защиту и влияние именитых родственников. Человек он был компанейский, не кичился своим положением, но позволял себе некоторые вольности. Вокруг него сложилась компания сверстников, кое-кто попросту присосался к Юрию, дабы извлечь для себя выгоду. Носенко не был тщеславным, многим помогал, но «тень отца», безусловно, оказывала влияние на его карьеру. У меня с ним были обычные отношения — никакой зависимости или подобострастия — и он, по-моему, это ценил.

В конце 1963 года Носенко уезжал в командировку в Женеву с серьезным оперативным заданием.

Отдел, где он работал, находился в моем подчинении. За день до отъезда Носенко заходил ко мне, советовался, поделился горем — у него тяжело болела дочь — и сказал, что надеется приобрести для нее в Женеве нужные лекарства (потом этой фразой о лекарствах те, кому было поручено расследовать дело, пытались обвинить наших сотрудников, якобы они используют поездки за границу в личных целях).

Одним словом, мы расстались с Носенко как добрые коллеги.

Почему Носенко стал «невозвращенцем»? Безусловно, более близкие ему люди доподлинно знают это. Я же до сих пор убежден, что он попал в какую-то сложную, возможно, специально подстроенную ситуацию и не выдержал. Конечно, не исключено, что он заранее обдумал свой шаг, только душа моя этого не принимала, я знал, как любил Юрий дочь, как тяжело переживал ее болезнь. Не мог он вот так просто бросить ее, бросить семью. А возможно, ему пригрозили, что убьют, у меня для такого вывода были основания.

У Носенко сложились хорошие отношения с начальником контрразведки О. М. Грибановым, который собирался через два дня приехать в Женеву, где они должны были встретиться. Если бы Носенко заранее все спланировал, западным спецслужбам ничего не стоило устроить Грибанову ловушку и таким образом заполучить начальника советской контрразведки. Уж они бы такого случая не упустили! Однако Носенко сбежал за два дня до

приезда Грибанова, и это заставляло думать, что, по-видимому, здесь все не так-то просто.

Как бы там ни было, но это, бесспорно, был успех западных спецслужб. Акт измены совершен, что немедленно отразилось на нашей работе: Носенко назвал людей, которые сотрудничали с нами, раскрыл некоторые методы нашей работы.

Мы тяжело переживали предательство. Началось расследование. Грибанова сняли с работы, многие из сотрудников получили взыскания. Вроде бы заслуженно… Да, тогда я считал, что это наказание мы заслужили, хотя и не покидала мысль: почему за проступок одного несли ответственность так много людей? и нередко ответственность суровую, ломавшую жизнь. Впрочем, подобная практика была принята не только у нас, в органах безопасности, таково было непреложное правило, неписаный закон всей жизни нашего общества.

Если на заводе, где работают сорок тысяч человек, какой-то рабочий получал травму, к ответственности привлекались и инженер по технике безопасности, и мастер, и начальник цеха. Происшествие не проходило даром и для директора завода.

* * *

Да, главным фактором у нас стала перестраховка и желание поскорее найти «стрелочника» вместо того, чтобы разобраться в существе дела. Причины и обстоятельства никого не интересовали, судьба человека была всем безразлична, вот и страдали зачастую ни в чем не повинные люди. А бывало, что и начальство расправлялось таким образом с неугодными.

Мне вспоминается один курьезный случай, произошедший на пассажирском лайнере, экипаж которого насчитывал более 350 человек. В основном это были моряки, женский персонал в те годы составлял явное меньшинство. Поэтому никому из дам скучать не приходилось.

Исключение составляла посудомойка Серафима — незамужняя женщина лет сорока пяти с весьма непривлекательной внешностью. Свободное время она обычно проводила в одиночестве.

Когда лайнер прибыл в австралийский порт Мельбурн, объявили день открытых дверей. Он прошел торжественно — на лайнере побывало много местных жителей. Однако вечером экипаж облетело тревожное известие: исчезла Серафима.

Поначалу моряки шутили, что Серафима — агент иностранной державы и ушла с секретными сведениями.

Большинство же считало: она сошла на берег и попросту заблудилась. Вернется, кому она нужна… Но Серафима не объявилась и к концу второго дня. Тут уж все не на шутку заволновались. Тем более что истекал срок пребывания в порту. Капитан заявил в полицию. Те сутки молчали, а затем заявили, что завтра утром Серафиму доставят на корабль. И действительно, она появилась. Шла, смущенно опустив голову, под руку ее поддерживал пожилой мужчина, который неплохо говорил по-украински. Он сказал, что со вчерашнего дня Серафима — его жена.

Оказывается, этот старичок в годы войны служил у немцев полицаем и, боясь наказания, отступал вместе с немецкими войсками. Судьба забросила его в Австралию, здесь он обзавелся домом, занялся скотоводством, только жениться не сумел — в Австралии это проблема, мужчин значительно больше, чем женщин. В день открытых дверей пришел на лайнер с тайной надеждой найти себе жену. И уговорил Серафиму.

В общем-то, простая житейская история, никакого шпионажа или политики. Однако за «преступление» Серафимы многие понесли суровое наказание, в том числе и капитан, заслуженный, опытный моряк. Мог ли он предвидеть такое? Отвечать же за все пришлось ему.

Эта порочная практика наказаний создавала напряженную атмосферу в коллективах, порождала взаимную подозрительность, недоверие и страх. Боясь ответственности, начальство перестраховывалось, нередко наказывая тех, кто не имел ни малейшего отношения к данному ЧП. Должен признаться, что этим сильно грешили и органы госбезопасности.

Помню, будучи депутатом Верховного Совета РСФСР от Ивановской области, я побывал в специальной интернациональной школе для детей коммунистов зарубежных стран. Школа была известна всему миру, в ней учились дети антифашистов Германии, Италии, Испании и других стран, которые нашли убежище и приют в СССР. Во время беседы с директором я спросил, видели ли ребята Волгу, побывали ли они в прекрасных приволжских городах — на родине Горького и Ленина, в прославленном Сталинграде. Мне было очень досадно услышать, что поездки по Волге закрыты для иностранцев. Какие там иностранцы! Это же дети десяти-пятнадцати лет!

Как я уже сказал, под покровом невероятной секретности нередко проходимцы сводили счеты с честными людьми. Вспоминается в связи с этим еще один случай.

Пассажирский флот СССР терпел ежегодно 10–12 миллионов рублей убытка, но вот он стал давать около полумиллиона

прибыли в инвалюте, когда к руководству объединением, ведавшим коммерческой деятельностью флота, пришел доктор наук В. С. Петухов. Однако контролер Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Печеный, проверявший работу Черноморского пароходства, пришел к выводу, что в валютных потерях черноморцев повинен именно Петухов, до этого руководивший пассажирским управлением пароходства. По указанию КПК, Минфин и Внешторгбанк СССР провели капитальную ревизию и установили: к потерям Петухов не имеет никакого отношения.

Но Печеный не сдавался. По его настоянию в течение нескольких лет шли бесконечные проверки и ревизии, но никаких результатов они не давали — обвинения не подтверждались. Тем не менее при содействии КГБ было вынесено унижавшее Петухова заключение: «Воздержаться от направления Петухова в загранкомандировки».

На заседании КПК, где рассматривалось дело, министр морского флота СССР Т. Б. Гуженко просил членов Комитета при решении вопроса учесть успешную работу Петухова. Но Председатель КПК М. С. Соломенцев грубо оборвал министра, не дав ему договорить.

— Что вы тут нам рассказываете? Петухов… Петухов… Это многотысячный коллектив советских моряков, а не ваш Петухов. Садитесь.

Министр сел. В результате Петухова исключили из партии и сняли с работы.

На этом примере видно, как перестраховка, месть, боязнь не угодить начальству вели к грубейшим нарушениям прав человека, и, если ты попал в немилость, — не миновать беды.

Вся трагедия заключалась в том, что такая практика была распространена. Наши работники, перестраховываясь, часто отказывали в визе дельным, ничем не запятнанным людям, хотя их поездки за рубеж могли принести большую пользу стране. Эта система, которую невозможно было сломать, даже обладая некоторой властью, этот чиновничий произвол, калечащий судьбы людей, порождали неприязнь в обществе ко всем без разбора работникам госбезопасности.

Разумеется, защита секретов необходима. Об этом заботятся спецслужбы всех стран, но, когда так называемая «государственная тайна» наносит прямой вред самому государству, когда на этой почве возникают нежелательные конфликты, стоит подумать: а нет ли в данном конкретном случае желания принимающего решение укрыться за покровом секретности.

Как известно, КГБ приходилось решать вопросы допуска к секретной работе и давать разрешение на выезд за границу — это именовалось специальной проверкой. Она нередко вызывала недовольство, давала основания говорить о «нарушениях прав человека» в Советском Союзе. Подчас она оскорбляла достоинство людей и настраивала их против руководства.

Когда родилась эта система спецпроверки — не знаю. На мой взгляд, она достигла кульминации в послевоенные годы, когда началась работа над ядерным оружием. Естественно, людей, которые допускались к такой деятельности, следовало проверять. Государственные тайны — святое дело.

Беда в другом. Эта государственная тайна распространялась слишком широко. Соответственно расширялись и рамки специальной проверки, усложнялся процесс допуска к секретной работе. Охрана государственных тайн принимала гипертрофированные формы и в конце концов перешла все границы. Проверяли не только тех, кто производил военную продукцию, но даже и официанток в столовой, работавших на предприятии военно-промышленного комплекса, и всех жителей поселка, расположенного рядом, — ведь каждый из них мог знать, что завод изготовляет порох для снарядов или шайбы, возможно, предназначенные для танков, или кабель, который, может быть, используется для оборудования подводной лодки, и, уж конечно, не позавидуешь рабочим того полукустарного производства, которое выпускало изделия для сборки ракет.

Допуск к секретной работе давал определенные преимущества — за секретность платили. И люди, разумеется, стремились устроиться работать на такие предприятия, особенно в так называемые «почтовые ящики». Это были учреждения особого режима, не имевшие обычных наименований. Например, Пензенский завод по производству средств связи назывался «Почтовый ящик № 115», ведь нужен же адрес для переписки.

Таким образом, лишение допуска влекло и определенные материальные потери. Этим часто пользовались недобросовестные люди, спецпроверка открывала простор для доносов, сведения счетов и компрометации честных людей. Какому-нибудь «умельцу» ничего не стоило написать анонимку, а вот для того, чтобы снять обвинение, от человека требовалось немало сил и большое мужество. Не каждый чиновник решался выбросить анонимку в корзину.

На моей памяти был случай: женщина, преподававшая в одном из вузов Москвы, встречалась с разоблаченным впоследствии агентом американских спецслужб Огородником, и, хотя следствие не обнаружило никакой ее вины, выезд за границу

был закрыт, и ей запретили работать в качестве переводчика с иностранными делегациями. В общем, настрадалась она немало и однажды написала письмо в КГБ с просьбой не распространять ограничений на сына. «Сын-то тут при чем!» — подумал я и предложил начальнику контрразведки генералу Маркелову внимательно отнестись к просьбе.

Он принял ее и решил вопрос положительно. А некоторое время спустя она вновь обращается к нам с той же просьбой. Оказывается, наш сотрудник, вопреки данному указанию, все-таки намекнул отделу кадров, который занимался трудоустройством ее сына, что мать оформляемого на работу молодого специалиста не без греха. Конечно, работник поступил нечестно, но он привык к доносам, считал, что действует по инструкции и бдительность в таких делах никогда не бывает лишней.

Порочная система запретов вольно применялась при решении о выезде за границу. И примеров тому не счесть.

Однажды приехал я в родной Донецк. В местном управлении госбезопасности мне с гордостью продемонстрировали новейшую технику, позволявшую накапливать и анализировать информацию. Действительно, техника отличная. Но что они там «накапливали»! Например, с помощью компьютера велся учет связей граждан с иностранцами. Я попросил проверить, нет ли в реестре фамилии одного известного врача. К счастью, ее там не оказалось, но жена врача в реестр попала. Какая же связь с иностранцами ей инкриминировалась? А вот какая: она сидела на бульваре и ожидала супруга, а рядом сел канадский турист. Они посидели молча, потом она дождалась мужа и ушла вместе с ним. Этого оказалось достаточно, чтобы на ней поставили клеймо: связь с иностранцем. А сие означало ограничение в допуске, запрет на выезд за границу и бог весть что еще.

И сколько их было, таких вот «связей»! Контрразведка завалила себя подобными делами, а по существу расходовала силы впустую.

В конце семидесятых годов удалось все же поломать порочную систему. Как же нелегко это было сделать! Приходилось преодолевать сопротивление не только в КГБ, но и ЦК КПСС. Те, кто решал вопросы выезда, цепко держались за систему, специальная комиссия ЦК определяла, кому можно, а кому нельзя разрешить, а базировались решения ЦК на материалах проверки в КГБ, и потому отдельные работники комиссии зачастую ссылались на органы госбезопасности — якобы запрет идет оттуда. Короче говоря, старались свалить на КГБ всю ответственность. Мы же настояли на том, что даем

информацию только о людях, причастных к государственной тайне, что, естественно, вызывало недовольство перестраховщиков — теперь им больше не удавалось при каждом случае прятаться за спину КГБ.

Вообще отказ в разрешении на выезд или в допуске к секретной работе воспринимался каждым человеком очень болезненно, я считаю, такие факты нередко становились причиной того, что люди оставались за границей. А каждый случай эмиграции еще больше нагнетал атмосферу перестраховки. Одним словом — порочный круг.

В комиссии по выездам ЦК КПСС работал В. Ф. Морозов, добрейший и милейший человек. Я с удовольствием вспоминаю наше сотрудничество, когда наперекор стремлениям «запрещать» мы принимали собственное решение и брали ответственность на себя.

Не обходилось, правда, и без разочарований. Долгое время не разрешали выезд одному популярному и талантливому пианисту. Основания были. Однако запрет повлек за собой совсем неожиданные последствия: нашлись перестраховщики, которые стали ограничивать его концертную деятельность в стране. Ему не давали возможности выступать в Москве, не разрешали ездить в республиканские центры, хотя оттуда поступали заявки. Пианисту предлагали давать концерты в небольших провинциальных городах, где иной раз не было сколько-нибудь подходящих залов для выступления. Естественно, это вызывало недовольство и даже озлобление. Талантливого артиста подвергали мучительному унижению.

Мы с Морозовым решили разрубить узел и добились своего: пианисту разрешили поехать на гастроли за рубеж. Он горячо благодарил, дал честное слово не подвести, однако в Союз не вернулся; Горько сознавать, что нас обманули, а страна лишилась таланта. Сейчас этот артист с успехом выступает в лучших концертных залах мира и пресса восторженно пишет о нем. Не исключено, что ажиотаж вокруг его имени постоянно подогревали приверженцы «холодной войны».

Особенно тяжело приходилось тем, на кого поступали доносы из внешней контрразведки. Скажем, кому-то в посольстве пришелся не по вкусу коллега. Он доносит резиденту, будто тот имеет контакты с сомнительными личностями, и с этой минуты человек на подозрении. А если этого сотрудника еще и хорошенько распишут черной краской, то можно не сомневаться, его отзовут и отправят на Родину. И самое нелепое: ни подтвердить, ни опровергнуть донос несчастная жертва фактически не может, как правило, все остается тайной за семью

печатями, и человек так никогда и не узнает, за какие прегрешения наказан.

В конце восьмидесятых годов многое изменилось к лучшему, но от этого ничуть не легче было тем, кому запрещали выезд за рубеж в прежние годы. А ведь начиналось все с благого намерения: как можно надежнее сохранить государственную тайну. Но благое дело, доведенное до абсурда, только калечило судьбы людей.

Эти жестокие уроки заставили нас серьезно задуматься над реорганизацией контрразведывательной работы. Трудно сказать, насколько продуманно она велась, но то, что органы КГБ поворачивались лицом к законности, соблюдению прав человека, не подлежит сомнению. Предполагалось, что сфера деятельности контрразведки внутри страны будет значительно сокращена и сведется к выявлению агентов иностранных спецслужб на территории СССР, контролю за режимом пребывания иностранцев. Что же касается советских людей, то здесь на первое место выдвигалась профилактика — предупредительные меры, которые должны были предотвратить противозаконные действия отдельных граждан.

Однако переход к профилактической работе шел непросто. Случалось, что после профилактических мероприятий нам строго указывали на «опасную недооценку» лиц, нарушивших закон.

Впрочем, предупредительные меры мы применили и раньше. Так, в 1957 году нам стало известно о попытке создания нелегальной организации, в программу которой входило свержение существующего строя. Готовил эту программу сотрудник одного из научных учреждений Москвы. Мы решили оградить его от ложных шагов, провели беседу, и человек правильно нас понял. Спустя много лет, вспоминая этот случай, он благодарил за помощь.

А тогда мы получили резолюцию И. А. Серова, бывшего Председателя КГБ СССР. Он строго требовал бороться с «мягкотелостью», пересмотреть решение и привлечь человека к уголовной ответственности. Нам с большим трудом удалось отстоять свою точку зрения, и не ошиблись, при этом еще и защитили от наказания нашего сотрудника — полковника А. И. Куликова, который вел «дело».

К сожалению, подобные указания вовсе не были исключением. Однако если вспомнить шестидесятые годы, то тогда существовала иная обстановка.

Однажды нашего сотрудника насторожило поведение капитана дальнего плавания, который цинично высказывался по поводу руководства страны и во всеуслышание заявлял, что при

первом удобном случае останется на Западе. Нам сообщили также о его ветре-чах с представителями западных спецслужб в одном из портов. Желая предостеречь этого человека от необдуманного шага, решили поговорить с ним.

Капитан ничего не пытался отрицать, чувствовалось, что он с нами абсолютно откровенен и никаких серьезных намерений изменить Родине у него нет. Он поблагодарил за беседу и пообещал сделать соответствующие выводы. Этот достойный и заслуженный человек впоследствии стал Героем Социалистического Труда и пользовался у товарищей и сослуживцев почетом и уважением. Наши же сотрудники, беседовавшие с ним, получили выговор от начальства: «А что если бы он сбежал за границу после ваших бесед?»

Мне пришлось коснуться этого дела, когда руководство порта приняло решение не выпускать капитана за границу. Сотрудники попросили меня вмешаться, и запрет был отменен.

Каково же было мое удивление, когда несколько лет спустя я услышал от вышестоящих товарищей возмущенные речи по поводу тех, кто оградил капитана от опрометчивого поступка, а впоследствии даже поддержал его. Осудили и меня за вмешательство в это дело — ведь капитан нелестно отзывался о Брежневе!

А вот еще такой случай: под впечатлением венгерских событий 1956 года один студент задумал создать антисоветскую группу и начал подбивать своих сверстников. Это стало известно нашему оперработнику. Он сообщил обо всем мне и предложил ограничиться предупредительной беседой. Так и сделали. А несколько лет спустя я узнал, что парень прекрасно окончил вуз, проявил себя как хороший специалист и достойный человек, а теперь просится на работу в органы КГБ.

Что делать? Надо доложить в Управление кадров, что мы уже сталкивались с этим молодым человеком в его студенческие годы. Но ведь тогда его и близко не подпустят к органам госбезопасности! Я не скрою, мелькнула мыслишка: «На кой черт мне все это!» Но потом взяло верх другое соображение: «Вот так проявишь один раз недоверие и изуродуешь человеку всю жизнь, сломаешь парня навсегда».

Мы еще раз пересмотрели материалы того, давнего, дела — сроки их хранения кончались. Решили подождать немного, а затем уничтожили дело. Зато приобрели способного сотрудника.

Прошло много лет, и никто не пожалел о принятом решении. Конечно, в подобных случаях всегда есть риск, но если решился, то надо проявить твердость и довести дело до конца.

Здесь уместно добрым словом помянуть сотрудницу 5-го

Управления полковника Елену Борисовну Козельцеву. Она обладала большим даром понимать людей и верить им, умела находить самые невероятные способы спасения человеческих судеб.

Люди, далекие от нашей работы, могут подумать, что такие профилактические мероприятия — безобидные беседы, участники которых просто упражняются в словесной состязательности, но это далеко не так. В одном из отделов управления расследовалось дело преступной группы, стоявшей на позициях терроризма. Они не только говорили о терроре, но и готовили акции. Одним из организаторов группы оказался бывший командир полка Советской армии — боевой офицер, который, безусловно, знал толк в оружии.

Короче говоря, на наших глазах готовилось преступление. И все же мы решили предупредить противозаконную акцию, но так, чтобы не погубить этого, в общем-то, достойного человека. В то время я по каким-то делам направлялся в Ставропольский край, где жил бывший командир полка. Решил, не откладывая, встретиться с ним, без предварительной проверки, что, в общем, было даже к лучшему.

Командир (назовем его Федотовым) находился в станице Воронцово-Александровская.

Я переночевал в гостинице Пятигорска, а утром вместе с заместителем начальника краевого управления КГБ Ю. В. Поповым направился на встречу с Фе-лотовым, о которой его предупредили через местную милицию.

Было прекрасное весеннее утро. После московской промозглой слякоти Ставрополье ранней весной — просто рай. При въезде в Воронцово-Александровское Попов предложил зайти в кафе и выпить чаю, благо до встречи оставался еще час. Я отказался, не до чая тогда было — мысленно прокручивал различные варианты предстоящего разговора.

А разговор и в самом деле оказался нелегким — ведь пришлось беседовать с террористом об акции, которую готовила его группа… Только потом я понял, что уроки беспечности — это тоже уроки. Поначалу наш диалог никак не складывался. Федотов ведь не подозревал, что мы решили отвести от него беду, и был насторожен. Не знаю, какие доводы его убедили, но только в конце концов он признал вину и попросил лишь не требовать выдачи соучастников. Заверил, что труппа будет распущена и ее деятельность прекращена.

Договорились на том, что он подтвердит все это письменно и направит документ в местное УКГБ.

Мы уже заканчивали беседу и стали прощаться, когда

Федотов вдруг спросил:

— А как быть с пистолетом? Поскольку я привожу зарплату рабочим треста в предгорьях Эльбруса, мне выдали пистолет Макарова. Он у меня с собой.

Федотов вынул его из кармана и положил на стол. Попов побледнел, а я, изображая спокойствие, взглянув на оружие, сказал:

— Мы договорились о самом главном, а это уже детали. Изъятие оружия потребует огласки, и нас могут неправильно понять. Так что забирайте свой пистолет и работайте спокойно.

Федотов сразу сник, положил пистолет обратно в карман и заплакал.

Позже он признался, что все время, пока мы разговаривали, этот пистолет не давал ему покоя, и в какой-то момент он готов был его применить…

Наша неосмотрительность сыграла в данном случае благую роль, но мы с Поповым лишний раз убедились, что профилактическая работа — дело отнюдь не безопасное.

По пути в Пятигорск снова остановились возле кафе. Вот теперь, когда напряжение спало, можно было подкрепиться и даже пропустить рюмочку.

Мы видели, что профилактическая работа не бесполезна: она ограждает общество от опасных преступлений и в то же время оберегает людей от опрометчивых шагов, способных привести к большим бедам. Казалось, профилактика должна стать главным методом в нашей работе, ведь она позволяет, не применяя репрессивных мер, предупреждать противоправные действия.

Не стану отрицать, что предупредительные меры не всегда давали положительные результаты. Как-то раз в приемную КГБ пригласили для беседы студента одного из вузов Москвы, фамилия его, кажется, была Крысанов. Беседовавший с ним начальник отдела Топтыгин быстро убедил студента. Тот сразу понял, на какие неразумные поступки решился, горячо поблагодарил за доброе отношение и твердо пообещал покончить с прежними замыслами. А через два дня он уже был в Швеции, о чем мы узнали из сообщений зарубежного радио. Конечно, одному ему не удалось бы достичь Стокгольма. Помогли спецслужбы. Но какие? С кем он был связан?

Короче, мы поняли, что надо действовать более осмотрительно. Нельзя определить после одной-двух бесед, насколько искренне человек раскаялся и действительно ли он покончил со своими заблуждениями.

Однако, несмотря на все сложности, было ясно, что сразу применять репрессивные меры к потенциальному нарушителю

закона, как того хотели многие сотрудники нашего ведомства, — не тот путь, по которому следует идти.

И вместе с тем решиться на откровенный разговор с таким человеком — значит взять немалую ответственность. Один правильно воспримет добрый совет, а другой лишь сделает вид, будто понял, использует беседу как предупреждение и станет действовать более осторожно. А третий и вовсе примет беседу как сигнал к бегству.

И все же практика показала, что подавлявшее большинство подобных встреч дает положительные результаты. Однако перестраховщики по-прежнему упорствовали и не желали рисковать. «А если сбежит?» «А если взорвет?» Опровергать эти доводы было непросто, а они приводили еще и другие аргументы в защиту репрессивной политики. «Вы хотите быть святее папы римского? — говорили нам. — Посмотрите, какие репрессии применяют к коммунистам в других странах: в шестидесятые годы судили руководителя французской компартии Жака Дюкло, судили за коммунистические убеждения, иначе говоря — за инакомыслие. За то же самое посадили на скамью подсудимых и руководителей компартий США во главе с Юджином Деннисом. А судьба главы Итальянской компартии Пальмиро Тольятти? В борьбе с инакомыслием на Западе ни перед чем не останавливаются, достаточно вспомнить убийство Патриса Лумумбы и Мартина Лютера Кинга. Та же причина лежит в основе действий американских властей, которые запретили Чарли Чаплину возвратиться в Соединенные Штаты, где он прожил большую часть жизни.

И все же я считал; противозаконные действия властей в других странах не могли служить оправданием для нарушения законов в Советском Союзе. Нам возражали: «Вы печетесь о соблюдении законов, вот и выполняйте их. По нашим законам (таким же, как и в других странах) люди, ведущие борьбу против государственного строя, должны привлекаться к ответственности. Вот это и есть главная функция органов государственной безопасности, а не перевоспитание враждебных элементов».

Формально все правильно: КГБ — орган карательный, а не воспитательный, тем не менее мы старались, когда это было возможно, применять профилактические меры.

АГЕНТЫ ЦРУ НА ЛУБЯНКЕ

В «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ», как и во всякой другой, были успехи и поражения, неудачи и просчеты, приводившие иной раз к необратимым последствиям. Любые спецслужбы нелегко переживают удары противника, немало таких ударов пришлось перенести и КГБ. Особенно болезненно воспринимались измены сотрудников аппарата, тех, с кем целый день проводишь вместе, кого и в лифте встречаешь и на совещаниях, с кем постоянно связан ведением общих дел.

Сотруднику центрального аппарата КГБ майору Шеймову по делам службы никогда и никуда не надо было отлучаться, весь рабочий день, нередко затягивавшийся до глубокой ночи, он проводил в своей комнате, куда попасть было непросто; он запирался и открывал дверь не на всякий стук, а если отлучался на обед или, скажем, шел к начальству, непременно поворачивал рычажки своего замка, снабженного шифром, и еще разок дергал за ручку двери, проверяя, хорошо ли она заперта.

Так было, когда Шеймов работал в Польше, такой же режим соблюдал в период работы в нескольких африканских странах, этот порядок поддерживал и по возвращении в Москву. И ничего удивительного в том не было, профессия у него такая — шифровальщик.

Однажды Шеймов не явился на службу, все решили, что заболел, ибо его знали как человека дисциплинированного, исполнительного, для которого долг прежде всего.

Не явился он и на следующий день, дома на телефонные звонки никто не отвечал. Коллеги забеспокоились, поехали к Шеймову на квартиру. Но и здесь не обнаружили никаких признаков жизни. Ничего не могли сказать и соседи. При помощи работников домоуправления сотрудники вошли в квартиру. Никого. В комнатах не то чтобы идеальный порядок, но вроде бы все на месте.

Зашли к родителям Шеймова. Оказалось, они тоже ничего не знают. Работники органов госбезопасности встревожились еще больше, заметив, как странно повели себя старики. Казалось бы, они должны были забеспокоиться: ни на работе, ни дома нет сына, любимой внучки и снохи. А родители Шеймова лишь удивленно пожимали плечами, мол, понятия не имеем, куда они могли подеваться.

К великому нашему стыду, вскоре было установлено: ни в Москве, ни в стране Шеймова и его семьи нет. Выехали. Сами они, конечно, этого сделать не смогли бы. Всех троих вывезли,

очевидно, с их согласия. Сомнений у сотрудников органов госбезопасности почти не оставалось, но все-таки в предательство верилось с трудом.

Провели тщательное расследование. И снова нас ждал удар.

Обычно, когда агент иностранной разведки покидает страну пребывания и возвращается на родину, некоторое время, и иной раз довольно долго, он не выходит на связь со спецслужбой, ибо за ним может вестись наблюдение. Начинать работу он имеет право лишь после того, как получит сигнал от «хозяев». Этот сигнал Шеймову был дан — ему послали письмо. Конечно, не на его имя и адрес, и написано оно было не открытым текстом. Но сомнений не оставалось: Шеймов не первый день работает на противника.

Это был тяжелый провал, ведь Шеймов шифровальщик, и с его помощью в руки противника попали шифры, а значит, все, что передавали наши агенты, западные спецслужбы перехватывали и расшифровывали. Неизвестно, сколько времени это продолжалось.

Можно представить, что мы испытали! Прежде всего это было чувство страшного унижения — ведь обвели вокруг пальца, и еще, конечно, у каждого кипела злость от сознания собственной беспомощности и бессилия.

Итак, Шеймова с женой и дочерью вывезли. Каким образом? Контрразведка на этот вопрос ответить не могла, да, по-видимому, не очень и стремилась. Трудно признавать свои провалы!

Ведь подвергали тщательной проверке малейшие сигналы о возможности связи любого человека с иностранными спецслужбами, а тут свой сотрудник… Все доказательства следствия в деле Шеймова принимались в штыки, выдумывались всевозможные оправдательные версии, даже руководители, убежденные в провале подчиненных, старались скрыть некоторые детали и, разумеется, не делали из случившегося должных выводов.

Многие наши беды, как я уже писал, происходили от нежелания глубоко анализировать причины тех или иных явлений, тормозящих развитие государства и ведущих к пагубным последствиям. Порок этот не миновал и органы госбезопасности. Кто знает, если бы из случая с Шеймовым были сделаны необходимые выводы, может быть, не удалось бы у всех на глазах бежать из страны другому «борцу за освобождение СССР» — Гордиевскому.

Взаимопроникновение в систему иностранных разведок — естественный процесс, мы внедрялись в спецслужбы западных

стран, они — в наши. Но возможность проникновения противника в наши спецслужбы, к сожалению, недооценивалась — как в службах разведки, так и контрразведки. Перебежчики бывают, такое у нас случается, но чтобы агент ЦРУ работал рядом с тобой, за соседним столом на Лубянке, такое и представить себе невозможно. Занимаясь внедрением в иностранные спецслужбы, мы даже мысли не допускали, что западный агент может внедриться к нам. Даже зная о каких-то настораживающих деталях, органы безопасности допускали беспечность. В КГБ на всех уровнях не желали серьезно думать, что такое может случиться.

Когда наш сотрудник оставался на Западе, дело конечно, тщательно расследовалось, виновных в упущении наказывали. Может быть, именно боязнь такого наказания и сковывала действия сотрудников, не стремившихся обнаружить и разоблачить агентов, внедрившихся к нам. Правда, таких было немного.

Разоблачение нескольких сотрудников КГБ, работавших на противника, таких, как Полищук, Моторин. Вареник, Южин, — воспринималось как невероятное ЧП. Но это в разведке. Контрразведка жила спокойно. И вдруг, словно гром среди ясного неба: наш майор — агент ЦРУ! Заместитель начальника отделения Московского управления КГБ Воронцов был пойман с поличным при передаче секретных данных сотруднику ЦРУ, работавшему в Москве под крышей посольства США. С разрешения следователя я в качестве одного из руководителей КГБ беседовал с Воронцовым после его задержания.

Он рассказал историю своего падения. По его словам, никто его не вербовал, и до определенного часа он не имел никаких связей с ЦРУ. Решил перебежать к противнику сам. Опытный разведчик, он знал, как избежать слежки, установить контакты. Воронцов бросил в машину сотрудника американского посольства письмо, в котором предлагал свои услуги. Ответа не последовало. Это не обескуражило Воронцова, из собственной практики он хорошо знал, что не каждый тут же схватит приманку, которую ему бросают. Через некоторое время он положил в посольскую машину второе письмо. Контакт с ним американцы установили после третьей попытки. Убедились, что этот человек может быть полезен, ибо пришел он, конечно, не с пустыми руками, и согласились принять его услуги за 30 000 долларов — тридцать сребреников!

Мы отлично знали всех сотрудников американской резидентуры в Москве, знали и «чистых» дипломатов, которые нас не интересовали. За действиями резидентов внимательно

следили, о чем они, безусловно, прекрасно знали. Мимо наших глаз не прошел ни один их контакт, ни один Маршрут, и для этого не требовалось даже постоянной слежки и специального наружного наблюдения — мы знали своих «коллег» в лицо. Ни пересаживания с одной машины на другую, ни смена такси на автобус или метро ничего не меняли. Американские агенты, как правило, являются профессионалами высокого класса. Они, безусловно, чувствовали нашу опеку, просто и мысли не допускали, что ее может не быть, и на сей раз придумали забавную штуку.

«Чистого» дипломата Джона по росту и телосложению не отличишь от резидента Брауна. Браун надевает искусно сделанную резиновую маску, имитирующую лицо Джона, и преспокойно отправляется куда нужно. Он уверен, что Джон нам неинтересен и никто не станет за ним следить. Распознать эту маску было невозможно даже на близком расстоянии, а уж если человек в машине — пусть она даже медленно выезжает из ворот посольства, — тут и вовсе не о чем беспокоиться.

Однако нам довольно быстро удалось разгадать «иллюзион». Он помогал держать в поле зрения именно тех агентов, которые могли нанести наибольший вред. А американские разведчики, гордые своей изобретательностью, продолжали думать, будто дурачат нас.

Этот метод был описан в «Информационном бюллетене» контрразведки, посвященном практическим приемам, способам и тактике борьбы против агентуры западных спецслужб. Воронцов передал бюллетень американцам. Сотрудник ЦРУ, задержанный во время встречи с Воронцовым, был не в маске, а в парике, с наклеенными усами.

Воронцов передал противнику важные секретные данные, выдал товарищей по работе и людей, сотрудничавших с органами госбезопасности, раскрыл методы работы контрразведки, следившей за сотрудниками ЦРУ в Москве.

Меня поразила откровенность, с какой Воронцов рассказывал о своем предательстве. Было ощущение, что этого человека не мучила совесть. Не похож он был и на убежденного противника. Просто хотел заработать побольше денег и все скулил, как его, беднягу, обидело начальство. Верно, его и в самом деле обидели, когда обнаружили, что тратит казенные деньги на личные нужды.

Суммы были мелкие, его пристыдили и понизили в должности. Вот и отомстил: перешел на службу к американцам.

А ведь сослуживцы Воронцова видели многое, видели, что живет не по карману, роскошествует, охотно дает взаймы деньги, хотя до недавнего времени сам из долгов не вылезал…

Воронцов вызывал брезгливое чувство, он всячески заискивал, старался вызвать сочувствие, тяжело было смотреть на молодого человека, которого сгубила жажда наживы.

Да, это были наши поражения, означавшие проигрыш в «холодной войне». Мы не решались сказать о промахах народу и таким образом потеряли право говорить об ошибках других. Однако сам факт разоблачения шпионов делал честь нашей внешней контрразведке, во главе которой стояли такие честные и высокопрофессиональные специалисты, как Анатолий Киреев и Леонид Никитенко.

Надо отдать должное и начальнику разведки В. А. Крючкову, который не боялся уронить престиж своего подразделения, не скрывал наличия у нас агентов, работавших на спецслужбы Запада, и подвергал тщательному анализу все случаи их разоблачения.

КАК УТВЕРЖДАЛАСЬ НЕПРАВДИВОСТЬ

И в ПРЕЖНИЕ ГОДЫ, и в нынешние времена очень много пишут, а еще больше говорят о зловещей роли КГБ в жизни общества, о различных преступлениях и нарушениях закона, в которых якобы повинны органы безопасности. Рассказы о деятельности КГБ обрастают подчас самыми невероятными подробностями и свидетельствами «очевидцев», которые склонны во всех негативных явлениях и фактах нашей жизни видеть его руку.

Мне хотелось бы внести некоторую ясность и отделить зерна от плевел: истину — от досужих вымыслов. Приведу несколько сюжетов, из которых станет ясно, насколько несправедливой бывает людская молва и сколь далеки от реальности фантазии мнимых «свидетелей».

Довольно обыденные истории в устах людей, которые во всем готовы видеть политическую подоплеку, приобретают иной раз настолько далекое от истины толкование, что просто диву даешься, как рождаются такие нелепые слухи.

Семен Цвигун стал заметен в «высоких» кругах благодаря личным отношениям с Брежневым. Человек по-своему незаурядный, в годы войны он не был на фронте, а из Сталинграда еще до начала боев за легендарный город был отозван из военной контрразведки в тыл, в Оренбургскую (тогда Чкаловскую) область. В последующие годы работал в Москве, затем в Молдавии, где и подружился с Брежневым. Среди профессиональных чекистов Цвигун отнюдь не слыл авторитетом.

Помню, как его назначили по рекомендации В. Е. Семичастного на пост председателя КГБ Азербайджана. Цвигун зашел ко мне и с гордостью объявил: «Он предлагает мне свою республику!» (До прихода в КГБ Семичастный был вторым секретарем компартии Азербайджана). Когда же Цвигун занял пост первого заместителя председателя КГБ Ю. В. Андронова, Семичастный стал его злейшим врагом.

В годы работы в КГБ Цвигун написал и издал несколько книг и сценариев о жизни партизан, тем самым произведя себя в число героев партизанского движения. Именно в таком виде его биография вошла во все советские энциклопедии.

Не стал бы писать об этом, если бы легенда о Цвигуне как о прославленном борце за справедливость не начала гулять по страницам печати. Его уход из жизни также оброс мифическими

подробностями.

Наиболее распространенная версия: причиной самоубийства Цвигуна явилась ссора с М. А. Сусловым, который не разделял его точку зрения на борьбу с коррупцией, а Цвигун якобы стоял на своем. Понимая, что силы неравны и Суслова ему не одолеть, Цвигун, как человек принципиальный, не нашел иного выхода, как покончить с собой.

Конечно, версия благородная, но совершенно не соответствует действительности. Цвигун не относился к числу тех принципиалов, которые способны проявить характер и идти до конца в споре с начальством. Напротив, он никогда не вступал в полемику и старался обходить острые углы. Основная причина его поступка заключалась в том, что Цвигун был тяжело болен и в последние месяцы практически не работал: раковая опухоль безжалостно расправлялась с этим могучим человеком. Он долго боролся с недугом, а когда стало совсем невмочь, решил добровольно уйти из жизни.

Разговор о том, почему Брежнев не подписал некролог, — это сказки. Брежнев был потрясен смертью Цвигуна, но не решился поставить подпись под некрологом самоубийцы.

Много кривотолков ходило и по поводу предсмертного письма в ЦК секретаря Союза писателей СССР А. А. Фадеева. Было известно, что перед смертью Фадеев написал письмо, которое сейчас опубликовано. А сколько противоречивых «свидетельств», сколько невероятных домыслов наслоилось вокруг этого самоубийства! В печати появились публикации многих «свидетелей» самых разных деталей, связанных со смертью выдающегося писателя.

Я был в числе первых, кто оказался на месте происшедшего. Письмо Фадеева нашли на столе незапечатанным. Александр Александрович лежал на кушетке, верхняя одежда аккуратно сложена на стуле. По всему было видно, что он заранее все обдумал и подготовился. Среди прибывших на расследование были генерал Маляров, занимавший должность начальника следственного управления КГБ, и его заместитель полковник Козырев, опытный следователь.

Шло обычное составление протокола. Маляров потянулся к письму, собираясь прочесть его, но Козырев остановил генерала:

— А надо ли, Михаил Петрович?

— Письмо ведь адресовано в ЦК, — поддержал его я. Свидетельствую: никто не читал письма, пока оно не дошло до адресата. Пусть не выдумывают «очевидцы». В ЦК познакомили с ним А. А. Суркова, М. А. Шолохова, К. М. Симонова, А. Т. Твардовского и, по-моему, К. А. Федина. Об этом рассказал мне

Сурков, намеревавшийся и меня посвятить в содержание письма. Я возразил:

— Алексей Александрович, вы дали слово в ЦК не говорить о том, что написал Фадеев. Если сейчас расскажете мне, что там написано, вы нарушите слово и потом, как честный человек, будете переживать. Я же приучил себя к тому, что не предназначенная мне информация не должна меня интересовать.

Разговор происходил в кабинете Суркова в Доме Союза писателей СССР на улице Воровского. Алексей Александрович встал, подошел к шкафу и вернулся с бутылкой грузинского вина. Открыл ее, наполнил стаканы и со словами: «Научил старика!» — предложил выпить.

Этот случай, может быть, и не стоило бы описывать, но ведь истина нередко познается через малое.

Я прочитал, как один автор описывает посещение кабинета Андропова. Он, видите ли, с трепетом входил в кабинет, где когда-то сидел Дзержинский. Но ведь в здании, где находился Комитет госбезопасности при Андропове, Дзержинский никогда не работал!

Все эти выдуманные детали, разумеется, несущественны, никакого вреда они не приносят и вызывают улыбку у людей знающих, но существует ложная информация и посерьезнее, она порождает слухи, которые будоражат умы и определенным образом воздействуют на общественное сознание.

О том, как КГБ использовал психиатрические больницы для изоляции «неугодных лиц», много написано и сказано и у нас, и за рубежом. Приводятся фамилии пострадавших. Эта версия обрела до такой степени стойкий характер, что, даже решительно отвергая ее, не надеюсь разрушить стену лжи, воздвигавшуюся годами, и думаю, что только вызову огонь на себя. Однако обойти молчанием эту тему не могу, ибо замалчивать ее — значит подтвердить лживую версию, уже принесшую немало вреда.

Согласно издавна сложившейся и, на мой взгляд, разумной практике, лица, привлекавшиеся к уголовной ответственности за особо опасные преступления, обязательно подвергались судебно-медицинской экспертизе. Без заключения такого рода суд не принимал дела к производству.

Поскольку статья 70 Уголовного кодекса РСФСР относилась к особо опасным преступлениям, все лица, привлекавшиеся к суду по этой статье, проходили судебно-медицинскую экспертизу. Тот, кто признавался больным, на основании решения суда освобождался от уголовной ответственности и направлялся, согласно тому же судебному решению, на принудительное лечение в психиатрическую больницу, находившуюся в

подчинении МВД СССР.

КГБ не вмешивался в эти медицинские заключения, и я никогда не считал их тенденциозными. Зачем это медикам? К тому же во главе советской психиатрии стоял ученый с мировым именем, академик А. В. Снежневский, который пользовался авторитетом не только у нас, но и далеко за пределами страны.

Публикации об уголовных делах с акцентом на то, что привлекаемые к ответственности, как правило, больные люди, насколько мне помнится, начала «Литературная газета». Так хотелось утвердить общественное мнение в том, что лица, именовавшиеся правозащитниками, чуть ли не все — душевнобольные.

Действительно, в то время несколько человек, привлекавшихся по статье 70 УК СССР, на основании решения судов были направлены на излечение в психиатрические больницы. За этих-то душевнобольных и взялись журналисты! Совсем нетрудно было доказать, что эти люди действительно больны, но из этого никак не следовало, будто они все душевнобольные, как утверждала газета. Ну, а вслед за этим начался настоящий шабаш: вот кто является врагами строя — несчастные больные люди!

Непродуманное выступление газеты положило начало кампании, развернутой против СССР на Западе.

Началась газетная шумиха. Развернулись целые баталии вокруг ряда граждан, как уверяли журналисты, вполне здоровых, но насильно заключенных в «психушки» по указанию органов госбезопасности. Я и раньше считал вредным, когда болезнь человека делают предметом публичного обсуждения, потому и сегодня не хочу называть фамилии людей, находившихся на излечении в психиатрических больницах.

Особенно показателен случай, хорошо известный и у нас, и за рубежом.

Героем многих очерков того времени был генерал-майор Григоренко — о нем писали в советской печати, защищали на Западе. Он стал почти символом правозащитного движения.

Генерал-майор Григоренко, преподаватель одной из военных академий, после XX съезда КПСС и разоблачения культа личности Сталина выступил с критикой Политбюро, позволив крайне негативные оценки деятельности руководства партии. Его выступления были подвергнуты сокрушительному разгрому, и генерала отправили в Хабаровск для продолжения службы.

Вот так, в частности, проявлялась непоследовательность, которая постоянно сопровождала проведение в жизнь решений XX съезда. Разоблачили, и что дальше? Руководство партии заняло

позицию пассивного наблюдателя. Разоблачать культ личности Сталина, изымать его книги и портреты очень просто, но какую линию вести в отношении генерала Григоренко, который честно, но явно с экстремистских позиций выступил против культа? Ссылка в Хабаровск — вовсе не решение вопроса.

А Григоренко, теперь уже изрядно травмированный, продолжал «разоблачения», его, что называется, «понесло». Он привлек сына к изготовлению листовок, порочащих государственный строй, и оба занялись их распространением.

За противозаконные акции военная контрразведка привлекла генерала к уголовной ответственности.

Однако медицинская экспертиза дала заключение о его психической неполноценности.

Григоренко освободили от наказания, но звания генерала, которого он был лишен, суд не восстановил, и ему не назначили соответствующей пенсии. Все это подтолкнуло Петра Григоренко к дальнейшему конфликту с властями.

Я столкнулся с Григоренко, когда он был уже уволен из армии и занялся организацией антиобщественных акций. Хотелось остановить такое развитие событий.

Как начальник 5-го Управления, обратился к заместителю Председателя КГБ Циневу, ведавшему военной контрразведкой: нужно поставить вопрос о восстановлении генеральского звания Григоренко и назначении ему военной пенсии. Однако Цинев меня не поддержал и сослался на министра обороны СССР маршала Р. Я. Малиновского. У меня зародилось сомнение: может быть, Циневу просто неловко поднимать этот вопрос перед Малиновским, так как на лишении Григоренко генеральского звания скорее всего настаивал именно он, Цинев… Он «разоблачил врага», а теперь нужно поправлять свой промах. Однако это было совсем не в его характере: Цинев, в общем-то человек довольно решительный, в каких-то случаях бывал трусоват.

И вот еще такой примечательный факт: в конце семидесятых или в начале восьмидесятых годов в Москве проходил Международный симпозиум по шизофрении. Конечно же, вокруг симпозиума нагнеталась истерия: «В СССР используют психиатрическую науку в борьбе с инакомыслием!» Академик А. В. Снежневский, человек высокообразованный и далекий от политики, бесхитростный интеллигент, подвергся яростным нападкам. Некоторые участники симпозиума потребовали, чтобы их допустили в лечебницы для осмотра больных. Те, кто особенно активно этого добивался, явно рассчитывали, что власти допуска не дадут, и всячески подогревали страсти. И вдруг допуск

разрешили. Сразу уменьшилось число желающих посетить больных.

Но кое-кто все же решил посмотреть на Григоренко, который в то время находился на излечении в «Белых Столбах» под Москвой. Когда посетителей провели к Григоренко, они увидели, что тот сидит перед выключенным телевизором и активно «реагирует» на только ему видимые события на экране. Впоследствии фоторепортаж об этом посещении больницы был опубликован в журнале «Штерн».

В числе посетивших больницу в «Белых Столбах» были участники Международного симпозиума; его ответственный секретарь Ли и швед Перрес, подвергшийся за это критике в печати.

Случай с Григоренко — далеко не единственный. Явно в нарушение медицинской этики в печати постоянно склонялись фамилии людей якобы здоровых, но упрятанных в «психушки» по воле КГБ. Когда некоторые из них оказались на Западе, они и там попадали в соответствующие больницы. Таких «незаслуженно обиженных пациентов» можно было встретить в лечебницах Франции, Великобритании, Израиля, США и других стран. Зачинщики кампании вокруг «психушек» о своем конфузе читателей, конечно, не известили. Предпочли промолчать, ведь к ответу за клевету у нас, как известно, никто не привлекался. К сожалению, легенды о «психушках» поныне в ходу.

Не раз приходилось слышать; КГБ занимается политическим сыском и прослушивает телефонные переговоры не только в частных квартирах, но и в служебных помещениях, вплоть до ЦК КПСС и других высоких государственных учреждений. Странно, что об этом говорят лица, занимавшие высокие посты в Советском государстве и даже стоявшие во главе его. Опровергать досужие домыслы очень сложно, ибо в последнее время стали появляться лихие «свидетели» из спецслужб.

Прослушивание телефонных переговоров существует в практике всех спецслужб, но оно строго регламентировано, есть четкие ограничения: в каких случаях допускаются подобные методы, и совсем непросто получить на это разрешение.

Мне хотелось бы все-таки уточнить, как обстояло дело в действительности. Во-первых, никакого массового подслушивания и прослушивания в нашей стране не осуществлялось, во многих областных центрах даже и служб таких нет. Во-вторых, решением партийных и государственных органов, оформленным приказами по КГБ СССР, запрещалось использование такого рода средств в отношении партийных и советских руководителей всех уровней, выборных комсомольских и профсоюзных работников, начиная с

районного звена, членов коллегий министерств и ведомств, сотрудников партийной и комсомольской печати, народных депутатов всех уровней. Никто не имел права нарушить эти приказы. Я пишу это для ясности, а не в качестве оправдания.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ГЛАСНОСТЬ

ПОСЛЕ XX СЪЕЗДА многое стало меняться в работе органов госбезопасности, появилась потребность широкого общения с людьми, и это привело наших работников в массовые аудитории. Они выступали в самых разных коллективах, рассказывали о задачах, которые ставит перед собой комитет. Целью этих мероприятий было одно: деятельность органов госбезопасности должна быть понятна людям.

В декабре 1956 года состоялось одно из первых моих публичных выступлений. Помню, с каким волнением вошел в переполненный зал Всесоюзного государственного института кинематографии. В тот год бушевали страсти вокруг венгерских событий, в центре внимания сограждан было разоблачение Сталинских репрессий, прозвучавшее на XX съезде КПСС.

Вот и на этом собрании разгорелась жаркая дискуссия. Помню студентку Ларису Шепитько, ставшую известным кинорежиссером. Она дерзко и остро подкалывала меня, но обиды у меня на нее не было. Встреча с молодыми кинематографистами продолжалась четыре часа, и расстались мы, в общем, по-хорошему. А потом было еще множество подобных встреч. Как-то после выступления в Доме литераторов ко мне подошел известный писатель Лев Кассиль и сказал:

— Вы так откровенно говорили о нашей жизни, что мне показалось, будто я сижу в узком кругу приятелей. А мы-то считали эти темы запретными.

Говорили тогда о многом; о том, что пора положить конец лжи и двуличию и в тех кругах, где формируется государственная политика, и в писательской среде, о том, что необходимо более ответственно подходить к разного рода сенсациям, нередко наносящим вред обществу, говорили и о реакции на всевозможные международные конфликты, о борьбе с шовинизмом и антисемитизмом, о взяточничестве и многом другом. Конечно, шла речь и о провокациях западных спецслужб — «холодная война» была в разгаре.

Я не раз выступал в зале Политехнического музея по приглашению общества «Знание», выступал и на конференциях журналистов перед главными редакторами республиканских, краевых и областных газет, дважды довелось держать слово перед учеными Академии наук СССР. Но особенно любил студенческую аудиторию. Помню интереснейшие встречи со студентами Московского государственного университета, Высшего технического училища имени Баумана, Консерватории, училища

при Большом театре, Института иностранных языков. Института международных отношений и т. д.

Во время встреч всегда старался найти контакт с аудиторией, говорить правду, какой бы она ни была — приятной или горькой, — и никогда не уходил от острых вопросов.

Для меня самого эти выступления были своего рода стимулом и одновременно проверкой: насколько наш труд нужен людям. До сих пор у меня в ушах звучит голос женщины-рыбачки из поселка Тиличики на Камчатке, где я выступал в районном клубе: «Вы, в Москве, зорче глядите, как бы всякие там людишки нашу жизнь не поломали!»

Глядели, дорогая моя. Но, как говорил у Гоголя Тарас Бульба: «сила одолела силу». Нашу силу разъела ржавчина закостенелости и самолюбования.

* * *

На XXII съезде партии была принята программа, рассчитанная на далекую перспективу. Она была нереальна изначально и в результате породила недоверие к властям. Когда стало окончательно ясно, что программа не будет выполнена, это существенно подорвало авторитет партии: народ не любит болтунов.

Не одно десятилетие людей приучали верить всему, о чем пишут в газетах или передают по радио и телевидению. В те годы все средства массовой информации любое явление оценивали с совершенно одинаковых позиций: либо восхваляли, либо так же дружно поносили.

Такое положение, несомненно, лило воду на мельницу идеологического противника, ибо все прекрасно понимали, что тогда у нас была видимость правды, а наше шумно пропагандируемое единодушие — кажущееся. Вот почему многие с сомнением относились к официальной информации, а то и просто не верили ей.

Большой вред нанес нашей стране и неумелый подход к интеллигенции, попытки руководства ЦК партии вмешиваться в творческий процесс, вопросы литературы и искусства, в которых партийные руководители чаше всего плохо разбирались.

В шестидесятые годы, например, пришлось выслушать немало упреков по поводу того, что русские писатели, в силу разных обстоятельств оказавшиеся за рубежом, находились фактически в СССР под запретом, их попросту не издавали. И конечно, западные спецслужбы и центры эмиграции старались

использовать это обстоятельство, зарабатывая себе на наших просчетах политический капитал.

Вокруг каждого «запрещенного» имени поднимался великий шум. Но справедливости ради следует отметить, что была и искренняя боль за нашу культуру, которая понесла в результате таких запретов немалые потери.

Это хорошо понимала определенная часть Интеллигенции, понимали в отделах культуры и пропаганды ЦК КПСС, в других его структурах, но сделать ничего не могли — руководители партии стояли на иных позициях, в результате для широкого читателя оказался закрытым целый пласт русской литературы, оставались незнакомы имена многих талантливых представителей «русского зарубежья», таких как Владимир Набоков, Борис Зайцев, Евгений Замятин и других.

К слову сказать, в докладе на Политбюро Ю. В. Андропов поднимал и этот вопрос, но в ответ было сказано, что подобные проблемы не относятся к компетенции органов госбезопасности. Мы же прекрасно понимали: рано или поздно придется всем этим заниматься, ибо чем больше становилось запретов, тем острее реагировала на них интеллигенция, и, безусловно, найдутся в конце концов охотники преступить закон. Тогда без нашего вмешательства не обойтись.

Не лучше ли было принять определенные профилактические меры, хотя в конечном счете это действительно не наша компетенция. Мы внимательно изучили список «забытых» писательских имен и убедились: разговоры о том, будто их произведения действуют на нашего читателя «разлагающе» и «угрожают строю», — чепуха, а эти произведения значительны вкладом в отечественную культуру.

Мы направили в ЦК КПСС служебную записку, в которой, на мой взгляд, убедительно доказывали, необходимость издания ряда произведений писателей-эмигрантов, а также таких «запрещенных» авторов, как Игорь Северянин, Осип Мандельштам, Бруно Ясенский, Павел Васильев и других.

Видимо, первый, к кому попала записка, был секретарь ЦК КПСС по идеологии П. Н. Демичев. От нашего предложения он был явно не в восторге. Критически, но серьезно отнеслись к нему в аппарате ЦК КПСС. Работники отдела культуры, как и мы, понимали необходимость решения поднятого вопроса. С большими трудностями и далеко не сразу произведения «запрещенных» авторов начали выходить. Не удалось «пробить» только книгу Николая Гумилева, почему — я до сих пор не могу объяснить. А издать ее очень хотелось, и не только нам. Ратовал за это первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. М.

Марков, буквально во все двери билась редактор ежегодника «День поэзии» Лариса Васильева, доказывая целесообразность включения стихов Гумилева в очередной сборник, но ничего не вышло: опубликовали Гумилева лишь после смерти Суслова.

Здесь уместно сказать, что многие сотрудники отделов ЦК КПСС ощущали необходимость действий, понимали потребность отхода от принятых стандартов, не всегда разделяли точку зрения своих начальников. Им, как и работникам госбезопасности, было нелегко в условиях жестких требований дисциплины. Слово руководителя ЦК, ведавшего определенной сферой, являлось для аппарата непререкаемым.

Это обстоятельство сближало сотрудников нашего аппарата с работниками ЦК, позволяло сообща готовить решения по возникающим вопросам. В принципе жили дружно, хотя и не со всеми.

В этой связи приведу такой пример. В конце 70-х годов в Москве возникли большие проблемы в работе с творческой молодежью. Проблемы не политические, а житейские — материальное обеспечение, возможность приложения творческих сил, обеспеченность необходимой атрибутикой и, наконец, жилье. Все это сказывалось на настроениях молодых дарований, рождало негативное отношение к власти.

Комитет госбезопасности счел необходимым доложить об этом в ЦК КПСС специальной запиской. К идее такого шага одобрительно отнесся заведующий отделом культуры ЦК В. Ф. Шауро.

С большим удовлетворением восприняли реакцию руководства ЦК КПСС. Записка получила одобрение, поднятые в ней вопросы найти воплощение в постановлении ЦК. Это помогло решить ряд проблем, волновавших молодых людей, начинавших творческую жизнь.

Позднее Шауро говорил:

— Записку одобрил Суслов. Спасибо вам, нам было бы сложнее так откровенно раскрыть поднятую проблему. Мы — аппарат.

Конечно, нам было легче, ибо записка шла не столько от имени КГБ, сколько от члена Политбюро Ю. В. Андропова.

Не меньше проблем возникало и у работников кино. Ранней весной 1961 года я возвращался из Ленинграда, куда выезжал в связи со съемками документального фильма «Перед судом истории». Одним из героев фильма стал В. В. Шульгин, бывший член Государственной думы, принимавший в числе других государственных деятелей отречение от престола Николая И. Как известно, Шульгин был едва ли не самым активным борцом

против советского строя и, судя по всему, с течением времени взглядов не изменил. Меня заинтересовал документальный фильм, где Шульгин являлся чуть ли не главным действующим лицом, и заинтересовал неслучайно: мне была известна одна акция этого крупного представителя русской эмиграции, которая имела прямое отношение к органам государственной безопасности.

Дело в том, что зимой 1925–1926 годов Шульгин нелегально приезжал в СССР как иностранный гражданин Эдуард Шмитт. Будучи одним из основателей Добровольческой армии, инициатором интервенции в Россию, Шульгин активно действовал в армиях Деникина и Врангеля. За рубежом он сразу оказался в центре Белого движения, где неустанно и последовательно продолжал вести борьбу против Советской России.

Шульгин прекрасно понимал, что его ждет, если он будет раскрыт и арестован на территории СССР. Тем не менее решил рискнуть. Однако это был вовсе не безрассудный риск, поездку Шульгина готовил не он один, ему помогали надежные и опытные соратники.

Что влекло этого человека в «гибнущую Россию»? Наверное, естественное желание увидеть родные края. Однако главной целью, мне кажется, было другое. Все эти годы, выступая с различных трибун, Шульгин рассказывал небылицы о том, во что превратилась Россия при большевиках. Материалы для подобных выступлений готовили ему, как правило, единомышленники. Но одно дело — судить обо всем с чужих слов, и совсем другое — увидеть собственными глазами.

Поездка удалась как нельзя лучше. Во время пребывания в СССР Шульгин не знал ни минуты отдыха, он побывал в Ленинграде, Москве, в родном Киеве и всюду встречался с людьми разных социальных слоев. Побывав везде, где хотел, полный новых впечатлений, Шульгин вернулся обратно.

Можно представить, как торжествовал он, считая, что обвел чекистов вокруг пальца. Ему и в голову нс могло прийти, что имя, национальность и гражданство ему придумали на Лубянке, да и сама идея поездки, ее подготовка и практическая реализация также принадлежали чекистам.

Для чего все это понадобилось, если Шульгину дали потом возможность вернуться за границу? Казалось бы, после того, как удалось заманить в ловушку ярого врага советской власти, его должны были арестовать и судить по всей строгости закона. Однако чекисты действовали с дальним прицелом: они хорошо знали Шульгина не только как лидера антисоветской эмиграции.

Скажем, в самом начале века в Государственной думе неоднократно поднимался так называемый «еврейский вопрос». Его обсуждали и в кулуарах, и в печати, в частности в газете «Киевлянин», выходившей под редакцией Шульгина. Шульгин не являлся другом и защитником евреев, более того, он издавал антисемитскую литературу. Однако в деле Бейлиса, ложно обвиненного в 1913 году в убийстве для ритуальных целей мальчика Андрея Юшинского, Шульгин и его «Киевлянин» заняли принципиальную позицию, последовательно и упорно доказывая абсурдность обвинения. Подобную же непримиримую позицию он занимал и в деле бывшего военного министра Сухомлинова, любимчика царя Николая II, перед которым Шульгин преклонялся. Надо думать, он прекрасно понимал, что его выступления способны вызвать неудовольствие монарха. Можно привести много аналогичных примеров, когда Шульгин действовал вовсе не из конъюнктурных соображений, а так, как он считал нужным.

Убежден, именно на эти личные качества Шульгина делали ставку чекисты, которые, возможно, надеялись: если тот увидит родину собственными глазами, прекратит городить злобные небылицы.

Известный риск, конечно, был. А вдруг Шульгин, вернувшись, обрушится с новыми силами на Советскую Россию? Да, риск был, но отнюдь не безрассудный. Чекисты располагали многочисленными фактами, свидетельствующими о том, что даже самые яростные нападки на новую Россию являются плодом чудовищных заблуждений этого человека.

Расчет оказался точным. Как только Шульгин вернулся и его попросили хотя бы в двух словах поделиться впечатлениями, он сказал:

— В двух словах? Хорошо. Когда я шел туда, у меня не было родины. Сейчас она у меня есть.

Вскоре издал книгу «Три столицы». В ней есть такие строчки: «Уже сейчас мне стало ясно: Россия встает… Я ожидал увидеть вымирающий русский народ, а вижу несомненное его воскресение… я думал, что еду в умирающую страну, а вижу пробуждение мощного народа…»

Конечно, книга Шульгина не стала панегириком советскому строю, на тех же страницах он обрушивался с резкими нападками на В. И. Ленина. Да и не мог такой человек в одно мгновение переродиться. Однако сомнения уже начали одолевать Шульгина. В 1961 году в книге «Письма русским эмигрантам» он писал: «Пусть меня спросят в упор: «То, что делают коммунисты, полезно для людей?» я отвечу без уверток: «То, что делают коммунисты в

настоящее время, то есть во второй половине XX века, не только полезно, а совершенно необходимо для 220-миллионного народа, который они за собой ведут. Мало того, оно спасительно для всего человечества, они отстаивают мир во всем мире».

В 1966 году в фильме «Перед судом истории» Шульгин произносит такие слова:

«Я хочу сказать вам о Ленине. Я сейчас отношусь к нему не так, как относился прежде. И поэтому мои высказывания в книге «Три столицы» я нахожу не только оскорбительными, но просто недостойными… я считаю своим долгом засвидетельствовать, что Ленин стал святыней, святыней для многих. И потому его прах хранится в мавзолее».

Нельзя сказать, что под конец жизни Шульгин полностью переродился, но не следует забывать и то, что коренное изменение его взгляда на советскую действительность пришло не само собой. Убежден, начало этому положили чекисты, организовавшие «нелегальную» поездку Шульгина в СССР.

Режиссерами фильма «Перед судом истории» были Фридрих Эрмлер и Владимир Вайншток. Материал, который мне показали на «Ленфильме», был очень интересен. Шульгин прекрасно выглядел на экране и, что важно, все время оставался самим собой. Он не подыгрывал своему собеседнику. Это был смирившийся с обстоятельствами, но не сломленный и не отказавшийся полностью от своих убеждений человек. Почтенный возраст Шульгина не сказался ни на работе мысли, ни на темпераменте, не убавил и его сарказма. К сожалению, его оппонент, ведущий, выглядел рядом с ним очень бледно.

Я встретился с Шульгиным в Москве, в квартире Вайнштока на улице Черняховского. Хозяин тепло принял нас, угощал блюдами собственного приготовления. Он был незаурядный кулинар. Разговор, естественно, зашел о фильме. Мне не хотелось напоминать Шульгину о прошлом, позади была очень нелегкая жизнь в лагерях, куда он попал после войны, да и он сам, похоже, не имел желания касаться этой темы. Помню, как Василий Витальевич с юмором вспоминал съемки, похвалялся своим «актерским мастерством».

— Неужели меня Дума этому научила? — задал он вопрос как бы самому себе и рассмеялся.

Потом зло и едко высмеял артиста, исполняющего в фильме роль историка-собеседника: бедняга зря усердствовал, убежденного коммуниста из меня все равно не получится.

— Я дал согласие на съемку, чтобы восстановить истину, а вовсе не для пропаганды, — заключил Шульгин.

Улучив момент, я осмелился задать вопрос: как он по

прошествии стольких лет оценивает приход большевиков к власти? Немного помолчав, потом медленно, но многозначительно он сказал, что, конечно, не такого пути желал бы для России, но другого у нее, по-видимому, не было.

— Всяко об этом можно судить, — добавил Шульгин, — но отрадно, не распалась в то тяжкое время Россия.

Мне невольно вспоминается эта фраза. Даже самые заклятые враги социалистического строя, каким был Шульгин, находили утешение в том, что Россия не распалась, что ее не расчленили на куски. Интересно, что бы он сказал сегодня…

Финал фильма, правда, задел Шульгина, когда узнал, что его снимали в зале, где проходил XXII съезд КПСС.

Фильм «Перед судом истории» прошел лишь по клубам, на большом экране зритель его не увидел. Еще бы! Например, секретарь Владимирского обкома КПСС М. А. Пономарев обратился в ЦК КПСС с решительным осуждением показа «врага революции на советском экране».

В. П. Вайнштok давно ушел из жизни, но он оставил после себя несколько прекрасных фильмов, в частности, лучший, по-моему, фильм, посвященный советской разведке, — «Мертвый сезон». Его кинолента «Миссия в Кабуле» снималась под патронажем последнего афганского короля. Фильм рассказывал об установлении в двадцатые годы дружеских отношений с Афганистаном. Кто тогда думал, к чему впоследствии приведут эти отношения?

Сколько ведется сейчас, да и раньше велось разговоров о том, что КГБ проникал во все поры нашего общества, вмешивался в дела, которые его совершенно не касались. Верно, мы вмешивались и не раз помогали пробить дорогу на Родине талантливым людям, в силу тех или иных обстоятельств попавших за рубеж. Может быть, лучше было нам в таких случаях не вмешиваться? Нет, конечно. Вот и приходилось заниматься «чужими» делами, дабы избежать излишнего недовольства и открытых выступлений против строя.

Вот так я позволил себе подобного рода «вмешательство», встречаясь с известным писателем и журналистом Р. А. Медведевым. После того как предложения привлечь его к работе над историей нашей страны потерпели фиаско, а правоверные аппаратчики исключили его из партии, Медведев нигде не работал, ушел, так сказать, на «вольные хлеба». Его статьи начали появляться в зарубежной печати, книги издаваться на Западе. Рой Александрович писал зло и нелицеприятно. Он становился не только своего рода знаменем антикоммунизма (хотя убеждениям социалиста никогда не изменял), но и удобной фигурой для тех,

кто стал на путь борьбы с властями. К сожалению, встречи и беседы с ним сотрудников КГБ, предостерегавших от шагов, которые могут вступить в противоречие с законом, воздействия не имели. Положение осложнялось и тем, что Медведев язвительно высказывался о Брежневе и его окружении, а это порождало претензии к КГБ — нас обвиняли в либерализме. Находились и такие, кто нашептывал Л. И. Брежневу: «Вот каков ваш Андропов. Он чести руководителя государства не защищает, мирится с тем, что Медведев порочит вас».

Медведев начал издавать на Западе журнал «Политический дневник». Не помню, какое издательство занималось этим, но слыло оно антикоммунистическим. Я решил поговорить с автором. Хотя встреча состоялась на нейтральной почве, я не скрывал принадлежности к руководству КГБ, тем более еще один сотрудник, участвовавший в беседе, был известен как официальное лицо. Я не стал обсуждать с Медведевым содержание его публикаций, спросил только, не шокирует ли его сотрудничество с антисоветским издательством. Он ответил:

— Но я имею дело и с издательствами компартий, в частности с газетой «Унита».

— Сейчас не об этом речь…

Разговор был долгий и, с моей точки зрения, интересный. я видел и слабость и силу логики собеседника, понял, где он прав, а где заблуждается. Для меня очень полезно было знать это. Результат встречи меня порадовал.

Медведев прекратил сотрудничество с издательствами, не связанными с компартиями. «Политический дневник» вообще перестал выходить. Медведев имел дело теперь только с коммунистической прессой и стал заметно склоняться к «плюрализму в рамках социализма». А. Н. Яковлев определил это потом как дрейф в сторону от марксизма. Но Медведев, как показало время, вовсе не дрейфовал, он лишь принципиально не мирился с практикой построения социализма в СССР.

Для меня же важнее всего было то, что Медведев стал сотрудничать с коммунистами Запада и теперь воздействовать на его нежелательные выпады можно было по другим каналам.

Мы настаивали на необходимости работать с людьми и использовать их потенциал в идеологической работе. Насколько ЦК внимал этим призывам, видно из другого примера.

В начале семидесятых годов к нам поступила информация о том, что известный публицист, бывший секретарь ЦК ВЛКСМ Л. В. Карпинский задумал создать некое подобие нелегальной библиотеки для распространения запрещенной литературы. Я хорошо был знаком с Карпинским, знал о его неординарных

оценках событий, происходящих в стране, ценил высокую эрудицию и рассудительность, его широкий взгляд на политические события и свободомыслие. Наши встречи еще в ЦК ВЛКСМ всегда давали почву для размышлений. Когда Карпинский перешел на работу в газету «Правда», он совместно с известным журналистом Федором Бурлацким опубликовал статью в «Комсомольской правде», осуждая подход партийного руководства к работе в сфере искусства. Это вызвало раздражение в ЦК КПСС. Карпинский был устранен от активной общественной и журналистской деятельности и перешел в разряд инакомыслящих.

Политические взгляды Л. В. Карпинского никакого беспокойства у органов госбезопасности не вызывали. Они могли соответствовать или не соответствовать моим собственным, но это не имело значения. Когда же речь зашла о создании некой нелегальной структуры, это настораживало. Не хотелось видеть Лена Карпинского, ставшего к тому времени руководителем одной из идеологических редакций в издательстве «Прогресс», среди так называемых диссидентов.

После размышлений пригласил Карпинского, и мы обстоятельно поговорили.

Ему хотелось добиться у меня политических оценок его деятельности, но я, честно говоря, уклонился от этого и переадресовал в ЦК, хотя мы оба отлично понимали, что ничего хорошего его там не ждет. Однако он был членом КПСС, и я решил занять в данном случае формальную позицию, преследуя только цель — уберечь его от нелегальщины. И Лен Вячеславович понял это.

Как писал в журнале «Столица» Егор Яковлев, Карпинский был в претензии ко мне лишь за то, что я не предложил ему чаю. Каюсь, не помню, может, такое и случилось, хотя подобные вещи были не в моих правилах.

Я доложил о беседе Андропову. Помню, Юрий Владимирович встал из-за стола и долго ходил взад-вперед по кабинету, а это всегда сопутствовало его серьезным раздумьям. Потом остановился и внимательно посмотрел на меня.

— Плохо, что такие, как Карпинский, уходят от нас. Это свидетельство: в нашем доме не все ладно. Не знаю, поймут ли его в ЦК…

Андропов поручил мне рассказать о беседе Е. М. Тяжельникову, который хорошо знал Карпинского и смог бы повлиять на него. Тяжельников согласился с этим.

Однако, как и ожидалось, в Комитете партийного контроля при ЦК КПСС Карпинского не поняли. Он был исключен из

партии и уволен с работы.

А вот еще пример того, как КГБ вмешивался в судьбы людей.

В 1988 году в газете «Советская Россия» была напечатана статья Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами», против которой резко выступил А. Н. Яковлев, считая, что Андреева призывает к возврату сталинизма. «Советская Россия» подверглась сокрушительной критике. Но я хочу рассказать сейчас не об Андреевой, а о ее муже Клушине, человеке, на мой взгляд, порядочном и убежденном. Он стал распространять листовки, в которых критически оценивалась политика перестройки. Я поехал в Ленинград и вместе с тогдашним начальником УКГБ В. М. Прилуковым переговорил с ним. Смысл беседы сводился к тому, что листовки эти — занятие недостойное. Клу-шин согласился, хотя от взглядов своих отказываться не стал. Кстати, во многом он оказался прав.

Мне же в тот момент было важно другое: предупредить Клушина, уберечь от действий, которые могли привести к нарушению закона.

Поводов для недовольства у интеллигенции было достаточно. Однако среди искренне озабоченных судьбой государства встречалось немало людей, преследовавших личные и нередко корыстные интересы.

Сейчас распространено мнение, будто КГБ, а конкретно — 5-е Управление, создавало невыносимые условия для творческой деятельности писателей, актеров, художников, скульпторов, что мы буквально выживали талантливых людей из страны. Якобы отсутствие свободы творчества вынуждало лучших представителей интеллигенции уезжать за рубеж.

Наверное, многие хорошо помнят, какая шумиха поднялась в свое время вокруг альманаха «МЕТРОПОЛЬ». Идея его создания принадлежала группе московских писателей. До этого, кстати, некоторые из них в соавторстве и самостоятельно при содействии московского управления КГБ, издали неплохие книги о работе московских чекистов.

Интерес к альманаху проявил американский издатель Проффер. За развитием событий внимательно наблюдали сотрудники посольства США.

Против издания альманаха выступило Московское отделение Союза писателей во главе с первым секретарем Ф. Кузнецовым. Он созвал расширенное заседание секретариата, на котором его поддержало человек пятнадцать, в том числе известные писатели, которые говорили о нецелесообразности выпуска альманаха как литературно слабого и в общем несостоятельного. Несколько человек говорили о том, что в альманах включена

«антисоветчина», и требовали принять суровые меры в отношении авторов. Все выступления были опубликованы в писательской многотиражке «Московский литератор».

Возглавлявший Союз писателей СССР Г. М. Марков понимал сложность положения. Требование расправы над авторами «Метрополя» грозило расколом писательского союза, так как содержание альманаха и историю его создания мало кто знал, а потому одни считали, будто люди задумали выпустить хорошую книгу, а КГБ и чиновники запрещают, другие поняли, что это решила проявить себя таким образом новая группа антисоветчиков. Вокруг «Метрополя» закипели страсти.

КГБ еще до заседания секретариата Союза писателей предложил издать сборник. Мы понимали: вошедшие в альманах произведения — далеко не шедевры, а некоторые из них попросту неоригинальны. Но ничего страшного, несмотря на то что альманах не грешил патриотизмом, мы в нем не находили и были убеждены: читатель сам разберется и сам все должным образом оценит. Мы не собирались вмешиваться, хотели только, чтобы все увидели, чего стоит пущенный кем-то слушок: «КГБ запрещает издание альманаха «Метрополь».

Помню наш двухчасовой разговор в кулуарах Колонного зала, где шла очередная партийная конференция, с Марковым и Кузнецовым. Мы просили не разжигать страсти и издать этот сборник, такой вопрос, считали мы, лучше решить по-писательски. Кроме того, многим и так было понятно, для чего понадобился «Метрополь» и политический скандал вокруг издания.

Однако секретариат правления московской писательской организации уже вынес решение: «Метрополь» закрыть». Альманах в СССР так и не вышел.

Почему Феликс Кузнецов так смело пошел против Маркова и руководства КГБ, настаивавших на выходе «Метрополя»? Ларчик открывался просто — закрытия издания требовал член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Московского горкома партии В. В. Гришин. Не знаю, кому именно принадлежат слова, сказанные в ходе обсуждения на заседании секретариата Союза писателей: «Если бы не КГБ, мы бы этим «метрополевцам» выдали бы!» А широкие читательские круги, не знавшие подоплеки дела, были убеждены: КГБ прихлопнул «Метрополь», и поэтому пришлось издавать его за рубежом.

Каково же было мое удивление, когда года два спустя в одной из статей Феликс Кузнецов упомянул «Метрополь», утверждая, что они, секретариат Московского отделения Союза писателей СССР, противостояли расправе. Подобных примеров

беспринципности немало в нашей жизни и сегодня.

Кое-кто сравнивал судьбу «Метрополя» с историей альманаха «Литературная Москва». Два тома альманаха вышло в 1956 году, а потом его закрыли. «Литературная Москва» тоже готовилась не государственным издательством, а инициативной независимой группой писателей во главе с Эммануилом Казакевичем. Но с «Метрополем» ее сравнивать не стоит. «Литературная

Москва» создавалась с чистыми целями, редколлегия даже отказалась от оплаты своего труда. Кое-кому в верхах идея издания «Литературной Москвы» пришлась не по душе. Какие «независимые издания»? Непременно надо было найти в альманахе криминал. И нашли — честную повесть Александра Яшина «Рычаги».

Откровенно говоря, ничего нового и сенсационного Яшин в повести не открыл. Он просто описал ряд негативных явлений, о которых знали и свыклись с ними. Однако он раскрыл их с большой художественной силой, и уже одно это не могло оставить людей равнодушными. Всполошились в первую очередь те, кого эти негативные явления непосредственно касались, кто, собственно, и способствовал их появлению, и конечно, эти люди промолчать не могли, в результате средства массовой информации обрушились на автора с уничтожающей критикой. Некоторые прямо обвиняли его едва ли не в сознательной клевете на советскую действительность, в антисоветчине. Эта критика была нацелена не только на автора. То и дело звучал вопрос: «Как могла редколлегия допустить публикацию подобного материала? А может быть, это неслучайно?»

Так был задушен альманах, который замышлялся как ежегодник, а потом предполагались и более частые выпуски.

Эммануила Казакевича я знал хорошо и не раз с ним встречался. Видел, как тщательно готовил он повесть Владимира Тендрякова «Чудотворная» для альманаха. Его вообще очень заботила судьба советской литературы, сохранение ее нравственной и духовной чистоты. Именно таким он и его коллеги видели новое детище — «Литературную Москву».

Мое знакомство с Казакевичем состоялось, когда затевался двухтомник мемуаров сотрудников КГБ.

Я хотел привлечь его к этой работе. Казакевич одобрил идею и дал немало полезных советов, но сборники, к сожалению, вышли после его смерти.

Не хочу сказать, что мы вообще не вмешивались в дела литературные. Однако это бывало лишь в редких случаях, как, например, в истории с «Метрополем».

Как-то по Москве разнесся слух, будто в день рождения

Гитлера у памятника А. С. Пушкину в Москве состоялась демонстрация молодых неофашистов. По свидетельствам «очевидцев», на рукавах демонстрантов были повязки со свастикой и т. д.

Ничего подобного на самом деле не было. Ни митинга, ни демонстрации, ни свастики на рукавах — все выдумка. А через некоторое время редакция «Нового мира» обратилась в пресс-группу КГБ с просьбой проконсультировать статью об НТС. Прислали верстку, где оказалось и начало поэмы известного поэта. Из чистого любопытства сотрудник пресс-группы прочитал ее. Там были строки, где автор, как «очевидец», упоминал демонстрацию неофашистов у памятника А. С. Пушкину.

Одно дело слухи о неофашистской демонстрации, и совсем другое, когда популярный поэт пишет о нем, как о подлинном факте.

Я разыскал автора на Кавказе, и мы поговорили по телефону. Оказалось, он действительно доверился слухам. «Вся Москва только об этом и говорила», — сказал он. И конечно, убрал эти строчки. Когда журнал вышел, я прочитал поэму, она нисколько не пострадала от этой купюры. Такое вмешательство считаю полезным.

Многие до сих пор убеждены, будто 5-е Управление запрещало выход каких-то произведений литературы и искусства. Это ни на чем не основанная ложь. За весь период моей работы был лишь один случай, когда мы воспротивились выходу на экран фильма «Агония», ибо видели его антиреволюционную направленность. Что было, то было. Но повторяю, случай этот — единственный.

Известно множество фактов, когда вмешательство в литературные дела осуществляли совсем другие организации, а всю вину за результат этого вмешательства, каков бы он ни был, сваливали на КГБ.

Вот, например, очень показательны судьбы двух писателей, поначалу весьма схожие, а потом пути их разошлись, будто планки раскрытого веера.

На партийном собрании московских писателей, где присутствовал министр культуры П. Н. Демичев, выступил коммунист Григорий Свирский. Популярность Свирского как писателя была невелика, читатели его мало знали. Человек несколько наивный, однако честный и добрый, в прошлом боевой летчик, Свирский храбро воевал с фашизмом. Смысл его выступления сводился к тому, что в стране процветает антисемитизм, а борьба против него не ведется. Выступление, по существу, правильное, хотя, пожалуй, излишне эмоциональное.

В перерыве коллеги подходили к Свирскому, пожимали руку, хвалили за смелость и одобрительно похлопывали по плечу. Особенно усердствовал один — не хочется называть фамилию, обозначу его последней буквой алфавита Я., тем более, он и в самом деле превыше всего ставил собственное «я», но при этом в острых ситуациях всегда прятался за чужие спины, подталкивая других на рискованные поступки. Сейчас этот человек не скрывает своих взглядов, яростно топчет наше прошлое, даже самое дорогое и святое для каждого честного человека.

А на том совещании многие возмущались: «Как? У нас в Советском Союзе антисемитизм? Какая клевета! Свирский опозорил нас перед Демичевым!»

Не помню, какое решение принял партком, скорее всего Свирского исключили из партии. Потом дело рассматривалось на заседании райкома партии. Свирский, как человек честный, не отказался от своих слов, сказал, что проблема вовсе не надумана, она действительно существует, однако в оценке ее он, видимо, слишком сгустил краски.

Выслушав его, первый секретарь райкома С. Грузинов сказал:

— Решение сейчас принимать не будем. Не торопясь, еще раз все хорошо обдумайте и, если не измените только что высказанной позиции, напишите нам об этом и приходите.

А Свирского уже ждали подстрекатели, в том числе и Я. «Как ты мог? Ты, смелый, мужественный человек, героический летчик, не привыкший отступать! Ты наша надежда, мы тебя поддержим, не сдавайся» и т. д. Несколько дней длилась эта обработка, и она в конце концов принесла плоды: Свирский написал в райком еще более резкое письмо, чем его выступление. Его исключили из КПСС. Я считаю, решение это было неправильное. Человек ничего противозаконного не совершил, выступил на закрытом партийном собрании и высказал свое мнение. Это его право. С ним можно было соглашаться или не соглашаться, но за что исключать? Впрочем, тогда было другое время.

Свирского и без того не особенно охотно печатали, а после исключения из партии и вовсе перестали. Ретивые подстрекатели, в том числе и Я., попрятались по углам. Свирский понял, что ему ниоткуда нельзя ждать поддержки, и уехал за рубеж. Что с ним стало, я не знаю.

Кто же виноват в трагедии этого человека? Конечно же, КГБ — он выдворил Свирского из страны. Именно такую версию распространяли Я. и его друзья. Привлечь их за это к ответственности? Опускаться не хотелось.

Вспоминается и судьба другого писателя, поначалу в чем-то сходная с судьбой Свирского. На партийном собрании прозаиков

выступил молодой, но уже известный писатель Михаил Рощин, заявивший, что Советский Союз должен идти по чехословацкому пути — другого он не видит. Это заявление вызвало шум в зале, дело происходило как раз накануне ввода в Чехословакию наших войск.

Особенно негодовал Алексей Сурков. Он, конечно, был хорошо знаком с творчеством Рощина, однако заявил следующее:

— Я не знаю этого молодого человека и не знаю пути, по которому он призывает нас идти.

Он предложил исключить Рощина из партии. Партком, разбиравший «дело Рощина», который вел себя вызывающе, принял тем не менее другое решение — объявить выговор. Это вызвало недовольство секретаря Краснопресненского райкома партии Грузинова: «Мы его безоговорочно исключим. Пусть идет по пути, который ему нравится».

В окружении Рощина не было подстрекателей. Да если б и были, едва ли смогли оказать на него влияние, человек независимый, он сам способен был объективно судить о своих поступках. За день до заседания бюро райкома член парткома, которому предстояло докладывать персональное дело Рощина, сказал ему:

— Я не собираюсь тебя агитировать, просто поделюсь информацией. Не предполагаю, а точно знаю: если на бюро ты будешь вести себя так же, как на парткоме, из партии тебя, безусловно, исключат. Если поймешь, что сказал глупость, я — твой союзник, и поверь, надежный.

На заседании бюро Рощин не стал каяться, однако сказал, что, видимо, переборщил, ибо, откровенно говоря', не так уж хорошо знаком с тем, что происходит в Чехословакии. И тогда слово взял товарищ из парткома, предупреждавший Рощина:

— Конечно, Рощина следовало исключить из партии, но хочу объяснить, почему мы на это не пошли. Нам не безразлично, кто он, как воспитывался, как жил. Он родился в революционной семье, в институте был секретарем комсомольской организации. Но главное не в этом. Главное для писателя не то, что он говорит, порой сгоряча или в пылу спора, а то, что он пишет. Вот в моих руках только что вышедшая книга его рассказов. В ней немало говорится о негативных сторонах нашей жизни, но пишет об этом Рощин не со злорадством, а с болью. Книга талантливая. И мы не считаем нужным душить талант.

Райком согласился с решением парткома. Как известно, Рощин стал одним из ведущих наших драматургов. Спектакли по его пьесам годами не сходят со сцен театров. Не знаю, как сложилась бы судьба этого одаренного человека, если

вышеописанный эпизод принял бы другой оборот. Одно я знаю точно: никакого отношения к обеим историям КГБ не имел, хотя досужие сплетники вроде я. изо всех сил распространяли слухи: «Это очередная жертва КГБ» (о Свирском) и «Поражение КГБ» (о Рощине). Так рождались и распространялись легенды о деятельности 5-го Управления.

Должен заметить, партийные и общественные организации, как правило, обходили своим вниманием нестандартные ситуации, где их участие было крайне необходимо. А если вмешивались, то прибегали к крайним мерам, которые не приносили ничего, кроме вреда. Так было в истории со Свирским, альманахом «Метрополь» и во многих других случаях. А иной раз шли и вовсе на позорные акции, до которых даже додуматься непросто. Об одной из таких историй не могу не рассказать. В свое время о ней много писали и говорили, но я приведу некоторые малоизвестные детали.

В один из воскресных дней мне позвонил дежурный по 5-му Управлению В. И. Бетеев и буквально огорошил: в районе Беляево бульдозеры сносят выставку картин художников-модернистов. Я спросил, что он предпринял.

— Направил группу сотрудников спасать картины.

Я настолько был потрясен, что только и смог сказать:

— Позаботьтесь о художниках!

В памяти еще жив был разгром художественной выставки в Манеже, который учинил Н. С. Хрущев. Эта история уже не раз была подробно описана, но мало кто знает, как группа сотрудников 5-го Управления вместе с работниками выставки до глубокой ночи собирала сброшенные на пол картины, которые сочли недостойными советского зрителя. Запомнился поднятый с пола прекрасный портрет девушки-киргизки. Откровенно говоря, я и сейчас гоню от себя воспоминания об этом жутком погроме, чтобы не растравлять душу.

И вот новое дело: выставку картин бульдозерами сносят… Тут мало что спасешь!

Самая страшная беда была не в том, что Хрущев плохо разбирался в изобразительном искусстве, так же как и в литературе. В конце концов, глава государства необязательно должен быть знатоком в области культуры, хотя это весьма желательно. Трагедия в Манеже явилась демонстрацией грубого вмешательства главы государства в ту область, где он был абсолютно некомпетентен, однако оценки свои давал, точно специалист высокого класса. Он позволял себе поучать профессионалов и судил о том, что надо и чего не надо народу, что наш народ поймет, а чего не поймет.

В Беляево скоро все выяснилось. Указание снести выставку бульдозерами поступило из Черемушкинского райкома партии, секретарем которого был в то время Б. Н. Чаплин. Этот дикий вандализм остановили, но немало картин было безнадежно погублено.

В чем были корни такого произвола? В 60—70-х годах резко обострилась борьба между различными школами и направлениями в изобразительном искусстве. Против художников, стоявших на позициях социалистического реализма, велись атаки и справа и слева. Не берусь судить о достоинствах тех или других, мне лично нравились многие талантливые картины, независимо от того, к каким школам они принадлежали, и я с удовольствием посещал мастерские художников разных направлений.

Вспоминаю встречи с мастерами изобразительного искусства, интересные беседы, когда художники посвящали меня в тайны своих замыслов или раскрыла-ли смысл художественных образов, запечатленных на полотне. Однако не скрою, симпатии мои больше склонялись к творчеству традиционалистов, реалистические произведения были внутренне ближе и доступнее для меня, да, кажется, не только для меня.

В соперничестве художественных школ КГБ, конечно, не следовало выступать в качестве арбитра. Однако были обстоятельства, которые заставляли нас иногда появляться на этой арене. Ведь и здесь Запад пользовался малейшей возможностью подогреть страсти и оказывал представителям авангардных направлений как моральную, так и материальную поддержку. Картины художников-модернистов, нередко слабые, скупались оптом и в розницу. Вокруг их имен создавался бум. Конечно же, немедленно вызывавший ответную реакцию: выставки модернистов запрещались, а это, в свою очередь, порождало протест в обществе.

Никто не желал идти на компромисс. На улицах и в других местах возникали демонстрации, на которых выступали художники-авангардисты, заявляя, что власти душат их искусство, не давая развиваться новым направлениям, которым, безусловно, принадлежит будущее. Наиболее агрессивно вели себя художники, которым очень хотелось оказаться в числе страдальцев за правое дело и таким образом завоевать в обществе определенное реноме.

Так случилось и с выставкой в Беляево. Никакой опасности эта выставка, в сущности, не представляла — просто ее участники бросили вызов официальным властям. И те немедленно отреагировали — поспешили применить для борьбы с

художниками-новаторами бульдозеры. Не разгроми Хрущев выставку в Манеже, вряд ли секретарь райкома принял бы такое нелепое решение.

Нетрудно представить, какой шум поднялся в мировой печати. Нам же, откровенно говоря, нечёго было сказать в оправдание — случай беспрецедентный.

Нашим противникам тем самым было предоставлено широчайшее поле деятельности, и с этого плацдарма они начали новое, тщательно разработанное наступление. Не считаясь с расходами, всячески содействовали выезду «запрещенных» художников за рубеж и таким образом сразу убивали двух зайцев: во-первых, поднялась новая волна в печати: талантливым художникам не дают творить в СССР и они бегут за границу; а во-вторых, был тут и определенный расчет: облагодетельствованные художники, оказавшись на Западе, постараются оплатить расходы своих патронов, активно включившись в «холодную войну».

Расчет этот полностью оправдался. Художники, эмигрировавшие за границу, выступили с инициативой одновременно открыть выставки художников-авангардистов в Москве и в Париже. Они надеялись на то, что у нас такую выставку запретят, и это открыло бы новые возможности для идеологов «холодной войны».

Не все участники этого мероприятия понимали политическую подоплеку. Многие из них несли картины на выставку, гордясь своим участием в этом престижном вернисаже.

Спрашивается, как должны были реагировать на это власти? Разрешить выставку? Разогнать ее или закрыть на все глаза? А может быть, надо было, наоборот, открыть всем глаза и рассказать, что кроется за этой невинной, казалось бы, затеей, рассказать честно, кто ее вдохновители, каким политическим целям она служит?

И вот в газете «Московский художник» подробно и убедительно прокомментировали разработанный на Западе сценарий и обратились к художникам: пусть каждый подумает, послужит ли его участие в выставке на благо общества или поможет тем, кто хочет углубить пропасть, которая разделяет противостоящие друг другу силы.

В результате выставка не состоялась, ибо смысл политической провокации стал для всех очевиден. Вот так можно обойтись без бульдозеров…

Вскоре КГБ с большим трудом добился разрешения у первого секретаря Московского горкома партии В. В. Гришина открыть выставочные залы авангардистской живописи в доме на Малой Грузинской улице и в одном из павильонов ВДНХ. Таким образом,

художники самых разных школ как бы получили право на творческий поиск, хотя политики определенного толка по-прежнему нередко использовали их в своих целях. Только для этого художники-новаторы и были нужны.

Надо сказать, что еще до пресловутой «бульдозерной выставки» у меня были достаточно широкие связи с так называемыми авангардистами. Они интересовали меня не только как талантливые представители изобразительного искусства, но и как объекты пристального внимания определенных кругов на Западе, которые видели в них оппозицию советскому строю, и опять-таки не было твердой линии в этих вопросах у ЦК КПСС, наоборот, в отношении к изобразительному искусству ЦК проявлял поразительную двойственность. в СССР проходили выставки Фернана Леже, Пабло Пикассо и наряду с этим всячески заманчива-лось творчество Кандинского, Фалька, Малевича и других. Душили всех, кто пытался сказать новое слово в искусстве. Спрашивается, при чем здесь КГБ? А при том, что все взоры были обращены к нашему ведомству, все запреты, по всеобщему убеждению, исходили от него. Постольку, поскольку КГБ должен был отвечать на запросы инстанций, мне пришлось посетить немало мастерских художников-авангардистов, я встречался и подолгу беседовал с ними, каждый раз убеждаясь, что эти люди, все силы отдающие любимому делу, полны желания служить своей Родине.

Художники-нонкорформисты вовсе не отвергали социалистический строй, они только стремились к новизне и самобытности в искусстве, я не берусь судить о достоинствах тех или иных художественных школ, у меня были свои задачи — обеспечить спокойствие и безопасность в государстве, не допустить, чтобы советских граждан использовали в своих целях «доброжелатели», на Западе.

Конечно, и среди сторонников модернизма были разные люди: искренние и не предавшие своих убеждений художники, подлинно талантливые, но были и люди иной категории. Жизнь покажет, кто чего стоит. Неизвестно, какое будущее ожидает тех, кто нашел убежище на чужбине и теперь надеется получить поддержку в России из-за своего прошлого. Пойдите на Крымский мост, к Центральному дому художника и посмотрите на гибнущие под дождем и снегом картины тех, кто еще вчера был кумиром публики.

Я вовсе не хочу сказать, что у художников-модернистов не было талантливых полотен, многие из них получили признание и у нас, и за рубежом. В искусстве все рано или поздно становится на свои места, и истинно талантливые произведения остаются

жить в веках.

Я не застал того периода, когда тысячи людей под-вертались незаконным арестам, лучших представителей интеллигенции гноили в тюрьмах и лагерях. Произвол вершился не только по воле руководителей, стоявших во главе государства, немало инициативы проявили и руководители органов госбезопасности. Я вовсе не пытаюсь избежать ответственности за участие в некоторых решениях, которые осуждены обществом. Одно из таких решений связано с деятельностью академика А. Д. Сахарова, который был выслан из Москвы в Нижний Новгород (тогда Горький). Люди, стоявшие у власти, оттолкнули этого крупнейшего ученого, не пожелали прислушаться к его словам, не захотели поспорить на равных и поискать компромисса. А главное, никто не пожелал вникнуть в суть его взглядов и убеждений. Одни отмахнулись: «Он не наш человек», другие испугались, а третьим не позволили вступить с ученым в диалог. Мне известно, как настойчиво добивались разрешения на публичный диспут с Сахаровым академики М. В. Келдыш и Н. Г. Басов. Они же настаивали и на публикации «Размышлений» А. Д. Сахарова с тем, чтобы определить и его, и свою позицию. Желая защитить Сахарова, академик Я. Б. Зельдович обратился в ЦК КПСС. Безрезультатно!

Но даже великий человек живет не в вакууме. Об окружении Сахарова я говорить не хочу, пусть каждый сам оценит свои поступки. Одни действительно заботились о нем, но были и такие, кто сознательно или совершенно неосознанно углублял его конфликт с властью.

К сожалению, со стороны представителей государственной власти, в том числе и со стороны КГБ, не было сделано того, что могло бы смягчить остроту ситуации.

Усугубляло положение и то, что Сахарова, сначала через окружение, а затем и напрямую, подталкивали к настораживающим нас действиям. Всем этим занимались наши идеологические противники в «холодной войне». Им нужен был не столько сам Сахаров, сколько его имя. В свое время судьбу Сахарова сравнивали с судьбой создателя американской атомной бомбы Оппенгеймера. Не хотелось бы идти по пути таких сравнений, однако следует отметить, что на имени Оппенгеймера никто не пытался заработать политический капитал. Американские власти поступили так, как сочли нужным: за отказ от работы над водородной бомбой Оппенгеймер был отстранен от дел и подвергнут остракизму. Ходили слухи, будто Сахаров, убоявшись подобного исхода и для себя, не последовал примеру американца.

Это ложь — водородная бомба была создана в СССР значительно раньше, чем у американцев, так что Сахарову просто не с кого было брать или не брать пример. Впрочем, не в этом дело. Андрей Дмитриевич, конечно, знал, что в США в течение ряда лет готовили атомную войну против СССР, и, думаю, появление водородной бомбы сыграло решающую роль в изменении политики Соединенных Штатов, вынужденных отказаться от идеи уничтожения нашего государства. Им пришлось признать: «Америка не смогла бы защитить свои собственные города».

Значение трудов Сахарова сегодня оценено по заслугам. Однако и сейчас, и раньше судьбу ученого, так же как и судьбы многих других, определял не КГБ, ее решали в высших эшелонах власти. Правда, в данном случае органы госбезопасности и не предлагали других решений. В отношении А. Д. Сахарова, начиная с 70-х годов, действия КГБ выглядели не лучшим образом. Однако прошлого не вернешь, его можно лишь оценивать по-новому.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМ межнациональных отношений состоит в том, что Национальный вопрос требует постоянного внимания и объективности оценки действительного положения вещей. Для сотрудников 5-го Управления это положение стало очевидным с первых дней его создания.

К сожалению, не все относились к национальным проблемам достаточно серьезно. Мало было желающих среди работников партийных и государственных органов брать на себя ответственность и даже поднимать вопрос о решении назревших проблем развития многонационального государства. Поэтому даже самые острые, насущные вопросы повисали в воздухе.

С полной уверенностью берусь утверждать, что были утрачены политические ориентиры в этой важнейшей сфере жизни Советского государства, и вместо четкой, продуманной политики звучали услаждавшие слух лозунги о нерушимой дружбе народов.

Мы гордились интернационализмом нашего государства. И было чем. До войны в Советском Союзе жил, наверное, один-единственный негр, но главной темой известного фильма Григория Александрова

«Цирк» стал советский интернационализм и разоблачение расизма в США. В те довоенные годы на еврейские погромы гитлеровцев наша страна откликнулась не только дипломатическими заявлениями, но и созданием таких фильмов, как «Профессор Мамлок» и «Семья Оппенгейм». По всей стране школьники учили стихи казаха Джамбула, дагестанца Сулеймана Стальского, знали великую поэму Шота Руставели, все республики Советского Союза широко отмечали юбилей классика украинской литературы Тараса Шевченко.

Однако эта идиллия будит горькие воспоминания, ибо после войны о дружбе народов стали больше говорить во время застольных тостов и торжественных речей. А между тем национальные проблемы не решались, что нередко не только накаляло обстановку, но и создавало предпосылки для конфликтов. И разумеется, силы, стремившиеся подорвать основы советского строя, ловко использовали межнациональные проблемы, в ту же цель били и спецслужбы Запада.

К концу шестидесятых годов наиболее остро обозначились проблемы армяно-азербайджанских отношений, наряду с проблемами крымских татар, немцев Поволжья и турок-месхетинцев. Сложным оказалось и положение евреев, желающих

уехать в Израиль. Руководство страны уходило от решения этих вопросов, что, естественно, вызывало настороженность и остальных этнических групп, а появление агрессивно настроенных экстремистов то в одном, то в другом национальном сообществе порождало новые и новые сложности. Власти предержащие упорно загоняли процесс вглубь, заботясь лишь о том, чтобы он не вышел на поверхность. Они всеми силами старались замолчать, заглушить национальные противоречия, нисколько не заботясь о будущем.

Среди предложений, которые вынес на обсуждение в ЦК КПСС упоминавшийся мною «план Андропова», национальные проблемы занимали одно из центральных мест.

На протяжении долгих лет в различных районах СССР вспыхивали очаги национальных междоусобиц, которые можно было бы погасить, если б государство по-настоящему занималось этими проблемами. Однако громко звучавший лозунг «нерушимой дружбы народов» накладывал табу на малейшие попытки поднять этот вопрос. А в результате межнациональные конфликты переросли в настоящие гражданские войны.

Сегодня «знатоки» национальных проблем любят с иронией и сарказмом рассуждать о самом понятии «советский народ», якобы придуманном большевиками.

Вводя в обиход это понятие, большевики вовсе не имели в виду уничтожение национальных культур, языка, традиций и обычаев, напротив, постоянно подчеркивали необходимость бережного отношения к национальным ценностям. Как тут не вспомнить слова известного американского поэта Уолта Уитмена о том, что Россия похожа на Соединенные Штаты Америки, где множество наций и народностей образовали единый организм.

Если испанец, немец или англичанин, живущие в США, именует себя гражданами США, американцами, то почему людям разных национальностей, живущих в СССР нельзя было именовать себя советским народом, гражданами СССР?

Об этом приходилось немало размышлять. Здесь хочу рассказать о некоторых конкретных событиях.

Средоточием острых национальных проблем явился Нагорный Карабах, поэтому с него и начну. Существует мнение, будто события в Нагорном Карабахе назрели лишь в ходе перестройки и, следовательно, причины их кроются в ней самой. Однако все значительно сложнее: причины кроются в очень непростой истории Армении, в том, как складывались отношения армянского народа с соседями. Нагорный Карабах — лишь одно из звеньев в длинной цепи этих отношений, где наиболее остро проявились застарелые, идущие из глубины веков национальные

противоречия.

Если попытаться углубиться в историю этих отношений уже в XX веке, необходимо вспомнить первые годы после Октябрьской революции, когда формировались принципы национально-государственных образований на территории нашей страны.

В 20-х годах южные границы нового государства устанавливались под заметным влиянием Турции. От ее позиции тогда зависело многое: либо компромиссное решение проблемы расселения народов Закавказья приведет к прекращению кровавых конфликтов между азербайджанцами и армянами, либо жизнь армянского населения такой области, как Нагорный Карабах, будет постоянно находиться под угрозой — так в 1923 году Нагорный Карабах с его преобладающим армянским населением стал частью Азербайджана.

Конечно, компромисс есть компромисс, и при этом всегда существует страдающая сторона. Националистическая партия «Дашнакцутюн» никогда не забывала о «несправедливых» границах и боролась за Великую Армению, многие ее лидеры, находившиеся за рубежом, активно выступали и против образования Советской Армении, и против местной просоветски настроенной армянской диаспоры, провозглашая лозунг объединения всех армян на землях Великой Армении, включая и Западную Армению, находившуюся на территории Турции. Неслучайно дашнаки без конца напоминали об антиармянском геноциде и ужасающей резне 1915 года — этой кровоточащей ране армянского народа, на которую они все время сыпали соль своей ядовитой пропаганды.

Дашнаки упорно возбуждали у армян ненависть к турецкому народу, всячески подогревая националистические настроения. А тем временем в Советской Армении шел поиск сотрудничества — жители республики стремились установить с Турцией добрососедские отношения. Интересно, как писал об этом известный писатель Андрей Белый, посетивший Армению в 1928 и 1929 годах.

«…В 21-м году обнародован был в Эривани декрет, призывающий беженцев в город вернуться. Сперва появились армяне, а за ними вернулись недавние «изверги»: турки, татары. Крестьяне, от них потерпевшие, их принимали охотно, и землями их наделяли и, им помогали распахивать землю.

Политику судят по принесенным ею плодам: и политика местных властей превосходна, когда мной описанный факт — ее плод».

Однако проблема оставалась, и в 1946 году Советский Союз оказался на грани конфликта с Турцией. Тогда в Закавказье были

сосредоточены войска и предприняты определенные дипломатические шаги. Немедленно поползли слухи и разговоры об изъятии у Турции земель Западной Армении и присоединении их к Советской Армении. Дашнаки, подталкивая к этому решению Советский Союз, определенно хотели столкнуть его с вчерашними союзниками — а то, что США и Великобритания непременно вмешаются в конфликт, сомнения не вызывало. Однако советское правительство, к счастью, не пошло на этот демарш, но армянские земли по-прежнему продолжали оставаться козырной картой в руках дашнакских лидеров. Понимая, что осуществить присоединение Западной Армении без конфликта с Турцией не удастся, дашнаки замышляли осуществить идею создания великой Армении путем собирания земель на территории Советского Союза. Это совпало и с заметным ростом армянского населения в Армянской ССР за счет реэмиграции соотечественников из западных стран.

Репатриантов, несомненно, притягивали условия жизни в Советской Армении: бесплатное образование и здравоохранение, бесплатное благоустроенное жилье. Тогда-то и возникли новые микрорайоны Еревана и целые города — Абовян, Раздан, Чаренцеван.

Первая группа армян, приехавших в СССР со всех концов планеты, встретила на земле предков радушный прием и активно включилась в жизнь Советской Армении. Это были рабочие люди, мастеровые, как говорится, простые трудяги. Но позднее в потоке репатриантов стал преобладать торговый люд со своими представлениями о нравственности и морали. С их появлением в республике усилилось влияние мелкобуржуазной партии «Дашнакцутюн», которая продолжала подрывную деятельность, опираясь, главным образом, на националистически настроенные экстремистские круги, всеми способами отстаивавшие свои идеи, не останавливаясь даже перед терроризмом.

В 1973 году в Москве прогремели три взрыва: на улице 25 Октября (ныне Никольская), в магазине на площади Дзержинского (Лубянка) и в метро между станциями «Измайловский парк» и «Первомайская» — в результате погибло 29 человек. Никаких следов злоумышленников обнаружено не было.

Чем могли быть вызваны эти кошмарные акты? Преступникам было явно безразлично, кого убивать, а ведь политический террор обычно направлен против каких-то конкретных лиц. Версия мести или попытки грабежа тоже отпадала.

Преступники скрылись, и никто не взял на себя ответственность за террористический акт, значит, не

преследовалась цель привлечь общественное внимание. Оставалось одно: они решили безжалостно, варварски уничтожать мирных, ни в чем не повинных людей — мстить стране. А отсюда следует, что мотивы преступления были все же политическими.

Началась кропотливая работа следствия. По крохотным осколкам удалось восстановить емкость, в которой находилось взрывное устройство (это была гусятница), а затем собрать и само устройство, заложенное в метро.

Взрыв произошел зимой на наземном участке полотна, и, чтобы собрать осколки, пришлось несколько дней растапливать снег. По мелким клочкам и ошметкам восстановили и сумку, в которой находился смертоносный груз.

Разыскали пассажиров, находившихся в вагоне метро во время взрыва, и рассадили их на те же места, где они сидели в момент происшествия. Они дали описание людей, которые выходили из вагона на станциях до того, как произошла трагедия.

Учитывая, что взрывы были произведены в трех местах, у следствия возникло предположение; возможно, где-то еще готовились подобные акции, и оно подтвердилось. Опущу пространный рассказ о том, сколько труда и изобретательности потребовалось от оперативников, пока они несколько месяцев спустя не обнаружили на Курском вокзале точно такое же взрывное устройство, но оно, к счастью, не сработало.

По словесным портретам, сделанным пассажирами, видевшими владельцев сумки со взрывным устройством на Курском вокзале, начались поиски. Приметы оказались характерными. Террористов было двое, один из них в синем спортивном костюме, и, что наиболее существенно, оба — армяне. Правда, армян можно встретить едва ли не в любом городе, но тем не менее поиски начались прежде всего в Армении.

Сотрудники оперативно-розыскной службы встречали все самолеты и поезда, прибывавшие из Москвы в Ереван, поиски велись и в других местах.

Из первого же московского поезда, прибывшего в Ереван, вышли двое мужчин, по всем приметам похожие на тех, которых видели на Курском вокзале. Их задержали (это были Степанян и Багдасарян). Один из них являлся участником националистической нелегальной группы, которой руководил некий Затикян. При обыске у него на чердаке обнаружили гусятницу — точно такую же, как та, что взорвалась в метро. После задержания преступникам предъявили собранную из осколков гусятницу и еще кое-какие вещественные доказательства. Отпираться они не могли. Что же толкнуло их на

столь бесчеловечный акт?

Оказалось, все трое являлись членами нелегальной националистической партии, ставившей целью борьбу против советского строя, а следовательно, против Москвы. Они решили мстить русским, неважно, кому именно: женщинам, детям, старикам — главное, русским.

Казалось бы, этот случай должен был привлечь внимание партийных и государственных руководителей, побудить искать пути устранения причин, ведущих к межнациональному расколу. Однако никаких действий, кроме работы следственных органов и суда, проходившего в Москве, не последовало. А армянское руководство сделало все, чтобы скрыть от населения республики это кровавое преступление. По указанию Первого секретаря ЦК компартии Армении Демирчяна ни одна газета, выходившая на армянском языке, не опубликовала сообщения о террористическом акте. Документальный фильм о процессе над Затикяном и его сообщниками, снятый во время заседаний Верховного суда, запретили показывать даже партийному активу Армении, его демонстрировали лишь в узком кругу высшего руководства. На экраны фильм так и не вышел, хотя мог принести немалую пользу и помочь в воспитательной работе. Руководство республики мотивировало запрет нежеланием компрометировать армянский народ в глазах русских.

А вскоре в «Известиях» появилось выступление академика А. Д. Сахарова, который протестовал против якобы незаконного ареста армян. Он отказывался верить, что трое террористов могли приехать в Москву для совершения своего злодеяния. Надо было видеть бурное возмущение Демирчяна: как смел Сахаров оглашать фамилии преступников, кто дал разрешение редакции печатать этот материал!

Даже из факта террора никто не хотел делать политических выводов, борьба с террором — это, дескать, сфера деятельности КГБ, на то они и чекисты, чтобы предупреждать подобные акции и не допускать их, а раз уж такое случилось, пусть сами и расхлебывают. Никто нс желал вникнуть в существо вопроса и понять — только разъяснительная работа, направленная против дашнакской пропаганды, могла предотвратить беду. Руководители и в центре, и на местах не хотели понять, что на этом дело не кончится. Даже несколько лет спустя, когда националистические тенденции в республике стали нарастать, а дашнаки все активнее насаждали в Армении свою идеологию, местное руководство не давало им должного отпора, и, по-видимому, неслучайно.

Теория исключительности армянской нации внушалась

населению республики с малых лет. Например, в учебнике для 7–8 классов средней школы ставился вопрос: в столицах каких государств есть армянские школы, и тут же выяснялось, что в столице СССР такой школы нет, а вот в некоторых зарубежных странах есть. Среди участников организации «Молодая гвардия», боровшейся в годы оккупации с гитлеровцами, в учебнике назывался только Жора Арутюнянц.

Другие имена, даже ее руководителей, не упоминались. Когда шла речь, скажем, о выдающихся советских музыкантах, художниках, деятелях культуры и науки, назывались, как правило, только армянские фамилии. Естественно, в результате дашнакская пропаганда попадала на благотворную почву.

Будучи в Армении, я беседовал по этому поводу с Демирчяном. Наш долгий и трудный разговор ничем не кончился, руководитель компартии Армении упрямо твердил; «Ничего страшного у нас не происходит!» Накануне отъезда я вновь встретился с ним и привел новые факты об активном проникновении дашнаков на территорию республики. Демирчян реагировал несколько по-другому. На очередном пленуме ЦК партии республики призвал коммунистов начать борьбу против дашнакского влияния, однако дальше этой формальной акции дело не пошло, если не считать нескольких публикаций, с трудом увидевших свет. Для жителей Нагорного Карабаха это бездействие обернулось бедой.

Понимая, что в стране, где началась перестройка, неизбежно грядут какие-то перемены, под влиянием националистической пропаганды снова подняли голову экстремистски настроенные элементы. В Армении был создан комитет «Карабах». Это он организовал на центральной площади Еревана миллионный митинг, требовавший присоединения Нагорного Карабаха к Армении.

В двух Закавказских республиках обстановка накалялась: в Ереване шли многолюдные собрания, направленные против Азербайджана, в Нагорном Карабахе нарастали экстремистские настроения, в Баку назревала вспышка — народ готов был выступить на защиту азербайджанских интересов. Достаточно было спички, чтобы произошел взрыв. И такой спичкой оказались события в Сумгаите.

В отличие от других городов Азербайджана, где удалось сдержать страсти и не допустить, чтобы люди вышли на улицы, в Сумгаите перед горкомом партии собралось не менее пяти тысяч жителей. Напряжение достигло кульминации, когда на площади появились азербайджанцы, бежавшие из Кафанского района Армении и рассказавшие о погромах, учиненных армянами в

районах, где жили, главным образом, азербайджанцы. Еще больше подлило масла в огонь выступление по армянскому телевидению поэтессы Сильвии Капутикян с рассказом о встрече в Москве с М. С. Горбачевым, а затем пришедшее из Еревана сообщение — о заявлении Главного военного прокурора Советской армии А. Н. Катусева, сказавшего, что ему известно о двух погибших в Азербайджане и, по его сведениям, среди погибших армян нет. Человек умный, волевой и достаточно дипломатичный, Катусев не мог не сделать такого заявления перед разбушевавшейся на ереванской площади толпой.

В Азербайджане заявление Катусева расценили так; раз двое погибших в Аскеранском районе не армяне, значит, там погибли соотечественники. Это вызвало бурную реакцию: разъяренная толпа двинулась в армянские кварталы Сумгаита.

Трудно искать правого и виноватого в подобных конфликтах. Кто был зачинщиком междоусобицы, кто провоцировал, а кто сделал ответные шаги — Армения или Азербайджан, — сейчас установить невозможно. Но то, что лидеры коммунистических партий республик, провозглашавшие дружбу народов, не находили контакта друг с другом, не искали путей сближения позиций, говорит о многом.

Национальное чванство гибельно сказывалось на развитии добрососедских отношений и поощряло конфронтационные акции. Так зрел Карабах. Мне кажется, некоторые известные и уважаемые люди даже не думали о том, как их громкие фразы и публичные высказывания способны привести к таким тяжелым последствиям.

Так, академик Аганбегян, как стало известно из печати, находясь в Париже, заявил на встрече с жителями армянских кварталов, будто проблема Нагорного Карабаха вот-вот будет решена и эта область, находящаяся на территории Азербайджана, войдет в состав Армении. В то время Аганбегян был близок к Горбачеву, и за рубежом его воспринимали как человека, в известной мере выражавшего взгляды Генерального секретаря ЦК КПСС. Естественно, это сообщение быстро облетело всю армянскую диаспору, дошло до Армении и Азербайджана. Начиная с этого момента Аганбегян стал для азербайджанцев нарицательной фигурой — человеком, который поднес первую спичку к карабахскому костру.

«Постарался» журналист и писатель Зорий Балаян. Находясь в Америке, он объехал места проживания армян и тоже, намекнув на Горбачева, заявил о переходе Нагорного Карабаха под юрисдикцию Армении.

Еще одним «активистом» оказался сын А. И. Микояна —

Серго, который отправился в Армению и очень много наговорил на эту тему.

Естественно, в Армении после всех этих выступлений поняли, будто вопрос решен, и областной совет Нагорного Карабаха объявил о выходе автономной области из состава Азербайджана.

Только тогда Политбюро ЦК КПСС осознало всю сложность положения и приняло постановление: границ республик не менять, оставить все как есть и «окончательно решить проблему в ходе перестройки». Что это означало, вряд ли кто-нибудь мог объяснить. Всем было ясно только одно — на сегодня вопрос с повестки снимается. Однако проблема Нагорного Карабаха не только не была снята, но еще больше обострилась. Волнения начались в Баку. В Азербайджан была направлена делегация во главе с секретарем ЦК КПСС Г. П. Разумовским, куда вошли кандидат в члены Политбюро П. Н. Демичев и я.

Посетив Баку, где все остались довольны решением Политбюро, мы направились в столицу Нагорного Карабаха — Степанакерт. Здесь еще ничего не знали о выводах ЦК и считали, будто вопрос решен в пользу Армении. У въезда в город нас встретили многочисленные группы празднично одетых людей с красными флагами и лозунгами, прославлявшими дружбу народов, благодарившими руководство страны за справедливое решение карабахского конфликта. На улицах Степанакерта — день был февральский, но солнечный и теплый — пионеры в красных галстуках приветственно размахивали флажками. Настоящий праздник.

Мы, конечно, чувствовали себя отвратительно, ибо везли жителям города совсем другое известие. И уже сам этот факт показывает, насколько люди были введены в заблуждение, сколь сильно было моральное давление; вся масса армянского населения Нагорного Карабаха оказалась втянутой в эту, прямо скажем, скверную провокацию.

Карабахская проблема все больше углублялась, она нанесла тяжелую травму двум народам и еще сильнее разожгла вражду между ними.

В Армении решение Политбюро ЦК КПСС поддержано не было. Все партийные организации, начиная с ЦК партии Армении, приняли его условно, с оговоркой: вопрос должен решиться на ближайшем пленуме ЦК КПСС. И этот так называемый «третий пункт» решения партийных организаций фактически объединил коммунистов Армении с националистическими элементами, входившими в комитет «Карабах», который требовал немедленного присоединения Нагорного Карабаха к Армении. Нашей группе во главе с

Разумовским удалось убедить партийно-хозяйственный актив области, что нельзя сейчас перекраивать границы республик и еще больше разжигать национальную междоусобицу. Однако мы считали необходимым предоставить армянам Нагорного Карабаха все условия для нормальной жизни, развития национальной культуры и традиций. Участники партийнохозяйственного актива с нами согласились. Так была заложена основа для разрешения кризиса. Элементарная логика подсказывала: решение партийно-хозяйственного актива — не шутка, это ведь отражение мнения населения Нагорного Карабаха, с которым не могут не считаться в центре. Руководство Армении должно было поддержать его.

К нашему удивлению, ничего этого сделано не было. Вместо того, чтобы провести в жизнь решение актива, ЦК компартии Армении задержал на несколько дней его публикацию. Это еще больше активизировало движение за изменение статуса Нагорного Карабаха.

Опять-таки можно спорить о том, кто был первым, кто как себя вел и кто больше виноват — азербайджанская или армянская сторона, — но факт остается фактом: первыми жертвами стали азербайджанцы: 22 февраля 1988 года в Аскеранском районе были убиты двое: работавший на виноградниках крестьянин и мальчишка, который показался подозрительным армянскому стрелку.

К чести азербайджанских руководителей и народа республики, они постарались сдержать эмоции и не стали афишировать убийство. Мне пришлось быть на месте события и видеть разъяренную толпу жителей Агдамского (соседнего с Аскеранским) района, призывавшую отомстить за невинные жертвы.

Остановил их лишь мужественный поступок замечательной женщины, Героя Социалистического Труда Аббасовой, которая бросила платок перед толпой и обратилась к мужчинам, призывая их к разуму. Согласно местному обычаю, платок женщины нельзя перешагнуть — он священен. Потом мы вместе с Аббасовой отправились на митинг, собравшийся в Агдаме, где в конце концов было принято общее решение: ни в коем случае не разжигать страсти. Можно представить, что поднялось бы в Азербайджане, если бы факт этого убийства стал широко известен!

В течение нескольких дней обстановка в Нагорном Карабахе оставалась напряженной, возможно, люди постепенно успокоились бы, не дойди до них еще одна новость: поэтессу Сильвию Капутикян и Зория Балаяна приняли в Москве — сначала А. Н. Яковлев, а затем и М. С. Горбачев.

Для чего понадобились эти встречи — трудно сказать. Может быть, руководство страны хотело использовать влияние интеллигенции, чтобы развязать туго затянувшийся узел? Но почему в Москве приняли только армян? Зачем понадобилось это явное, если не демонстративное предпочтение? Возможно, в те дни были и какие-то встречи с азербайджанцами, но пресса ни о чем подобном не сообщала. Неужели всего этого не понимал такой искушенный политик, как Горбачев?

У азербайджанцев действия властей вызвали не только недоумение, но и ощущение, что их предали. А армяне торжествовали, тем более что, возвратившись из Москвы, Сильвия Капутикян и Зорий Балаян недвусмысленно намекали на то, что Горбачев в карабахском конфликте на стороне армян. У меня нет оснований утверждать, будто подобные шаги центра были предприняты злонамеренно, но такая недальновидная политика усугубила конфликт, и тут прямая вина лежит на Горбачеве. Правда, после описанных событий он обратился к азербайджанскому и армянскому народам с призывом подчиниться и выполнить решение Политбюро ЦК КПСС, но и здесь оказался непоследовательным. Смысл решения явно менялся. Это сразу заметили и в Азербайджане, и в Армении.

Горбачев впоследствии, говоря о событиях в Азербайджане, взял на себя ответственность за то, что, дескать, опоздали с вводом войск в Сумгаит. Но силой в Азербайджане нельзя было успокоить людей, многомиллионное население Баку никогда не смирилось бы с вводом войск в республику, где еще не было никаких публичных выступлений, тогда как только в Ереване на площади чуть ли не ежедневно собиралось до миллиона людей, и тем не менее никто не пытался применить там военную силу.

Если бы армейские силы действительно были введены в Азербайджан, это неминуемо вызвало бы вспышку, которая опередила бы Сумгаит и оказалась еще более кровавой. Поэтому речь была вовсе не об опоздании, а о том, что руководство страны проявило двойственность в решении армяно-азербайджанской проблемы, не заняло твердой позиции и какое-то время скрывало ее от населения, тем самым еще больше углубляя конфликт. Метания власти из стороны в сторону только усугубили трагедию.

После кошмарной ночи в Сумгаите я разговаривал с одной армянкой, работницей сумгаитского комбината, женщиной мужественной и умной. Она стоически пережила страшную ночь, когда ее беременная невестка была зверски замучена, а сын ранен.

— Вы думаете, эти интеллигенты там, в Ереване, думают о

нас, армянах? — сказала она. — Они думают о земле. И Карабах им нужен только для этой цели.

Месяца через два-три я встречался с приехавшим в Москву бывшим первым заместителем Председателя Совета Министров Армении Кирокосяном. Он был на пенсии. Кирокосян долго объяснял, почему следовало решить карабахскую проблему в пользу армян, и привел один из главных аргументов:

— Нам очень нужна земля.

— Почему? — удивленно спросил я.

— Потому что армяне уезжают из Армении из-за того, что у них нет земли.

— Куда?

— В Ставропольский край, Сибирь, в Центральную Россию.

— Что в этом плохого?

— Ну как же, растекается нация. Для того чтобы остановить переселение армян в другие районы Советского Союза, нужна земля.

Как это совпадало со словами той женщины в Сумгаите! Значит, нужна земля. Все дело в объединении армянской земли. Вот как глубоко пустили корни в сознании людей дашнакские призывы. И этот узел, завязавшийся на шее двух народов, породила память о геноциде 1915 года.

Как только начались события в Нагорном Карабахе, на нас сразу посыпались упреки: мол, КГБ проморгал конфликт и вовремя не информировал ЦК КПСС.

Я находился в Баку, когда раздался телефонный звонок Председателя КГБ В. М. Чебрикова, который обратился ко мне именно с таким вопросом. Я напомнил ему, сколько раз мы докладывали об угрожающем положении в этом регионе.

Подняв копии наших служебных записок, Чебриков доказал в ЦК, что уже два года, как мы били тревогу о грядущем конфликте между Арменией и Азербайджаном. Он напомнил и о моих неоднократных беседах на эту тему с несколькими секретарями ЦК, в частности с Е. К. Лигачевым.

Надо признать, Лигачев сразу откликнулся на наши сигналы, и в Армению была послана бригада, которая подтвердила: в Закавказье зреют межнациональные конфликты и надо принимать срочные меры.

Вопрос был поставлен на обсуждение в секретариате ЦК КПСС. Однако все выводы и предложения бригады из решений убрали и сгладили остроту вопроса. Никто не хотел открыто признавать наличие конфликтов на национальной почве, что в некоторых республиках назревают социальные потрясения. Это стремление затушевать положение дел убаюкивало и мешало

серьезно заняться национальными проблемами.

ЦК КПСС пресекал любые попытки раскрыть истину. Например, на XXIII съезде партии было принято своевременное решение: необходимо написать всеобщую региональную историю Советского государства, в частности, историю Закавказья. Это могло сыграть важную роль, ибо научно обоснованная история Азербайджана и Армении помогла бы разрешить межнациональные проблемы. Однако никто и не подумал выполнять решения съезда. Немалая вина в том и академика И. И. Минца, который считал себя непререкаемым авторитетом в исторической науке и малейшие отступления от своих постулатов толковал чуть ли не как отход от марксизма. Именно он загубил создание очень важного труда. Заменили совместный научный труд локальными историями народов СССР, например, был выпущен учебник по истории армянского народа с явно националистической окраской, о котором я уже упоминал.

Карабахский кризис привел к кровавому конфликту между двумя республиками, суверенными государствами, в который пыталась вмешаться мировая общественность, стремившаяся погасить пожар, однако все оказалось безуспешно. Чем это кончится, сказать пока трудно.

Среди национальных проблем, заметно осложнявших обстановку, не последнее место занимала судьба крымских татар. Не стану возвращаться к тому, как и почему выселили этот народ из Крыма, об этом достаточно много написано. Ясно одно: переселить народ с родных мест, считая, что ему туда нет возврата и он не станет этого требовать, могли только люди, не думающие о следующих поколениях. А им-то и досталось коварное наследие сталинских времен.

Все другие (кроме немцев) репрессированные народы: калмыки, чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкары, — имевшие до выселения свои автономные, образования, снова обрели их вместе с правом вернуться на место прежнего проживания.

Однако крымские татары получили политическую реабилитацию без права возврата в Крым. Против их возвращения возражали партизаны Крыма, но главная причина состояла в том, что Крым к тому времени был «подарен» Н. С. Хрущевым Украине, подарен Российской Федерацией, в состав которой этот регион входил до 1954 года. Последнее обстоятельство более всего осложнило положение крымских татар. Не будь этого широкого жеста, они уже давно спокойно жили бы в Крыму, да и сам Крым вряд ли переживал бы нынешние потрясения.

Нельзя не вспомнить, что коренное население Крыма — русские, поселившиеся там с екатерининских времен, крымские

татары, немцы, евреи и греки.

Никто из них не имел национальной и государственной автономии, автономия была чисто территориальной, почему и именовали ее Крымской АССР. Это нисколько не противоречило праву крымских татар вернуться на полуостров — свою историческую родину. Подобное желание все сильней и сильней подогревалось дискриминационным решением, которое было принято в отношении крымских татар, но не коснулось других переселенцев, получивших право на восстановление автономии. И без того оскорбленные национальные чувства были задеты еще больше.

В этих условиях, как естественная реакция, возникло движение, которое постепенно стало принимать экстремистский характер. И в самом деле, мотивы запрета были неубедительны. Говорили о том, будто в Крыму не хватает земли, тогда как во многих районах полуострова пустовали дома, предназначавшиеся для переселенцев с Западной Украины: желающих добровольно переехать в Крым среди жителей этого края не находилось. Говорили, там нет рабочих мест, а газеты Крыма пестрели объявлениями с приглашениями на работу. Местные совхозы тайком принимали татар на работу, так как испытывали острую нужду в рабочих. И скрыть все это было невозможно.

Татарам вообще запретили въезд в Крым, даже на отдых. Их не принимали в крымские учебные заведения. Дело дошло до того, что некоторые средства массовой информации утверждали, будто такой национальности вообще не существует. Пытались закрыть издание литературы на крымско-татарском языке и газету на этом языке, выходившую в Узбекистане, нет, мол, такого языка.

И всем этим занимались серьезные люди, обязанные решить столь важный государственный вопрос. Мне помнится заседание по проблеме крымских татар у секретаря ЦК КПСС И. В. Капитонова, который, кстати, прекрасно понимал, что все дело тормозит Украина. Участники совещания не скрывали симпатий к татарам, но не очень активно возражали представителям Украины. Неожиданно мне в голову пришел один аргумент в пользу признания крымских татар как этнической единицы, а подсказало мне его мое школьное увлечение филателией. Я вспомнил, что до войны вышла серия почтовых марок «Народы СССР» и среди них была марка «Татары Крыма». Вопрос о закрытии газеты на крымско-татарском языке был снят.

Заниматься проблемой крымских татар пришлось в 1967 году, чуть ли не в первый день работы в 5-м Управлении. В Москву прибыло несколько сотен крымских татар с требованием к

руководству страны и партии разрешить возвратиться в родные места. К тому времени в движении за возвращение в Крым образовались две группы, два течения: одно экстремистское, второе умеренное. Естественно, что с представителями последнего разговаривать было легче. Мы предложили план постепенного возвращения татар путем организованного набора рабочей силы.

Ю. В. Андропов, которому было поручено встретиться с представителями движения, решение это одобрил и был готов на следующий же день принять татар в Кремле. Однако второй участник встречи — министр внутренних дел СССР Н. А. Щелоков вел иную линию: ничего конкретного посланцам крымских татар не обещать. Но об этом мы узнали значительно позже.

Встреча была назначена, но в тот день экстремисты намеревались организовать митинг, который мог сорвать переговоры в Кремле. Этого нельзя было допустить и вместе с тем следовало найти способ довести до сведения татарских представителей вариант решения их проблемы и тем самым уберечь от крайностей.

Вместе с заместителем начальника Управления КГБ Москвы полковником А. П. Ворониным мы решили поехать на квартиру, где собирались руководители. Конечно, это было не очень тактично — явиться в дом без предупреждения, но нас приняли. Состоялся долгий разговор, мы просидели почти до утра, но в результате пришли к согласию. Наши собеседники понимали, что мы чего-то недоговариваем, но поверили в нашу искренность и разумность доводов. Мы были уверены, завтра согласованное решение будет принято на официальной встрече. На прощание нас даже пригласили на чебуреки в Крым.

Как же тяжко, обидно и горько стало нам на следующий день, когда прошла обещанная встреча в Кремле, но все надежды на разумное решение вопроса лопнули. Были сказаны общие слова, даны туманные обещания — на том все и кончилось. Стыдно было смотреть в глаза людям, с которыми мы вместе провели эту ночь надежды. Ю. В. Андропов тоже болезненно переживал неудачу.

Мы и раньше попадали в такое положение. Хорошо зная обстановку, предлагали конкретные решения и были убеждены, что их невозможно не принять, и тут же натыкались на возражения, как правило, людей малосведущих. С таким противодействием сталкивались и в центральных партийных органах, и на местах, и среди близких к правительству ученых.

Не знаю, волновала ли ЦК КПСС по-настоящему судьба крымских татар, но мы не могли сидеть сложа руки. Нельзя же в

угоду чьему-то субъективному подходу оставить вопрос открытым! Под большим нажимом Украина все-таки согласилась принимать в год двести-триста татарских семей по оргнабору рабочей силы. Немного легче стало. Люди направлялись в Крым, зная, что работой и жильем будут обеспечены. Руководители крымских колхозов и совхозов охотно принимали татар.

Местные чекисты тоже старались снять напряжение. Появились первые абитуриенты из татар в вузах Крыма и отдыхающие на Южном берегу. Ученые заинтересовались историей крымских татар, и музеи пополнились новыми экспонатами. В Алупке был сооружен памятник легендарному летчику Ахмет-хан Султану. Но тут начались звонки из Краснодарского края: через Керченский пролив на пароме татар вновь насильно вывозят из Крыма. Проверили. Так и есть. Это было волюнтаристское, ни с кем не согласованное решение руководства Украины.

Обстановка снова обострилась. Доверие крымских татар к власти окончательно утратилось. Лидеры экстремистского крыла торжествовали и уже не таясь обратились за помощью к сотрудникам американского посольства. А те немедленно использовали этот повод и развернули шумную кампанию в зарубежной печати. Так было подброшено еще одно полено в костер «холодной войны». Если бы тогда правительство захотело реализовать наше предложение и началось постепенное возвращение татар в Крым через оргнабор, то сегодня там проживало бы не меньше ста пятидесяти тысяч человек, причем это были бы лояльные граждане, доверявшие власти и далекие от экстремизма и митинговщины.

В противовес местным властям органы КГБ помогали татарам как могли: брали под контроль поступление в вузы, следили за тем, чтобы не высылали татар, разрешали им туристические поездки, оказывали помощь краеведческому музею. Справедливые требования крымских татар поддерживала общественность, в их защиту выступала печать, но радикального решения проблема так и не получила.

Не лучше обстояло дело и с немцами, предки которых переселились из Западной Европы и образовали колонии на новых землях. Так возникла в свое время Республика немцев Поволжья в Саратовской области, население которой издавна компактно проживало на этой территории. На юге страны, на Украине, в Грузии и на Северном Кавказе также существовали небольшие немецкие поселения. С началом Великой Отечественной войны всех немцев переселили на Восток — в Сибирь и Казахстан. Трудно было объяснить, почему их права не

были восстановлены после войны. Люди пострадали за национальную принадлежность, хотя непосредственного участия в войне не принимали. Немцы работали в тылу так же, как и весь советский народ: жили в тяжелейших условиях и отдавали все силы обороне страны.

После войны большинство немцев, за исключением тех, что жили в Поволжье, возвратились на прежние места, но автономная республика на Волге так и не была восстановлена.

Таким образом, дискриминация коснулась лишь немцев Поволжья и крымских татар. Немцы, воевавшие против СССР, после войны создали целых два государственных образования — ГДР и ФРГ, — свои же, соотечественники, оказались изгоями. Такая политика, естественно, вызывала недовольство и даже озлобленность, особенно среди молодежи. Появились желающие выехать из СССР, однако их просьбы отклонялись. Очень немногим, и притом с большим трудом, удавалось уехать в ГДР.

Все это не проходило мимо внимания западных спецслужб. В ФРГ появились центры, которые поддерживали эмиграционные настроения советских немцев, они организовывали приглашения и вызовы, предлагали высокооплачиваемую работу. Мы же вели страусову политику, делая вид, будто проблемы вообще не существует.

Дело доходило до абсурда. Например, в Казахстане проживало около миллиона немцев, изгнанных с обжитой земли в Поволжье, и этот факт старательно пытались скрыть от советской и мировой общественности. в энциклопедии Казахстана немцы даже не упоминались как национальность в составе населения республики. Там же писалось, что в Акмолинске издается на немецком языке газета «Фройндшафт» («Дружба») и работает немецкий театр. Странно!

Немцы начали терять терпение, невозможно было жить с мыслью о вине за войну, развязанную фашистами. Они требовали не прощения, а ликвидации последствий войны и восстановления гражданских прав. Было очевидно; если проблема не будет решена, положение осложнится и приведет к нежелательным результатам.

Но вот Москву собрался посетить канцлер ФРГ Аденауэр. В ЦК КПСС засуетились, понимая, что советские немцы непременно будут апеллировать к нему. И тогда было принято поистине соломоново решение: из многих тысяч, желающих уехать в ФРГ, разрешение на выезд получили… около трехсот семей. Точно также поступали и потом, при посещении СССР другими высокопоставленными лицами из обоих немецких государств. Какая же началась борьба немцев за возможность получить визу и

как трудно было производить отбор среди тысяч людей!

Однако все это не только не решало болезненной проблемы, но еще более обостряло ее. Между тем никто не хотел браться за кардинальное решение, эту «честь» предоставили КГБ. А у нас каждое управление под всевозможными предлогами старалось устраниться от сложного вопроса. В конечном счете дело возложили на только что образованное 5-е Управление, в функции которого подобная тематика совершенно не вписывалась.

Вопрос был нами решен. Мы вошли в ЦК КПСС с предложением воссоздать автономию, а тем, кто желает воссоединиться с родными, разрешить выезд, если, конечно, эти люди не связаны с государственными тайнами. Если бы ЦК принял нашу рекомендацию, проблема была решена, а не тянулась десятилетиями вплоть до сегодняшнего дня, обостряясь с каждым годом.

Вопрос об автономии повис в воздухе, а выезд все-таки разрешили. Немцы стали выезжать. Что здесь началось! «Как так? Люди уезжают из страны социализма! Уезжают из районов, где есть закрытые предприятия! (А где их у нас нет?)» Немало упреков выслушали мы от своих же коллег. Но выезд немцев все-таки не прекратился, и это давало возможность как-то разрядить обстановку.

А вот с автономией заклинило. Вначале все шло гладко и решалось почти разумно. Было намечено создать Немецкую автономную область на территории Казахстана, густо населенной немцами, которые осели здесь, главным образом, когда поднимали целину. Почему именно там предполагали организовать новую автономию? Потому что в противном случае возникала угроза оголить целинный край, который давал хорошие урожаи.

Решение Политбюро ЦК КПСС было принято в 1976 году. И тут возникли новые препятствия. В Казахстане инспирировали протест студентов Целиноградского педагогического института, их поддержал и ЦК компартии и правительство Казахстана, хотя сами принимали участие в подготовке создания автономии и определили ее административные границы. Дело осложнялось, и выход никто не хотел искать.

А он был: восстановить автономию в Поволжье. Руководители Саратовской области охотно шли навстречу, ибо пустовало немало земель. Несколько тысяч немцев уже возвратились в те места. Но ЦК КПСС на такой вариант не пошел. Решить дело подобным образом — значит поссориться с первым секретарем компартии Казахстана Д. А. Кунаевым: ведь если немцы уедут с

целины, эта область лишится рабочих рук. Так и замариновали вопрос. Рана кровоточит до сих пор.

Сложность положения 5-го Управления состояла в том, что многие представители высшего эшелона власти отвергали наличие самой проблемы. Им, конечно, покорно поддакивали представители администрации на местах. На этой почве у меня произошла стычка с Кунаевым. Он бросил фразу:

— Сами немцы не хотят автономии, а вы им ее навязываете!

Тогда я обратил его внимание на то, что даже в Целинограде студенты выступали не против немецкой автономии вообще, а против ее создания именно в Казахстане.

Я пишу об этом не с обидой, а с досадой и болью — ибо видел, как накапливается взрывная сила, которая способна привести к серьезным потрясениям в государстве, как пользуются малейшими нашими просчетами спецслужбы Запада, как помогаем мы им одержать еще одну победу в «холодной войне». Трудно назвать такую республику СССР, где не возникали бы национальные проблемы, грозившие перерасти в межнациональные конфликты. Это требовало особого внимания партии. Однако серьезно заниматься этим делом никто не желал, жили в какой-то необъяснимой эйфории идеального благополучия. Всем хотелось видеть картину абсолютного единодушия, полного согласия всех племен и народов, и желание это выдавалось за истину, причем отбрасывались в сторону вопросы, требовавшие немедленного решения.

Довольно сложна и проблема до сих пор гонимых турок-месхетинцев — небольшой народности, проживавшей на границе Грузии с Турцией. От коренных грузин их отличает вероисповедание, это, собственно, те же грузины, но только принявшие в давние времена мусульманскую веру. До Второй мировой войны их насчитывалось немногим более ста тысяч, жили они в труднодоступных горных районах, занимаясь главным образом скотоводством и террасным садоводством. И сегодня, проезжая по дорогам Грузии, можно видеть южнее Боржоми и Ахалцихе следы их деятельности и представить себе красоту садов, некогда покрывавших склоны диких гор. А потом красота сменилась картиной запустения, горы обезлюдели, после того как их исконные жители покинули эти места. Именно здесь жил и творил великий месх Шота Руставели — гордость не только грузинской, но и всей мировой литературы.

Выселение месхетинцев произошло в годы войны. Как это началось? Совнарком Грузии обратился в Москву с просьбой разрешить отселение двухсот-трехсот семей в восточные районы республики, где ощущался недостаток рабочей силы. Пока

готовилось постановление, по инициативе Берии (судя по документам) вопрос перешел в иную плоскость: было решено вообще выселить месхетинцев из Грузии. А для этого стали подбирать всевозможные основания. Вот одно: месхи в основном живут на границе с Турцией и среди них якобы много контрабандистов, агентов спецслужб и других не внушающих доверия лиц. Однако командование погранвойск решительно это отвергло. Генерал-лейтенант Стаханов прямо заявил, что таких данных у пограничников нет, напротив, месхетинцы помогают в охране границы.

После этого поиски мотивов для обоснования готовящейся акции прекратились, и было принято абсолютно не аргументированное, волевое решение. Свыше восьмидесяти тысяч человек изгнали с родной земли и переселили в районы Средней Азии. В основном это были женщины, дети и старики; все мужчины, способные носить оружие, находились на фронте.

Это переселение — не что иное, как акт ненависти к своим собратьям, принявшим иную веру.

Правда, в отличие от представителей других депортированных народов, месхетинцев из армии не отзывали, они воевали на всех фронтах, а после войны, удостоенные за боевые подвиги орденов и медалей, отправились к своим родным — в ссылку.

Естественно, после смерти Сталина, восстановления в своих правах и возвращения на родную землю калмыков, чеченцев, ингушей и балкарцев месхетинцы потребовали разрешить им вернуться в Грузию. Казалось бы, никаких препятствий быть не должно: земли пустуют, на административную автономию никто не претендует, рабочих рук в Грузии не хватает, а месхетинцы славятся своим трудолюбием.

Руководители совхозов и других хозяйств Грузии охотно брали их на работу, и несколько десятков семей, уже перебравшихся в Западную Грузию, устроились работать на чайных плантациях Колхиды. За ними потянулись и другие семьи, не подозревая, какая их поджидает беда.

Председатель КГБ Абхазии Левон Галустов позвонил в 5-е Управление и попросил совета: как поступить. Оказалось, что по проторенной первопроходцами дорожке в Грузию прибыло около ста пятидесяти семей месхетинцев из Джамбульской области Казахстана. Они получили предварительное согласие местных руководителей, продали в Казахстане свой скот, инвентарь и двинулись в путь. Все было нормально до той поры, как слухи о возвращении месхетинцев дошли до Тбилиси. Оттуда немедленно последовала команда: месхетинцев в Грузию не пускать, всех

приехавших выселить, а руководителей хозяйств, взявших их на работу, наказать.

И вот в сопровождении милицейского конвоя товарные вагоны, куда погрузили месхетинцев со своим скарбом, двинулись в обратном направлении.

На дворе стоял январь, а этот месяц даже в Южной Грузии достаточно холодный. Людей везли в нетопленых теплушках, во второй раз изгнав из родных мест. Ни еды, ни воды никто им не давал.

Руководитель КГБ Абхазии Л. В. Галустов просил только об одном: защитить его от тбилисских властей, ибо он считал, что необходимо пресечь произвол и хотя бы накормить несчастных.

В столице Абхазии Сухуми группе сотрудников КГБ удалось пробиться через кордоны милиции к вагонам, чтобы передать людям продукты и воду. Мы поддержали Галустова. На границе с РСФСР грузинская милиция покинула поезд и месхетинцев взяли под опеку сотрудники Центрального аппарата КГБ. В Сочи теплушки оборудовали печками, и всю дорогу наши работники на железнодорожных станциях, как эстафетную палочку, передавали вагоны друг другу, снабжая месхетинцев пищей, водой и теплом. Ю. В. Андропов знал об этом, но даже он не мог сделать для них большего, так как никто не желал конфликтовать с первым секретарем ЦК компартии Грузии В. П. Мжаванадзе. А тот, пользуясь покровительством Брежнева, упорно стоял на своем.

Однажды мне пришлось говорить об этом с Мжаванадзе. Дело было за ужином, на котором присутствовало несколько человек. Мжаванадзе с удовольствием рассказывал о празднике начала сбора винограда, его ритуалах. На следующее утро он собирался ехать в один из районов на это торжество.

Шла обычная застольная беседа. Но я выбрал удобный момент и заговорил о судьбе месхетинцев, сказал, что надо бы вернуть их в Грузию. Мжаванадзе — и ему дружно вторили все присутствующие грузинские руководители — стал с жаром доказывать, что такой шаг невозможен. Представители Москвы молчали.

— Во-первых, — говорил Мжаванадзе, — земли месхетинцев уже заняты другими, а во-вторых, рядом граница, месхи же занимаются контрабандой, и поэтому пограничники возражают против их возвращения.

Я сказал, что это неверная информация, и сослался на заявление командующего погранвойсками генерала В. А. Матросова. Обратил внимание оппонентов на то, что несколько сотен месхетинцев, перебравшихся в соседний Азербайджан, преспокойно живут в приграничных районах, я видел это

собственными глазами.

Наш разговор зашел в тупик, и я умолк. Присутствовавшие на ужине москвичи говорили потом, что зря я поднял этот вопрос. Все видели реакцию Мжаванадзе и побаивались последствий.

Однако дело не двинулось с мертвой точки и после ухода Мжаванадзе, когда первым секретарем ЦК компартии Грузии стал Э. А. Шеварднадзе. Он также поддерживал лживую версию, будто против переселения месхетинцев в Грузию возражают пограничники.

Мы, в КГБ, категорически это отвергали и в результате добились разрешения въезда ежегодно нескольким сотням семей — в порядке оргнабора рабочей силы, да и то не в район прежнего проживания, а в самую восточную часть Грузии, заселение которой шло очень медленно и трудно.

У многих остался в памяти фильм «Твой сын, земля», снятый кинорежиссером Резо Чхеидзе, — фильм острый и смелый. Он рассказывает о беззакониях и произволе, творившихся Берией в Грузии, в том числе и выселении людей с родной земли. Те, кто хорошо знает республику, сразу поняли, что съемки велись на опустевших землях месхетинцев, хотя о них самих в фильме не было сказано ни слова. Кого выселяли из Грузии, фильм умалчивает.

Молчат о проблеме месхетинцев и поныне. В Грузию едут лишь немногие из них, кто решился изменить свою национальность и стал по паспорту грузином.

Нерешенная проблема турок-месхетинцев в конце концов вызвала мощную взрывную волну, которая подорвала общественное спокойствие. И в первую очередь это случилось в Ферганской области Узбекистана.

Конфликт в Ферганской долине назревал давно. Десятки тысяч месхетинцев, расселившиеся здесь, заняли землю, нехватка которой остро ощущалась в республике, а начавшийся рост населения — и месхетинского, и узбекского — обострил проблему до крайности. Ведь хлопок занял все посевные площади. Хлопковые плантации начинались чуть ли не у крылечек домов, они потеснили сады, бахчи и огороды. Стало невозможно вести какое-либо строительство. Дома в городах и селах Ферганской долины были построены так тесно, что их обитатели фактически жили под одной крышей. Казалось, можно было пройти из одного селения в другое по крышам домов.

В такой обстановке ничего не стоило внушить коренным жителям, якобы месхетинцы заняли все лучшие земли и без них у узбеков было бы просторнее.

К тому же надо сказать, что месхетинцы жили богаче местных

узбеков, их отличали исключительно добросовестное отношение к труду и природная коммерческая хватка.

Расколу в известной мере способствовали и коррумпированные элементы из торговой среды, опиравшиеся на уголовный мир, который имел свои сферы влияния и свои кланы.

Долгое время во главе крупной криминальной структуры стоял турок-месхетинец, а после его смерти началась борьба за лидерство. На этой почве и произошла первая стычка между узбеками и месхетинцами. Три дня продолжалась ожесточенная драка, которую с трудом удалось прекратить.

Однако фитиль был подожжен. Начавшаяся открытая вражда носила ярко националистический характер и вызвала массовый отъезд месхетинцев, а это, в свою очередь, посеяло настороженность по отношению к узбекам у русского, немецкого и корейского населения.

Не последнюю роль в возникновении конфликта сыграло общество «Бирлик» — узбекский аналог народных фронтов республик Балтии. Оно выступало с призывами в поддержку перестройки, защиту прав человека, за демократические преобразования в Узбекистане, но под этими лозунгами скрывался национализм.

Через несколько дней после упомянутой драки, организованной обществом «Бирлик» в Маргелане, группа головорезов принялась громить месхетинские дома. Погромы перекинулись на Фергану, только в Намангане и Андижане их удалось предотвратить.

Местные власти долгое время не предпринимали никаких мер. Милиция во время погромов бездействовала. Армия и внутренние войска, после того как их действия в Тбилиси в апреле 1990 года подверглись резкой критике, старались сохранять нейтралитет. Это, безусловно, вызывало нарекания у части населения, но выхода не было. Один офицер говорил мне:

— Я мог бы принять меры, но представляете, что обо мне завтра написали бы газеты?

И такие опасения были не беспочвенны. В Коканде, например, силы МВД дали отпор насильникам, чем вызвали на себя огонь критики. Почти повсеместно зазвучало требование наказать милицию.

Таким образом, властные структуры были скованы, а их пассивная позиция порождала инертность и бездействие остальных.

Я был на месте трагедии в составе группы, прилетевшей из Москвы. Ее возглавлял глава правительства Н. И. Рыжков. Мы проехали по местам погромов, картина была ужасающая:

сожженные дома, целые улицы пепелищ в Фергане, Маргелане и других городах, заживо сгоревшие люди. А потом мы решили, хотя нас очень от этого отговаривали, посетить полигон, где находился лагерь беженцев. Обменявшись мнениями, сошлись на том: если не посетить лагерь, незачем было лететь сюда из Москвы.

Утром направились на военный полигон, где в лагере, расположившемся под открытым небом и палящим солнцем, скопились тысячи людей, у них не было ни воды, ни пищи. Среди беженцев были и раненые, и роженицы, и старики, и крошечные младенцы. Люди выскочили из домов в чем были: кто в халате, кто в ночной сорочке. Они лишились разом всего: крова, одежды, обустроенной жизни, а главное, доверия к людям, к обществу, к власти. Несчастные беженцы требовали одного: вернуть их на родину, в Грузию.

Не могу не сказать о Н. И. Рыжкове, который в те дни показал себя человеком мужественным, собранным и очень внимательным к людям. Было видно, как переживает он все случившееся, как мучительно ищет выход из положения.

Месхетинцы встретили хорошо. Женщины взяли Рыжкова под руки и повели с собой. По обычаю этого народа, если женщина вводит гостя в дом, его никто не смеет обидеть. Остальные последовали за ними.

Мы долго совещались с оргкомитетом, который создали лидеры месхетинцев. Тяжело было слышать горькие упреки и справедливые требования вернуть их на родину: «До каких пор нас будут гонять по всей стране? Мы пережили уже второе выселение с обжитых земель!»

Окончательно решить проблему возвращения месхетинцев в Грузию никто не мог. Спасая от убийств и погромов, месхетинцев вывозили на территорию Российской Федерации. Помню, как уговаривал их уезжать в Россию Н. И. Рыжков и все остальные члены московской делегации. И многих мы тогда уговорили. Я уверен, что Рыжков надеялся со временем найти понимание у властей Грузии. Однако ферганская трагедия там никого не тронула, не взволновала даже грузинскую интеллигенцию, всегда чутко откликавшуюся на любую несправедливость. Вопрос, по существу, остался открытым.

Мне вспоминается Прибалтика в начале 70-х годов, когда стало ясно, что назревает конфликтная ситуация в Эстонии.

В республике никаких открытых массовых выступлений не было. Если и велись разговоры о том, что Советский Союз в 1940 году оккупировал Прибалтику, всячески подавляя ее культуру и быт, то они шли в основном среди определенно настроенной

интеллигенции. А в остальном республика жила спокойной жизнью.

Однако все чаще и чаще стали проявляться тревожные признаки обострения эстонско-русских отношений. На Эстонию работал канал финского телевидения, немало способствовавший разжиганию антирусских настроений. Не стану говорить о том, кто больше виновен во всякого рода неурядицах, но напряжение ощущалось все заметнее. И руководство Эстонии поощряло эти настроения, новые коммунистические лидеры слишком легко стали играть судьбами народа.

Комитет госбезопасности СССР решил внимательно изучить обстановку, выяснить, что на самом деле происходит. К работе были привлечены ученые Академии наук СССР, специалисты социологии, в том числе эстонцы. Проведенный анализ вскрыл множество проблем, показал источники того, что происходило.

Таким источником было явно тенденциозное обособление групп населения по национальному признаку. Начиналось оно с детских садов, которые делились на эстонские и русские, школа строилась по такому же принципу. Даже отдельные предприятия и рабочие коллективы были либо русскоязычные, либо эстонские, в связи с этим возникали осложнения, в Тарту, Таллине, Пярну начались межнациональные конфликты, главным образом в молодежной среде.

Мне довелось встретиться тогда с Первым секретарем ЦК компартии Эстонии Иваном Кэбиным. Сам он был из семьи обрусевших эстонцев, но хотел, чтобы все считали его коренным. Он принял выводы нашей группы, работавшей в республике, сдержанно.

Признаюсь, до беседы с Кэбиным, я встречался с одним из первых руководителей компартии Эстонии — Каротаммом. В 50-е годы он и его соратники были обвинены Сталиным в проведении националистической политики и подверглись гонениям. Каротамму, старому партийному функционеру, удалось уцелеть. Он тяжело переживал ситуацию в Эстонии и двусмысленную политику Кэбина. Именно двусмысленную, ибо, с одной стороны, это было преклонение и заискивание перед Москвой, а с другой — подыгрывание мелким интриганам и националистам.

Наша беседа с Кэбиным больше походила на мой монолог. Собеседник сразу насупился, что-то изредка невнятно бормотал, а в заключение произнес какие-то общие слова о дружбе народов. Хотя совсем не о дружбе шла речь, а о тех, кто ее разрушал, и, в частности, о его, Кэбина, политике.

Ю. В. Андропов решил по итогам нашего исследования направить записку в ЦК КПСС с предложением рассмотреть

вопрос о ситуации в Эстонии на заседании Политбюро ЦК КПСС с участием руководителей компартии и правительства Эстонии. Записку одобрили. Но заслушивать руководство Эстонии на Политбюро? Зачем? Разве товарищ Кэбин сам не способен оценить обстановку? Разве он не пользуется достаточным авторитетом в Эстонии? И потом, стоит ли обременять Политбюро вопросами второго плана? Строительство Асуанской плотины в Египте и стадиона в Джакарте — вот где куется по-настоящему дружба народов, а инцидентами в Эстонии пусть занимаются местные партийные органы или, на худой конец, КГБ.

Записку Андропова направили в Эстонию, с тем чтобы эстонские товарищи сами разобрались во всем и приняли меры. Овцу отдали волкам или, если попытаться выразиться поделикатнее, — все спустили на тормозах.

В Таллине поднятую нами проблему постарались замять. А обстановка между тем накалялась. Узнав о назначении Андреевой на пост министра просвещения, на улицы эстонской столицы вышли студенты — Андреева хотя и эстонка, но замужем за русским, и фамилия у нее русская.

Только ли в студенческих выступлениях было дело? Ответ очевиден, но не прост. Те, кто подстрекал Эстонию к выходу из СССР, выступали отнюдь не с открытым забралом. И в полной мере это проявилось в преддверии готовившейся в Москве XIX партийной конференции и непосредственно на ней.

К этому времени во главе компартии Эстонии оказался Вайко Вяляс — взращенный Кэбиным вожак эстонской молодежи. Незадолго до этого в Таллине прошел съезд театральных деятелей, в решениях которого впервые открыто прозвучали требования отделения Эстонии от СССР, выхода из состава Советского Союза. На сей счет была даже принята развернутая программа. Значение съезда театральных деятелей, безусловно, поднимало участие в нем представителей Москвы, и в частности Юрия Афанасьева, игравшего в ту пору роль «обличителя зла».

Решение деятелей театра пришлось по сердцу лидерам Народного фронта Эстонии. Не стану заниматься детальным анализом, скажу только, что они старались напустить как можно больше тумана, чтобы скрыть истинную цель — выход республики из СССР. Выступить в роли успокоителя общественного мнения решил «верный коммунист» Вайно Вяляс. Незадолго перед этим его вытащили из Никарагуа, куда он был назначен послом СССР.

И вот Вяляс появился на трибуне Кремлевского дворца съездов — весь пропахший порохом Никарагуа, убежденный большевик, не предавший и не способный предать своего отца,

вручившего ему компас, который должен указать верную дорогу к коммунизму. Он рассказал о пребывании в Никарагуа, героической борьбе никарагуанцев, поддел Б. Н. Ельцина, якобы неуважительно отнесшегося к народу Никарагуа и оскорбившего во время своего пребывания в стране национальное и революционное чувство никарагуанцев. Вяляс говорил о своей преданности идеям марксизма-ленинизма, о том, что единственно верный путь развития Эстонии — только вместе с Россией. Потом он сказал как бы вскользь, что соответствующие предложения он передал в президиум конференции.

А в предложениях были четко сформулированы пути выхода Эстонии из СССР, то есть изложено прямо противоположное тому, о чем говорил Вяляс с трибуны. Однако даже тогда никто и словом не обмолвился о том, что мы стоим на пороге раскола. Как всегда, осторожненько обошли острые углы и промолчали.

* * *

Непросто складывалась ситуация на Украине. Особенно в Киеве и в западных районах.

В кругах творческой интеллигенции широко муссировалась тема сокращения числа украинских школ. Росло беспокойство в связи с падением тиражей на украинском языке и многое другое, что заставляло задуматься о судьбе украинской самобытности и культуры. В 60-х годах интеллигенция (и главным образом молодежь) во весь голос заговорила о якобы сознательном подавлении Москвой украинского языка, замалчивании истории Украины, о том, что давно уже не издаются произведения ряда украинских писателей, таких как, например, В. К. Винниченко и М. С. Грушевский.

И в самом деле, большинство населения на Украине обучалось и в школах, и в вузах на русском языке. Все понимали, что выпускники школ, владеющие русским, имеют больше перспектив в получении высшего образования за пределами республики, поэтому значительная часть жителей старалась учить детей именно в русских школах. Пагубно сказались решения об отмене обязательного изучения украинского языка в русских школах.

В конце шестидесятых годов появилась книга Ивана Дзюбы «Интернационализм или руссификация», ставшая по существу программой для возникновения движений, которые привели к образованию «Руха». Кто тогда думал, что благие намерения поэтов Ивана Драча и Лины Костенко, призывавших к воспитанию

населения на украинской культуре, против подавления национальных традиций, приведут к трагедии, которую переживает Украина.

Процесс этот, естественно, не остался незамеченным теми, кто давно вынашивал идею выхода Украины из СССР. Активизировались организации украинских националистов (ОУН) в США, Канаде, Западной Германии, да и в других зарубежных государствах. Они устанавливали связи на Украине, засылали эмиссаров, искали опору среди тех, кто готов был сотрудничать.

Могли ли сотрудники госбезопасности стоять в стороне от этих процессов? Конечно, не дело КГБ вести пропагандистскую или разъяснительную работу, но знать, кто справедливо требует развития украинской культуры, а кто намеренно разжигает националистические настроения, органы госбезопасности обязаны.

А события на Украине развивались не лучшим образом. Горячие головы, отстаивавшие самобытность и независимое развитие, старательно раздували националистические страсти. Это немедленно сказалось и на позиции украинского руководства. Первый секретарь ЦК КП Украины П. Е. Шелест, прибывший однажды в Прикарпатский военный округ на партийную конференцию, учинил разнос командующему за то, что объявление о партконференции было написано на русском языке.

— Армия у нас интернациональная, — резонно возразил командующий.

Как тут не вспомнить знаменитую актрису Ю. И. Солнцеву, вдову прославленного кинорежиссера А. П. Довженко, которая рассказала мне о том, как трудно было ему работать в условиях сложных взаимоотношений Москвы и Киева. На киностудии в Киеве ему запрещали снимать на русском языке кинофильм «Щорс», а в Москве не выпускали на экран документальную ленту «Битва за Советскую Украину», куда Довженко вложил весь свой пафос украинца-патриота.

— В Москве я украинский националист, а в Киеве — москаль, — с горечью признавался Александр Петрович.

Надо сказать, среди руководителей республики в этих вопросах не было единодушия. Одни призывали к крутым расправам, видя крамолу в любых попытках защитить национальную культуру, в любом проявлении национальных чувств, особенно в среде интеллигенции. Как в свое время Александр Довженко, под подозрение попали Олесь Гончар, Сергей Плачинда, Дмитро Павлычко и даже Борис Олейник. Настороженно стали относиться и к наследию Сосюры. А другие,

наоборот, заигрывали с националистами, всячески поощряя тех, кто использовал в определенных целях борьбу украинских патриотов за национальную культуру.

Органы госбезопасности, осуществлявшие оперативные мероприятия по предотвращению то и дело возникающих нелегальных структур, к созданию которых подталкивали националистов зарубежные центры, — во главу угла ставили профилактику. В течение долгих лет мы получали данные о деятельности центров ОУН. Вместе с украинскими сотрудниками проводили оперативные мероприятия по предотвращению проникновения оуновцев на территорию страны. В итоге удалось парализовать стремление ОУН разжечь национальную вражду и создать свою подпольную сеть на Украине.

Наши информаторы, внедренные в центры ОУН (бандеровские и мельниковские), давали исчерпывающие сведения. Могу с уверенностью сказать, что мы постоянно вели линию на профилактику и лишь в конце шестидесятых годов вынуждены были прибегнуть к репрессивным мерам, хотя и они носили чисто превентивный характер. Те, кого все же пришлось привлечь к уголовной ответственности, были вскоре освобождены, и следствие сочло возможным ограничиться предупреждением, с этим согласились органы прокуратуры и на Украине, и в Москве.

Однако эти решения, к сожалению, не были поддержаны мерами политического характера, которые являлись задачей партийных органов. Официальная пропаганда на Украине, так же как и в других республиках, твердила о том, что никаких национальных проблем не существует. О них впервые осторожно заговорил Ю. В. Андропов в докладе, посвященном 60-летию СССР.

Мне вспоминается встреча. в здании КГБ Украины с поэтами Иваном Драчом, Линой Костенко и другими представителями украинской литературы. Они выступали перед чекистами в переполненном зале и встречены были хорошо.

Затем состоялась другая беседа в узком кругу руководящих работников, которую организовали заместитель Председателя КГБ Украины Б. С. Шульженко и начальник 5-го Управления Л. Г. Каллаш. Я был ее участником, так как в то время находился в Киеве в командировке.

Шел откровенный разговор. Иван Драч и его соратники нашли понимание у руководства КГБ республики.

Однако репрессий все же избежать не удалось. Думаю, их виновниками были не только органы КГБ и руководители республики, но и те, кто подталкивал людей к

антигосударственной деятельности, кому репрессии были нужны для нагнетания обстановки и усиления дестабилизации. Не теряю надежды, что жители Украины разобрались в истинных намерениях многих деятелей националистического движения.

Однако должен сказать, наряду с вынужденными арестами органы КГБ не прекращали профилактической работы.

Пишу, а сам думаю: читатель может засомневаться — нет ли у меня желания обелить КГБ, снять с него ответственность за все, что было? Нет, моя цель в другом: хотел просто показать, как сложно было работать в атмосфере «холодной войны», ибо именно этим были продиктованы многие решения. Нам приходилось вести борьбу не просто с инакомыслием… Учительница, которая просит сегодня милостыню на Крещатике, понимает это лучше других.

В середине 70-х годов я был у Э. А. Шеварднадзе, который только что вернулся в Тбилиси из Москвы и взволнованно рассказывал о проекте новой Конституции республики. В частности, в разделе о государственном языке Грузии предлагалось признать равноправными грузинский и русский языки.

— А что сейчас записано в Конституции? — спросил я.

— Ничего по этому поводу не записано, — ответил Шеварднадзе.

— Так, может быть, не стоит и в новой об этом писать? — засомневался я. — Зачем поднимать вопросы, которых там нет?

— Мы ведь должны утверждать свою государственность, — возразил он. — А потом, знаете ли, я уже согласовал этот вопрос с Сусловым, и он нашу инициативу одобрил.

Однако как только сессия Верховного Совета Грузии приняла эту статью Конституции, на улицы вышли толпы студентов и потребовали убрать из Конституции утверждение русского языка в качестве государственного — им должен оставаться только грузинский. К митингующим вышел Шеварднадзе и пообещал их требование удовлетворить. И действительно, в тексте опубликованной Конституции слова о русском языке были вычеркнуты и грузинский объявлялся единственным государственным языком.

Это говорит о том, как у нас относились к решениям высшего органа власти: Верховный Совет принял решение, а первый секретарь ЦК партии своим личным распоряжением отменил его.

Этот жест, кстати, вызвал определенную реакцию в Армении, где уже была принята Конституция. Армяне тут же дали обратный ход и, по примеру Грузии, признали государственным только армянский язык.

Все это создавало атмосферу, в которой национальные чувства легко перерастали в националистические настроения. А на всевозможные откровенные проявления Национализма власти реагировали однозначно: это дело органов госбезопасности, пусть они и разбираются. Что же лежит в основе всех националистических проявлений, никого не интересовало. Никто не хотел заниматься политической работой. И все твердили одно: «У нас с национальным вопросом все в порядке».

Когда дело касалось межнациональных конфликтов, скрывались на первый взгляд даже мелкие факты, из которых непременно нужно было сделать определенные выводы. Например, во время футбольного матча, проходившего в Ташкенте, местная команда «Пахтакор» проиграла московской, и толпы молодых болельщиков ринулись на поле с криками: «Бей русских!» Несколько дней после этого инцидента русские опасались ездить в городском транспорте, разбушевавшаяся молодежь выбрасывала их из автобусов и троллейбусов. Казалось бы, следовало предать огласке эти случаи, принять меры, чтобы не допустить в будущем подобных эксцессов. Но этого вовсе не желал Первый секретарь ЦК компартии Узбекистана Рашидов. Такие неприятные эпизоды не красят республику, а следовательно, националистических проявлений у узбеков быть не может. Рашидов не только не принял никаких мер, но сделал все, чтобы скрыть эти факты от Москвы.

Казалось бы, какое отношение национальные проблемы имеют к органам государственной безопасности? Оказывается, прямое. Вот, например, борьба с коррупцией в Узбекистане истолковывалась западными радиостанциями как попытка угнетения русскими узбекского народа. «Никакой коррупции нет, — вешали они. — А есть имперские устремления России, которая хочет окончательно поработить свою колонию — Узбекистан. Россия жаждет унизить узбекский народ, который своим каторжным трудом на хлопковых полях, на заводах и фабриках кормит ее, дает ей возможность продавать хлопок и грести золото из-за рубежа, тогда как это золото по праву принадлежит узбекам. И вообще борьба с коррупцией в Узбекистане — это способ подавления Москвой национальных сил, олицетворяющих собой национальное сознание узбекского народа».

Рассказывая о том, как возникали межнациональные конфликты, я лишь рассматривал их с точки зрения политической, не раскрывая методов, с помощью которых КГБ решал эти проблемы. Вот характерный пример, показывающий, каких усилий нам это стойло, какой профессионализм требовался

в определенных условиях.

В 1981 году в дачном поселке Совета Министров Киргизии Чолпон-Ате, на берегу озера Иссык-Куль, на одной из улиц был убит киргиз и обстрелян милицейский наряд. А через несколько часов ночью убит в своей спальне на даче Председатель Совета Министров Киргизии и его шофер.

Расследованием занялись КГБ, Прокуратура СССР и местные правоохранительные органы. Из беседы с вдовой удалось выяснить немногое: ее муж спал на втором этаже особняка, а она — в соседней комнате; злоумышленник проник в дом через окно, и, судя по всему, шофер, занимавший комнату на первом этаже, обнаружил его. Тогда преступник убил водителя и, беспрепятственно поднявшись на второй этаж, застрелил свою жертву в постели. Услышав выстрелы, прибежала жена погибшего, вошла в холл и увидела убийцу. Тот спокойно спустился вниз и выскочил в окно, через которое влез в дом. Женщина тут же позвонила в милицию, но, когда прибыл наряд, преступника и след простыл. Вот и все, чем мы располагали.

Началось расследование. Была проведена серия экспертиз, которая позволила прийти к выводу, что убийство на улице Чолпон-Аты местного гражданина и Председателя Совета Министров было совершено из оружия одного типа — мелкокалиберного нарезного карабина «белка», выпускавшегося Ижевским заводом и имеющего большую убойную силу.

Начались поиски владельца оружия по приметам, которые дала супруга погибшего; розыскная работа велась и по другим направлениям. Шли бесконечные экспертизы, которые могли вывести на какой-то след преступника.

Снова осматривали вещи, искали отпечатки пальцев… Прошел не один месяц — и никаких результатов. Не помог и всесоюзный розыск, к сожалению, примет убийцы было слишком мало. Однако нас заинтересовало одно сообщение из Куйбышевской области. В городе Чапаевске, в электричке, стоявшей в депо, обнаружили труп человека, который покончил жизнь самоубийством. У погибшего обнаружили книжку, выпущенную в Киргизии массовым тиражом: «Памятка депутата Верховного Совета Киргизии», в которой были напечатаны данные о депутатах.

Решили проработать и этот эпизод. Тщательно исследовали труп, провели опознание. Жители Чолпон-Аты узнали земляка, некоего Смагина. Хотя жена погибшего Председателя Совета Министров не подтвердила сходства Смагина с преступником, которого она видела ночью, мы продолжали расследование и проследили весь путь этого человека из Чолпон-Аты до

Чапаевска.

Восстановили картину его отъезда из Чолпон-Аты. Вначале он автобусом доехал до Фрунзе. Затем удалось найти людей, которые ехали с ним в поезде от Фрунзе до Москвы. Выяснили, как он вел себя во время пути и в дни пребывания в Москве — главным образом на вокзалах. Мы даже нашли свидетелей, которые видели Смагина в момент покупки билетов, опознала его и билетный кассир. Выяснили, каким поездом преступник уехал из Москвы и в каком вагоне. Установили, что он вышел в Сызрани, затем на электричке отправился в Куйбышев и наконец прибыл в Чапаевск.

Таким образом, мы проследили подозреваемого на протяжении всего маршрута: Чолпон-Ата — Фрунзе — Москва — Сызрань — Куйбышев — Чапаевск. И все это время он практически ничем не занимался, только переезжал с одного места на другое, видимо, стараясь запутать следы.

Похоже, это тот самый человек, что уехал из Чолпон-Аты после убийства Председателя Совета Министров. Мы постарались узнать побольше о его жизни до этого злодейского убийства и в ходе расспросов и поисков обнаружили снимок, где он сфотографирован с ружьем «белка», которое мы искали. Нашли и дядю Смагина, подарившего ему это ружье, а затем обнаружили стрельбище, где он обычно его пристреливал. Нашли и гильзы от патронов, и несколько пуль, застрявших в стволах деревьев. Они подходили к ружью, из которого был убит Председатель Совета Министров.

Помнится, я приехал в дом отца предполагаемого убийцы, где уже было проведено несколько обысков, и все же что-то заставило нас провести еще один, последний.

И тут мы обнаружили тетрадь с записью; *«Я* буду убивать киргизов, где бы они мне ни попались». Это серьезная улика. Она требовала от следствия глубокого изучения мотивов убийства.

А тем временем один из следователей обнаружил все-таки отпечатки пальцев на окне, через которое убийца проник в особняк. Мы тщательно проверили эти отпечатки. Тогда впервые в Советском Союзе провели так называемую биологическую экспертизу отпечатков пальцев, по которым можно идентифицировать человека. Исследования окончательно подтвердили: именно этот человек по составу крови, а также по другим показателям является преступником, которого мы ищем.

Казалось бы, все, только вот оружия, из которого стрелял преступник, пока не было в наших руках. А это очень важно. И тогда решили воспользоваться еще одной возможностью.

Отцом убийцы был человек, не слишком хорошо

зарекомендовавший себя среди окружающих. Он находился на пенсии, потихоньку торговал плодами своего труда — овощами, яблоками и тому подобным. Но было у него и другое занятие — торговал маковой соломкой, иначе говоря, сырьем для изготовления наркотика. Обнаружили и конечный продукт — опиум, хотя и совсем в небольшом количестве, однако этого вполне хватало, чтобы начать расследование. И когда снова допросили этого человека, он показал, где хранится оружие. Таким образом мы нашли ту злосчастную «белку». Вот тут-то и можно было наконец поставить точку, однако теперь возникла типично политическая ситуация: русский расстрелял киргизов.

Нашлось немало охотников перевести это дело на националистическую почву. Хорошо, что вмешались трезвомыслящие руководители, не то не миновать бы нам еще одной беды.

В своей работе мы постоянно помнили, что межнациональные отношения — вопрос деликатный и болезненный, требует тактичного и осторожного подхода с учетом всех запросов и нужд населения, всех нюансов и тонкостей.

В 1986 году мне пришлось побывать на Сахалине. Среди прочих впечатлений сразу бросилось в глаза отношение к местным корейцам, которые составляли немалый процент населения острова. У многих из них были родственники в Южной Корее, но общение с ними совершенно исключалось из-за позиции, занятой руководством КНДР: оно категорически возражало против поездок советских корейцев в Южную Корею и Японию. И с этим приходилось считаться, хотя из общего правила порой и делались в особых случаях исключения, так как советская сторона понимала всю несправедливость таких запретов.

Но было еще и другое: отношение к корейскому населению на Сахалине. При довольно значительном числе корейцев, проживающих на территории Сахалинской области, не было на острове никаких центров, которые объединяли бы их и создавали возможность более тесного общения, помогали поддерживать культурные связи и традиции. Сахалинские корейцы оказались предоставлены самим себе и чувствовали себя на острове изгоями, хотя большинство из них здесь родились и выросли.

Обсуждая эти явные перекосы в национальном вопросе с руководителями области, мы пришли к выводу, что необходимо постепенно менять политику в отношении корейского населения, создать условия для развития их культуры, литературы и искусства и, разумеется, помочь наладить связи с родственниками, живущими за границей.

Вернувшись в Москву, мы довели все это до сведения

руководства и добились того, что были разрешены поездки жителей Сахалина в Южную Корею и Японию. Местные власти разработали план широкого привлечения корейцев к участию в общественной жизни.

Мне было очень приятно получить от начальника Сахалинского управления КГБ Н. В. Селиха сборник стихов «Нам жизнь дана» местных корейских поэтов, который вышел через несколько месяцев после нашего посещения Южно-Сахалинска. Это был первый результат, свидетельствовавший о том, что наши усилия оказались небесплодными. К сожалению, он оказался последним. Руководству страны, занятому перестройкой, было не до национальных проблем: они не нашли отражения даже в широко разрекламированной программе помощи Дальнему Востоку, которую приняли после визита в этот регион Горбачева. Как известно, популизм и дело — вещи несовместимые.

ПАМЯТНЫЙ ДЕКАБРЬ 1986 ГОДА

В одной из ГАЗЕТ в перечне исторических событий я прочел: «1988 г. Баку. Впервые после событий 1986 года в Алма-Ате применена сила против мирной демонстрации, проходившей под лозунгом, требующим независимости Казахстану».

Сами события комментировались следующим образом: «1986 г. — митинги на площади Л. И. Брежнева (ныне площадь Республики) в Алма-Ате; к зданию ЦК КП Казахстана вышла молодежь, недовольная снятием накануне с поста первого секретаря ЦК Д. А. Кунаева и заменой его «варягом» Г. В. Колбиным по «рекомендации» московского Политбюро. Применение силы 18 декабря для разгона митинга привело к кровопролитию, первому в «эпоху Горбачева».

Г. В. Колбин, работавший первым секретарем Ульяновского обкома КПСС, зарекомендовал себя как энергичный, опытный руководитель, особенно отличившийся в кампании по борьбе с алкоголизмом: за один год он добился полной ликвидации пьянства, простите, — употребления спиртного на родине Ильича. Его заметили «наверху». Но главную роль сыграли не успехи в проведении антиалкогольной кампании, Колбин был и в самом деле незаурядным человеком, сильным организатором, сделавшим немало полезного для Ульяновской области.

Выбор кандидатуры Колбина на пост Первого секретаря ЦК компартии Казахстана, возможно, определялся и тем, что до Ульяновска он проработал вторым секретарем ЦК компартии Грузии и был близким другом Э. А. Шеварднадзе. О последнем Колбин всегда отзывался с восхищением, восторгался мудростью и прозорливостью Эдуарда Амвросиевича. О чем бы он ни говорил, рано или поздно разговор сводился к достоинствам кумира. К чести Колбина, он выучил грузинский язык, а по приезде в Казахстан сразу взялся за казахский.

В Грузию Колбин попал из Свердловска, где был вторым секретарем обкома КПСС.

Мне довелось встретиться с Геннадием Васильевичем в декабре 1986 года. 16 декабря я услышал о замене Кунаева Колбиным на посту Первого секретаря компартии Казахстана и, не скрою, в душе у меня шевельнулась тревога. Поэтому я не был особенно удивлен, когда на следующее утро стало известно, что студенты алма-атинских вузов вышли с протестом к зданию ЦК компартии Казахстана. «Нет Колбину! — кричали они. — Первым секретарем ЦК должен быть казах!» Возможно, они были и правы, если бы… Дело в том, что на роль руководителя компартии

Казахстана претендовали несколько человек, и первыми среди них были Председатель Совета Министров Нурсултан Назарбаев и секретарь ЦК компартии Казахстана Закаш Камалитденов.

Закаша я знал хорошо, ибо до того, как прийти в ЦК, он несколько лет был Председателем КГБ Казахстана, куда его направил Кунаев. Возвращение его вновь в ЦК, где он возглавил идеологическую работу, многие расценили как намерение Кунаева передать по наследству Камалитденову пост Первого секретаря ЦК.

И надо сказать, Камалитденов очень усердствовал, верно служил Кунаеву и старательно набирал очки в Москве. Главный его недостаток был в том, что, добиваясь поддержки в ЦК КПСС, Закаш допускал грубые ошибки. Он хотел показать себя русским больше, чем сами русские. Некоторые его высказывания не могли не задеть национальных чувств казахов. На этой почве он поссорился с интеллигенцией и даже с таким достойным человеком, как поэт Олжас Сулейменов.

Мне не раз приходилось говорить об этом с Камалитденовым еще во время его работы в КГБ. Хотелось поправить Закаша и уберечь от ошибок, которые могли скомпрометировать его в глазах собственного народа. Однако он слушал лишь тех, чей слух ласкали его интернационалистические речи.

Назарбаев был человек совсем иного склада. В отличие от Камалитденова это грамотный экономист, опытный организатор производства. Он уверенно стоял на земле, чувствуя под ногами твердую почву. Назарбаев, конечно, вполне созрел для того, чтобы сменить Кунаева на посту Первого секретаря ЦК компартии республики, и, думаю, эту кандидатуру поддержала бы и Москва. Я познакомился с ним в декабре злополучного 1986 года. Этот человек давно вызывал у меня симпатию и, по-моему, платил мне тем же. Но все это выяснилось значительно позднее.

Получив сообщение о волнениях среди студентов, я позвонил Председателю КГБ республики Виктору Мирошнику. Он рассказал, что действительно ночью в общежитиях нескольких вузов столицы Казахстана прошли собрания студентов, протестующих против избрания Колбина. Утром студенты вышли на. улицы. Обстановка очень тревожная и угрожает перерасти в массовые беспорядки. Группы студентов хотя и немногочисленны, но весьма агрессивны. Уже прозвучали призывы к погромам. Однако Мирошник считал, что события пока не носят угрожающего характера. Обменявшись мнениями с Председателем КГБ СССР В. М. Чебриковым, пришли к выводу, что не стоит принимать скоропалительных решений.

В этот день в Москве в Колонном зале открывалась

учредительная конференция ветеранов войны и труда, и я участвовал в ее работе. Примерно через час после начала конференции меня вызвал из президиума секретарь ЦК КПСС Г. П. Разумовский. Вместе с его заместителем Е. З. Разумовым обсудили происходящее в Алма-Ате. Разумовский предложил связаться с Чебриковым. Я позвонил, узнал, что получено указание Горбачева срочно вылететь в Алма-Ату, так как события в столице Казахстана принимают характер массовых беспорядков. По тону Чебрикова и по тому, как вел себя Разумовский, стало ясно, что руководство страны недовольно выжидательной позицией органов госбезопасности, которые не сумели предупредить нежелательный поворот событий. Мы обсуждали эту ситуацию, пока летели в Алма-Ату. Руководитель нашей группы член Политбюро ЦК КПСС М. С. Соломенцев настойчиво расспрашивал меня, как могло случиться, что КГБ прозевало массовые выступления студентов. Я обещал ему во всем разобраться на месте.

К нашему прилету дебош на площади закончился. Мы лицезрели его последствия.

Столица Казахстана произвела удручающее впечатление, особенно центр — площадь Л. И. Брежнева, где находилось здание ЦК компартии Казахстана. На площади и прилегающих улицах увидели несколько догорающих автомобилей, всюду валялись осколки стекла, булыжники, палки, железные прутья — следы происходившего здесь побоища. Едва вошли в здание ЦК партии, почувствовали, как напряжена обстановка здесь. Колбин, Назарбаев и другие руководители явно нервничали. По отдельным замечаниям Колбина стало ясно, что основную вину за все, что произошло, они возлагают на Председателя КГБ Мирошника, не обратившего должного внимания на козни кунаевских ставленников, якобы организовавших эти провокационные выступления. Возникло даже подозрение, будто бы Мирошник сознательно утаил от Колбина информацию о готовящихся выступлениях студентов.

Все осуждали Кунаева, который отказался выступить на митинге и призвать собравшихся на площади поддержать избрание Колбина. Однако мы сразу заметили: и в оценках событий, и в отношении к избранию Колбина среди членов бюро ЦК компартии Казахстана не было единства. Больше других нервничали Назарбаев и Камалитденов. Они были явно недовольны поведением приехавших из Москвы работников аппарата ЦК КПСС, особенно тех, кто прежде обещал им поддержку.

Единственное, в чем все сошлись, это то, что выступление

студентов организовано Кунаевым и его сторонниками. Соломенцев потребовал выявить организаторов массовых беспорядков, он был уверен, они возникли отнюдь не стихийно. Это заговор, считал он, а раз так — должен существовать штаб, планировавший такого рода выступления и руководивший ими. Вспомнили даже слухи, якобы супруга Кунаева, вылетевшая накануне из Москвы, заявила в самолете о готовящейся акции протеста по поводу освобождения Кунаева от должности.

А между тем события развивались по довольно примитивной схеме. Брожение среди студентов нескольких вузов Алма-Аты началось вскоре после сообщения об освобождении Кунаева. В народе он пользовался популярностью и в самом деле сделал для республики немало. И хотя ему пытались навязать обвинения в коррупции, ничего из этого не вышло: Кунаев не был аскетом, но его бескорыстию могли бы позавидовать многие. Правда, в его ближайшем окружении оказалось немало людей, замешанных в подозрительных делах. Они-то и выступили подстрекателями беспорядков, воспользовавшись экспансивностью молодежи. Свою лепту внесли и некоторые преподаватели вузов, отличавшиеся националистическими настроениями.

Утром 16 декабря студенты стали стекаться к площади перед зданием ЦК компартии Казахстана. Все лозунги и плакаты призывали к отставке Колбина, требовали избрать вместо него казаха, при этом назывались конкретные кандидаты. Перед собравшимися выступили несколько руководителей республики, пытаясь уговорить их разойтись, но все было безрезультатно.

Обстановка накалялась с каждым часом, появились ораторы, склонившие на свою сторону студентов, наиболее экстремистски настроенные начали призывать к штурму здания ЦК.

В целях недопущения беспорядков к площади приказали подтянуть внутренние войска, а само здание ЦК охраняли курсанты пограничного училища. У солдат не было огнестрельного оружия.

Уговоры не увенчались успехом, зато дали результат призывы подстрекателей. Собравшиеся на площади с громкими криками бросились на штурм здания ЦК, пытаясь опрокинуть шеренги солдат, милиции и пограничников. Завязалась драка. В ход пошли колья, арматура, камни, солдаты вынуждены были применить ремни и дубинки.

Разбушевавшиеся хулиганы подожгли несколько автомашин, разгромили витрины двух магазинов неподалеку от площади. Число погромщиков множилось. Попытки усмирить толпу оказались безрезультатными. Появились раненые с обеих сторон, и был зверски убит дружинник — работник местного

телевидения. я видел потом кадры видеозаписи, и меня поразила жестокость возбужденной толпы. Здесь уместно сказать, что потом называлось самое разное число погибших. Их исчисляли сотнями. Я должен свидетельствовать официально: во время описываемых событий погибло три человека. Это уже упомянутый мною дружинник Савицкий и шестнадцатилетний русский мальчик, заколотый ножом в автобусе довольно далеко от площади: он что-то дерзкое сказал кондуктору и стоявший рядом вонзил ему нож в сердце. Третий погибший — казах, раненный в драке на площади и скончавшийся через три дня.

К тому времени, когда мы прибыли в Алма-Ату, столкновения между теми, кто охранял здание ЦК, и нападавшими уже прекратились, и все занялись поисками виновных.

Первейшая задача комиссии из Москвы — установить спокойствие в городе, а это мог сделать только сам народ. Поэтому мы настаивали на том, чтобы народные дружины вышли на улицы. А руководители республики возлагали все надежды на помощь армии. Когда я увидел, как на одном из совещаний нажимают на командующего округом генерала армии В. Н. Лобова, я понял: необходимо проявить твердость.

— Армию использовать нельзя, — заявил я. — Ее участие должно ограничиться охраной объектов. Армия не должна идти против народа.

Эта позиция имела принципиальное значение, ибо и без того в республике бушевали националистические страсти, раздавались призывы громить русских, которых почти не было среди бунтующих манифестантов.

Надо отметить еще одно обстоятельство. Появилось много желающих характеризовать алма-атинские события как массовое народное движение. Могу засвидетельствовать: в волнениях в Алма-Ате принимало участие не более десяти тысяч человек и происходили они только на площади Л. И. Брежнева и нескольких прилегающих улицах. Весь город продолжал жить своей обычной жизнью, в других же городах Казахстана было просто спокойно. По-моему, только в Павлодаре прошел митинг, на который собралось около двухсот человек.

В первую же ночь после нашего приезда прошло несколько заседаний бюро ЦК компартии Казахстана с участием московской делегации.

Мне запомнилась одна деталь: кто-то настойчиво говорил о том, что едва ли не главным зачинщиком беспорядков был знаменитый казахский поэт Олжас Сулейменов. Действительно, толпа требовала, чтобы он выступил на митинге. Но когда я спросил у казахских товарищей, где Сулейменов, Камалитденов

ответил, что он уехал из города и его не нашли. Позже я узнал, что Олжас Сулейменов был в те дни в городе, хотел выступить перед согражданами, но ему не дали этого сделать. У меня закралось сомнение; так ли уж хотели некоторые руководители республики установить там порядок… Недаром они обвиняли во всем сторонников Кунаева.

К утру, следуя мудрому правилу: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», я решил поехать в город, поговорить с солдатами-пограничниками, охранявшими здание ЦК, посмотреть, что делается на улицах, и оценить обстановку. Со мной выехали заместитель Генерального прокурора СССР Н. А. Баженов и заместитель министра внутренних дел СССР генерал Елисов.

На площади перед зданием ЦК людей уже почти не было, остались немногочисленные группы, главным образом любопытных. Площадь, как я уже сказал, производила тяжкое впечатление: разбитые машины, следы пожаров, камни, разбросанные палки, колья, сожженная, еще дымящаяся пожарная машина. На улицах, в принципе, было спокойно, если не считать редких стаек молодежи, бросавших камни в патрульных солдат. Жертв в ту ночь больше не было.

Возвратившись в ЦК после осмотра города, мы побеседовали с солдатами-пограничниками, которые охраняли здание, а также с солдатами МВД, находившимися на площади. Они рассказали о том, что перед собравшейся толпой выступали представители местной власти, секретари и члены ЦК, известные деятели культуры. Однако толпа никого не слушала и требовала одного: убрать Колбина. Раздавались призывы вернуть Кунаева, предлагались также Назарбаев, Камалитденов, в общем, кричали разное, как и во всякой толпе. Но основная суть всех требований состояла в том, чтобы на посту Первого секретаря ЦК партии Казахстана заменили назначенного из Москвы русского на казаха.

Характер событий мог привести к межнациональному конфликту: здание ЦК защищали в основном русские солдаты, милиция и пограничники, а нападающие в подавляющем большинстве были казахами. Это могло усугубить противостояние и вылиться в межнациональные распри. Поэтому мы продолжали настаивать на том, чтобы на улицы были выведены местные дружины, а не военные, чтобы дружинники — и казахи, и русские — выступили единым строем против бесчинствующих хулиганов. Это необходимо было сделать немедленно, так как наутро можно было ожидать новую волну беспорядков.

Так и случилось, ибо народной дружины никто, конечно, не

собрал, а молодежь вновь вышла на площадь с теми же требованиями. Никакие уговоры, никакие делегации, которые формировались из числа митингующих, не помогли овладеть ситуацией, и можно было ожидать весьма печального развития событий.

Тогда руководство республики решило ввести в город армию. Мы долго обсуждали этот вопрос. В Алма-Ату уже прибыл первый заместитель министра обороны СССР генерал армии Лушев. Очень не хотелось использовать армейские части против мирного населения. К концу дня — это было 17 или даже 18 декабря — удалось вывести на улицы дружины, которые состояли в основном из русских, а это еще больше обострило ситуацию: русские выступали против казахов. Пришлось пойти на хитрость. Решили продемонстрировать как бы подготовку вооруженных сил, показать, что армия способна пресечь беспорядки. Заседание нашей группы, которая решала этот вопрос, проходило не в здании ЦК, а в штабе, на площади. Мы принимали решение, открыто и точно назначили время, когда солдаты приступят к делу.

Обо всем доложили в ЦК КПСС Разумовскому и просили его переговорить с Кунаевым, чтобы он вмешался и, пользуясь своим авторитетом, призвал жителей Алма-Аты к прекращению беспорядков. Вскоре нам сообщили, что Горбачев якобы говорил с Кунаевым на эту тему. Мы назначили наши армейские операции на 18 часов. Затем, посоветовавшись, решили отложить их еще на час. Именно тогда и состоялся разговор Горбачева с Кунаевым. Прошел час. Мы решили подождать еще полчаса.

К нашему удивлению, за эти полчаса ни на одной из прилегающих к площади улиц, не говоря уже о самой центральной площади, демонстрантов не оказалось. Кто дал команду уйти и прекратить беспорядки? Ответить на этот вопрос так никто и не смог, да и теперь вряд ли кто-нибудь сможет.

Во всяком случае, стало очевидно, направлялись все выступления откуда-то из другого места и кое-кто из руководителей республики имел к ним причастность. Не хочется бросать тень на кого бы то ни было, ибо явных доказательств нет, но предположения существуют, и они небезосновательны. Хорошо, что все кончилось без крови, толпа мирно разошлась, и в городе установилось спокойствие.

На следующий день Соломенцев и Колбин проехали по городу, побывали на многих предприятиях. Я присутствовал на этих встречах, всюду беседы проходили в одном ключе: «Надо наводить в республике порядок, мы живем здесь как братья, у нас нет друг с другом никаких счетов, а все эти бесчинства

организовали мафиозные структуры, криминальные элементы, взяточники, коррумпированные чиновники, которые боялись, что после прихода Колбина ситуация в республике может измениться и тем, кто получил слишком много благ, прячась за спиной Кунаева, придется за все ответить».

Так говорили и русские, и казахи. Мне вспоминается беседа с одним алмаатинцем, который прямо сказал, что все эти митинги организованы теми, кто спасает свой денежный мешок. Конечно, сказывалось и то (и все постоянно это подчеркивали), что в республике явно запустили работу с молодежью, неслучайно именно молодые люди первыми влились в толпу экстремистов, буйствовавших на площади.

Реакция партийного актива на события в Алма-Ате была инертной. Однако многие считали: с демонстрантами следует расправиться силовыми методами.

Потом начались разговоры о том, что выступления эти проходили под лозунгами независимости Казахстана, требующими суверенитета республики, что это открытое проявление национального самосознания. Я, как очевидец событий, утверждаю, что никаких требований, которые затрагивали бы национальные интересы казахского народа, не было. Люди говорили о проблемах жилья, проблемах снабжения — словом, о своих насущных нуждах. Что касается волнений на национальной почве, то они, по существу, в это время не возникали.

Потом поползли слухи, будто за событиями в Казахстане последовали массовые репрессии. Все это чушь. Было арестовано несколько человек. Из всех организаторов и идейных вдохновителей массовых выступлений органы КГБ арестовали одного человека, преподавателя вуза, известного и раньше своими подстрекательскими речами. Собственно, по линии Комитета государственной безопасности это был единственный арест. Конечно, задержали хулиганов, которые были осуждены за убийство мальчика и дружинника Савицкого. Убийц приговорили к смертной казни, но затем ее заменили иной мерой наказания.

Помнится оценка, данная алма-атинским событиям в ЦК КПСС. Как сказал Александр Николаевич Яковлев, «события в Казахстане — это автоматная очередь из прошлого». Удивительно, что такая вот автоматная очередь стала знаменем настоящего, ибо тот день объявили в Казахстане Днем независимости. Если это и в самом деле выстрел из прошлого, вряд ли он заслужил такие почетные вериги. Видимо, настоящая оценка событий 1986 года в Алма-Ате еще впереди.

Совершенно ясно только одно: произошедшее тогда в

Казахстане — это результат непродуманных действий руководства ЦК КПСС. В Москве вдруг решили, что возглавлять ЦК партии Казахстана почему-то должен обязательно русский. Видимо, тут сказалась и неприязнь к Кунаеву как к человеку, близкому к Брежневу, со стороны Горбачева и его команды. В общем, назначение Колбина было явно непродуманным шагом, оно породило негативные настроения в руководстве Казахстана. Безусловно, тяжелый осадок был после этих событий и у Назарбаева, ибо он стал жертвой интриги, которую плел Камалитденов, пользуясь поддержкой в аппарате ЦК КПСС. А интриги в таком серьезном деле, как руководство республикой, всегда приводят к одному: простые люди за все платят своей кровью.

Сейчас много говорят о том, что межнациональные конфликты якобы являются продолжением глубинных противоречий, которые существуют между народами, населяющими республики, властности, в Казахстане такие конфликты проявились в столкновениях между казахами и русскими, казахами и чеченцами или какими-то другими национальными группами. Все эти сложности и противоречия возникали вовсе не на национальной почве, они, как правило, являлись следствием непродуманных решений тех, кто стоял у власти.

И еще раз об «автоматной очереди из прошлого». Такая характеристика событий в Казахстане — не более чем образная, громкая фраза. Надо глубоко разобраться в причинах, почему прошлое стреляет, и, уж конечно, не увековечивать эту дату, которая якобы означает начало суверенитета Казахстана. Может быть, со мной не согласятся люди, стоящие сейчас во главе руководства Казахской республикой, но у меня было единственное желание — рассказать о том, что произошло там в декабре 1986 года.

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ЗВИАДА ГАМСАХУРДИЯ

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 80-х годов в Грузии сложилась очень непростая политическая обстановка. Против руководства республики выступила оппозиция — хорошо подготовленная и имеющая поддержку среди значительной части творческой и научной интеллигенции. Значимость этой поддержки усиливалась двумя обстоятельствами: интеллигенция была увлечена националистическими лозунгами, под которыми тогда шли выступления жителей Прибалтики, и прежде всего Эстонии.

Оппозицию в Грузии поддерживала группа из числа творческой интеллигенции, люди, близкие к Э. А. Шеварднадзе и сотрудничавшие с ним в бытность его Первым секретарем ЦК компартии Грузии, — это кинорежиссеры Резо Чхеидзе и Эльдар Шенгелая, профессор Бакрадзе и другие. Они выступали с открытыми заявлениями, будто Грузия была захвачена большевиками в 20-е годы, и всячески заигрывали с так называемыми правозащитниками, которые давно собирали силы для выступления против советского строя в Грузии, к их числу относились Гамсахурдия, Костава, Чантурия, Церетели и некоторые другие.

Наиболее заметная роль в этих кругах в то время принадлежала Звиаду Гамсахурдия, авторитет которого зиждился на славе его отца — классика грузинской литературы Константина Гамсахурдия. Звиад приобрел ореол мученика правозащитного движения. Он более других стремился к власти и даже пытался одержать победу на выборах патриарха Грузинской православной церкви. Безмерное тщеславие обуревало этого человека всю жизнь. Говорят, он привлекался к судебной ответственности за инакомыслие. Ничего подобного! Он был арестован и предстал перед судом в 1979 году, после того как его задержали в Москве в момент передачи материалов резиденту американской разведки. Тогда на суде он полностью признал себя виновным и даже сделал по этому поводу специальное заявление, которое передали по центральному телевидению. Звиада Гамсахурдия приговорили к трем годам ссылки, которые он отбывал, по ходатайству руководства республики, на альпийских пастбищах горного Кавказа под патронажем КГБ Грузии.

Возвратившись, Звиад практически отошел от активной политической жизни и вновь появился на сцене лишь в конце 80-х годов в качестве одного из основателей общества «Илья

Чавчавадзе». До образования национально-демократической партии Чантурия оно было главной оппозиционной силой в республике.

Оппозиционеры организовывали митинги, шествия, многочисленные собрания в студенческих аудиториях, готовя массовые выступления населения в Тбилиси и некоторых других городах.

В то же самое время создавался Народный фронт Грузии во главе с Шенгелая, Чхеидзе и другими деятелями культуры, имевший в своих руках молодежную прессу и телевидение, прикрываясь лозунгами перестройки, они повели атаку на советскую власть — началась критическая переоценка исторического прошлого Грузии, обличение «имперской политики» России, отрицание роли грузинских большевиков в освобождении Грузии от гнета царского самодержавия. Наступил апрель 1989 года. Начались массовые акции протеста.

В течение нескольких недель площадь в Тбилиси, где находилось здание Совета Министров, стала ареной публичных выступлений: то группа людей объявляла голодовку, требуя отставки правительства, то созывался многолюдный митинг для выражения «народного протеста» против коммунистов. Тогда же готовились группы боевиков под руководством Джабы Иоселиани и других организаторов вооруженных формирований, проявивших себя позднее.

Оппозиция готовилась к захвату власти. Местные руководители, конечно, видели это, понимали, что обстановка становится взрывоопасной и необходимо принимать срочные меры. Но какие? Политические? К этому никто не был готов, и подготовиться в короткий срок было непросто. А оппозиция требовала только одного — передать ей всю власть в республике.

К апрелю 1990 года активную оппозицию представлял блок правых сил (Гамсахурдия, Костава, Церетели, Чантурия); организаторы Народного фронта лишь скромно поддакивали им, боясь прослыть ретроградами. Народный фронт сыграл в Грузии незавидную роль — он всячески разжигал националистическую истерию, устранившись от конструктивной работы. Центр занимал странную, противоречивую позицию: с одной стороны, Политбюро КПСС, и в частности М. С. Горбачев, требовало стабилизации обстановки в республике, а с другой стороны, ЦК компартии Грузии (Патиашвили, а затем и Гумбаридзе) обвинялся в излишней драматизации событий.

Кстати, этот стиль вообще стал характерным для М. С. Горбачева, он как бы оправдывал бездействие центра и его явное нежелание принимать меры по наведению порядка. А в

результате власти на местах оказывались парализованы и лишены возможности влиять на происходящие процессы.

Речь, конечно, не шла о применении военной силы, но формула; «Не следует драматизировать события» — сковывала прессу, и, таким образом, люди, получая явно тенденциозную информацию, видели все происходящее в ложном свете, верили слухам. Любимое выражение М. С. Горбачева «процесс пошел» никому ничего не говорило. Какой процесс? Куда он движется? А процесс и в самом деле шел, но только двигался он в сторону от советской власти — к развалу великой державы.

Что мог сделать в этих условиях ЦК компартии Грузии? Поднять народ, призвать рабочих заводов выйти на площадь, чтобы дать отпор провокаторам! И трудовой люд Тбилиси, безусловно, вышел бы и дал подстрекателям отпор, как давали его коллективы многих предприятий в Тбилиси, Рустави и Батуми, когда крикунов-агитаторов попросту выбрасывали за ворота.

Однако Москва рекомендовала не допускать конфронтации и не гасить «процесс», а в то же время приказывала держать войска наготове и ни в коем случае не допустить погромов или захвата правительственных учреждений. Такие указания давал М. С. Горбачев, который находился в то время в Англии, но постоянно поддерживал связь с Москвой и был в курсе дела. Ни одна команда не поступала в Тбилиси без согласования с ним.

Многие в подробностях рассказывали о «тайной вечере» в аэропорту Внуково после возвращения Горбачева из Лондона. Я там не был, но мне позвонил Крючков и передал, что Горбачев одобрил ввод войск в Тбилиси для наведения порядка. Шеварднадзе и Разумовский должны были вылететь в Тбилиси для руководства на месте.

Как сообщил Крючков, он звонил Председателю КГБ Грузии Гумбаридзе, просил его постоянно следить за обстановкой, но никаких силовых акций не предпринимать.

Я разговаривал с Гумбаридзе по телефону, и он подтвердил, что получил это указание Крючкова, а потом сообщил, что приезд Шеварднадзе и Разумовского отложили по просьбе Первого секретаря ЦК Грузии Патиашвили, который обещал обойтись собственными силами и удержать развитие событий. На мой вопрос об обстановке в городе Гумбаридзе ответил:

— Дело плохо. Толпа жаждет действий. Лозунги — антисоветские. Но мы пока держимся, хотя уже звучат призывы идти штурмовать Дом правительства.

О том, что в столице Грузии задействованы войска, речи не было.

В шесть утра меня разбудил новый звонок Гумбаридзе:

— У нас беда. Войска очищали площадь, погибло двенадцать человек.

Я доложил обо всем Крючкову, он — Разумовскому, и мне было приказано немедленно вылететь в Тбилиси.

В который раз лечу в Тбилиси. Мне всегда доставляли радость встречи с этим городом, с его историей, людьми. «Холмы Грузии печальной» всегда манили своей самобытностью, а люди этого благословенного края — честностью и благородством души, верностью своему слову и дружбе.

Особое чувство испытываешь, когда летишь в самолете над Главным Кавказским хребтом и видишь внизу Эльбрус и Казбек. Величественная, строгая и суровая красота…

Однако полет в Тбилиси после тревожной ночи совсем не располагал к восхищению красотами природы. Все мысли были обращены к событиям. Я сознавал ответственность своей миссии и не очень понимал несколько отстраненную, как мне показалось, позицию партийного и государственного руководства Грузии. Это было заметно даже по тому, что информацию о ночных событиях мы получили из республиканского КГБ, тогда как правительственные и партийные каналы связи безмолвствовали.

Все это очень настораживало, ибо так уже не раз бывало: события развивались у всех на глазах, а ответственность за их исход возлагалась почему-то на аппарат госбезопасности. Конечно, так жить легче, и к этому все уже привыкли. Кому хочется докладывать начальству неприятные веши? К тому же в случае какого-либо провала всегда можно сказать: «Опять КГБ влез не в свое дело!»

А не влезать было нельзя. Кстати, о чернобыльской аварии руководство страны первыми известили сотрудники КГБ. Но и тогда М. С. Горбачев, которого подняли с постели, упрекал за несвоевременный доклад.

О том, что в Тбилиси события развиваются не лучшим образом, знали все, но первым из Москвы туда полетел все-таки заместитель Председателя КГБ, а не кто-нибудь другой. Я приближался к этому городу с тяжелым чувством, понимая: волнения в Тбилиси вслед за карабахской трагедией сулят нерадостную перспективу.

По приезде в Тбилиси выяснилось: к вечеру 8 апреля обстановка в городе накалилась, и вот-вот должен был начаться штурм Дома правительства. Это подтверждают и сделанные в ту ночь на площади магнитофонные записи.

Кто-то перекрыл выходы с площади с целью устроить давку. Это сделали не военные, а сами молодчики, устроившие

беспорядки. Все, кто погиб тогда на площади, стали жертвами давки.

Но несмотря на разные кривотолки, основные виновники трагедии, те, кто вывел людей на площадь, призывал к антиконституционным акциям и требовал крови, были арестованы. Знакомые имена: Гамсахурдия, Костава, Чантурия, Церетели — всего шесть человек. Начавшееся следствие внесло впоследствии полную ясность…

К концу того же дня в Тбилиси прилетели Шеварднадзе и Разумовский. Почему только к концу дня? Неизвестно…

Поздно вечером состоялось бюро ЦК компартии Грузии. Говорили долго и много, однако никто не осуждал принятых мер, хотя жертвы трагедии были налицо.

Тогда же признали необходимым разоблачить роль подлинных провокаторов, тех, кто собрал людей, кто подстрекал их к противоправным действиям.

— Мы должны поддержать действия ЦК КП Грузии. И не дать в обиду товарища Патиащвили, — сказал в конце заседания Шеварднадзе.

Это происходило ночью. А утром события были истолкованы совсем по-иному. Весь удар был направлен на армию. Генерала Родионова, честно выполнившего свой долг, сделали козлом отпущения. На очередном заседании бюро большинство присутствовавших обрушилось на солдат, появилась версия о саперных лопатках: кое-кто говорил, будто собственными глазами видел, как солдаты пустили их в ход против мирных жителей. Уже не было и речи об ответственности Гамсахурдия и его сподвижников. Во всем виноватыми оказались Москва и Патиашвили.

После заседания я сказал Шеварднадзе, что люди на площади погибли вовсе не под ударами саперных лопаток, да и раненых с характерными следами таких ударов в больницах не оказалось. Фильм, снятый сотрудниками КГБ на площади, также свидетельствует: лопатки здесь ни при чем.

— А разве есть такой фильм? — спросил Шеварднадзе.

— Конечно. Мы обязаны документировать такого рода события, — ответил я.

Фильм посмотрели, убедились, что версия о применении лопаток для разгона демонстрации совершенно несостоятельна, и преспокойно положили документальный материал на полку. Ну а вслед за этим начались явные фальсификации.

Вскоре все арестованные во главе со Звиадом Гамсахурдия оказались на свободе и даже получили разрешение на участие в выборах в Верховный Совет Грузии. Об участниках этих событий

почему-то «забыла» даже парламентская комиссия, возглавляемая Собчаком.

Родионов, как дисциплинированный генерал, не мог сказать о роли президента в этой истории, а Горбачев уже начал играть роль человека, ни о чем не ведавшего: все якобы происходило без него, его подвели, не проинформировали вовремя…

События в Грузии — не единственный пример такой двойственности. У Горбачева с тех пор появилась новая формула: «Надо наводить порядок. Действуйте, я вас поддержу».

События в Тбилиси подготовили почву для прихода к власти Гамсахурдия, незаконное свержение которого с помощью военной силы стоило грузинам немало крови.

Мое отрицательное отношение к Гамсахурдия известно, я не раз заявлял об этом в печати, но он был президентом, избранным народом Грузии, и никто не имел права его свергать. Такие действия противоречат Конституции.

А что же Москва? Воспротивилась этому? Нет, центр фактически поддержал переворот, на место первого лица в республике уже метил Шеварднадзе.

Так подлинные убийцы невинных людей на площади были амнистированы ловким политиком, сторонником компромиссов, те же, кто боролся против прихода к власти демо-фашиста Гамсахурдия, до сих пор несут на себе клеймо антидемократов и «краснокоричневых».

Не зря, видно, в Грузии еще до избрания Гамсахурдия президентом появился такой анекдот: к Гумбаридзе. Председателю Верховного Совета республики, входит знакомый и говорит:

«Гиви, над Тбилиси летают тарелки». — «Глупости!» — «Да, но об этом говорил Звиад». — «Так он сказал? Знаешь, действительно летают».

Еще раз хочу подчеркнуть, что мы не привлекали инакомыслящих к уголовной ответственности и не применяли к ним каких-либо других мер наказания. Уголовная ответственность — крайняя мера, к ней можно прибегать лишь за конкретные противоправные деяния. И пример тому — Гамсахурдия.

Задолго до событий в Тбилиси Председатель КГБ Грузии А. Н. Инаури, человек очень достойный, несколько раз ставил вопрос об аресте Гамсахурдия, который всячески разжигал грузино-абхазский конфликт, но мы не соглашались с его предложением.

Как-то еще в семидесятые годы я прилетел в Грузию, встречался с Шеварднадзе. Он поставил передо мной вопрос об аресте Гамсахурдия. Я возражал, мотивируя отказ тем, что

общественность Грузии не поймет: ей неизвестно о преступных деяниях этого человека, она знает его только как сына классика грузинской литературы, недавно ушедшего из жизни. Было бы лучше направить деятельность Гамсахурдия-сына на увековечение памяти отца, всю жизнь посвятившего литературе родной Грузии, ее народу, культуре. Звиад мог бы возглавить музей Константина Гамсахурдия, подумать о сооружении памятника отцу, показать его роль в мировой литературе с помощью ЮНЕСКО.

Надо сказать, Шеварднадзе прислушался к советам. Он выступил на одном из собраний партактива, подробно рассказал, что представляет собой Звиад Гамсахурдия, дал оценку его действиям, раскрыл характер типичного провокатора. Его выступление было передано по телевидению и напечатано в газетах. И однако Звиад Гамсахурдия не был арестован. Лишь когда стало известно о его связи с резидентурой американского посольства, которая активно поддерживала Гамсахурдия как «правозащитника», он был задержан с поличным и арестован.

Ну а что Шеварднадзе? Он добился своего: вопреки закону стал главой Грузии. Очевидно, рассчитывал на своих зарубежных друзей — крупных государственных деятелей Запада, рассчитывал на то, что потоки долларов потекут оттуда и в мгновение ока превратят Грузию в цветущий край, каким она была в составе СССР. Пока что дорого платит грузинский народ за политику Шеварднадзе.

ПРОБЛЕМЫ ЭМИГРАЦИИ

ЭМИГРАЦИЯ НАШИХ СОГРАЖДАН в страны Западной Европы, США и Канаду за последние годы приняла столь значительные масштабы, что стала одной из самых актуальных и болезненных проблем. По поводу так называемой «утечки мозгов», наносящей российской науке и культуре невосполнимый ущерб, постоянно бьет тревогу наша пресса; этой проблемой, безусловно, озабочены и государственные структуры, но решить ее можно только в комплексе с другими: с подъемом экономики, с достижением политической стабильности. Такая большая и сложная тема требует отдельного рассмотрения и глубокого анализа, что не входит в задачу настоящей книги, но на одном ее аспекте все же следует остановиться, так как это непосредственно связано с работой нашего ведомства. Я имею в виду эмиграцию в Израиль, положившую начало выездам из страны наших соотечественников.

Как и почему возникла массовая эмиграция из Советского Союза? Конечно, тому было немало причин. Тяжким грузом давила память о деле «Антифашистского еврейского комитета», «Деле врачей», борьбе с космополитизмом. Сказалось и отношение к еврейским культурным ценностям: к еврейским центрам, возможности изучения еврейских языков и прежде всего иврита. Давайте вспомним, как были закрыты еврейский театр, перестали выходить газеты и сокращено издание литературы на идиш. Нельзя отрицать, что долгие годы существовали ограничения при приеме на работу в такие организации, как МИД, МВД, КГБ, ЦК КПСС. Нельзя сбрасывать со счетов и желание евреев жить на своей исторической родине.

И все-таки главным было не это. Имелись более существенные причины. Первая — разрыв семей в годы Второй мировой войны. Это коснулось тысяч людей, прежде всего выходцев из Латвии, Литвы, Западной Украины, Белоруссии и Молдавии. Огромная масса евреев, бежавших от коричневой чумы гитлеровского фашизма, нашла приют в Советском Союзе, однако едва ли не большее их число оказалось на Западе, а затем в Израиле.

Проблема воссоединения семей встала уже в 1948 году — сразу после создания государства Израиль. Тогда мог быть выработан правильный подход, дававший возможность всем желающим без затруднений получить право на выезд в новое государство или переехать на постоянное жительство в СССР. Это решило бы проблему воссоединения семей, и в то время еще не

играла такую важную роль связь многих людей с государственными тайнами, которая в семидесятые годы стала основным препятствием для многих желавших покинуть Советский Союз.

Вторая причина, значительно способствовавшая обострению обстановки, — деятельность западных спецслужб, которые использовали недовольство, порожденное запретами на выезд, и всячески подталкивали евреев к экстремизму.

Не буду сейчас касаться громкой истории, связанной с попыткой захвата самолета на аэродроме в Пулково в 1970 году — для перелета в Израиль. Скажу лишь, что к этому эпизоду имели непосредственное отношение спецслужбы. Проблема тут же переросла в политическую: решение вопроса о выезде евреев в Израиль стало определять отношение к Советскому Союзу, наложило печать на развитие международных связей, позволило диктовать условия торговых договоров. Особенно активно использовали это обстоятельство Соединенные Штаты Америки. Они воспользовались им, превратив в орудие диктата и обострения «холодной войны».

Непросто было найти выход из такой сложной ситуации. С одной стороны, мы испытывали давление тех, кто добивался выезда, и заинтересованных западных правительственных кругов, которые не останавливались перед прямым шантажом: либо вы разрешаете выезд евреев, либо мы лишим вас режима наибольшего благоприятствования в торговле. С другой стороны, приходилось считаться с необходимостью охранять государственные тайны. Последний аргумент часто использовали те, кто искал возможность уйти от ответственности и, не желая считаться с реальностями жизни, действовал по принципу: имея власть, подавить можно все. На этой почве не раз приходилось спорить и даже конфликтовать с моими коллегами, в чьи функции как раз входила охрана государственных секретов. В те годы выезд из страны вообще был непростой проблемой. Немедленно возникли вопросы у представителей других национальностей: «Почему евреям можно, а нам нельзя?».

Вот тогда-то и пришлось 5-му Управлению взять на себя решение этих проблем, благо мы нашли надежного союзника в лице заместителя министра внутренних дел СССР В. Т. Шумилина, ведавшего службой, которая занималась визами.

Конечно, основную роль тут сыграла позиция Ю. В. Андропова, который поддержал нас и решительно высказался за воссоединение семей, хотя сделать ему это было очень нелегко — многие его коллеги по Политбюро придерживались иной точки зрения, к тому же обстановка еще и подогревалась информацией,

шедшей изнутри КГБ. Очень болезненно относился к таким проблемам Г. К. Цинев, ведавший военной контрразведкой и охраной военных секретов.

Мне известно, что в Политбюро Против Андропова со своими возражениями выступил К. У. Черненко — явно под давлением все тех же «охранителей государственных секретов». А уж кто более зорко, чем Андропов, следил за тем, чтобы не было утечки информации из нашей страны! И тем не менее нам в глаза говорили, что мы утратили ответственность за судьбу государства.

Особенно поразил такой случай. Будучи в Киеве в 1974 году, я встретился с Первым секретарем ЦК компартии Украины В. В. Щербицким, которого очень уважал. Он отличался здравым подходом к решению вопросов, глубоким знанием рассматриваемых проблем и личной порядочностью. Наша первая встреча навсегда запечатлелась в памяти — подтвердились все мои первые впечатления об этом человеке. В числе прочих мы обсуждали вопрос о выезде евреев. Владимир Васильевич спросил меня:

— Почему вы препятствуете выезду?

Я с удивлением ответил, что у меня об этом совсем иное представление: именно здесь, на Украине, главным образом и чинятся препятствия.

После беседы мне стала абсолютно ясна точка зрения Первого секретаря ЦК компартии Украины. Однако в его аппарате придерживались иного мнения. Там считали, что, открывая дорогу для выезда евреев, мы тем самым открываем для нашего противника источники закрытой информации. Чиновники всячески препятствовали разумному решению. За долгие годы не раз убеждался в том, что очень многое зависит от среднего звена, от так называемого аппарата — и в центре, и в республиках. Чиновники разного ранга саботировали любое неугодное им решение и зачастую протаскивали прямо противоположное.

Так случилось и в тот раз. Вскоре после разговора со Щербицким Комитет госбезопасности Украины прислал в Москву записку с предложением резко ограничить выезд из СССР лиц еврейской национальности. Не буду высказываться на сей счет. Председатель КГБ Украины В. В. Федорчук, присутствовавший на беседе со Щербицким, явно следовал советам из Москвы, исходившим от ревностных хранителей военных тайн и мало считавшихся с нараставшими внутренними межнациональными конфликтами. А этим как раз и пользовались силы, добивающиеся дестабилизации политической обстановки в СССР.

К концу 1969 года нам удалось добиться разрешения на

выезд нескольких тысяч семей. Вопрос сдвинулся с мертвой точки, и в конечном счете к 1974 году проблема воссоединения семей была решена.

Однако здесь нас ожидал подводный камень, который не был для нас неожиданностью, зато явился таковым для общества. Эмигрировавшие из СССР уезжали в разные страны, прежде всего в США, и значительно реже — в Израиль. Желание наших граждан покинуть страну активно поддерживалось американскими спецслужбами, которые хотели использовать эмиграцию из СССР как одно из средств нарушения стабильности.

Можно подумать, что мы допустили просчет. Ничего подобного. Необходимо было продолжать свою линию и не поддаваться давлению, которое щло прежде всего из США и касалось лиц, действительно посвященных в государственные тайны, — ученых, которые были в курсе новейших научных разработок и передовой технологии.

и все-таки мы не устояли перед мощным давлением со всех сторон, стали уступать то личным просьбам конгрессменов, то ходатайствам заезжих именитых гостей. А тут еще американский сенат принял поправку Джексона — Вэника, лишавшую нас режима наибольшего благоприятствования в торговле, и мы пошли на очередные уступки. Было особенно обидно, когда, изучив материалы и установив, что ученый действительно обладает серьезной закрытой информацией, убедительно доказывали это, а его выпускают по высочайшему повелению. Причем подобную беспринципность проявляли именно те люди, которые упрекали нас в несоблюдении государственной тайны. Иной раз становилось просто неловко, процесс согласования превращался в откровенный торг: едет сионистский лидер Бронфман в СССР — надо выпустить две-три еврейские семьи, едет академик Арбатов в США — надо выпустить еще кого-то. Все это порождало недоверие к КГБ, ставились под сомнение сами принципы охраны секретов. А вместе с тем это давало возможность проявлять субъективизм на разных уровнях.

Подводя итоги своей деятельности, я вижу отдельные наши просчеты, но, думаю, в целом мы не дали разгореться страстям вокруг так называемого «еврейского вопроса» в нашей стране.

ОТНОШЕНИЕ К РЕЛИГИИ

ОТНОШЕНИЕ К РЕЛИГИИ явилось одной из самых сложных проблем послеоктябрьского времени, принесло немало страданий не только отдельным людям, но и народу в целом.

Столетиями жила и развивалась религия, она играла большую роль в жизни государства и оказывала огромное воздействие не на какую-то ограниченную группу людей и даже не на один какой-то класс, а на весь народ, в том числе и на неверующих, которых, к слову сказать, было в нашей стране меньшинство.

Разрушить все это одним ударом было невозможно, но именно такая попытка была предпринята после Октябрьской революции. От столицы до самых маленьких деревень рушились церкви, закрывались монастыри, преследовались не только служители церкви, но и просто верующие. На глазах у всех летели на землю и разбивались церковные колокола, сносились кресты, а в осквернённых храмах размещались конюшни или склады. Церкви, которые вообще никак не использовались, постепенно ветшали и разрушались, но верующим их не возвращали, несмотря на бесчисленные просьбы.

и эта «генеральная линия» продолжалась не одно десятилетие. Правда, в конце 60-х годов наметился сдвиг. К церкви стали относиться терпимее, власти закрывали глаза на появление молитвенных домов, стали более терпимо относиться к открытию храмов. Но это не решало проблему свободы вероисповедания, свободы совести. Именно поэтому расчет на возбуждение недовольства советской властью среди верующих продолжал оставаться одним из важных рычагов в «холодной войне».

Пусть поздно (лишь после прихода к руководству КГБ Ю. В. Андропова), в органах госбезопасности заговорили в полной мере о пагубном для страны нигилистическом отношении к религии. Хотя это, может быть, и, нескромно, но для иллюстрации не могу не привести отрывок из своего выступления в 1981 году на Всесоюзном совещании руководящего состава органов госбезопасности:

«Нам очень серьезно надо поставить вопрос перед Центральным комитетом партии, перед руководством страны о выработке политической линии и механизма ее реализации по отношению к религии, к верующим. В этом вопросе наше государство живет по старым, отжившим канонам. Нам нельзя больше относиться к верующим как людям второго сорта.

Верующих в стране много миллионов. Они работают в бригадах коммунистического труда, многие являются ударниками коммунистического труда и заслуживают особого уважения. И те, кто думает сейчас об эмиссарах, засылаемых к нам с подрывными целями, или о доморощенных церковниках такого же толка, должны масштабнее подходить к делу. Их нельзя отождествлять с церковью, с религией в целом, у нас разрушались храмы, памятники религиозной культуры, а чем ответила нам церковь? Большинство ее служителей, с болью наблюдая это, в принципе все же поддержало наше государство, особенно в период войны. Они восприняли ее как Великую Отечественную, не пошли на конфронтацию с государством, а находили пути содружества с ним. Мы обязаны коренным образом изменить свое отношение к церкви и к верующим».

Я высказал тогда несколько конкретных предложений.

После выступления меня упрекали в том, что я «скатываюсь на позиции церковников». Это не очень расстроило, тем более меня поддержал Ю. В. Андропов. Но, увы, как и во многих других случаях, не поддержало руководство партии ни в центре, ни в республиках, не поддержало даже в ситуациях, абсолютно бесспорных.

В Узбекистане, например, закрывали мечети. К концу 60-х годов их осталось двадцать шесть. Встретившись с Рашидовым, я поставил вопрос о том, что среди первоочередных проблем, которые надо решать как можно скорее, является восстановление мечетей. Ни для кого не секрет, что в каждом колхозе был мулла, который являлся чуть ли не хозяином в коллективе, и колхоз содержал его. Да и нелегальные мечети на самом деле существовали по всей республике. Однако Рахимбабаева, секретарь ЦК партии республики по пропаганде, возмутилась и стала доказывать, что надо ликвидировать и оставшиеся мечети.

Тогда я привел еще один аргумент. «Вы закрываете мечети, но не трогаете русские храмы, значит, рука на православную церковь у вас не поднимается, ведь если вы закроете хоть одну, вас тут же обвинят в дискриминации русских. Но ведь узбекское население видит все это, и оно рано или поздно обвинит вас в русификации Узбекистана. Надо настойчиво искать решение этой проблемы».

Однако решать ее никто не хотел. Еще в 60-е годы ставили вопрос об изменении отношения к секте иеговистов.

В силу своей догматики секта не признавала власть, отказывалась брать паспорта, отрицала службу в армии. Молодежи запрещалось ходить в кино, смотреть телевизор, вступать в профсоюз. Таким образом, верующих отрывали от

жизни страны, изолировали от общества. Секта иеговистов находилась на нелегальном положении, долгие годы ее официально не регистрировали.

Иеговизм пришел к нам из Польши, после присоединения Западной Украины. Но в Польше действовала легальная секта, у нас же она оказалась в подполье. Желание легализовать секту через официальную регистрацию не являлось неким актом альтруизма, оно исходило из необходимости дать верующим сектантам гражданские права, снять с них клеймо изгоев.

Против регистрации иеговистской секты выступил секретарь ЦК КПСС по пропаганде Л. Ф. Ильичев. По его мнению, мы не должны поощрять сектантов, не соглашающихся на полную ликвидацию секты. Кстати, его точка зрения полностью совпадала с позицией Бруклинского иеговистского центра. Как только там почуяли наши настроения, тут же направили иеговистам категорическое указание: ни в коем случае не регистрироваться в Советском Союзе. Легализация иеговистской церкви была невыгодна этому центру, нелегальное положение иеговистов расшатывало власть, служило дополнительной возможностью возбудить конфликт населения с властью.

Такое же положение сложилось и с легализацией баптистских общин, особенно после раскола в их среде, когда несколько тысяч верующих ушли в подполье. Хотелось найти для этих людей выход из сложного положения, чтобы они не чувствовали себя гонимыми.

Отсутствие четкой линии в отношении к церкви приводило к всевозможным конфликтам. Так произошло на Западной Украине, где униаты повели открытую борьбу с православным духовенством. По этому поводу у нас было много разговоров, в частности с В. В. Щербицким. Речь шла о том, что нельзя с таким равнодушием относиться к закрытию униатских костелов и бездействию православных соборов. Надо отдать народу церкви, пусть они работают. Православие должно закрепить свои позиции на Украине и одновременно пойти на сближение с униатами. Но этот план категорически отвергался. Предпочитали держать церковь на замке. Дело кончилось тем, что под влиянием националистических настроений на Украине униаты практически вытеснили православную церковь. Подобный исход для нас не был неожиданностью, мы предупреждали об этом руководство республики.

В общем, мы оказались в ложном положении. Если возникали острые негативные моменты, во всем обвинялся КГБ, когда же все было тихо и спокойно, принимались очередные решения об усилении атеистической пропаганды, которая острием своим

направлялась против русской православной церкви.

В послевоенное время в стране заметно распространился баптизм. Баптистские общины возникали, главным образом, в городах-новостройках: в Комсомольске-на-Амуре, Ангарске, Находке, Новомосковске, Братске, Новой Каховке и других. Все новые и новые города оказывались под влиянием баптистов. В чем дело? Баптистам официально разрешалась регистрация общин, открытие молитвенных домов, а русской православной церкви запрещалось строить храмы в городах-новостройках. Мы тогда не могли даже представить, чтобы новый город начинался с храма. В результате сложилась противоестественная ситуация. Русская православная церковь не имела возможности противостоять деятельности неофициальных, по существу, нелегальных общин. Такое положение порождало недоверие православной церкви к власти, поощряло слухи о симпатиях властей к баптизму и недоброжелательном отношении к русской православной церкви, исконно служившей интересам русского народа, русской государственности.

Нельзя недооценивать и те проблемы, которые происходили внутри самой церкви. После революции за пределами страны оказалось большое число эмигрантов, в том числе служителей культа. Последние собрались в Карловце, провели собор и избрали патриарха' объявив себя русской православной церковью в зарубежье. Она стала именоваться Карловацкой церковью.

Московскую патриархию эмигранты не признавали. Долгие годы продолжалась эта конфронтация. Попытки Московской патриархии установить контакт, заключить какой-то союз, сблизиться ни к чему не привели.

Сейчас Карловацкая церковь пытается противопоставить себя Московской патриархии, вернуться на родину и занять лидирующее положение, считая себя единственным христианским центром всех верующих России, с каждым годом все глубже становится раскол русской православной церкви, возникают приходы Карловацкой церкви на территории России.

Что же получается, если не противостоять этому? На фоне общего раскола страны происходит раскол и среди приверженцев одной религии. Мало ли испытаний пришлось на их долю, а тут еще и вера оказывается расколотой на две части. И это происходит в тот момент, когда государство нашло наконец общий язык с церковью и стало помогать ей залечивать раны: возвращать храмы, возрождать религиозные обряды и праздники. Московская патриархия и русская православная церковь занимают сейчас в государстве весьма почетное место, помогая возрождать нравственность и духовные ценности народа.

Власти должны видеть опору в религиозных центрах России, которые пережили вместе со всем русским народом немало испытаний и сохранили лучшие свои традиции. Что касается зарубежных центров, они, возможно, пропагандируют гуманистические идеи, но отнюдь не способствуют сплочению верующих, а значит, не будут служить и народу России.

Серьезные осложнения русской православной церкви принес закон о свободе совести, принятый Верховным Советом СССР. Он признал возможность регистрации религиозных общин с предоставлением им права юридического лица. Тем самым была подорвана централизация русской православной церкви, ее историческое положение как единой конфессии.

И принятие этого закона, и другие трудности, с которыми сталкивается церковь, возникали из-за того, что проблемой религии, имеющей огромное значение в жизни нашей страны, нередко занимались высокопоставленные лица, далекие от нее и плохо в ней разбирающиеся.

От решения ее отмахивались, как от назойливой мухи. На обращения церкви к государству порой просто не отвечали, в лучшем случае, не вдаваясь в существо вопроса, находили повод для отказа.

И вновь вопрос: при чем здесь КГБ? Почему, рассказывая о его деятельности, я пишу о вещах, вроде бы не имеющих никакого отношения к системе безопасности?

Надо было быть безнадежным простаком, чтобы не понимать: спецслужбы Запада не преминут использовать такие крупные козыри, которые мы сами, своими неразумными действиями даем им. Помимо великолепно поставленной пропаганды, эти службы регулярно засылали резидентов-церковников, которые призывали верующих к неповиновению власти и другим подрывным действиям, более агрессивного характера.

Вот тут-то и приходилось вмешиваться КГБ. Мы стремились — по крайней мере так было в период пребывания во главе КГБ Ю. В. Андропова — глубоко вникать в проблемы религии, чтобы предупреждать нежелательные последствия. Этим, безусловно, должна была заниматься партия, государство, и решать проблему следовало с помощью не репрессивных, а хорошо продуманных политических методов.

О том, что мы неоднократно направляли в ЦК КПСС доклады и рекомендации, никому не было известно, когда же оправдывались самые мрачные наши прогнозы, это становилось достоянием всех, и у советских людей, особенно в интеллигентской среде, накапливалось возмущение против КГБ.

КАК РАЗРУШАЛИ СССР

ВО ВСЕ ВРЕМЕНА НА ЗЕМЛЕ были завоеватели, стремившиеся покорить чужие земли, расширить свои владения. При этом народы объединялись и выступали под одними знаменами, чтобы стать сильнее. Но история человечества не знала примеров, когда могучая, признанная в мире сверхдержава без войн и потрясений добровольно развалилась на куски.

При всех изъянах существовавшего в нашем государстве строя, он не раз доказывал свою жизнеспособность. В ходе перестройки надо было покончить с накопившимся тяжелым грузом, разобраться с прошлым и наметить пути дальнейшего развития, но уж никак не ликвидировать строи, сложившийся на протяжении нескольких десятилетий, и не разваливать державу.

Точно мессия, явился Михаил Сергеевич Горбачев, который провозгласил себя идеологом перестройки, что означало отмену цензуры, всеобъемлющую гласность, ликвидацию административно-командных методов управления, подъем экономики и другие великие блага. Народ торжествовал, с любовью глядя на обаятельную улыбку нового лидера.

Едва ли кто-нибудь предполагал, что ломка устоев произойдет молниеносно, безболезненно и без напряжения сил. Да и сил у нас было много. Такая перестройка была по плечу богатейшей стране, талантливому народу, душой и разумом принявшему новые идеи.

Народы СССР за почти вековую совместную жизнь уже не раз демонстрировали свою мощь, силу воли и неиссякаемые возможности, демонстрировали свою готовность вынести любые трудности во имя общего блага. Самое убедительное доказательство тому — наша победа в Великой Отечественной войне. Все народы, населявшие Советский Союз, как один поднялись на защиту Родины, что явилось решающим фактором победы.

Настали новые времена, и люди поверили в перестройку, поверили новому лидеру и пошли за ним. И мало кто знал, что автором перестройки был вовсе не Горбачев — ее стратегическую основу разрабатывал Ю. В. Андропов. К сожалению, слишком мало времени отвела ему судьба, и не сумел он осуществить свой грандиозный замысел.

Но по большому счету авторство здесь особого значения не имело, важно, что нашелся новый лидер, готовый реализовать прогрессивные изменения в жизни общества.

… Хорошо помню, как проходил первый съезд Советов

народных депутатов РСФСР, избранных в 1990 году. Среди участников более 80 % были коммунистами, и вот на этом съезде стали громить коммунистов. Почему? Большинство делегатов представляло движение «Демократическая Россия», пока еще не открыто, но явно порывавшего с компартией.

Доклад о суверенитете России сделал Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР В. И. Воротников. Странно звучала сама формулировка доклада — ведь СССР был союзом суверенных государств и о суверенных правах России было ясно сказано в Конституции. О каком еще суверенитете могла идти речь?

Доклад Воротникова произвел двоякое впечатление: с одной стороны, подчеркнутое спокойствие, с другой — заметная растерянность.

Назрела необходимость расширения властных полномочий республик и их меньшей зависимости — прежде всего экономической — от центра, само время поставило эти вопросы на повестку дня. Однако под знаменем их решения нарастали тенденции сепаратизма. Застрельщиками выступили три Прибалтийские республики, поддержанные московскими представителями демократических сил, выступавшими «прорабами перестройки». Очень скоро стало ясно: Латвия, Литва и Эстония выходят из состава СССР.

Депутатам раздали проект декларации съезда о суверенитете России. Не буду воспроизводить здесь его текст, но два положения поразили меня, и не только меня. Провозглашалось верховенство российских законов над общесоюзными. Что это означало? Ни в одной стране мира не было такого. Как могут, например, законы Саксонии, Тюрингии или Баварии верховенствовать над федеральными законами Германии? Нонсенс! Такого нет ни в США, ни в одной стране Европы. Правда, в любом штате Америки существуют свои собственные законы, но они не противоречат Конституции.

Если республика может не подчиняться конституционным законам СССР, иначе говоря, не признавать и не выполнять их, значит, она может не признавать и самого СССР. У меня вызвал тревогу еще одни пункт проекта декларации, на котором особо настаивал только что избранный Председатель Верховного Совета Б. Н. Ельцин, — новый закон вводился в действие с момента его принятия, что практически означало отмену действующей Конституции РСФСР и грубейшее нарушение Конституции СССР.

Я вышел из зала. Надо что-то делать!

В холле встретился генерал-полковник (ныне генерал армии) К. И. Кобец. К нам подошел еще один генерал. Мнения наши

совпадали. Все мы хорошо понимали, что нужно срочно предпринять какие-то меры. Сейчас все решают часы, а может, и минуты. Вот-вот проект декларации будет поставлен на голосование. Выступить со своей трактовкой хотя бы этих двух пунктов? Едва ли нас поддержит взбудораженный съезд. Сомнения усилились, когда один из моих собеседников сказал:

— Ведь и в выступлении Старовойтовой четко прослеживалась идея расчленения Союза, и никто ей не возразил.

И снова проклятый вопрос: что делать? Нельзя же молча взирать, как рушится страна!

Я предложил немедленно отправиться к Горбачеву, благо он находился близко, в Кремлевском дворце съездов, на учредительном съезде компартии РСФСР. Мои товарищи согласились, хорошо понимая всю ответственность такого шага.

Шел сильный дождь. И хотя путь наш был короток, от волнения мы даже не замечали, что идем вдоль стен зданий, прямо под потоками воды с крыш.

Во Дворце съездов я разыскал начальника 9-го Управления КГБ, ведавшего охраной Политбюро, Ю. С. Плеханова. Попросил его пригласить из зала В. А. Крючкова, чтобы посоветоваться с ним, перед тем как идти к Горбачеву. Плеханов ушел, и вскоре появились Горбачев с Крючковым. Мы рассказали о своих сомнениях, показали проект декларации. Горбачев прочел его, подумал немного и сказал:

— Ничего страшного не вижу. Мы уже многое обсуждали.

— Но ведь это, по существу, отказ от властных полномочий Союза, — заметили мы, несколько смущенные.

— Да нет. Это Союзу не угрожает. Но если вы не согласны, покиньте съезд. Такая демонстрация может быть только полезной. — Он, как всегда, по доброму улыбнулся и уже совсем серьезно добавил: — Причин реагировать на это союзным властям я не вижу.

Обратно мы шли молча. О чем думали мои спутники, не знаю, но я был потрясен двойственностью позиции нашего лидера. С одной стороны, ничего опасного, а с другой — предлагает нам покинуть съезд. Ясно было одно: верховенство законов России над союзными — это угроза СССР. Неужели судьба нашего Союза предрешена?

В голове теснились тревожные мысли, пока не выплыло главное: Горбачев не может не понимать, что данные пункты декларации — первый шаг к неизбежному развалу великой державы. Неужели он хочет этого? Ведь он президент этого государства… Выходит, не понимает? Нет, не так он наивен, чтобы не понимать. Значит, остается только одно: президент

допускает развал страны. В голове подобные вещи никак не укладывались. Не мог я этого принять! Ведь речь идет не о пустяках, а о существовании великой державы, за которую в трех войнах пролито море крови!

Мы вернулись в зал заседаний. Декларация съезда с некоторыми поправками была принята. Сняли пункт о том, что документ вступает в силу с момента его принятия, но пункт о верховенстве республиканских законов над союзными остался. Он-то и стал началом расчленения СССР. Горбачев все знал. «Мы это уже обсуждали», — сказал он нам. Значит, ничего нового мы еˆіу не открыли. Если рассуждать отвлеченно, такая позиция во всем мире расценивается одинаково — как предательство.

Разговор с президентом обескуражил меня. Я ловил себя на том, что меня бесконечно разочаровал Горбачев, которого я уважал и которому верил. Как и многие, я радовался, когда он стал Генеральным секретарем ЦК партии. Он выгодно отличался от предшественников, импонировала его энергия, его открытость, обаяние. Мне была по душе и его близость к Андропову. Но тут меня ждало первое и, как показала жизнь, не последнее разочарование. Больно было видеть, как с каждым месяцем падал авторитет Горбачева.

Свои чувства я позднее изложил в статье «Мистификация», опубликованной в газете «Правда» 22 марта 1991 г. «…Здесь уместен вопрос о конституционности власти (имеется в виду власть Союза — *Ф. Б.)*. Может ли быть в стране власть любого Совета, если он не признает Конституцию СССР, общесоюзных законов? Никто не отрицает суверенитетов, но ведь должны быть законы верховной власти. Без этого не будет державы».

Все так и случилось.

Моя первая попытка рассказать читателю о пути, который прошла наша система госбезопасности и я вместе с нею, подходит к завершению. Знаю, одни скажут: надо было еще рассказать о многом, другие выскажут совсем иную точку зрения на описанные события или усомнятся в чем-то, третьи вообще не согласятся со мной. Но, надеюсь, найдутся и такие, кто поймет автора и его замысел. Писать оказалось не легче, чем жить. Все прожитое проходило не только через память, но через душу и сердце, я не ставил задачу переоценки прошлого, отдельных событий и фактов. Что было, то было. Не меняю я и своих убеждений. Коммунистом стал в годы войны, партийный билет получил в окопе. Однако жизнь идет вперед, меняются и общество, и страна, и жить так, как мы жили прежде, уже нельзя. Давно назрели перемены, которые получили название перестройки.

Слово само по себе неплохое, ведь перестройка — это

кардинальное перестроение всех и каждого для новых дел и свершений. Разве думали мы тогда, что под этим революционным словом, не предполагавшим отмену социалистического выбора для страны, за этими призывами вернуться к Ленину таится совсем иной смысл? Могли ли мы думать, что во главе перестройки окажутся лицемеры?

Сегодня все это уже очевидно, и, естественно, спрашиваешь себя: «А что сделал ты в этой обстановке?»

Вопрос закономерный, ибо обращен он к одному из руководителей КГБ СССР и бывшему члену ЦК КПСС.

Так что можно было сделать? Предупредить об опасности? У меня была возможность подготовить официальную информацию о положении в стране, грозящей ей катастрофе, такая работа в КГБ СССР велась систематически. Упрекнуть себя в том, что утаил важную информации от руководства страны, не могу. Принципиальную позицию в этом вопросе занимал и последний Председатель КГБ, с которым я работал, — В. А. Крючков.

Мне приходилось не раз выступать и перед сотрудниками КГБ, и за пределами ведомства. Я не скрывал угрозы развала партии и распада государства, но вместе с тем ощущал и свое полное бессилие: предотвратить этот процесс было уже нельзя. Система не только подточена язвами, о которых я уже писал, но и постоянно подрывалась сознательно. Ныне это не секрет.

Корю себя за то, что ни разу не выступил на пленуме ЦК КПСС. Хотя понимаю, мое выступление не могло сыграть решающей роли, но морально мне было бы легче. Почему не выступил? Сложилась такая практика: если выступил Председатель КГБ, то остальным членам ЦК, работавшим в Комитете, просить слова после него было не принято. В ЦК был раз и навсегда установленный порядок: один от области, один от ведомства и т. д.

Партийная дисциплина… она многое в нашей жизни предопределяла. Хотя было уже видно, что партия утратила единство, все, как чумы, боялись раскола, и потому слово Генерального секретаря — закон.

Однако, если мое молчание на пленумах ЦК можно как-то оправдать, найти ему объяснение, то не могу простить себе, что не выступил на XIX партийной конференции, делегатом которой являлся. К тому времени положение в стране не только позволяло, но уже требовало нарушить сложившиеся традиции. А сказать было что. Правда, тогда мы еще объясняли многие акции наших лидеров их невольными просчетами.

XXVII съезд партии дал ответ на многие вопросы, была определена роль Октябрьской революции, дана оценка кровавому

периоду, который мы пережили при Сталине. Был как бы заложен фундамент ~ и политический, и экономический, — с которого предстояло начинать.

Необходимо было очистить социализм от чуждых наростов, чудовищно извративших саму его суть. К этому и призвал съезд, к этому были готовы и наши народы.

Что же получилось на самом деле? В политическом плане сделан виток назад. Немало сил было потрачено, чтобы решительно перечеркнуть наше прошлое, унизить страну, растоптать самое дорогое, добытое потом и кровью. Делалось это осознанно и с дальним прицелом.

Я далек от того, чтобы защищать все, чем жила страна до перестройки. Ее разъедали многие пороки, и, безусловно, об этом надо было говорить. Но практически едва ли не все государственные структуры и средства массовой информации занялись неистовыми «разоблачениями», бесконечно повторяя и смакуя на разные лады пороки прошлого, при этом немало добавляя и от себя. И вместе с тем преданы забвению многие животрепещущие жизненные проблемы, требующие безотлагательного решения.

Среди потока этих «разоблачений» было немало лжи, немало фальсификаций. Опустели театры и кинозалы, люди до глубокой ночи сидели у телевизоров, наблюдая за заседаниями Верховного Совета, ставшими для всех спектаклями куда более занимательными, чем театр. Мы не отрывались от газет, и стоило нам собраться, как разговор тут же переходил на политику.

Один за другим принимались планы экономического возрождения и так же легко рушились. Создавались все новые противоборствующие структуры и движения, ассоциации и партии, которые в борьбе за власть нередко прибегали к совершенно недостойным методам.

И на этом фоне продолжались утверждения, будто мы строим деидеологизированное государство. В расчете на простаков. Нет и не может быть такого государства! Любое из них проводит ту идеологию, ту политику, которую исповедуют люди, стоящие у власти. Капитализм — это тоже идеология.

При Горбачеве главным идеологом страны стал А. Н. Яковлев. У руля внешней политики оказался непревзойденный мастер конъюнктуры Э. А. Шеварднадзе.

Горбачев, Яковлев и Шеварднадзе возглавили перестройку. Не берусь судить, видели ли они перспективу, понимали ли, куда ведут страну, учитывали ли планы США, направленные на ликвидацию СССР, или это просто случайное совпадение, — но все действия новых лидеров государства в полной мере

соответствовали тому, к чему десятилетиями стремились американские спецслужбы.

Такого подарка, такой «манны небесной» Запад никак не ожидал. Во время бесконечных вояжей по всем странам мира Президента СССР наши недруги захлебывались в панегириках и громко аплодировали «курсу Горбачева» (иногда его называли «курсом Горбачева — Шеварднадзе»). Президенту присваивали почетные звания, объявляли «почетным гражданином» и «человеком года». Наконец, ему присудили Нобелевскую премию. Столь трогательное отношение к нашему лидеру, такие восторги по поводу высказываний человека, без конца провозглашавшего социалистический выбор, у нас почему-то никого не настораживали.

Ажиотаж в мировом масштабе вокруг имени «Горби» туманил головы многим даже здравомыслящим людям в нашей стране. Однако нашлись и такие, кто очень трезво оценил, какие выгоды сулит им «курс Горбачева». Конечно, я не мог предвидеть Беловежскую пущу, не мог знать, как именно, какими способами будут разрушать великую державу, но то, что судьба ее уже предрешена, сомнений не вызывало. И судя по тому, как настойчиво Б. Н. Ельцин на съезде добивался, чтобы решение о верховенстве республиканских законов над союзными вступило в силу сразу же после его принятия, можно было понять, кто будет играть не последнюю скрипку в будущем России. Он доказал Горбачеву свое превосходство.

В белорусском лесу был похоронен Советский Союз. Решившие его судьбу доложили об этом президенту США, а затем Горбачеву. И тот молча сложил с себя полномочия президента и Верховного Главнокомандующего вооруженными силами.

Знает ли человечество хоть один пример, чтобы так отдавали власть?

Так ли Горбачев был наивен, что не понимал, какой переворот в жизни страны происходит? Нет, подобная готовность отказаться от всех постов вовсе не результат наивности. С самого начала перестройки все делалось продуманно и неторопливо. Наши лидеры хорошо понимали: если сразу объявить свою конечную цель — заменить социалистический строй и распустить компартию, — нетрудно себе представить, какое это вызвало бы народное негодование.

Те, кто замышлял переворот-перестройку, учитывали это. Они решили, что прежде всего надо устранить компартию от власти, от руководства в центре и на местах и полностью скомпрометировать ее в глазах народа.

Сама идея принадлежала не им, такая задача была

обозначена как первостепенная в планах западных спецслужб по ликвидации нашего строя. Они даже указывали, каким способом можно этого достигнуть. Их методы постепенно становились и методами перестройки. Изо дня в день, из месяца в месяц стали обливать компартию грязью.

Однако пока партия существовала, она представляла немалую угрозу для новых правителей. Сейчас усиленно муссируется мнение, будто честный человек должен был вступать в партию, ибо без партийного билета не было возможности продвижения по службе. Верно, было и такое. Однако хорошо известно, сколько беспартийных занимали крупные посты во всех сферах народного хозяйства, науки и культуры.

Впрочем, не этим определялся авторитет партии. Даже после страшных 1937–1938 годов он оставался достаточно высоким, на всех фронтах Великой Отечественной войны солдаты и офицеры перед атакой заявляли: «Хочу идти в бой коммунистом». Шли не на военный парад, а, возможно, на смерть. Люди вступали в партию для того, чтобы продвинуться по службе? Нет, это было массовое патриотическое движение. Несмотря на огромные потери в войне, число коммунистов в армии не уменьшалось, а, наоборот, росло. Тысячи тружеников тыла влились в годы войны в ряды партии, хотя работали они и жили в невыносимо тяжелых условиях.

Можно было бы понять и найти какую-то логику в действиях наших правителей, если бы к власти пришли откровенные противники социалистического строя, убежденные антикоммунисты. Но ведь власть оказалась в руках тех, кто не одно десятилетие проклинал капитализм и превозносил социализм.

Сбылась давняя мечта буржуазии, о которой писала еще в 1919 году упоминавшаяся японская газета; «контроль над Россией» и ее «неразвитыми колониями» поставлен. Сегодня западные президенты постоянно диктуют нам условия: не примете нашей программы — не дадим денег. Сегодня нам диктуют западные банки: не будете действовать согласно нашим планам — не получите денег. И мы действуем по их указке, никуда не денешься, деньги жизненно необходимы.

А чтобы раздробленные куски великого государства не вздумали вновь объединиться, ибо жить врозь невыносимо трудно, их молниеносно признали и оптом приняли в ООН. Теперь за влияние на нас, ставших беззащитными и немощными, за наши богатства идет открытая борьба. Да, мы стали немощными, это каждый по себе чувствует, и беззащитными, ибо дробят и разваливают наши вооруженные силы, растаскивают,

распродают и разворовывают вооружение.

Западные эксперты, специалисты и консультанты проникли во все поры промышленности, сельского хозяйства, финансов — во все сферы и политики. Перед ними открываются все двери и все сейфы. Они изучают нашу жизнь и дают советы, как нам быть дальше. Но они жизни нашей не знают, и она им неинтересна, у этих дельцов ведь свои цели и задачи: они ведут борьбу за сферы влияния в богатейших районах страны, превращая их в свои сырьевые придатки.

И Япония тут же вспомнила о своих давних притязаниях: не уйдете с Курильских островов — не получите денег. Отдадим ли мы в конце концов наши, исконно русские Курилы, Россия ведь не Великобритания, которая бросила всю свою военную мощь, чтобы отстоять острова за десятки тысяч километров от своей собственной территории и отразить притязания на Фолкленды?

Я вовсе не хочу сказать, что в конце 80-х годов можно было уберечь страну от распада, а партию от раскола. Был ли этот процесс необратим? На это ответит история.

Трудно писать, но сегодня тот же процесс распада угрожает и Российской Федерации, а мне дорога Россия, пусть даже в том обрубленном виде, какой она стала после распада СССР.

Если написанное мною будет хотя бы в малой степени служить предупреждением новой беды, мне, как старому солдату, будет немного легче: шинель может оставаться висеть на вешалке.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА С ПРЕЗИДЕНТОМ

29 ЯНВАРЯ 1991 ГОДА я в последний раз пришел в свой рабочий кабинет. Улица Дзержинского (теперь Лубянка), дом 3, 4-й этаж. Из окна виден универ. маг «Детский мир». Через огромные витрины можно наблюдать, как толпы людей переходят с этажа на этаж, от прилавка к прилавку. Они что-то рассматривают, обсуждают, примеряют, покупают. Там идет своя жизнь. А моя жизнь была посвящена этим людям, я должен был обеспечить их покой. Обитателям нашей планеты не нужны войны — ни горячая, ни холодная, им нужен мир для созидания, и детям их должен быть гарантирован мирный завтрашний день.

Настала пора подвести итоги. «Холодной войны» нет, как утверждают лидеры страны. Но почему же нет покоя? Почему страна не ликует? Видимо, люди чувствуют, что мы потерпели поражение в результате действий наших лидеров. Великая страна пока еще существует, до распада остается еще почти год. Но она уже в конвульсиях, и народ ощущает эту агонию.

Я стою у окна и вспоминаю свой разговор с президентом СССР, состоявшийся в его кремлевском кабинете полчаса назад, — последний мой разговор в должности первого заместителя Председателя КГБ СССР. На президентском столе белеет только один лист бумаги. Это указ о моем освобождении от должности и переходе на работу в группу Генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Сейчас президент его подпишет.

За столом — трое: Горбачев, Крючков и я. Мы беседуем уже почти сорок минут. Я благодарю Горбачева за доверие, позволившее мне долгое время работать на высоких постах. Далеко не всегда я говорил то, что хотелось бы слышать членам Политбюро и правительству, старался не затушевывать подлинное положение дел. Вот и сейчас не могу уйти, не сказав о своих тревогах. Я не стал скрывать, что авторитет Горбачева в обществе заметно упал, что к нему стали относиться настороженно и демократы, и коммунисты. Надо что-то делать, надо внести ясность в ту линию, которую проводит руководство страны. Неуверенность центра может привести к большой крови. Я говорил о весьма конкретных вещах.

Горбачев внимательно слушал и, казалось, был признателен за откровенный разговор.

Я не предлагал никаких конкретных мер, лишь хотелось

высказать то, что наболело. Межнациональные конфликты уже весьма ощутимо давали о себе знать. Прибалтийские республики открыто не признавали центр и явочным порядком порывали с государством. Только что произошли события в Вильнюсе — нашему поколению вряд ли удастся до конца уяснить их смысл, в стране растет недовольство повышением цен, ростом преступности, наступлением коррупции.

Михаил Сергеевич почти не перебивал меня. Он выслушал все мои оценки событий в Фергане, Сумгаите, Тбилиси, Баку, в других «горячих точках», где мне довелось побывать, и заметил, обращаясь к Крючкову:

— Много мы его погоняли. — Потом обернулся ко мне; — Сколько же тебе пришлось пережить? Действительно здорово досталось!

Потом Горбачев поблагодарил меня за службу, сказал хорошие слова:

— Твоя честная жизнь не вызывает вопросов, тебя ничто не должно волновать. Но мы тебя не жалели, — повторил он, — куда только ни бросали.

Потом умолк и после недолгой паузы задумчиво сказал:

— Внуков жалко.

Я был потрясен. Значит, он думает о будущем и его предвидение совпадает с моим? Выходит, он знал, куда завел страну.

Беседа подошла к концу, мы встали. Я вышел из кабинета. В голове сумятица. По дороге в Комитет спросил у Крючкова:

— Как ты понял его последние слова?

Он пожал плечами. Потом произнес только одно слово:

— Поражен!

Мы поднялись в его кабинет, обменялись ничего не значащими фразами. Крючков пригласил меня в комнату для отдыха, налил по глотку водки и сказал:

— Выпьем за внуков.

Сорок пять лет остались позади. Впереди размышления, думы, оценки прошлого, итоги нескольких десятилетий изнурительного труда, и вот они подведены: жалко внуков…

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

ТРУДНО НАЙТИ ИНЫЕ СЛОВА для начала любой публикации на тему о жизни нашего общества. Так мне показалось. Посему и пишу, как многие: страна переживает тяжелое время. Общество не может опомниться от недавних потрясений. Людей не покидает мысль об их неизбежности в будущем, и вопрос о завтрашнем дне — далеко не праздный.

Ответ на него сегодня чаще всего связан с идеями о возрождении России, программы самых разных партий, блоков и объединений провозглашают эту идею. Они оправданно видят в ней путь к сплочению общественных сил, озабоченных поисками выхода из кризиса.

Никто не смеет оспаривать благородства этой идеи, тем более опровергать ее. Но ответить на вопрос, о какой России идет речь, представляется закономерным. Нетрудно видеть, что в понятие России вкладывается не единый смысл. Его содержание зависит от того, кто выдвигает сам лозунг возрождения. И это объяснимо, так как проблема в том, что Россия ассоциируется с двумя временными периодами: с Российской империей и Союзом Советских Социалистических Республик. Февраль не успел закрепить себя в государственном наименовании.

Если это так, то и, казалось бы, общее течение к возрождению России неизбежно раздваивается на два русла. И весьма сомнительно, что они могут слиться в единое. И дело не только в общественно-политическом строе, в экономической структуре до- и послеоктябрьской России. Просто и той и другой России как государства сегодня не существует.

И кризис, переживаемый сегодня, — не кризис государственности, не кризис экономический. Это кризис разрушенного государства, потерявшего не только свой строй и экономический уклад (так было в октябре 1917 года), но и свою территориальную целостность. На территории СССР образовалось пятнадцать признанных мировым сообществом государств.

Сомнительно, что идея возрождения России для четырнадцати из них может стать путеводной звездой. Для России же, если иметь в виду Российскую Федерацию, сохранившуюся после СССР, первейшей задачей становится скорее не возрождение, а строительство нового государства. Идея создания нового государства, его экономической основы, возможно, помогла бы найти выход из тупика, сплотить разнополярные силы общества. Сплотить, чтобы созидать, сплотить, чтобы не разрушить оставшегося.

Если допустить жизненность подобной перспективы, то неизбежно дать право на жизнь и концепции создания и развития нового Российского государства. Возрождение войдет в нее кровной составной частью.

Понятие концепции о строительстве нового государства потребует уточнения взгляда на переходный период. Не лучше ли, рассуждая о начальном периоде жизни нового государства, определить ориентиры решения этой, безусловно, исторической задачи. Они должны, по всей вероятности, предусматривать государственную, политическую и социальную структуру нового государственного образования, корректирования законов, совершенствующих исполнение действующего Основного Закона Российской Федерации.

Разработка концептуальных основ и программы строительства нового государства невозможна без привлечения всех здравомыслящих сил общества, их сплочения на новой основе. На основе лозунга «Мы — за новую Россию!».

В создавшихся условиях необходимость сплочения вызывается и тем, что обстоятельства вынуждают нас строить государство в расчете на собственные силы. Это важно, если исходить из того, что оно создается, по существу, на новой территории, точнее, в рамках новых территориальных границ. У государства обрублены экономические связи, подорвана система власти. Более того, государство рождается при наличии огромной, искусственно созданной диаспоры, рассчитывающей и имеющей право жить в своем государстве. Диаспора законно требует права на переселение с родных земель на родную чужбину. Не об этом ли великом переселении народов предрекает Библия?

Однако о другом. Можно ли рассчитывать на восприятие такого рода концепции? Хочется надеяться.

Если же попробовать объединить то, что есть ныне в различных программах, прежде всего в главном — в сфере экономики, то надежда обретает реальность.

Ради решения' задачи строительства нового государства компромиссы возможны. Будем говорить пока об экономике. Она ведь определяет надстройку.

Компромиссы не могут не быть найдены в подходах к развитию контролируемых рыночных отношений внутри страны, опирающихся на внутренние сырьевые и производственные возможности, к государственному регулированию базовых отраслей экономики, в обеспечении неприкосновенности различных форм собственности.

Вряд ли вызовет сомнение необходимость поощрения

отечественных коммерческих, предпринимательских и финансовых структур, работающих на производящий отечественный сектор экономики и особенно инвестирующих развитие передовых отечественных технологий. Близок к этому протекционизм, укрепление кредитно-банковской системы, контроль за внешней торговлей, а также привлечение иностранных инвесторов для внедрения новейших отечественных технологий, отдавая преимущество не сырьевой, а производящей сфере.

Неизбежны изменения в налоговой политике в пользу производителя, отечественного банкира и предпринимателя, и прежде всего налогоплательщика.

При строгом подходе не останутся в стороне и такие назревшие проблемы, как сокращение и последовательный отказ от импорта сельскохозяйственной продукции (прежде всего зерна), передача средств на развитие отечественной зерновой, животноводческой, овощной, садоводческой базы и переработки ее продукции.

Это лишь мысли. Программа должна касаться и отечественной культуры, и охраны здоровья, и привлечения сил молодежи к осуществлению лозунга «Мы строим новую Россию!».

Наверное, многое из написанного действительно только мысли, которым автор позволил лечь на бумагу. Они претендуют лишь на прочтение.

Но вернемся к идее возрождения России. Для немалого числа людей Россия видится как бывший Советский Союз, не только сохранивший территориальную целостность бывшей Российской империи, но и расширивший его пространства. О территории говорится потому, что величие государства определяется и его территорией, тем паче исторически сложившейся.

Отсюда идеи восстановления СССР, создания Содружества Независимых Государств, а вот уже и Евроазиатского сообщества. Заманчиво, желательно и, казалось бы, осуществимо. Вот лишь…

Ностальгия живет в людях. Ностальгические чувства по СССР только пробуждаются. Желанием вернуть себя в великую державу, быть ее гражданином живет большинство населения.

Думается, что ностальгия сродни миражу, равно как и надежда. Хорошо бы надежда не превратилась в мираж. Ей ведь необязательно умирать даже последней.

Сегодня возрождение СССР встречает сопротивление двух (по меньшей мере) достаточно весомых сил.

Во-первых. Лидеры националистических группировок и их сторонники в бывших союзных республиках. Для них приход к власти по существу с неба свалился. Они жили этой мечтой. Но

вряд ли верили в ее осуществимость. Как ни странно, но немалую поддержку они нашли в лице бывших руководителей коммунистических партий тех же республик, а также у выходцев из партийного аппарата с сомнительными марксистскими убеждениями. Их сближение с вчерашними противниками (не хочу верить, что идеи национализма скрывались на протяжении многих лет партийной карьеры) объяснимо. В лице националистов они получили опору неустранения от власти. Суверенизация, а с ней и сохранение власти, была ускорена стремлением обеспечить независимость прежде всего от Ельцина. Еще свежи были в памяти шаги самого Ельцина (суверенизация России), вырывавшегося из-под власти Горбачева. И в том и в другом случае успех был обеспечен.

Не станем говорить, сколь возрадовался суверенному государству народ, их населяющий, но лидеры и тех и других сил были удовлетворены. Ценой развала великой державы они остались у власти. Доставшийся пирог стали делить несколько позже.

Избрав этот же путь и вкусив славу руководителей независимых государств, обольщенные приемом в Белом доме и других респектабельных гостиных, они без труда уверовали в свою историческую предназначенность и в то, что олицетворяют собой подлинную «независимость» еще не существующих на карте мира государств. Ныне они, по сути, стоят во главе процессов удаления от России, видя в ней в лучшем случае «дойную корову» для своей экономики.

Не грех вспомнить, что выход из Советского Союза Латвии, Литвы и Эстонии на первых порах камуфлировался требованием экономических свобод для этих союзных республик, их хозяйственной самостоятельности. На следующем этапе раскола Союза и образования суверенных государств обвинение в ограблении Россией союзных республик стало козырной картой сепаратистов и националистов. Они убеждали народ, будто Российская Федерация никак и ничем не компенсировала вывозимое из республик.

Сегодня иные песни. Но слушать их стоит внимательно, различая фальшивые ноты и голоса.

Чего стоит, к примеру, иначе не скажешь, как возня, вокруг русскоязычного населения. Сближение с Россией, о чем говорят сторонники СНГ, Евразии и других блоков и объединений, никак не вяжется с подавлением прав и свобод граждан Российской Федерации. К слову сказать, пора бы уточнить понятие «русскоязычное население». Возникшее на митингах словосочетание никак не может претендовать на определение

принадлежности к национальной группе и тем более к государству. Почему Россия, как государство, защищает права «русскоязычного», а не гражданина Российской Федерации? Ведь гражданином РФ может быть и казах, живущий в Казахстане, равно как и эстонец в Эстонии,

Во-вторых. Процессу укрепления Содружества Независимых Государств и тем более восстановлению СССР противостоят Соединенные Штаты Америки, которым нет нужды возрождать великую державу, к погребению которой они стремились все годы после Великой Октябрьской социалистической революции.

Такая позиция нашла свое выражение в дипломатических усилиях США в установлении связи с государствами, образовавшимися после СССР, в поощрении их дистанцирования от Российской Федерации. Вспомним стремительный облет государственным секретарем США Бейкером столиц вновь возникших государств, их быстрое признание и поспешный прием в члены Организации Объединенных Наций. Последовавшие за этим шаги американской администрации также не свидетельствуют о поощрении ими тенденции к содружеству между бывшими республиками СССР.

Такого рода действия и дипломатические маневры дают основание предположить, что они имеют цель не только закрепить разобщение бывшего Советского Союза, но и усилить изоляцию Российской Федерации. Изоляцию политическую, дипломатическую и экономическую. Конечно, при этом не исключается дозированный выход России на международную арену в каждой из названных сфер. Но совершенно очевидно, что Россия обязана готовить себя к жизни в условиях изоляции, огражденной от мира новым «санитарным кордоном». Из нее будут выкачивать сырье, умы и, при необходимости, вооруженную силу для выполнения «миротворческих» (то бишь полицейских) функций.

Хочешь не хочешь, а выживать надо и, судя по всему, при отсутствии надежных союзников. Отсюда вновь к тому же — к строительству своего государства без расчета на помощь извне. У нас достаточно сырья, интеллекта и гордости. Гражданам Российской Федерации нельзя впадать в пессимизм, в апатию. Надо сплачивать общественный потенциал оптимизма. И новая Россия, впитав в себя свое доброе и горькое прошлое, непременно будет.

Кто захочет быть с новой Россией, с новым государством, тот к ней придет. Но прийти должен с открытой душой, а не с переименованными (и тем самым поруганными) названиями исконно русских селений и городов, жители которых потом и

кровью срослись с коренным населением.

Такой подход ознаменует начало образования нового, обновленного государственного объединения, возможно. Союза. Ради строительства новой России стоит отдать сплоченные силы.

Филипп Денисович Бобков прослужил в органах госбезопасности 45 лет – с 1946 по 1991 год. Прошел путь от рядового разведчика до генерала армии, первого заместителя Председателя КГБ СССР.

Ныне, когда рушатся прежние идеалы, а новые весьма туманны и разбита на куски великая держава, людей охватывает тревога. Они хотят знать правду.

Сорок пять лет работы в органах госбезопасности позволяли видеть, как мы теряли партию, как дошли до междоусобных войн, как распался Советский Союз. Книга «КГБ и власть» об этом.

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭКСМО»

ISBN 5-699-03011-5

9 785699 030118 >